

В О И Ш А

1877 и 1878 гг

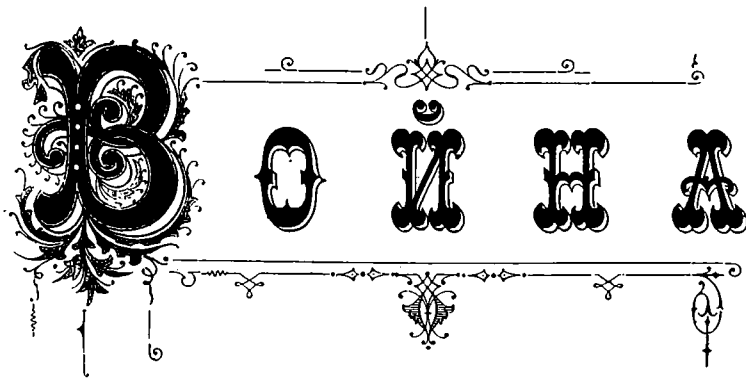
Выпускъ II^я

Изданіе редакціи
„Досугъ и Дѣло“.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія Министерства Путей Сообщенія (А. Бенке), Фонтанка, 99.

1879.

1877 и 1878 гг.

Выпускъ второй.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
1879.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 12 Іюля 1879 года.

Типографія Министерства Путей Сообщенія (А.Бенке), по Фонтанкѣ № 99.

ВЗЯТІЕ НИКОПОЛЯ

И

ЗАБАЛКАНСКІЙ НАБѢГЪ.

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

1. Приступивъ къ изданію «Война 1877 и 1878 годовъ», редакція журнала «Досугъ и Дѣло» предполагала окончить его гораздо скорѣе, нежели это оказалось возможнымъ на дѣлѣ. Причина заключается въ томъ, что изъ заготовленныхъ еще въ началѣ года трехъ выпусковъ оказалось возможнымъ напечатать безъ измѣненія одинъ только первый выпускъ. Все же остальное потребовало не только капитальной передѣлки, но составленія совершенно вновь. Въ теченіи нынѣшняго года появилось такъ много записокъ и описаній очевидцевъ войны, принимавшихъ въ ней непосредственное участіе, что не воспользоваться ими — было-бы непростительною небрежностью. Желая сдѣлать описаніе наше по возможности полнымъ, мы предпочли лучшее продолжить срокъ окончанія изданія, нежели упустить то, что должно составлять достоинство описанія, т. е. полноту и разнообразіе. Во всякомъ случаѣ подписчики отъ замедленія выиграютъ, а не проиграютъ.

2. Чтобы облегчить чтеніе, редакція, независимо отъ того, что уже вначалѣ приложила карту Турціи, при настоящемъ выпускѣ даетъ карту театра войны въ Болгаріи.

3. Подписка продолжается, и всѣ подписчики, вновь выписывающіе сочиненіе, получаютъ вмѣстѣ съ тѣмъ и портретъ Государя Императора въ походной формѣ въ Зимницѣ, какъ даровую премію, платя только за пересылку, какъ было сказано въ объявленіи, приложенномъ къ 1-му выпуску.

4. Портретъ можетъ быть пріобрѣтаемъ въ какомъ угодно числѣ экземпляровъ, за 1 р. 50 к. съ пересылкою, независимо отъ самого сочиненія.

5. На запросы многихъ частей, не подписывающихся на «Досугъ и Дѣло» и требующихъ «Война 1877 и 1878 гг.», редакція имѣетъ честь увѣдомить, что 33% уступки дѣлается только для постоянныхъ подписчиковъ на «Досугъ и Дѣло» и притомъ для выписывающихъ журналъ въ каждую роту. Такимъ образомъ пѣхотные полки и батальоны, выписывающіе «Досугъ и Дѣло» для каждой изъ своихъ ротъ, могутъ получать «Война 1877 и 1878 гг.» за 4 р. съ пересылкою въ неограниченномъ числѣ экземпляровъ; выписывающіе не во всѣ роты — только по числу выписываемыхъ экземпляровъ «Досугъ и Дѣло». Наконецъ вовсе не выписывающіе «Досугъ и Дѣло», платятъ съ пересылкою по 6 р. за экземпляръ. Посему редакція покорнѣйше проситъ всѣ полки и батальоны, выписавшіе изданіе «Война 1877 и 1878 гг.» въ большемъ числѣ экземпляровъ нежели «Досугъ и Дѣло», а также и вовсе не выписывающіе «Досугъ и Дѣло», дослать деньги по расчету. Выписавшіе же «Досугъ и Дѣло» для каждой роты, изданіе «Война» могутъ получать за 4 рубля, какъ сказано выше, въ неограниченномъ числѣ экземпляровъ.

6. Подписка на «Досугъ и Дѣло» на 1879 годъ продолжается.

7. Подписка на 1880 годъ начнется съ августа мѣсяца. Такъ-какъ разсылка перваго выпуска «Досугъ и Дѣло» всегда сопряжена съ замедленіемъ вслѣдствіе необходимости заготовить адреса и сдать ихъ на почту, то редакція проситъ желающихъ выписать журналъ на будущій годъ, распорядиться этимъ въ концѣ настоящаго года, начиная съ августа.

8. На заявляемыя претензіи о неполученіи вовсе выпусковъ какъ журнала «Досугъ и Дѣло»,

такъ и «Война 1877 и 1878 гг.», или о не своевременномъ доставленіи ихъ, редація вмѣетъ честь увѣдомить, что она сдаетъ экземпляры на почту не позже десяти дней по полученіи требованія, а затѣмъ уже всякая неисправность лежитъ на почтовомъ вѣдомствѣ, а не на редакціи. Для ускоренія же удовлетворенія претензіи, вмѣстѣ съ претензіею, по почтовымъ правиламъ, должно быть доставляемо въ редакцію и удостовѣреніе того почтоваго мѣста, откуда получаютъ книги, что дѣйствительно тотъ или другой № не полученъ. Тогда редація тотчасъ же удовлетворитъ подписчика.

Распределеніе выписываемыхъ экземпляровъ «Война 1877 и 1878 гг.» между различными воинскими частями по 1-е іюня.

1. Изъ 12 пѣхотныхъ полковъ гвардейскаго корпуса выписываютъ 9 полковъ 100 экземпляровъ, т. е. 8 экземпляровъ на полкъ.

2. Изъ 4 гвардейскихъ стрѣлковыхъ батальоновъ выписываютъ 2 батальона 9 экземпляровъ, т. е. 2 экземпляра на батальонъ.

3. Изъ 11 гвардейскихъ кавалерійскихъ полковъ выписываютъ 8 полковъ въ числѣ 37 экземпляровъ, т. е. 3 экземпляра на полкъ.

4. Изъ 24 гвардейскихъ и гренадерскихъ батарей гвардейскаго корпуса выписываютъ 12 батарей 12 экземпляровъ, т. е. по 1 экземпляру на 2 батареи.

5. Изъ 180 гренадерскихъ и пѣхотныхъ полковъ 88 полковъ выписываютъ отъ 1 до 17 экземпляровъ въ полкъ и 92 полка не выписываютъ ни одного экземпляра. Всего же полки эти выписываютъ 1,155 экземпляровъ, что составляетъ въ среднемъ 6 экземпляровъ на полкъ.

6. Изъ 28 стрѣлковыхъ батальоновъ выпи-

сываютъ 9 батальоновъ 36 экземпляровъ, что составитъ 1 экземпляръ на батальонъ.

7. Изъ 36 линейныхъ батальоновъ 8 батальоновъ выписываютъ 48 экземпляровъ, т. е. немного болѣе чѣмъ по 1 экземпляру на батальонъ.

8. Изъ 96 резервныхъ батальоновъ 53 выписываютъ 256 экземпляровъ, т. е. немного болѣе двухъ экземпляровъ на батальонъ.

9. Изъ 18 мѣстныхъ батальоновъ 2 батальона выписываютъ 11 экземпляровъ, т. е. менѣе одного экземпляра на батальонъ.

10. Изъ 648 мѣстныхъ командъ 357 выписываютъ 494 экземпляра, т. е. немного болѣе $\frac{1}{2}$ экземпляра на каждую команду; 291 команда не выписываетъ вовсе.

11. Изъ 61 конвойной команды 4 команды выписываютъ 5 экземпляровъ.

12. Изъ 18 армейскихъ кавалерійскихъ дивизій, т. е. изъ 72 полковъ вмѣстѣ съ ихъ запасными эскадронами, 29 полковъ выписываютъ 138 экземпляровъ, т. е. около 2 экземпляровъ на полкъ.

13. Изъ 270 пѣшихъ батарей 90 батарей выписываютъ 90 экземпляровъ, т. е. на 3 батареи 1 экземпляръ.

14. Изъ 36 резервныхъ пѣшихъ батарей 5 батарей выписываютъ 7 экземпляровъ, т. е. на 5 батарей 1 экземпляръ.

15. Изъ 21 конной батареи 4 батареи выписываютъ по 1 экземпляру; остальные 17 не выписываютъ.

16. Изъ 21 части крѣпостной артиллеріи выписываютъ 5 въ числѣ 14 экземпляровъ.

Въ слѣдующемъ выпускѣ будетъ приложенъ полный перечень по полкамъ, батареямъ и командамъ, съ обозначеніемъ числа выписываемыхъ ими экземпляровъ, а также сводка по пѣхотнымъ и кавалерійскимъ дивизіямъ.

III.

НИКОПОЛЬ.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

Важность и значеніе Никополя.—Необходимость взятія этой крѣпости.—Силы 9-го корпуса и Навазской казачьей бригады.— Движеніе 9-го корпуса къ Никополю.—Первыя дѣйствія.

Въ войну съ турками, русская армія, пройдя почти всю Европейскую Турцію и достигнувъ самыхъ восточныхъ Константинополя, миновала почти всѣ турецкія крѣпости, оставивъ ихъ совершенно въ покоѣ, какъ бы ихъ вовсе не существовало... Рушукъ, Силистрія, Шумла, Варна и Виддинъ до самаго конца войны не испытали ни приступовъ, ни осады, ни обложенія, ни другихъ рѣшительныхъ дѣйствій съ нашей стороны, хотя нѣкоторыя изъ этихъ крѣпостей стояли на пути нашихъ войскъ къ Константинополю. Всѣ кровопролитныя битвы, рѣшавшія участь кампаніи, и даже мелкія стычки происходили, можно сказать, на случайныхъ пунктахъ, вдали отъ крѣпостныхъ стѣнъ, такъ что турецкія крѣпости, поглотившія въ мирное время не мало турецкой казны на свое устройство и вооруженіе, простояли въ теченіе всей кампаніи почти безъ пользы для обороны турокъ. Только крѣпости, расположенныя по правому берегу Дуная, обращали на себя изрѣдка огонь нашихъ осадныхъ и дальнобойныхъ батарей, сооруженныхъ на румынскомъ берегу. Особенно много приняла на себя этихъ гранатъ и бомбъ крѣпость Никополь, подвергавшаяся частой и ожесточенной бомбардировкѣ съ румынскаго берега и сильно поврежденная еще до нашего перехода черезъ Дунай. Эта же крѣпость была единственною изъ всѣхъ крѣпостей въ Европейской Турціи, которая была впоследствии взята нами съ боя, хотя

и здѣсь дѣло не дошло до штурма собственно крѣпостныхъ стѣнъ.

Тѣмъ не менѣе, взятіе Никополя, какъ единственное серьезное дѣло противъ крѣпости на европейскомъ театрѣ войны въ прошлую кампанію, заслуживаетъ особаго вниманія. Во время оборонительныхъ войнъ, какою была для турокъ прошлая кампанія, крѣпости играютъ, обыкновенно, первостепенную роль. На устройство и вооруженіе ихъ обороняющіеся затрачиваютъ милліоны денегъ; онѣ воздвигаютъ ихъ на самыхъ важныхъ стратегическихъ пунктахъ, сосредоточиваютъ вокругъ нихъ главныя силы и всю свою надежду возлагаетъ на прочность и сопротивленіе этихъ твердынь. Поэтому дѣла подъ крѣпостями очень часто затягиваются на долгое время, и овладѣніе ими стоитъ иногда тысячей жертвъ; отъ взятія той или другой крѣпости зависитъ нерѣдко участь всей кампаніи. Въ виду всего сказаннаго, искусство, съ которымъ русская армія благополучно миновала въ прошлую кампанію почти всѣ турецкія крѣпости въ Европейской Турціи, становится особенно замѣчательнымъ. По тому же самому, взятіе съ боя единственной крѣпости на Дунаѣ—Никополя—заслуживаетъ серьезнаго вниманія, тѣмъ болѣе, что овладѣніе крѣпостью, при современномъ усовершенствованіи огнестрѣльнаго оружія, требуетъ въ наше время или очень продолжительнаго времени, или необычнаго военнаго искус-

ства, или же еще болѣе необычайнаго мужества и храбрости со стороны наступающихъ войскъ.

Взятіе Никополя представлялось дѣломъ весьма труднымъ потому еще, что турки заранѣе сосредоточивали свое вниманіе исключительно на крѣпостяхъ своихъ; даже такими грозными естественными преградами, какъ рѣка Дунай и Балканскія горы, турки почти не воспользовались, прячась, главнымъ образомъ, въ крѣпостяхъ своихъ, въ томъ числѣ и въ Никополь...

Почему русскіе, изъ всѣхъ турецкихъ крѣпостей, сочли нужнымъ дѣйствовать рѣшительно противъ одного лишь Никополя, тогда какъ по отношенію другихъ крѣпостей ограничились только выставленіемъ заслоновъ изъ отрядовъ Наслѣдника Цесаревича и генерала Циммермана,—этого пока нельзя объяснить съ положительностью. Можетъ быть, вначалѣ существовало намѣреніе овладѣть и нѣкоторыми другими крѣпостями, но неожиданныя затрудненія, встрѣченныя подѣ Плевной, должны были измѣнить это первоначальное намѣреніе; крѣпость же Никополь успѣли взять вскорѣ послѣ перехода нашего черезъ Дунай, еще въ то время, когда о „Плевнѣ“ и помину не было и когда „передовой отрядъ“ генерала Гурко, не встрѣчая преградъ, перевалилъ уже за Балканы и побѣдоносно расчищалъ долину Тунджи отъ турецкихъ отрядовъ...

Во всякомъ случаѣ, взятіе Никополя, не въ примѣръ другимъ турецкимъ крѣпостямъ, было необходимо. Никополь слишкомъ близко былъ расположенъ къ единственной нашей переправѣ на Дунай у Систова. Имѣть въ сосѣдствѣ съ столь важнымъ для насъ пунктомъ, какъ переправа черезъ рѣку, грозную непріятельскую крѣпость съ сильнымъ гарнизономъ было крайне опасно; потому-то противъ Никополя и свирѣпствовали наши батареи еще до перехода нашего черезъ Дунай, какъ только рѣшена была переправа у Зимницы. Съ выступленіемъ же передоваго отряда въ глубь Болгаріи, овладѣніе Никополемъ сдѣлалось уже положительно необходимымъ дѣломъ, такъ какъ по другую сторону Систова, хотя и не въ столь близкомъ разстояніи отъ него, стоитъ другая крѣпость—Руцукъ, а имѣть въ тылу у себя, съ праваго и лѣваго фланговъ, по сильной крѣпости—было въ высшей степени рискованно и опасно. По крайней мѣрѣ, одну изъ этихъ крѣпостей нужно было уничтожить. Вы-

боръ естественно палъ на Никополь, такъ какъ Руцукъ гораздо сильнѣе этой крѣпости, и притомъ же, взявши Руцукъ, пришлось бы брать и сосѣдную съ нимъ крѣпость Шумлу, тогда какъ Никополь стоялъ почти одиноко на нашемъ правомъ флангѣ. Даже если бы роковая Плевна, съ ея грозной арміей Османа-паши, выросла по сосѣдству съ Никополемъ раньше взятія этой крѣпости, то овладѣніе послѣднею и тогда было бы настоятельно необходимою, такъ какъ Никополь могъ сильно угрожать правому флангу дѣйствующей противъ Плевны арміи, все равно какъ пришлось намъ впослѣдствіи взять городъ Ловчу, чтобы обезопасить лѣвый флангъ той же арміи. А крѣпость Никополь была бы несравненно опаснѣе города Ловчи.

Такимъ образомъ, рано или поздно, мы должны были непременно овладѣть Никополемъ, и хорошо, что это случилось раньше появленія Османа-паши въ Плевнѣ: иначе затрудненія для насъ на нашемъ правомъ флангѣ могли бы удесятиряться...

Задача овладѣть Никополемъ была возложена на 9-й корпусъ генерала Криденера, которому было поручено вообще охранять нашъ правый флангъ на всемъ болгарскомъ театрѣ войны, отъ крѣпости Никополя до г. Ловчи включительно. Въ виду этого, 9-му корпусу представлялось на первыхъ же порахъ два образа дѣйствій: обложить и взять прежде крѣпость Никополь, или же двинуться впередъ на Плевну.

Колебаніе на этотъ счетъ также не могло быть продолжительнымъ. Правда, скорѣйшее занятіе Плевны было въ высшей степени желательно, для обезпеченія безостановочнаго движенія впередъ передоваго отряда и центра нашей арміи; но обратиться прямо на Плевну мы могли только съ значительными силами, которыхъ у насъ не было, ибо въ этомъ случаѣ все-таки пришлось бы отдѣлить нѣкоторую часть для наблюденія за крѣпостью Никополемъ, въ которой находилось отъ 12 до 15 тысячъ низама.

Нужно замѣтить, что крѣпость Никополь хотя не первоклассная, тѣмъ не менѣе представляла цитадель на командующей и господствующей надъ Дунаемъ высотѣ и всю мѣстность вокругъ, на шестиверстномъ разстояніи, сильно укрѣпленную. Сверхъ того, было извѣстно, что за Никополемъ, въ Виддинѣ, находятся до 50,000 подѣ начальствомъ Османа-паши, а въ Раховѣ до 1,600 человекъ, и что Хассанъ-паша,

командовавший гарнизономъ Никополя, ждалъ изъ этихъ двухъ крѣпостей подбѣленій. Опираясь на нихъ, небольшія части турецкаго войска изъ Никополя могли бы во всякое время отрѣзать насъ отъ Дуная, грозить нашей переправѣ, затруднять продовольствіе и, въ то же время, совершенно отрѣзать отъ насъ румынскую армію. Одновременное же наступленіе на Плевну и Никополь было немислимо для насъ по недостатку силъ: корпусъ генерала Криденера не имѣлъ въ строю болѣе 19,000 штыковъ...

Изъ этого понятно, что взятіе Никополя и потомъ немедленное, быстрое занятіе Плевны представлялось наилучшимъ стратегическомъ дѣломъ. Въ этомъ случаѣ, пріобрѣтеніе Никополя получало особенную цѣнность: оно давало нашему флангу важный пунктъ и обезпечивало нашъ тылъ, а потому взятіе Никополя представлялось только вопросомъ времени...

Войскамъ 9-го корпуса, на которыхъ была возложена обязанность овладѣть Никополемъ, крѣпость эта была уже знакома, отчасти. Войска эти, еще до переправы черезъ Дунай, были расположены на румынскомъ берегу Дуная, у Турну-Магурелли, гдѣ съ большимъ искусствомъ дѣйствовали противъ Никополя, чтобъ задержать здѣсь турокъ при переправѣ 14-й дивизіи у Зимницы. Десятифунтовыми батареями 9-го корпуса, вмѣстѣ съ турну-магурельскими осадными и мортирными батареями, принимали также дѣятельное участіе въ бомбардировкѣ этой крѣпости, защищая проводку плотовъ мимо Никополя къ систовскому мосту и прикрывая нашихъ моряковъ при закладкѣ минъ выше Зимницы. Какъ извѣстно, въ то время Никополь уже сильно пострадалъ: часть города (прибрежная) была выжжена, нѣкоторыя изъ береговыхъ укрѣпленій разрушены, а зерновые запасы хлѣба сожжены.

Такимъ образомъ, 9-й корпусъ простоялъ у Турну-Магурелли до полученія приказанія переправиться черезъ Дунай по систовскому мосту и двинуться отсюда противъ крѣпости Никополя, оставивъ вмѣсто себя у турну-магурельскихъ батарей румынскія войска. Вначалѣ переправа черезъ Дунай 9-го корпуса предполагалась на 23-е іюня, но потомъ, въ виду многочисленности войскъ, переправлявшихся въ то время по единственному систовскому мосту*), при-

шло задержать весь 9-й корпусъ на нѣсколько сутокъ на румынскомъ берегу. Наконецъ, 25-го іюня, передовыя части 9-го корпуса, имѣя въ авангардѣ Бугскій уланскій и донской 9-й казачій полки, начали переправляться черезъ Дунай по систовскому мосту; другія его части (полки: Пензенскій и Томскій) были въ то же время на пути изъ Турна и Слатины къ Зимницѣ.

Здѣсь не лишне будетъ замѣтить, что 9-й корпусъ, состоявшій, какъ уже было упомянуто выше, правый флангъ всей нашей дѣйствующей арміи и предназначенный для взятія Никополя и другихъ важныхъ самостоятельныхъ операцій въ западной Болгаріи, — былъ, между тѣмъ, далеко не въ полномъ своемъ составѣ. Корпусъ этотъ заключалъ въ себѣ слѣдующія разрозненныя части:

Пѣхота: 31-я пѣхотная дивизія генераль-лейтенанта Вельяминова, состоявшая, за выбытіемъ тотчасъ по переправѣ черезъ Дунай 120-го Воронежскаго пѣхотнаго полка, оставленнаго въ Систовѣ для защиты переправы, — только изъ трехъ пѣхотныхъ полковъ: 121-го Пензенскаго, 122-го Тамбовскаго и 123-го Козловскаго полковъ.

5-я пѣхотная дивизія генераль-лейтенанта Шильдера-Шульднера, составленная изъ 17-го Архангелогородскаго, 18-го Вологодскаго, 19-го Костромскаго и 20-го Галицкаго пѣхотныхъ полковъ, изъ которыхъ вскорѣ, какъ мы увидимъ ниже, былъ также выдѣленъ 19-й Костромской полкъ къ сторонѣ Плевны, для прикрытія лѣваго фланга корпуса, во все время движенія его на Никополь.

Артиллерія 9-го корпуса, состоявшая подъ начальствомъ генераль-маіора Калачева, была также далеко не въ полномъ ея составѣ, такъ какъ одна изъ батарей ея (3-я батарея 5-й артиллерійской бригады) была оставлена въ Систовѣ при Воронежскомъ полку, другая (5-я батарея 31-й артиллерійской бригады) была присоединена вскорѣ къ Костромскому полку, выдвинутому къ сторонѣ Плевны, и, наконецъ, третья (16-я конная батарея) была присоединена къ артиллеріи передоваго отряда генерала Гурко.

Отъ кавалеріи 9-го корпуса было отнято также цѣлыхъ два полка — 9-й Казанскій драгунскій и 9-й

*) Въ это время переправлялись черезъ Дунай передовой отрядъ генерала Гурко и рушукскій отрядъ На-

слѣдника Цесаревича, а также паркы и обозы прежде переправившихся на тотъ берегъ частей 8-го корпуса и 35-й пѣхотной дивизіи.

Кіевскій гусарскій (2-я бригада 9-й кавалерійской дивизіи), включенные въ составъ передоваго отряда генерала Гурко. Собственно въ 9-й кавалерійской дивизіи, бывшей подъ начальствомъ генераль-маіора Лощкарева и входившей въ составъ 9-го корпуса, остались только два полка: 9-й Бутскій уланскій и донской 9-й казачій полки (1-я бригада 9-й кавалерійской дивизіи), съ донскою № 2-го батарею. Сюда нужно причислить и 1-ю сотню 34-го донскаго казачьяго полка, данную также въ распоряженіе командира 9-го корпуса.

Такимъ образомъ, 9-й корпусъ состоялъ, въ концѣ концовъ, всего изъ шести пѣхотныхъ полковъ, восьми эскадроновъ, одной сотни и 86 орудій (пять батарей 5-й артиллерійской бригады, пять—31-й артиллерійской бригады и донская № 2-го батарея).

Между тѣмъ, задача 9-го корпуса, составлявшаго вполнѣ самостоятельный отрядъ, была не легка: отряду этому предстояло на первыхъ же порахъ не только взять съ боя довольно сильную крѣпость, но еще предварительно обезопасить себѣ весь длинный путь къ ней отъ Систова*), со стороны рѣкъ Осмы и Вида. Дѣло въ томъ, что переправившіеся черезъ Дунай почти одновременно съ 9-мъ корпусомъ передовой отрядъ генерала Гурко и рущукскій отрядъ Наслѣдника Цесаревича двинулись: первый — на Трново, а второй—на Янтру; вся же мѣстность къ сторонѣ рѣки Осмы и Вида, примыкавшая къ лѣвому флангу и отчасти къ тылу двинувшагося на Никополь 9-го корпуса, оставалась пока совершенно открытою и неосвѣщенной. Взять на себя задачу—освѣтить всю эту мѣстность кавалерійскими разъѣздами, выставить надежный заслонъ съ этой стороны и такимъ образомъ обезопасить свой путь къ Никополу съ лѣваго фланга и тыла—9-й корпусъ не могъ за малочисленностью его кавалеріи. Вотъ почему и рѣшено было возложить эту обязанность на кавказскую казачью бригаду, подъ начальствомъ полковника Тутолмина.

Кавказская бригада была составлена изъ двухъ полковъ: 2-го казачьяго кубанскаго (шесть сотень) и владикавказско-осетинскаго (тоже шести сотень**)

*) Отъ Систова до Никополя въ прямомъ направленіи считается верстъ сорокъ.

**) До переправы черезъ Дунай, владикавказскій полкъ состоялъ только изъ 4-хъ сотень, а осетины составляли съ ингушами отдѣльный полкъ. Но впоследствии, по слу-

при одной конно-горной батареѣ (шесть трехфунтовыхъ орудій), сформированной изъ донской казачьей № 1-го батареи. Всего въ составѣ обоихъ полковъ кавказской бригады находилось до 1570 казаковъ, считая въ томъ числѣ: трубачей, урядниковъ, вьючныхъ и обозныхъ.

Переправившись черезъ Дунай 21-го іюня, кавказская казачья бригада продвинулась къ 23-му іюня на р. Осму, заняла здѣсь деревню Булгарени, по дорогѣ изъ Бѣлы въ Шлевну, и тотчасъ же выслала разъѣзды вверхъ и внизъ по Осмѣ для связи съ передовымъ отрядомъ генерала Гурко и 9-мъ корпусомъ генерала Криденера, а также и по направленію къ Шлевнѣ. Но такъ какъ переправа 9-го корпуса была на нѣсколько дней отложена, то разъѣзды кавказской бригады не могли войти въ связь съ этими войсками вплоть до 25-го іюня, когда передовыя части 9-го корпуса, переправившись черезъ Дунай, выслали отъ себя разъѣздъ, изъ сотни 34-го донскаго полка, на соединеніе съ кавказской бригадой. Разъѣздъ этотъ встрѣтился еще на дорогѣ изъ Систова, у деревни Татаръ, съ полусотней кубанцевъ, вновь отправленныхъ изъ кавказской бригады на соединеніе съ 9-мъ корпусомъ. Такимъ образомъ, кавказская бригада вошла въ связь съ войсками 9-го корпуса только на пятый день по переходѣ ея черезъ Дунай, т. е. 25-го іюня. Командиръ этой бригады, полковникъ Тутолминъ, былъ тотчасъ же потребованъ къ генералу Криденеру, остановившемуся неподалеку отъ Систова, въ деревнѣ Ореше, куда полковникъ Тутолминъ и прибылъ вечеромъ того же дня. Онъ сообщилъ корпусному командиру, что кавказцы, остановившись въ Булгарени, освѣтили мѣстность вокругъ нея разъѣздами, причемъ нигдѣ не встрѣтили непріятеля, исключая незначительныхъ шаякъ черкесовъ и башибузукъ, которыя были всѣ разсѣяны. При этомъ командиръ кавказской бригады заявилъ, что, по часъ его отъѣзда изъ Булгарени, въ Шлевнѣ, по собраннымъ извѣстіямъ, также не было болѣе 120—150 человекъ вооруженныхъ турокъ, и что въ Булгарени являлась депутація отъ плевненскихъ жителей, съ

чаю нѣкоторыхъ недоразумѣній, происшедшихъ въ Бухарестѣ между кавказцами и румынами, ингуши были отправлены въ Одессу, а двѣ сотни осетинъ присоединены къ владикавказцамъ; такимъ образомъ и составился шестисотенный владикавказско-осетинскій полкъ.

просьбою послать въ Плевну отрядъ для прочной обороны города. Генераль Криденеръ отнесся сочувственно къ выраженной ему просьбѣ придать хоть два батальона пѣхоты къ кавказской казачьей бригадѣ, для заблаговременнаго занятія Плевны, обладаніе которою, въ виду расположенія этого города въ узлѣ различныхъ дорогъ, на флангѣ и отчасти въ тылу двигавшагося на Никополь 9-го корпуса, было бы для насъ очень выгодно, особенно въ случаѣ появленія непріятели изъ-подъ Софіи или Виддина. Но, послѣ разсчета о необходимыхъ силахъ для взятія Никополя, оказалось, что до этого времени никакая часть 9-го корпуса не можетъ быть отдѣлена на Плевну.

Командиру кавказской бригады приказано было пока оставаться на Осмѣ, продолжать поддерживать связь съ передовымъ отрядомъ генерала Гурко и съ войсками 9-го корпуса, не прекращать наблюденія за Плевной и находиться въ ближайшемъ распоряженіи начальника кавалеріи 9-го корпуса, генераль-маіора Лошкарева.

На слѣдующій день, 26-го іюня, авангардъ 9-го корпуса, состоявшій изъ 9-го уланскаго Бугскаго и донскаго 9-го казачьяго полковъ, съ донскою 2-ю батареею, подъ начальствомъ генераль-маіора Лошкарева, двинулся изъ Ореше по дорогѣ на Никополь къ деревнѣ Пятикладенцы, въ то время, какъ главные наши силы подходили съ румынскаго берега и отъ Систова къ Ореше.

Дорога на югозападъ отъ Систова, по направленію къ Никополю, прилегаетъ справа къ берегу Дуная, а слѣва къ высотамъ. Разливъ рѣки сдѣлалъ ее топкою и особенно трудно проходимою для обозовъ и артиллеріи; поэтому пришлось принять нѣсколько влѣво и слѣдовать горною дорогою, плохо обработанною и пролежавшею черезъ балки и овраги. Это послѣднее обстоятельство очень замедляло движеніе. Къ тому же день 26-го іюня былъ до невозможности жаркій. Пѣхотинцы, обремененные тяжестью ранца и ружья, валились какъ мухи. Къ концу перехода около каждаго телеграфнаго столба лежало уже по нѣскольгу человѣкъ безъ чувствъ, безъ движенія; по дорогѣ начали выбрасывать все, что казалось лишнимъ: фуфайки, одѣяла, даже сапоги, брюки и т. п. валялись по всему пути... Впослѣдствіи все это, конечно, пригодилось бы, но измученный, раз-

битый человѣкъ не можетъ разсуждать о будущемъ. Къ концу перехода оказалось много отсталыхъ; нѣсколько человѣкъ умерло отъ солнечнаго удара, а другіе подтянулись лишь къ утру слѣдующаго дня. Къ счастью для изнуренныхъ солдатъ, въ сѣверной Болгаріи почти повсемѣстно встрѣчаются на дорогахъ, при спускѣ въ лоцины, частые родники, у которыхъ устроены колодцы или фонтаны, дающіе путнику и конямъ прекрасную свѣжую воду и тѣмъ значительно облегчающіе тяжесть передвиженій въ знойные лѣтніе дни.

Движеніе артиллеріи было еще болѣе затруднительно. Дорога здѣсь часто поднимается на крутые и высокіе холмы, иногда суживаясь на столько, что едва проходитъ орудіе. Возни съ артиллеріей было тутъ не мало, въ особенности съ наступленіемъ темноты, такъ какъ движеніе войскъ, въ виду спѣшности дѣла, продолжалось и ночью. Темная болгарская ночь и сѣверная дорога по временамъ совсѣмъ останавливали движеніе: нѣсколько опрокинутыхъ ящиковъ и повозокъ заставляли долго возиться въ темнотѣ и выбираться затѣмъ на болѣе удобную тропинку. Къ тому же люди были страшно утомлены, такъ какъ съ утра были въ движеніи, и хотя каждый прошелъ незначительное пространство, но отдыха никто не имѣлъ, и во весь день кромѣ сухаря никто ничего не видѣлъ. Поэтому артиллеристы наши шли въ темнотѣ усталые и голодные, поддерживая на каждомъ косогорѣ орудіе, или ящикъ, рискуя сломить себѣ ногу, если повалится на кого непомятая тяжесть, или же того и гляди переѣдетъ колесо, если кто самъ споткнется... Поэтому люди, когда, наконецъ, достигали къ полуночи ночлега въ деревнѣ, то, за темнотою и во избѣжаніе новыхъ хлопотъ, выпрягали лошадей прямо на улицѣ, чтобы не свалиться куда нибудь въ канаву, и тотчасъ же засыпали какъ убитые...

Къ 27-му іюня кавалерія 9-го корпуса, вмѣстѣ съ 20-мъ Галицкимъ пѣхотнымъ полкомъ, подтянулась уже къ деревнѣ Пятикладенцамъ, и тотчасъ же назначена была на слѣдующій день, на 28-е іюня, усиленная рекогносцировка къ Никополю, въ связи съ нѣкоторыми частями кавказской бригады. Но въ это время было получено изъ Булгарени отъ полковника Тутолмина извѣстіе, что къ Плевнѣ приближается турецкая пѣхота, а велѣдъ затѣмъ полковникъ Тутолминъ доносилъ, что, по показанію бѣжав-

шихъ изъ Плевны жителей, городъ этотъ уже занятъ шестью таборами пѣхоты, при шести орудіяхъ, и нѣсколькими сотнями черкесовъ. Всѣ эти войска, по словамъ жителей, отступили въ Плевну изъ-подъ Никополя.

Вслѣдствіе этихъ извѣстій, рекогносцировка по направленію къ Никополу была тотчасъ же остановлена.

Нужно замѣтить, что турки, во все время движенія 9-го корпуса, не только не тревожили насъ, но, напротивъ, отъ нашихъ передовыхъ кавалерійскихъ разъѣздовъ ежедневно получались вѣсти, изъ которыхъ также можно было заключить, что войска, стоявшія въ Никополѣ и его окрестностяхъ, собираются уйти оттуда, такъ что въ русскихъ начало уже зарождался сомнѣніе относительно того, желаютъ или не желаютъ турки вступать съ нами въ бой подъ Никополемъ. При этомъ нужно еще имѣть въ виду, что послѣ того, какъ 9-й корпусъ переправился черезъ Дунай, русскія и румынскія батареи, расположенныя на лѣвомъ берегу Дуная, у Турну-Магурелли, начали усиленно стрѣлять по никопольскимъ укрѣпленіямъ и продолжали эту пальбу во все время движенія 9-го корпуса. Турки хотя и отвѣчали изъ Никополя энергично, но особеннаго вреда нашимъ батареямъ не причиняли. Въ Турну-Магурелли подозрѣвали даже, что у турокъ мало осталось боевыхъ запасовъ; по крайней мѣрѣ, турецкія батареи не разъ уже стрѣляли круглыми ядрами, слѣдовательно изъ гладкоствольныхъ орудій; находили также неразорвавшіяся гранаты, которыя при вскрытіи оказались начиненными, вмѣсто взрывчатыхъ составовъ, тряпками и соломой... Все это, въ связи съ разрушительнымъ дѣйствіемъ нашихъ осадныхъ орудій, невольно заставляло вѣрить рассказамъ жителей объ отступленіи турокъ отъ Никополя.

Однако же, посланные впередъ разъѣзды вскорѣ подтвердили противное, и потому въ тотъ же день, 28-го іюня, были посланы отъ войскъ 9-го корпуса разъѣзды на оба фланга изъ четырехъ сотенъ 9-го донскаго полка*); а 20-й Галицкій пѣхотный полкъ, со 2-ю и 5-ю батареями 5-ой артиллерійской бригады, имѣя въ авангардѣ Бугскій уланскій полкъ и

двѣ остальные сотни 9-го донскаго полка, со 2-ю донскою батареею, ~~были~~ были двинуты около часу пополудни изъ Пятикляденцевъ, въ видѣ передоваго отряда, къ Никополу на Мехровицы. Командиромъ всего этого отряда былъ назначенъ генераль-майоръ Лощкаревъ.

Погода, въ это время, продолжала стоять сухая и жаркая. Окрестность, одѣтая совершенно готовою жатвою, имѣла характеръ нашихъ черноземныхъ губерній, представляя собою красивую равнину, зачастую перерѣзываемую оврагами, изъ которыхъ совершенно неожиданно появлялись болгарскія деревни, гнѣздящіяся исключительно въ лощинахъ. Пѣхота шла за кавалеріей полнымъ шагомъ, привалы были рѣдки и очень коротки. Въ первый разъ за весь походъ отъ Систова сознавалась, теперь всѣми близость непріятели. Близость боя отражалась на всѣхъ: солдаты шли молчаливые и сосредоточенные; офицеры ѣхали молча, погруженные въ свои думы; каждый невольно размышлялъ о предстоящемъ боѣ, — боѣ, можетъ быть, кровопролитномъ, о далекой родинѣ и о покинутыхъ домашнихъ...

— Ваше благородіе, вонъ пожаръ! — вдругъ выводитъ изъ задумчивости своего офицера расторопный солдатикъ.

Думы какъ-то вдругъ обрываются, и всѣ невольно оборачиваются по указанному направленію.

Что горѣло — въ этотъ разъ опредѣлить было трудно; но, пройдя еще версты полторы, наши встрѣтили болгарина, который объяснилъ, что горитъ деревня, и зажгли ее черкесы изъ Никополя, напавшіе на жителей въ числѣ 20 или 30 человекъ. Тотчасъ же отправились туда казаки. Пройдя еще немного, Галичане увидѣли вдали кучку всадниковъ, мчавшихся во весь опоръ, среди несобранной жатвы и высокой травы. Ихъ уже преслѣдовали наши казаки. Затѣмъ послышалось нѣсколько ружейныхъ выстрѣловъ. Все это несло въпередъ, по направленію къ Никополу, быстро скрываясь изъ глазъ за покатою мѣстности и высокою растительностью. Вскорѣ возвратился одинъ изъ преслѣдовавшихъ казаковъ, ведя въ поводу маленькую, чрезвычайно сухую и тощую, но красивую турецкую лошадку. Въ рукахъ у казака было черкесское ружье. Всѣ обступили его съ распросами. Оказалось, что казаки, подѣзжая къ горѣвшей деревнѣ, замѣтили убѣгающую отсюда груп-

*) Двѣ сотни войсковаго старшины Смирнова въ Лени-Новадчи и Слатину и двѣ сотни подполковника Криденера на Татари и Лозаницу.

пу черкесовъ чловѣкъ въ двадцать и начали преслѣдовать, стараясь перерѣзать имъ путь; тѣ на скаку отстрѣливались и, благодаря своимъ лошадамъ, которые, по выраженію казака, „даромъ что маленькія, а здорово сипучія“, какъ поперли, такъ страсть... Однако, между черкесами одинъ началъ замѣтно отставать, и вотъ этотъ казакъ, нагнавъ черкеса, выстрѣлилъ два раза и вторымъ выстрѣломъ убилъ его. Отнятое ружье съ патронами и кинжаломъ тутъ же были проданы одному изъ офицеровъ.

Продолжая подвигаться, такимъ образомъ, съ прежнею быстротою, съ незначительными лишь привалами, весь отрядъ часу въ седьмомъ вечера, когда уже начало темнѣть, вдругъ остановился. Дорога въ этомъ мѣстѣ была узкая: слѣва обрывъ, вправо крутая гора... Оказалось, что отрядъ пошелъ не по той дорогѣ, такъ какъ дальше дорога совершенно прекращается, и донская батарея, которая шла впереди, дошла до того, что ужъ идти дальше было невозможно: пришлось ей выпрячь лошадей и повернуть орудія на рукахъ... Двинутся назадъ всему отряду было теперь уже неудобно, такъ какъ позади его находились обозы, которые слишкомъ бы затормазили дѣло и заставили бы, пожалуй, простоять весь отрядъ въ походномъ порядкѣ всю ночь, что, конечно, было бы крайне утомительно для людей. Поэтому вскорѣ было объявлено всемъ, что рѣшено спуститься влѣво, въ лощину, переночевать тамъ и на утро чуть свѣтъ уйдти. Людямъ приказано было быть какъ можно тише, такъ какъ вправо, невдалекѣ, по донесеніямъ нашихъ разъѣздовъ, находились турецкія укрѣпленія.

Пройдя немного, весь отрядъ спустился въ небольшую, но довольно глубокую долину, окруженную со всѣхъ сторонъ крутыми возвышенностями. При вѣздѣ въ лощину, подъ деревомъ сталъ командиръ Галичскаго полка полковникъ Разгильдѣевъ, съ батальонными командирами, которымъ онъ отдавалъ приказанія, гдѣ и кому стать на ночь. Почти весь полкъ былъ разсланъ на окружающія лощину высоты, гдѣ и размѣстился по ротн, съ цѣпью впереди. Орудія были поставлены на днѣ лощины, сняты съ передковъ и заряжены, на всякій случай, картечью. Прислуга размѣстилась подлѣ своихъ орудій, безъ палатокъ, съ дежурнымъ у каждой пушки. Огня нигдѣ не разводили. Только у полковаго командира да въ батареяхъ свѣтилось по фонарю, для лучшей

разстановки орудій, дачи корма лошадямъ и другихъ хозяйственныхъ распоряженій. Ъздовыхъ на водопой, въ лежащую впереди турецкую деревню, пришлось посылать съ командами вооруженной пѣхоты...

Все ждали съ минуты на минуту ночной тревоги. Расположенные невдалекѣ отсюда турецкія войска, конечно, знали уже о нашемъ движеніи. Ускакавшие черкесы, а также жители турецкой деревни, навѣрняка ужъ дали знать туркамъ о приближеніи нашего отряда. Между тѣмъ, положеніе наше было незавидное: ночлегъ Галичанъ представлялъ изъ себя яму, окруженную со всѣхъ сторонъ высотами, такъ что, въ случаѣ появленія на нихъ турокъ, они могли бы надѣлать намъ, безъ особеннаго вреда для себя, кучу самыхъ ужасныхъ непріятностей... Стрѣлять изъ орудій со дна лощины было невозможно, взобраться съ ними на высоты—и подавно; дорога же, по которой отрядъ спустился въ лощину, по своей узкости, представляла слишкомъ опасный и неудобный путь отступленія, въ особенности ночью...

Но, не смотря на все это, къ немалому удивленію Галичанъ, турки, по своей непонятной лѣни и безопасности, не только не предприняли никакихъ мѣръ къ нападенію на ихъ ночлегъ, но даже не позаботились разузнать ни о численности нашего отряда, ни о пути его,—и Галичане, переночевавъ такимъ образомъ въ полной тишинѣ и спокойствіи, благополучно тронулись съ разсвѣтомъ далѣе, въ Мехровицы.

Между тѣмъ, отъ полковника Тутолмина получено было, еще съ вечера, новое увѣдомленіе, что высланный имъ къ Плевнѣ разъѣздъ отъ кавказской бригады не только подтвердилъ присутствіе въ этомъ городѣ турецкихъ войскъ, но и имѣлъ уже стычку съ ними подлѣ самаго города, послѣ чего разъѣздъ нашъ вынужденъ былъ, въ виду превосходства непріятеля, отступить къ Булгарени.

По полученіи этого извѣстія, кавказской казачьей бригадѣ на 29-е іюня было вновь подтверждено: наблюдать за Плевной, сохраняя въ то же время, связь съ передовымъ отрядомъ генерала Гурео и содѣйствуя, сверхъ того, кавалеріи генерала Лопкарева для перерыва сообщенія Нисополя съ Плевною и Виддиномъ. При этомъ было обѣщано сначала выслать въ Булгарени, на подкрѣпленіе кавказской бригады, Вологодскій пѣхотный полкъ, а велѣдъ затѣмъ

было обѣщано прислать въ Булгарени два полка пѣхоты, съ тремя батареями *).

Что же касается собственно войскъ 9-го корпуса, то на 29-е іюня предположено было передвинуть 1-ю бригаду 5-й пѣхотной дивизіи (полки Архангелогородскій и Вологодскій) отъ Пятикладенцевъ къ авангарду, находившемуся уже въ Мехровицахъ, къ югу отъ Никополя, на правомъ берегу Осмы. Авангарду же, т. е. кавалеріи генераль-маіора Лопкарева, было предписано въ этотъ день занять мостъ на Осмѣ у деревни Мыслеу (по дорогѣ изъ Никополя въ Плевну), а если окажется возможнымъ, то и мостъ черезъ Видъ, у деревни Гилянъ (по дорогѣ изъ Никополя въ Виддинъ).

Въ то же время начали подтягиваться къ авангарду изъ Пятикладенцевъ пѣхотные полки Архангелогородскій и Вологодскій. Не встрѣчая по дорогѣ никакого сопротивленія, солдаты наши шли къ Никополю весело и бодро, не думая ни о какихъ опасностяхъ. Завидѣвъ наши войска, болгары, какъ и во всѣ предшествовавшіе дни, радостно выходили къ нимъ на встрѣчу. Чтобы русскіе узнавали въ нихъ христіанъ, не смотря на ихъ турецкую одежду, они покрывали свои красныя фески бѣлыми платками, а на рукавахъ и на груди куртокъ нашивали кресты изъ бѣлыхъ тесемокъ. Но, по прибытіи нашихъ въ окрестности Никополя, сразу почувствовалось что-то недоброе. Отъ передовыхъ развѣздовъ то и дѣло доходили извѣстія, что впереди, по болгарскимъ деревнямъ, рыскають шайки черкесовъ и башибузуковъ, съ цѣлью грабежа и разбоя. Изъ одной деревни башибузуки увели до 30-ти болгарскихъ дѣвушекъ въ турецкій лагерь. Въ другой деревнѣ найденъ былъ трупъ ребенка съ отрѣзанной головой. Нашли также изуродованную дѣвушку, еле-дышавшую, и женщину, удавленную негодьями за то, что она не хотѣла выдать имъ своего ребенка. Жестокости эти ожесточили русскихъ до крайности. Настроеніе солдатъ невольно измѣнилось. Каждому чувствовалось, что настало время расплаты со врагомъ. Всѣ приготовились къ отчаянному бою...

На 30-е іюня назначено было приблизить къ авангарду, въ Мехровицы, стрѣлковыя роты 123-го Коз-

*) Полки эти, однакоже, не были посланы, за невозможностью отдѣлать что нибудь отъ немногочисленной пѣхоты 9-го корпуса.

ловскаго пѣхотнаго полка и въ то же время занять Галицкимъ пѣхотнымъ полкомъ деревню Вублу, расположенную къ югу отъ Никополя, непосредственно передъ непріятельскими укрѣпленіями. Для наблюденія же за Плевной былъ двинутъ на лѣвый берегъ Осмы Костромской пѣхотный полкъ, въ селеніе Турскій Трестяникъ, гдѣ ему долженъ былъ содѣйствовать одинъ изъ полковъ кавказской казачьей бригады. 1-я же бригада 5-й пѣхотной дивизіи (полки Архангелогородскій и Вологодскій), подъ начальствомъ генераль-лейтенанта Шильдеръ-Шульднера, была направлена изъ Мехровицъ черезъ Осму въ Мечку, для наблюденія, при содѣйствіи другаго полка кавказской бригады, за дорогами, ведущими изъ Никополя въ Плевну.

На основаніи этого распоряженія, командиръ кавказской бригады, полковникъ Тутолминъ, оставилъ 3-ю и 4-ю сотни кубанцевъ въ Турскомъ Трестяникѣ, въ распоряженіи командира костромскаго полка, а владикавказцевъ и осетинъ назначилъ для освѣщенія дороги изъ Плевны въ Никополь, пролежавшей западиѣ Мечки.

Назначенная для этого 4-я сотня владикавказскаго полка въ 7 часовъ утра открыла, въ глубокой лощинѣ у селенія Коюловцы, человекъ четыреста конныхъ черкесовъ. Владикавказцы, въ ожиданіи подкрѣпленій, завязали перестрѣлку, но черкесы, видя превосходство своихъ силъ, перешли сами въ наступленіе, которое владикавказцы удерживали огнемъ спѣшенныхъ казаковъ, отступая шагъ за шагомъ на главные силы. На поддержку ихъ была послана 1-я сотня владикавказскаго полка, а велѣдъ за нею двинулись и осетины. Черкесы, завидя приближеніе нашихъ подкрѣпленій, бѣжали. Двѣ передовыя сотни владикавказцевъ бросились ихъ преслѣдовать по направленію къ Плевнѣ и гнали вплоть до лѣса, находящагося за деревней Врбицей, въ которомъ черкесы и укрылись.

Управившись съ черкесами въ югозападномъ направленіи, владикавказцы снова были подняты по тревогѣ противъ черкесскаго отряда, появившагося въ сѣверозападномъ направленіи, отъ деревни Бресляницы. Сторожевая сотня кубанцевъ, поддержанная 1-ю сотнею владикавказцевъ, была двинута для отраженія этой новой шайки, силою въ двѣсти человекъ, появившихся, повидимому, съ цѣлью захва-

тить пасшійся болгарскій скотъ; но, встрѣченные нашими сотнями, они были опрокинуты и преслѣдуемы.

Между тѣмъ, на правомъ берегу Осмы, 30-го іюня, тотчасъ по прибытіи къ авангарду въ Мехровицѣ стрѣлковыхъ ротъ 123-го Козловскаго полка*), былъ двинуть впередъ Галицкій пѣхотный полкъ для занятія деревни Вублы. Деревня эта оборонялась турецкою пѣхотою; сверхъ того, мѣстность вокругъ Вублы была почти ровная, слегка лишь холмистая, засѣянная кукурузой и совершенно открытая для орудійныхъ выстрѣловъ непріятеля съ близъ лежащихъ Никопольскихъ высотъ. Поэтому, когда 1-ый батальонъ Галичанъ, утромъ 30-го іюня, двинулся къ деревнѣ Вублѣ, расположенной въ началѣ этой равнины, то турки сейчасъ же открыли по немъ пушечную пальбу съ Никопольскихъ высотъ и ружейный огонь изъ самой деревни... Но, не смотря на это, Галичане, не отвѣчая даже на пушечную пальбу непріятеля, однимъ лишь ружейнымъ огнемъ и штыками выбили турецкую пѣхоту изъ-за дворовъ и строеній и заняли деревню, можно сказать, подъ носомъ у турецкихъ укрѣпленій. Цѣнь отъ 1-го батальона Галицкаго полка тотчасъ же расположилась во рву, окружавшемъ деревню съ западной стороны, и отсюда начала перестрѣлку съ турецкой цѣпью, отступившей къ своимъ укрѣпленіямъ въ ложементы. Остальныя наши войска тѣмъ временемъ подтягивались къ Вублѣ, и, не смотря на близкое сосѣдство непріятеля и на продолжавшуюся пушечную пальбу турокъ, располагались бивуаломъ въблизи деревни, какъ у себя дома, безъ всякой правильности, уткнувшись слѣва въ обрывистый берегъ Осмы... Повидимому, не было человѣка, на обязанности котораго лежало бы устройство этихъ, ничѣмъ между собою не связанныхъ частей, стоявшихъ гдѣ кому угодно; но никому и въ голову не приходило, что насъ могутъ атаковать турки и застать врасплохъ, если стоящая впереди горсть людей дрогнетъ... Такъ сильна была вѣра въ непредпримчивость турокъ! И дѣйствительно, въ такомъ положеніи наши войска спокойно провели всю ночь близъ Вублы, въ ожиданіи получить на слѣдующій день приказаніе начать бой...

Но 1-го іюля не было отдано приказанія о началіи дѣла, такъ какъ условія предстоявшаго боя не исполнѣ

*) На мѣсто 1-ой бригады 5-ой пѣхотной дивизіи, выступившей въ Мечку.

еще выяснились; къ тому же, главныя силы отряда не все еще успѣли подтянуться къ авангарду, т. е. въ д. Вублу. Поэтому во весь день 1-го іюля ограничились только переводомъ полковъ Архангелогородскаго и Вологодскаго изъ Мечки въ деревню Дебо, расположенную также на лѣвомъ берегу Осмы, но гораздо ближе къ Никополу, нежели Мечка.

Что же касается до кавказской казачьей бригады, то она продолжала наблюдать за дорогами изъ Плевны въ Никополь и изъ Никополя въ Виддинъ. Съ этой цѣлью двѣ сотни кавказцевъ, подъ начальствомъ подполковника Энгельгардта, были двинуты изъ Мечки въ головѣ Архангелогородскаго и Вологодскаго полковъ на Дебо и отсюда направились далѣе къ мосту черезъ рѣку Видъ. Остальныя же шесть съ половиною сотенъ кавказцевъ*), съ шестью горными орудіями, двинулись изъ Мечки на Бресляницу, по направленію къ дорогѣ изъ Никополя въ Плевну.

Рано утромъ, едва эти шесть съ половиною сотенъ успѣли покинуть деревню Мечку, какъ разъѣзды наши дали знать, что отъ Бресляницы показалась партія конныхъ черкесовъ, и что осетины, бывшіе въ авангардѣ, завязали уже съ ними перестрѣлку. Черкесы, въ числѣ около пятисотъ человѣкъ, спустились влѣво, въ балку, съ намѣреніемъ отрѣзать нашу авангардную сотню; но угрожаемые обходомъ 1-ой сотни владикавказскаго полка, выдвинутой съ нашего праваго крыла, они бросили балку, вытянулись передъ нашимъ фронтомъ, и начали отходить медленно въ югозападномъ направленіи, заманивая насъ на Плевну.

Нужно вообще замѣтить, что черкесы представляли собою превосходную сторожевую конницу. Опираясь въ данномъ случаѣ на Плевну, занятую шестью таборами турецкой пѣхоты, черкесы были свободны въ дѣйствіяхъ своихъ и легки въ своихъ наѣздахъ, имѣя цѣлю не города занимать, а тревожить своимъ появленіемъ наши войска. Боя рукопашнаго черкесы не принимали: они издалека открывали огонь, занимали глубокія балки, которыми изрѣзана большая часть Болгаріи, и при первыхъ же шагахъ, обнаруживавшихъ рѣшительное движеніе съ нашей стороны, они разсыпались и ускакивали во весь опоръ... Доржать

*) Двѣ сотни кубанцевъ продолжали оставаться въ Турскомъ Трестяниѣ, при Костромскомъ полку; одна же сборная сотня кавказцевъ находилась въ Булгарени при обозѣ, а полсотни владикавказцевъ были уже въ это время, въ Трновѣ.

себя они не давали, такъ какъ у нихъ не было ни одного мѣшка на сѣдлѣ*). Но лишь только мы ихъ бросали, они снова начинали джигитовать передъ нами.

Въ данномъ случаѣ, всѣ шесть съ половиною сотенъ кавказцевъ преслѣдовали черкесовъ настойчиво, но и черкесы дразнили насъ упорно. Къ счастью, ежедневный опытъ убѣдилъ нашихъ казаковъ въ сравнительной бесполезности стрѣльбы съ коня, и потому, при всякой возможности, они спѣшивались, засѣвъ по пяти, по шести человекъ за отдѣльными закрытіями, и въ такомъ случаѣ наносили своимъ огнемъ значительную убыль противнику. Осязательнымъ доказательствомъ тому служили тѣла, правда, изрѣдка, но все таки попадавшіяся на мѣстѣ боя, не смотря на коренной черкесскій обычай—забирать съ собою убитыхъ. Такъ, по окончаніи преслѣдованія, нашли въ полѣ, между прочимъ, убитаго черкеса—величаваго старика, съ длинною сѣдою бородою, про котораго истые кавказцы съ уваженіемъ говорили: „старый джигитъ“ А осетины съ какимъ то благоговѣніемъ разсматривали его газыри изъ оленьей кости, сдѣланные, по ихъ словамъ, по старинному кавказскому образцу...

Отогнавъ черкесовъ, кавказцы возвратились, далеко за полдень, въ Бресляницу, порядкомъ измучивъ своихъ лошадей. Въ Бресляницѣ они застали еще свѣжіе слѣды утренняго черкесскаго набѣга. Оказалось, что они побывали здѣсь передъ встрѣчей съ казаками, забрали что могли и зарѣзали нѣсколькихъ болгаръ. Двухъ изъ этихъ послѣднихъ нашли окровавленныхъ, лежащихъ въ какомъ то согбенномъ положеніи, ясно указывавшемъ на мольбу о пощадѣ...

Между тѣмъ подполковникъ Энгельгардтъ, съ 6-ою кубанскою и 2-ою владикавказскою сотнями, проводивъ изъ Мечки въ Дебо 1-ую бригаду 5-ой пѣхотной дивизіи, двинулся вслѣдъ за тѣмъ на западъ по направленію къ мосту черезъ рѣку Видъ. Небольшая партія черкесовъ въ разсыпную сновала передъ нимъ по всему протяженію пути. Но, не желая обнаруживать цѣли своего движенія, подполковникъ Энгельгардтъ ровно подавался впередъ, вплоть до деревни Градешти, расположенной не доходя версты двѣ до моста черезъ рѣку Видъ, влѣво отъ высотъ Шамли.

*) Черкесы ни въ чемъ не нуждались, ибо хозяйничали вездѣ, какъ у себя дома, не разбирая болгарскаго добра отъ турецкаго.

Отсюда онъ хотѣлъ быстро ударить на черкесовъ, отогнать ихъ прямо передъ собою на высоты, а съ другою частью казаковъ двинуться тѣмъ временемъ на мостъ, съ намѣреніемъ взорвать его. Съ этою цѣлью, взявъ съ собою взводъ владикавказцевъ и хорунжаго Свидина, какъ лучше другихъ знакомаго съ обращеніемъ съ динамитомъ, Энгельгардтъ рысью поскакалъ къ мосту, поручивъ отогнать черкесовъ есаулу Пржеленскому съ остальными семью взводами. Нужно замѣтить, что упомянутый мостъ упирается въ селеніе Гиляны, расположенное на лѣвомъ берегу Вида. По прибытіи на мостъ казаки тотчасъ же были встрѣчены ружейнымъ огнемъ изъ этого селенія, черезъ которое, не болѣе какъ полчаса назадъ, прошелъ обозъ, выступившій изъ Никополя. Ружейный огонь былъ открытъ отсталыми изъ его прикрытія. Не смотря на это, хорунжій Свидинъ лично заложилъ на мосту динамитные патроны, послѣ чего послѣдовалъ взрывъ, но мостъ остался цѣль... Тогда казаки, во избѣжаніе новой неудачи, живо разломали настилку, подрубили нѣсколько свай, натаскали кустарнику, и зажгли все это... Турки же, открывшіе огонь изъ селенія, бѣжали еще при взрывѣ динамита, и мостъ, такимъ образомъ, былъ сожженъ безпрепятственно.

Между тѣмъ есауль Пржеленскій, быстро ударивъ изъ Градешти на черкесовъ, погналъ ихъ передъ собою къ Шамли, и, въ то же время, увидѣлъ подъ горою, спустившійся уже съ высотъ Шамли, небольшой турецкій обозъ съ слабымъ прикрытіемъ. Черкесы бѣжали, а налетѣть на обозъ было дѣломъ одной минуты. Часть турецкаго прикрытія была изрублена, двое взяты въ плѣнъ, а черкесы отброшены на высоты. Преслѣдованіе было прекращено только въ виду непріятельскаго лагеря, когда движеніе впередъ становилось уже безцѣльнымъ и невозможнымъ. Есауль Пржеленскій возвратился съ обозомъ и съ двумя плѣнными въ Градешти и присоединился здѣсь къ подполковнику Энгельгардту, вмѣстѣ съ которымъ и отправился въ Дебо, на соединеніе съ 1-ою бригадою 5-ой пѣхотной дивизіи.

На слѣдующій день, 2-го іюля утромъ, войскамъ 9-го корпуса было предписано приготовиться къ бою, и въ случаѣ, если послѣдуетъ новое приказаніе*),

*) Приказанія этого не послѣдовало въ тотъ день за неприбытіемъ нѣкоторыхъ частей 9-го корпуса на вновь назначенныя для нихъ позиціи.

начать дѣло, при чемъ каждой части указывалось ея мѣсто. Что касается кавказской казачьей бригады, то ей предписывалось, въ этомъ случаѣ, охранять тылъ атакующихъ войскъ со стороны Плевны и наблюдать за дорогами изъ Никополя въ Плевну и Рахово.

Вслѣдствіе полученнаго приказанія, полковникъ Тутолминъ счелъ необходимымъ заранее приготовиться къ выполненію возложенной на него задачи, т. е. немедленно занять такое мѣсто, откуда всего удобнѣе было бы наблюдать за Плевной, Никополемъ и Раховымъ. Такимъ мѣстомъ было избрано селеніе Градешти, такъ какъ чрезъ него идутъ пути на Никополь, Плевну, Дебо и Виддинъ. На основаніи сказаннаго, полковникъ Тутолминъ, утромъ же 2-го іюля, двинулъ изъ Бресляницы всѣ находившіяся здѣсь шесть съ половиною сотенъ кавказцевъ*) на Градешти.

Селеніе Градешти прилѣпилось своею восточною стороною къ подножію почти отвѣсныхъ горъ, а западною стороною раскинулось на широкой, топкой равнинѣ праваго берега рѣки Вида. По образцу почти всѣхъ турецко-болгарскихъ селеній, каждый дворъ въ Градешти обнесенъ былъ высокимъ валомъ, съ колючимъ кустарникомъ и глубокою узкою канавою. Сверхъ того, селеніе окружено было садами и стогами хлѣба. Все это, конечно, какъ нельзя болѣе могло способствовать успѣшной оборонѣ селенія.

Но каково было удивленіе нашихъ казаковъ, уже побывавшихъ здѣсь наканунѣ, когда развѣздъ авангардной сотни увѣдомилъ ихъ о присутствіи въ Градешти турецкой пѣхоты и о движеніи обоза, идущаго отъ Шамли по равнинѣ между Градешти и рѣкою Видомъ. Значитъ, всѣ выгоды обороны этого селенія достались теперь туркамъ.

По осмотрѣ селенія, дѣйствительно, оказалось, что вся обращенная къ намъ окраина его была занята турецкими стрѣлками, а внутри селенія сновали взадъ и впередъ одиночные люди, какъ бы передавая приказанія. Вскорѣ изъ окраины Градешти вышло нѣсколько непріятельскихъ стрѣлковъ и залегли впереди селенія въ ямахъ. Можно было ручаться по крайней мѣрѣ за триста человекъ низама, засѣвшихъ

*) Двѣ сотни оставались на бивуакѣ въ Дебо въ распоряженіи командира 1-ой бригады 5-ой пѣхотной дивизіи.

въ деревнѣ, и, кромѣ того, съ высотъ Шамли подбѣгали еще человекъ двѣсти пѣхоты.

Съ перваго разу трудно было угадать, зачѣмъ собственно пришли сюда турки. Но могло статься, что они просто были здѣсь мимоходомъ, проходя изъ Никополя въ Плевну, а можетъ быть, узнавъ объ уничтоженіи моста въ Гилянахъ, они пришли сюда съ намѣреніемъ исправить его.

Во всякомъ случаѣ, полковникъ Тутолминъ, имѣя въ виду возложенную на него обязанность—препятствовать сообщенію турокъ между Никополемъ, Плевною и Раховымъ, и сознавая всю выгоду своевременнаго занятія Градешти, рѣшилъ выбить турокъ изъ селенія. Бой былъ весьма упорный и начавшійся въ 11 часовъ утра, продолжался уже болѣе двухъ часовъ. Около этого времени командиру отряда дано было знать, что въ 4-й сотнѣ владикавказскаго полка, патроны уже на исходѣ, а пополнить ихъ неоткуда. Нужно замѣтить, что зарядныхъ ящиковъ въ казачьихъ полкахъ не полагалось и все количество патроновъ помѣщалось на сѣдлѣ; снабжавшій же кавказцевъ зарядами и патронами паркъ 9-го корпуса оставался все время у Систова, близъ села Ореше, и, слѣдовательно, посылка за нимъ требовала не менѣе двухъ дней. Въ виду этого пришлось отозвать 4-ю сотню по частямъ назадъ изъ селенія, потому что ей нечего было дѣлать въ немъ безъ патроновъ. Тогда пришлось послать послѣднюю свободную сотню на подерѣвленіе дравшихся.

Какъ вихрь понеслись съ горъ въ селеніе отважные осетины, давно уже рвавшіеся въ бой, и вскорѣ смѣшались съ красными верхушками кубанскихъ казаковъ. Но трудно было имъ добраться до хорошо укрытаго противника. За неимѣніемъ штыковъ, осетины лезли на валы съ кинжалами въ рукахъ, но тутъ встрѣчали штыкъ противника и пулю въ лобъ. Три казака, вскочивъ на валы, были убиты на самыхъ гребняхъ ихъ, и свалились въ кусты, къ сторонѣ турокъ*)...

Засѣвшіе, такимъ образомъ, за густыми колючими кустарниками сплошнаго ряда валовъ турки были недоступны съ фронта. Поэтому казаки, руководимые офицерами и лучшими урядниками, гдѣ дружнымъ напоромъ, гдѣ ловкимъ обходомъ по глубокимъ кана-

*) Эти три казака на слѣдующій день, по отступленіи турокъ, были отысканы и преданы землѣ.

вамъ, врывались въ пролеты дворовъ, и тутъ началась рукопашная свалка, за кучами сухаго, загоравшагося отъ выстрѣловъ хвороста... Передніе ряды турокъ падали подъ напоромъ ворвавшейся горсти храбрецовъ, а задніе бѣжали въ сосѣдніе дворы, откуда встрѣчали нашихъ новой обороной. Тѣмъ не менѣе, мало по малу всѣ четыре сотни, находившіяся въ селеніи, соединились, усилили свой натискъ, и дружно погналы турокъ по западной сторонѣ селенія.

Будучи напо- слѣдокъ ото- всюду выбиты, турки, одна- ко, снова ус- пѣли засѣсть въ двухъ сме- жныхъ наи- болѣе обшир- ныхъ и укры- тыхъ дворахъ Градешти. Казаки выби- ли ихъ, након- ецъ, и отсю- да, и, такимъ образомъ, се- леніе было взято!

Непріятель, между тѣмъ, отступилъ въ порядкѣ, все- го на нѣсколь- ко саженой отъ деревни, и засѣлъ въ чащѣ обшир- наго сада, со- вершенно укрывшей его отъ выстрѣловъ нападаю- щихъ, и началъ, въ свою очередь, осыпать нашихъ градомъ пуль. Утомленные казаки невольно пріостановились передъ этимъ новымъ препятствіемъ, и за- легли за высокимъ валомъ передъ послѣднимъ убѣжищемъ турокъ. Наши орудія усилили огонь, на- правляя его черезъ головы казаковъ, и вскорѣ роца затрещала. Но турки не сдавались...

Подъ конецъ, казаки наши видимо утомились не- прерывнымъ упорнымъ боемъ. Наступалъ уже третій часъ дня: Подкрѣпить казаковъ непредставлялось возможности, такъ какъ у полковника Левиса оста- лась всего только одна сотня, которую можно было употребить въ дѣло только въ крайнемъ случаѣ. Къ тому же отъ кубанскихъ сотенъ получено было доне- сение о недостаткѣ у нихъ патроновъ, а отъ стороже- ваго поста, выставленнаго къ сторонѣ Шамли, при-

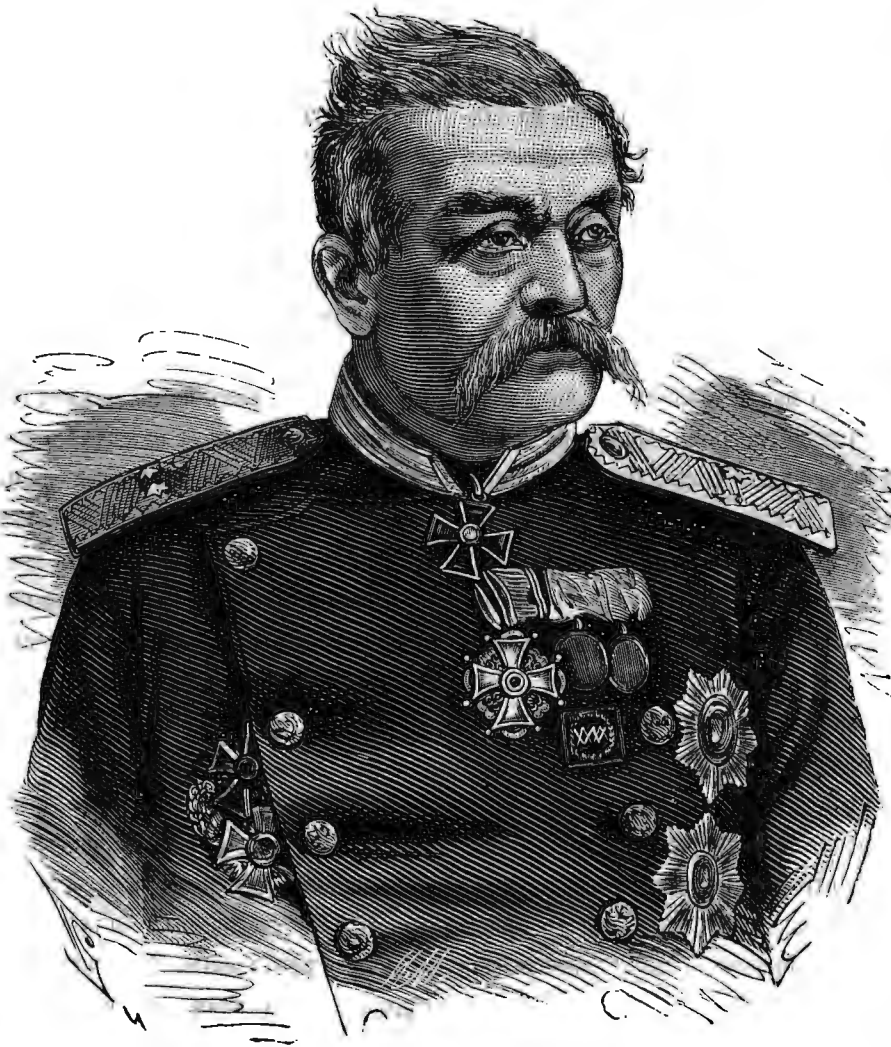
шло извѣстіе, что на высо- тахъ Шамли показалась ту- рецкая пѣхота съ двумя ору- діями...

Дѣйстви- тельно, вскорѣ прилетѣла от- туда граната большого ка- либра, за нею другая, тре- тья, и двѣ изъ нихъ упали на мѣсто пере- вязки нашихъ раненныхъ....

Вѣроятно, эти 3 гранаты служили толь- ко сигналомъ для ободренія защитниковъ Градешти, по- тому, что по- слѣ трехъ вы- стрѣловъ ту-

реція орудія смолкли, а показавшаяся изъ вино- градниковъ пѣхота, въ числѣ двухъ баталіоновъ, пріостановилась и залегла на скатахъ горъ, раз- сыпавъ свою цѣпь поперегъ дороги, спускающейся отъ Шамли къ Градешти.

Положеніе наше было непріятное. Турки съ вы- сотъ Шамли могли каждую минуту убѣдиться въ сла- бости нашего отряда и двинуть превосходное под-

Генераль-лейтенантъ Криденеръ.

подкрѣпленіе къ засѣвшимъ въ роцѣ стрѣлкамъ своимъ.

Въ виду этого было немедленно отправлено донесеніе на Осму о положеніи дѣла въ кавказской бригадѣ. Нужно замѣтить, что о началіи дѣла также было дано знать въ свое время, и теперь, прежде, чѣмъ второе донесеніе успѣло дойти по назначенію, какъ получено уже было въ отвѣтъ на первое донесеніе приказаніе отъ начальника 5-й пѣхотной дивизіи отступить въ Дебо, по невозможности выслать подкрѣпленіе.

Тяжело было казакамъ отступать, сознавая бесполезность напрасно пролитой крови въ продолжительномъ бою, начатомъ для осуществленія перерыва сообщенія непріятеля; но держаться своими собственными силами противъ сильныхъ турецкихъ подкрѣпленій они не могли, да къ тому же, послѣ полученнаго приказанія отступить всякое дальнѣйшее продолженіе боя становилось безцѣльнымъ.

Поэтому, тотчасъ же было сдѣлано распоряженіе объ отступленіи казаковъ изъ селенія дробными частями, безъ сигнала, дабы общимъ движеніемъ не ободрить противника. Орудіямъ, въ то же время, было приказано усилить огонь. Мало по малу наши сотни выбрались къ пяти часамъ пополудни изъ селенія, подобравъ убитыхъ и раненыхъ, за исключеніемъ трехъ казаковъ, которыхъ въ этотъ разъ не могли отыскать.

Потери наши заключались въ 13-ти убитыхъ и 14 раненыхъ.

Убитые и раненые были уложены на подводы, захваченныя на равнинѣ между селеніемъ Градешти и

берегомъ рѣки Вида, 2-ю сотнею кубанскаго полка, еще передъ началомъ дѣла, и оказавшіяся опорожненными болгарскими повозками, возвращавшимися изъ Никополя по доставленіи туда провіанта.

Докончивъ въ виду двухъ турецкихъ батальоновъ перевозку и уборку раненыхъ, казаки наши отступили на Дебо; турки, въ свою очередь, то же отступили изъ Градешти въ Никополь, потерпѣвъ, по словамъ болгаръ, большой уронъ въ дѣлѣ съ нами и употребивъ подъ своихъ убитыхъ и раненыхъ до двадцати подводъ.

Такимъ образомъ, кавказцы исполнили свое дѣло, насколько позволяли ихъ силы: они, правда, отступили, но за то и турки вынуждены были отступить; на Шлевну непріятель также не пробрался и моста въ Гилянахъ не возстановилъ.

Не доходя трехъ верстъ до Дебо, кавказцы встрѣтили высланный, по второму донесенію, на подкрѣпленіе къ нимъ, Бугскій уланскій полкъ, переправившійся въ этотъ день на лѣвый берегъ Осмы; но такъ какъ помощь его была уже не нужна, то уланы, вмѣстѣ съ кавказцами, возвратились, въ сумерки, на бивуакъ 1-й бригады 5-й пѣхотной дивизіи у Дебо.

Начальникъ дивизіи, генералъ Шильдеръ-Шульднеръ, лично пропустилъ мимо себя кавказцевъ и отдѣльно благодарилъ каждую сотню. Дѣйствительно, тяжело было смотрѣть на этихъ закоптѣлыхъ казаковъ, цѣлый день дравшихся безъ пищи и воды, подъ страшнымъ зноемъ. Но какъ спокойно дрались они, также спокойно и молча легли они теперь спать, въ ожиданіи завтрашняго рѣшительнаго боя.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

Крѣпость Никополь и мѣстность ее окружающая.—Расположеніе турецкихъ войскъ.—Планъ атаки крѣпости.—Расположеніе войскъ для атаки.—Дѣйствіе артиллеріи на правомъ флангѣ.—Дѣйствіе Козловцевъ и Вологодцевъ на лѣвомъ флангѣ.—Ихъ неутомимое наступленіе.—Наступленіе пѣхоты на правомъ флангѣ.—Генералъ майоръ Похитоновъ и блистательныя дѣйствія его батарей.—Взятіе Вулбснаго укрѣпленія.—Дѣйствіе Тамбовцевъ.—Бомбардированіе Никополя изъ Турну Магурели.—Попытка туронъ прорваться.—Конецъ боя.—Сдача крѣпости.

Какъ уже было замѣчено выше, штурмъ Никопольскихъ укрѣпленій предполагалось вначалѣ произвести 2-го іюля, съ какою цѣлю и были посланы полки Тамбовскій и Пензенскій (1-я бригада 31-й пѣхотной дивизіи) къ востоку отъ Никополя въ де-

ревню Эрмени для дѣйствія противъ непріятеля съ лѣваго фланга, и вмѣстѣ съ тѣмъ сдѣлано было соотвѣтствующее распоряженіе и по всемъ остальнымъ войскамъ 9-го корпуса. Но потомъ, вслѣдствіе выяснившихся условій мѣстности и расположенія не-

пріятеля, первоначальный планъ атаки былъ измѣненъ и отложенъ исполненіемъ до 3-го іюля. Весь же день 2-го іюля былъ употребленъ на мѣстѣ расположенія главныхъ нашихъ силъ на приготовленія къ бою.

Чтобы яснѣе представить себѣ всѣ эти приготовленія и распоряженія, а равно и вновь выработанный планъ атаки, представлявшій собою, по мнѣнію нѣкоторыхъ, образецъ тактическаго искусства, — необходимо познакомиться предварительно съ характеромъ мѣстности подъ Никополемъ и съ расположеніемъ непріятельскихъ войскъ.

На первыхъ же порахъ изъ развѣдокъ лазутчиковъ обнаруживалось, что въ городѣ Никополь и его окрестностяхъ расположено отъ 10 до 15 тысячъ непріятельскаго войска, и что не только самый городъ, но и окружающія его высоты сильно укрѣплены.

Городъ Никополь расположенъ на берегу Дуная, между высокими горами, въ лоцинѣ, поднимающейся довольно круто вверхъ, вслѣдствіе чего съ Дуная представляется на Никополь очень живописный видъ: многочисленные минареты его, въ довольно узкомъ ущельѣ, поднимаются все выше и выше... Дунайскій берегъ, около самаго города, необыкновенно крутъ и очень высокъ, такъ что о томъ, чтобы взобраться по этимъ кручамъ вооруженной силѣ — нечего было и думать. Можно было напередъ сказать, что русскіе вообще не сдѣлаютъ никакой серьезной попытки переправиться здѣсь черезъ Дунай и что все, что дѣлалось до сихъ поръ на румынскомъ берегу, въ Турнь-Магурели и Ислачѣ, должно было лишь служить для замаскированія другихъ цѣлей.

Высоты, окружающія городъ Никополь съ суши, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ также неприступны и кромѣ того изрѣзаны оврагами, лощинами и покрыты садами, виноградниками, кукурузою. Турки отлично воспользовались всей этой мѣстностью, и природную неприступность ея увеличили еще множествомъ искусственныхъ закрытій, главнѣйшія изъ которыхъ находились къ востоку отъ города, на высотѣ, господствующей надъ городомъ и крѣпостью. Здѣсь, къ востоку отъ города, возведенъ былъ каменный редутъ съ амбразурами, весьма прочной постройки, окруженный глубокими рвами, выложенными камнемъ. Редутъ былъ вооруженъ двумя крупновскими орудіями большаго калибра. Мѣстность вокругъ ре-

дута, крайне пересѣченная и лѣсистая, усилена была земляными окопами и ложементами.

На югозападѣ отъ Никополя, также на довольно значительной высотѣ, почти прямо передъ деревней Вублой, возведенъ былъ другой, довольно сильный редутъ, а нѣсколько впереди его, на болѣе ровной мѣстности, возвышалась обширная батарея, названная русскими „Вублскою“ построенная о двухъ фасахъ, обращенныхъ одинъ къ деревнѣ Вублѣ, а другой — къ рѣкѣ Осмѣ. Батарея вооружена была тремя крупновскими орудіями дальняго боя и защищалась съ фронта и фланговъ ложементами. Между батареей и редутомъ и по сторонамъ этихъ укрѣпленій, мѣстность была изрѣзана оврагами, покрыта виноградниками, кукурузою, фруктовыми деревьями и, кромѣ того, усилена еще земляными окопами.

Между Вублскою батареею и каменнымъ редутомъ расположены были еще двѣ небольшія батареи: одна — по срединѣ, а другая правѣе, обѣ значительно позади каменнаго редута. Вообще лѣвый флангъ турокъ значительно выдвигался впередъ.

Самая крѣпость или цитадель, довольно впрочемъ ветхая, стояла къ западу отъ города, на возвышенности, вдающейся угломъ въ Дунай, на самомъ высокомъ пунктѣ ея. Впереди этой цитадели находился тоже довольно ветхій редутъ „Туна-Кале“ Мѣстность передъ этими старинными укрѣпленіями, весьма неровная, и покрытая садами, была также усилена ложементами и батареями и оканчивалась неприступными обрывами, спускающимися къ рѣкѣ Осмѣ.

Войска непріятельскія размѣщены были частью въ городѣ и въ самой крѣпости, частью въ лагеряхъ, близъ редутовъ, частью въ этихъ послѣднихъ укрѣпленіяхъ и въ земляныхъ окопахъ; впереди же, въ ложементахъ, расположены были цѣпи турецкихъ стрѣлковъ. Кромѣ того, къ западу отъ Никополя на высотахъ за р. Осмой и къ западу, расположенъ былъ особый непріятельскій отрядъ.

Такимъ образомъ, русскимъ приходилось брать не только самый городъ и крѣпость, но и окружающія ихъ высоты.

На югъ отъ города, передъ Никопольскими высотами, начиная отъ д. Вублы, гдѣ расположились еще съ 30-го іюня наши главныя силы, раскидывалось, какъ уже было упомянуто выше, гладкое, засѣянное кукурузою поле, нѣсколько поднимаясь къ

неприятелю. Въ концѣ этого поля, къ сторонѣ Никополя, почти прямо передъ деревней Вублой, очерчивалась на горизонтѣ большая „Вубловская“ батарея, за которою вдали видѣлся неприятельскій лагерь, а вправо—синѣли дѣса и кустарники со множествомъ другихъ неприятельскихъ окоповъ и ложементовъ, вплоть до каменнаго редута.

На этомъ-то полѣ, немного правѣ деревни Вублы, противъ цѣлаго ряда неприятельскихъ укрѣпленій, предположено было, съ нашей стороны, выставить грозную батарею въ 40 девяти-фунтовыхъ орудій, сосредоточенный огонь которыхъ долженъ былъ отвлечь вниманіе неприятеля, а отчасти подготовить и поддержать успѣхъ. При батареѣ этой предположено было оставить въ прикрытіе всего одинъ полкъ. Когда генералу Криденеру, говорятъ, замѣтили, что опасно на сорокъ орудій оставлять только одинъ полкъ, то генералъ отвѣтилъ:

— Повѣрьте, неприятель не посмѣетъ сдѣлать наступленіе на такую грозную батарею.

И онъ былъ правъ, потому что впереди лежащая мѣстность, версты на три, представляла изъ себя совершенно открытое, почти ровное поле, по которому трудно было бы пройти наступающему подъ огнемъ нашихъ сорока 9-ти фунтовыхъ орудій.

Собственно же планъ атаки Никополя заключался въ слѣдующемъ:

Главные силы 9-го корпуса предположено было сосредоточить на юго-западъ отъ Никополя, влѣво отъ д. Вублы, на обоихъ берегахъ Осмы и отсюда, подъ прикрытіемъ нашей 40-орудійной батареи, нанести противнику рѣшительный ударъ, отнимая тѣмъ самымъ всякую надежду у него отступить изъ Никополя, что турки могли сдѣлать, только направляясь черезъ Осму на Плевну или Рахово; въ противоположную же сторону (т. е. къ Систову) отступленіе для нихъ не имѣло бы смысла.

Сверхъ того, для обезпеченія атакующихъ частей и линіи нашихъ 9-ти-фунтовыхъ батарей, на случай обхода или какой нибудь демонстраціи со стороны неприятеля, назначено было по одному полку, съ частями кавалеріи, на крайніе наши фланги, на востокъ и западъ отъ Никополя.

Въ виду чрезвычайно важной роли, предназначавшейся, такимъ образомъ, нашей артиллеріи, при

штурмѣ Никополя, къ выбору мѣста для нея приступлено было съ особенною тщательностью.

Начальникъ артиллеріи 9-го корпуса, генералъ-майоръ Калачевъ, поручилъ это дѣло командиру 5-й артиллерійской бригады генералъ-майору Похитонову, который взялся за дѣло весьма ревностно. Во все время стоянки нашихъ войскъ у Вублы, онъ съ нѣсколькими артиллерійскими офицерами производилъ тщательныя рекогносцировки неприятельскаго расположенія. Многіе изъ этихъ артиллеристовъ, которымъ, между прочимъ, поручено было снять чертежъ мѣстности, пропадали по цѣлымъ днямъ въ полѣ, подползали къ турецкой цѣпи, оставаясь весь день безъ пищи, даже ночевали въ траншеяхъ, чтобы разглядѣть утромъ, при восходѣ солнца, очертаніе неприятельскихъ батарей, число амбразуръ въ нихъ, и проч.

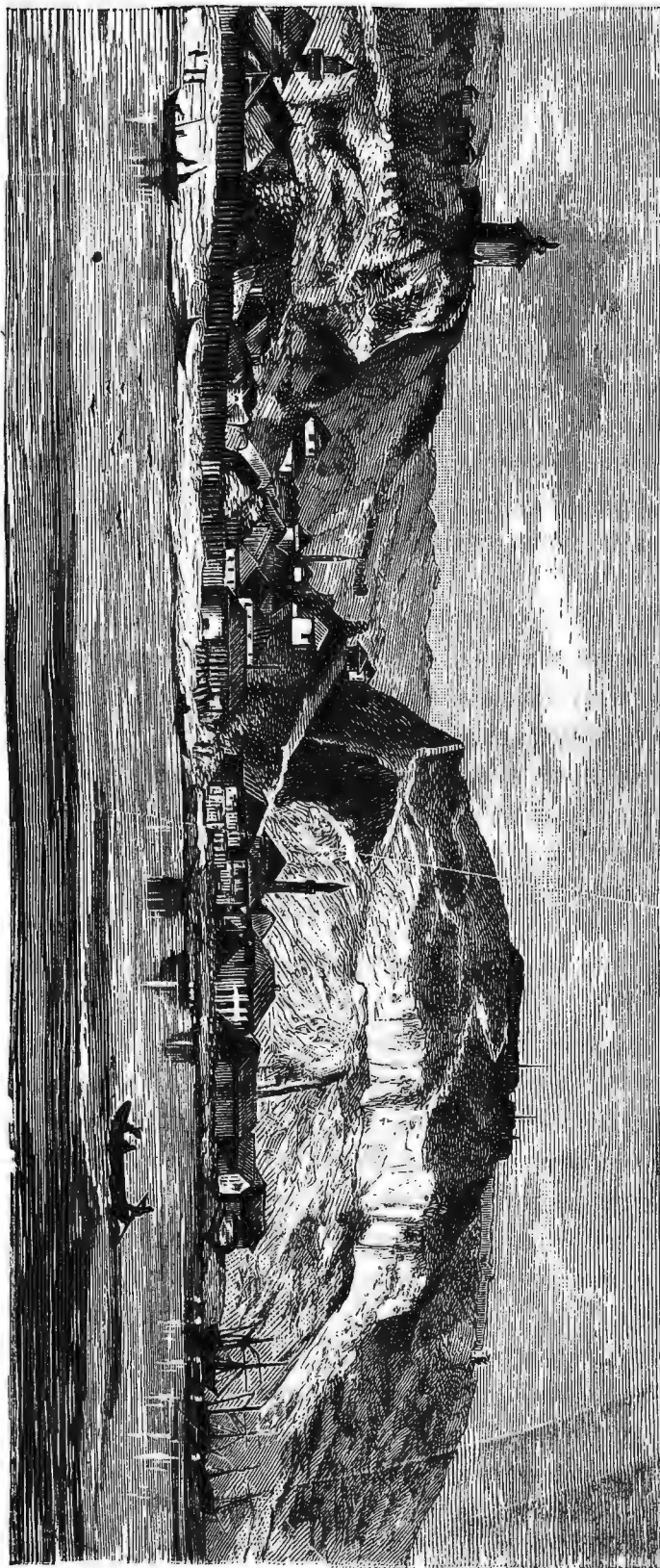
Такъ, командиръ 2-й батареи 5-й бригады, полковникъ Ямковскій, и командиръ 2-й донской батареи, подполковникъ Ритиковъ, цѣлые дни проводили въ окрестностяхъ, гдѣ встрѣчались другъ съ другомъ и со многими другими рекогносцирующими офицерами, обмѣнивались между собою видѣннымъ, дѣлали заключенія и такимъ образомъ изучили мѣстность настолько, что ихъ указанія были для насъ чрезвычайно полезны.

Сами турки въ этотъ разъ были еще очень неопытны и позволяли продѣлывать съ собою любопытныя вещи. Такъ, чтобы вызвать огонь со всѣхъ турецкихъ батарей и такимъ образомъ заставить ихъ обнаружить свое расположеніе, былъ потребованъ сначала взводъ отъ донской батареи, а затѣмъ взводъ отъ 2-й батареи 5-й бригады, и какъ только былъ открываемъ изъ этихъ взводовъ огонь, турки сейчасъ же съ горячностью отвѣчали на него со всѣхъ своихъ передовыхъ укрѣпленій, и, такимъ образомъ, безъ всякой нужды для себя, обнаружили предъ нами свое расположеніе. При этомъ ясно было, что турки пристрѣлялись раньше и потому пускали свои снаряды довольно мѣтко. Но, узнавъ, что требовалось, наши взводы сейчасъ же, разумѣется, отходили назадъ къ Вублѣ.

2-го іюля, утромъ, генералъ Похитоновъ собрался съ нѣсколькими артиллерійскими офицерами произвести окончательную рекогносцировку, съ цѣлью

провѣрки составленныхъ картъ и для указанія мѣста | время, пока наши офицеры въ кукурузѣ намѣчали
расположенія бата- | расположения бата- | кукурузѣ намѣчали
рей. Генералъ сѣлъ | рей. Генералъ сѣлъ | кукурузѣ намѣчали
на лошадь, и чело- | на лошадь, и чело- | кукурузѣ намѣчали
вѣкъ пять офице- | вѣкъ пять офице- | кукурузѣ намѣчали
ровъ веселою тол- | ровъ веселою тол- | кукурузѣ намѣчали
пой, разговаривая, | пой, разговаривая, | кукурузѣ намѣчали
отправились за | отправились за | кукурузѣ намѣчали
нимъ по дорогѣ, ве- | нимъ по дорогѣ, ве- | кукурузѣ намѣчали
дущей изъ Вублы | дущей изъ Вублы | кукурузѣ намѣчали
къ Никополю. Но | къ Никополю. Но | кукурузѣ намѣчали
лишь только они | лишь только они | кукурузѣ намѣчали
выѣхали на засѣян- | выѣхали на засѣян- | кукурузѣ намѣчали
ное желтое поле, | ное желтое поле, | кукурузѣ намѣчали
гдѣ ихъ фигуры | гдѣ ихъ фигуры | кукурузѣ намѣчали
рѣзко обрисовыва- | рѣзко обрисовыва- | кукурузѣ намѣчали
лись, какъ турки | лись, какъ турки | кукурузѣ намѣчали
неистово открыли | неистово открыли | кукурузѣ намѣчали
по нимъ огонь, опять | по нимъ огонь, опять | кукурузѣ намѣчали
со вѣхъ своихъ бата- | со вѣхъ своихъ бата- | кукурузѣ намѣчали
тарей, такъ что по | тарей, такъ что по | кукурузѣ намѣчали
отдѣльнымъ дым- | отдѣльнымъ дым- | кукурузѣ намѣчали
камъ отъ выстрѣ- | камъ отъ выстрѣ- | кукурузѣ намѣчали
ловъ можно было не | ловъ можно было не | кукурузѣ намѣчали
только узнать рас- | только узнать рас- | кукурузѣ намѣчали
положеніе ихъ ук- | положеніе ихъ ук- | кукурузѣ намѣчали
рѣпленій, но и пе- | рѣпленій, но и пе- | кукурузѣ намѣчали
ресчитать число о- | ресчитать число о- | кукурузѣ намѣчали
рудій... Конечно, | рудій... Конечно, | кукурузѣ намѣчали
турки оказывали | турки оказывали | кукурузѣ намѣчали
этимъ большую ус- | этимъ большую ус- | кукурузѣ намѣчали
лугу нашимъ офи- | лугу нашимъ офи- | кукурузѣ намѣчали
церамъ, давая имъ | церамъ, давая имъ | кукурузѣ намѣчали
возможность сооб- | можность сооб- | кукурузѣ намѣчали
разоваться при по- | разоваться при по- | кукурузѣ намѣчали
становкѣ батарей не | становкѣ батарей не | кукурузѣ намѣчали
только съ располо- | только съ располо- | кукурузѣ намѣчали
женіемъ непріятеля, | женіемъ непріятеля, | кукурузѣ намѣчали
но и съ силою его | но и съ силою его | кукурузѣ намѣчали
огня... Вреда же | огня... Вреда же | кукурузѣ намѣчали
намъ причинить они | намъ причинить они | кукурузѣ намѣчали
не могли, такъ какъ | не могли, такъ какъ | кукурузѣ намѣчали
стрѣльба изъ пу- | стрѣльба изъ пу- | кукурузѣ намѣчали
шекъ по отдѣль- | шекъ по отдѣль-

Видъ города Никополя.

кукурузѣ намѣчали | кукурузѣ намѣчали
колышками мѣста | кукурузѣ намѣчали
для батарей; то и | для батарей; то и | кукурузѣ намѣчали
дѣло раздавались | дѣло раздавались | кукурузѣ намѣчали
вокругъ нихъ ши- | вокругъ нихъ ши- | кукурузѣ намѣчали
пѣніе и свистъ ос- | пѣніе и свистъ ос- | кукурузѣ намѣчали
колковъ, не причи- | колковъ, не причи- | кукурузѣ намѣчали
ная, однако, нико- | ная, однако, нико- | кукурузѣ намѣчали
му никакого вреда. | му никакого вреда. | кукурузѣ намѣчали
Генералъ Похито- | Генералъ Похито- | кукурузѣ намѣчали
новъ оставался все | новъ оставался все | кукурузѣ намѣчали
время верхомъ и | время верхомъ и | кукурузѣ намѣчали
слѣдилъ за пра- | слѣдилъ за пра- | кукурузѣ намѣчали
вильностью взятаго | вильностью взятаго | кукурузѣ намѣчали
направленія съ пол- | направленія съ пол- | кукурузѣ намѣчали
нѣйшимъ хладно- | нѣйшимъ хладно- | кукурузѣ намѣчали
кровіемъ, точно ни- | кровіемъ, точно ни- | кукурузѣ намѣчали
какихъ гранатъ и | какихъ гранатъ и | кукурузѣ намѣчали
не слышитъ...

До сихъ поръ | До сихъ поръ
никто не можетъ | никто не можетъ
объяснить, какъ | объяснить, какъ
турки подпустили | турки подпустили
такъ близко къ се- | такъ близко къ се-
бѣ какихъ нибудь | бѣ какихъ нибудь
пять человекъ съ | пять человекъ съ
одними револьвера- | одними револьвера-
ми, не предпринявъ | ми, не предпринявъ
противъ нихъ ника- | противъ нихъ ника-
кихъ мѣръ, кромѣ | какихъ мѣръ, кромѣ
стрѣльбы изъ ору- | стрѣльбы изъ ору-
дій. Достаточно бы- | дій. Достаточно бы-
ло выслать туркамъ | ло выслать туркамъ
десятокъ — другой | десятковъ — другой
наѣздниковъ, и на- | наѣздниковъ, и на-
ши офицеры вынуж- | ши офицеры вынуж-
дены были бы вер- | дены были бы вер-
нуться ни съ чѣмъ, | вернуться ни съ чѣмъ,
не узнавъ ни ихъ | не узнавъ ни ихъ
расположенія, ни | расположенія, ни
количества орудій, | количества орудій,
какое имѣлось у | какое имѣлось у
нихъ на батареяхъ, | нихъ на батареяхъ,
или по крайней мѣ- | или по крайней мѣ-

нимъ людямъ есть только напрасная трата пороха и | рѣ вынудили бы насъ на „усиленную рекогносциров-
снарядовъ... Снаряды эти летали непрерывно во все | ку“, которая, обыкновенно, не обходится дешево...

Но турки, сидя за своими крѣпкими редутами и ложементами, считали, нужно полагать, совершенно излишнимъ дѣломъ держать аванпосты...

Сдѣлавъ все, что слѣдовало, артиллеристы благополучно возвратились въ Вублу, приговаривая дорогу: „хорошо, что мы воюемъ съ турками!..“

Такимъ образомъ намѣчены были на равнинѣ, правѣе д. Вублы, саженьхъ въ 1100 отъ „Вубловской батареи“, мѣста для пяти 9-ти-фунтовыхъ батарей (40 орудій), такъ что лѣвнй флангъ ихъ упирался въ Вублу, откуда линія батарей тянулась на востокъ. Самыя батареи, т. е. насыпи, съ мѣстами въ нихъ для орудій, предполагалось возвести въ ночь на 3-е іюля.

Какъ мы уже знаемъ, 2-го іюля, кавказская казачья бригада и 1-я бригада 5-й пѣхотной дивизіи находились въ Дебо, на лѣвомъ берегу Осмы. 1-я же бригада 31-й пѣхотной дивизіи (полки Пензенскій и Тамбовскій) была еще раньше этого направлена на востокъ отъ Никополя, въ д. Эрмени, и только сегодня, вслѣдствіе измѣненія плана атаки, Тамбовскій полкъ былъ двинуть изъ Эрмени въ Вублу. Такимъ образомъ, въ этой деревнѣ находился пока одинъ только Галицкій полкъ *) съ линейными ротами Козловскаго полка, главныя силы котораго тоже только еще подходили сюда изъ Новачи, что на р. Осмѣ ближе къ Плевнѣ.

За неприбытіемъ главныхъ силъ, пришлось нѣсколько замедлить постройкою батарей, такъ какъ недоставало для этого ни инструментовъ, ни рабочихъ, ни прикрытія для нихъ.

Наконецъ, поздно вечеромъ, когда уже было совершенно темно, пришли рабочіе (въ числѣ около 500 человѣкъ) отъ полковъ, которые все еще находились въ пути. Но при рабочихъ не было никакого инструмента, такъ что пришлось отбирать кирки и лопаты понемногу отъ каждой батареи и роты Галицкаго полка, и все-таки инструментовъ собралось очень мало: не болѣе двадцати, двадцати пяти лопатъ на батарею. Но терять времени были некогда. Генераль Криденеръ приказалъ открыть огонь съ разсвѣтомъ, все равно—будутъ или не будутъ готовы закрытія для батарей. Волей-неволей отрядъ нашъ изъ рабо-

чихъ и прикрытія, численностью до 3,000 человѣкъ, двинулся къ мѣсту предполагаемой постановки батарей.

Ночь была хотя звѣздная, но чрезвычайно темная. Такія ночи бывають только на югѣ: въ пяти, семи, шагахъ уже не различаешь человѣка... Сбиться съ настоящаго пути, особенно когда пришлось свернуть съ дороги вправо—въ кукурузу, было весьма легко. Никакихъ видимыхъ знаковъ, въ родѣ деревьевъ или чего нибудь подобнаго, не было. Къ тому же никто изъ шедшихъ людей не зналъ мѣстности, исключая двухъ-трехъ офицеровъ, бывшихъ на предварительныхъ рекогносцировкахъ и назначенныхъ теперь въ провожатые; но тѣ за темнотою ничего не могли разсмотрѣть, а тѣмъ болѣе колышковъ, поставленныхъ днемъ въ кукурузѣ... При этомъ нужно было еще стараться, чтобы непріятель не замѣтилъ нашего движенія: иначе все предположеніе могло неудаться. Сдѣлай турки въ это время хотя маленькую демонстрацію, и трудно было предвидѣть, чтобы изъ этого вышло...

Этотъ часъ, пока шли рабочіе до мѣста постройки батарей, показался всеѣмъ вѣчностью. Сомнѣнія насчетъ точности взятаго направленія чрезвычайно безпокоили и волновали всеѣхъ: а вдругъ войдутъ на турецкій редутъ или наткнутся на засаду?

Какимъ образомъ добрались, наконецъ, рабочіе до назначеннаго имъ мѣста—просто непонятно.

При этомъ цѣлый полкъ шелъ и приступилъ къ работѣ такъ тихо, что не только турки, отъ которыхъ это мѣсто было версты за двѣ, но и подлѣ рабочихъ, отойдя немного впередъ или назадъ, нельзя было подумать, что здѣсь работаютъ почти три тысячи человѣкъ... Солдаты между собою ничего не говорили; только офицеры, по два отъ каждой батареи, да назначенные имъ саперные офицеры, по одному на каждую батарею, изъ бывшей при корпусѣ саперной роты,—шепотомъ передавали, что кому дѣлать...

Впереди, изъ ротъ, назначенныхъ въ прикрытіе, вытянулась цѣпь, готовая встрѣтить непріятеля, если бы ему вздумалось помѣшать нашимъ работамъ. Но турки крѣпко спали... Тишина и спокойствіе въ непріятельскомъ лагерѣ ничѣмъ не нарушалась: ни одного звука, ни одного даже случайнаго выстрѣла не было слышно въ эту ночь. Рабочіе, словно молчаливые кроты, беззвучно копали рыхлую землю, между

*) Костромской полкъ продолжалъ оставаться въ Турскомъ-Трстаникѣ, а Воронежскій—въ Систовѣ.

тѣмъ какъ люди, находившіеся въ цѣпи, съ напряженнымъ вниманіемъ и сильно бьющимся сердцемъ, вглядывались впередъ...

Однако, какъ ни успѣшно шло дѣло, а вслѣдствіе полной темноты и поздняго прибытія рабочихъ, батареи были заложены не на указанномъ мѣстѣ: вмѣсто тысячи-ста ихъ заложили на тысячу-триста съ небольшимъ саженьхъ отъ „Вубловской батареи“, даже направленіе линіи огня для нѣкоторыхъ батарей было сдѣлано невѣрно; такъ, напримѣръ, рассказываютъ, что 2-й дивизионъ 1-й батареи 5-й бригады долженъ былъ по утру, когда разсвѣло, оставить свою батарею, ибо она была построена къ непріятелю флангомъ...

Было еще темно и батареи наши только-что начали строиться, какъ уже позади, отъ нашего bivуака, послышался шумъ и стукъ колесъ: очевидно было, что это шли наши орудія. Но даже шумъ отъ движущейся артиллеріи не беспокоилъ безмятежнаго сна турокъ... Къ двумъ часамъ утра, чуть только началъ брезжить свѣтъ, какъ уже подѣхали наши батареи къ мѣсту работъ съ возможною тишиною. Насыпи въ это время не были еще и на половину готовы; но не дожидаясь окончанія работъ, батареи наши тотчасъ же начали по одному орудію занимать свои мѣста въ ложементхъ. Все, что можно было въ три-четыре часа ночной работы сдѣлать, было сдѣлано. Работа не прекращалась и по занятіи ложементовъ; тутъ уже сама орудійная прислуга доканчивала дѣло: сложенные по мѣстамъ въ копны кукурузные снопы послужили имъ для закрытія черныхъ насыпей ложементовъ, слишкомъ рѣзко выдѣлявшихся на засѣянномъ желтомъ полѣ... Прислуга, между тѣмъ, дѣятельно хлопотала около снарядовъ, и не успѣли поднести и по десяти гранатъ на орудіе, какъ уже совсѣмъ стало свѣтло, — и генералъ Похионовъ, прибывшій съ батареями, началъ торопить открытіемъ огня противъ турокъ, все еще не подозревавшихъ о готовящемся имъ сюрпризѣ...

Къ этому времени, т. е. къ утру 3-го іюля главныя наши силы расположились для наступленія, согласно вышеприведенному плану атаки, въ слѣдующемъ порядкѣ:

Всѣ войска 9-го корпуса раздѣлены были на двѣ части: одна, подъ непосредственнымъ начальствомъ самого генерала Криденера, должна была дѣйствовать къ югу и востоку отъ города, а другая часть, подъ

ближайшимъ начальствомъ генералъ-лейтенанта Шильдеръ-Шульднера, направлена была по лѣвой сторонѣ рѣки Осмы въ обходъ западныхъ Никопольскихъ высотъ, съ цѣлью отрѣзать туркамъ всякое сообщеніе съ Раховомъ и Плевною, откуда они, по слухамъ, ожидали подкрѣпленій.

По правую сторону Осмы, въ центрѣ отряда генерала Криденера, правѣе и нѣсколько впереди д. Вублы, за линіей приготовленныхъ въ ночь ложементовъ, какъ мы уже знаемъ, поставлены были пять 9-ти фунтовыхъ батарей (т. е. 40 орудій*). На правомъ флангѣ генерала Криденера сталъ 121-й пѣхотный Пензенскій полкъ, занявшій, въ востоку отъ города, близъ деревни Эрмени или Ермолія, небольшую рощу на берегу лощины и находящіяся на ней водяныя мельницы. Мѣстность ближе къ берегу Дуная, правѣе Пензенцевъ, охранялась отрядомъ изъ трехъ сотъ казаковъ, подъ начальствомъ полковника Нагибина.

На лѣвомъ флангѣ отряда генерала Криденера, въ самой деревнѣ Вублѣ, расположенъ былъ 20-й Пѣхотный галицкій полкъ.

Въ резервѣ, позади 9-ти фунтовыхъ батарей сталъ 122-й пѣхотный Тамбовскій полкъ, съ 5-ю батареею 5-й артиллерійской бригады и 6-ю батареею 31-й артиллерійской бригады, съ двумя сотнями казаковъ и со 2-ю донскою батареею.

Для связи съ отрядомъ генерала Шильдеръ-Шульднера и для содѣйствія ему, поставленъ былъ, влѣво отъ д. Вублы, ближе къ р. Осмѣ, неподалеку отъ дер. Слатины, 123-й пѣхотный Козловскій полкъ съ двумя сотнями казаковъ.

Отрядъ генерала Шильдеръ-Шульднера, состоявшій изъ двухъ пѣхотныхъ полковъ — Архангелогородскаго и Вологодскаго съ ихъ артиллеріею**), изъ 8^{1/2} сотенъ кавказской казачьей бригады, при 6-ти горныхъ орудіяхъ, и 9-го уланскаго Бугскаго полка, — расположенъ былъ на лѣвомъ берегу Осмы, на юго-западъ отъ Никополя, близъ деревни Дебо.

Наступило утро достопамятнаго дня, 3-го іюля. Часа въ 4 пополудни, какъ только начала занимать заря на востокъ и стало возможно различить вдали непріятельскія укрѣпленія, со 2-й батареи 5-й

*) 1-я и 2-я батареи 5-й артиллерійской бригады и 1-я, 2-я и 3-я батареи 31-й артиллерійской бригады.

**) 4-я и 6-я батареи 5-й артиллерійской бригады и 4-я батарея 31-й артиллерійской бригады.

бригады раздался первый выстрѣлъ, направленный въ „Вубловскую батарею“, и далъ знать, что сраженіе началось...

Этотъ выстрѣлъ, звучно раздавшись по зарѣ, отозвался и въ сердцахъ воиновъ: всѣ обнажили головы, и крестное знаменіе осѣнило русскія груди.

Вслѣдъ затѣмъ воцарилось гробовое молчаніе: всѣ вперили глаза по направленію непріятельской батареи, какъ будто-бы весь исходъ этого дѣла зависѣлъ отъ выпущенной гранаты...

— Недолетъ!—нарушилъ кто-то молчаніе,—и вдругъ все сразу засуетилось: послышалась громкая команда командира батареи; наводчики начали торопливо исправлять прицѣлъ орудій...

— Восьмое!—кричитъ на батареи поручикъ.

— Пли!—командуетъ наводчикъ....

Орудіе грянуло и грозно откатилось назадъ; дымъ застлалъ батарею, и новая граната, съ шумомъ разсѣвая воздухъ, полетѣла къ непріятелю...

Вслѣдъ затѣмъ на „Вубловской батареѣ“ показался бѣлый дымокъ, сопровождаемый небольшимъ огонькомъ.

— Вотъ такъ молодецъ, Мамошенко—угодилъ какъ разъ!—заговорили солдатики на 2-й батареѣ, полагая, что этотъ дымокъ означаетъ разрывъ только-что выпущеннаго нашего снаряда...

Но раздавшійся черезъ секунду свистъ и затѣмъ оглушительный разрывъ непріятельскаго снаряда впереди нашихъ батарей, заставилъ вдругъ всѣхъ смолкнуть... Граната недолетѣла сажень на 30 и разорвалась, высоко подбросила осколки и комья земли... Озадаченные и разочарованные въ своихъ предположеніяхъ, солдаты остановились въ недоумѣніи, но послышавшееся вскорѣ замѣчаніе одного изъ солдатиковъ: „ишь добре, що не въ насъ“—заставило всѣхъ разсмѣяться и всѣ вновь весело принялись за дѣло.

— Ну-ка, ребята, наводи туда, откуда былъ выстрѣлъ, распоряжается офицеръ, обращаясь къ наводчикамъ, — и слѣдуетъ новый выстрѣлъ.

Мало по малу всѣ наши 40 орудій приняли участіе въ боѣ, и артиллерійскій огонь началъ свирѣпствовать по всей линіи противъ передовыхъ непріятельскихъ укрѣпленій. Батареи наши сосредоточили свой огонь преимущественно на „Вубловской батареѣ“ и каменномъ редутѣ. Впрочемъ, самый сильный огонь былъ направленъ влѣво, въ „Вубловскую батарею“,

такъ какъ ее предстояло первую атаковать, да къ тому же она была видна отчетливо за кустарниками и деревьями.

Наши девятифунтовки дѣлали свое дѣло чрезвычайно хорошо. Чтобы не дать туркамъ возможности наблюдать за паденіемъ ихъ гранатъ, наши обыкновенно стрѣляли тотчасъ, какъ у непріятеля покажется дымокъ. Дымъ отъ нашего выстрѣла закрывалъ дымъ отъ разрыва на нашей батарее непріятельскихъ гранатъ и такимъ образомъ вводилъ противника въ заблужденіе. Чтобы еще больше сбить непріятеля съ толку, наши стрѣляли изъ двухъ орудій одинъ выстрѣлъ за другимъ, съ маленькимъ лишь промежуткомъ, такъ что когда противникъ, замѣтивъ дымъ отъ перваго нашего выстрѣла, спрячется за брустверъ и, послѣ пролета первой гранаты, высунетъ голову изъ-за бруствера, ему летитъ на встрѣчу другая, которой онъ и не ожидалъ.

Во всякомъ случаѣ, перевѣсъ въ числѣ орудій, а слѣдовательно и въ числѣ выстрѣловъ, былъ на нашей сторонѣ, и послѣ первой же перепалки стало ясно, что туркамъ не подъ силу тягаться съ нами въ огнѣ.

Въ началѣ сраженія у турокъ, противъ нашей 40-орудійной батареи, повидимому не было болѣе 15-ти орудій, изъ которыхъ три были крушовскія нарѣзные большаго калибра, можетъ быть тѣ самыя, которыми до этого времени турки бомбардировали городъ Турну-Магурелли.

Впрочемъ, небольшое число хорошо укрытыхъ орудій не мѣшало туркамъ лихо отстрѣливаться, особенно вначалѣ. Проснувшись, они, разумѣется, не имѣли возможности, по недостатку утренняго свѣта опредѣлить очертанія нашихъ батарей, и потому стрѣляли на дымъ, однако весьма энергично и мѣтко. Чтобы обмануть насъ насчетъ числа ихъ орудій и мѣста, гдѣ онѣ стояли, они постоянно перекатывали орудія изъ одной амбразуры въ другую. Турки направили часть своего огня и по Галицкому полку, занявшему деревню Вублу. Но больше всего доставалось 1-ой батарее 5-ой бригады и сосѣдней 2-ой батарее, какъ расположеннымъ въ центрѣ. Стрѣльба, особенно вначалѣ, велась турками толково и несуется. Каждый выстрѣлъ ихъ, казалось, такъ и вынесетъ нѣсколько человѣкъ. Въ самомъ же началѣ перестрѣлки былъ раненъ командиръ 2-ой батареи 5-ой бригады, подполковникъ Янковскій. Осколкомъ

отъ разорвавшейся на брустверѣ гранаты ударило его въ правую лопатку. Сгорая, думая, что это простая контузія, онъ остался въ строю, но послѣ оказалось, что у него трещина лопатки. Къ счастью, большая часть турецкихъ гранатъ разрывалась глубоко въ землѣ, не причиняя намъ большаго вреда. Вотъ одна граната упала въ 1-ую батарею 5-ой бригады, къ самымъ ногамъ артиллерійскаго офицера. Пыль и дымъ отъ разрыва на минуту скрыли его отъ глазъ товарищей, и уже все думали, что все кончено. Но дымъ разсѣялся, и офицеръ стоялъ какъ ни въ чемъ не бывало. Только маленькій осколокъ царапнулъ по пальцу ноги близъ стоявшаго канонира. Вотъ другая граната, на той же батарее, упавъ на насыпь и сдѣлавъ рикошетъ черезъ головы собравшихся тутъ офицеровъ, упала къ ихъ ногамъ и... не разорвалась! Та же картина повторялась постоянно и на всѣхъ другихъ батареяхъ.

— Огонь! къ намъ! — кричитъ наблюдающій за непріятельскими выстрѣлами фейерверкеръ.

— Пятое! тотчасъ же командуетъ офицеръ.

Раздается выстрѣлъ, и вслѣдъ затѣмъ все на минуту прислоняются къ маленькой насыпи батареи.

Выстрѣлъ своего орудія и ударный разрывъ турецкаго снаряда слѣдуютъ одинъ за другимъ. Дымъ закрываетъ всѣхъ, никого не видно...

— Все живы? кричитъ офицеръ что есть силы.

— Слава Богу, кажись все, отвѣчаютъ нѣсколько голосовъ: — только вотъ глаза маленько землей запырило...

Клубы пороховаго дыма вскорѣ поднялись высоко надъ мѣстностью, какъ облака, и не позволяли проникать слабымъ утреннимъ лучамъ восходящаго солнца, которое казалось какимъ-то огненнымъ краснымъ шаромъ, висѣвшимъ въ воздухѣ.

И среди этого дыма и адскаго гула сорока орудій, среди разрыва, свиста и шипѣнія своихъ и непріятельскихъ гранатъ, непрерывно копошились люди, силясь накатить и какъ можно поскорѣе зарядить орудіе, чтобы выстрѣлить, и такъ далѣе, безъ конца. Только крикъ часоваго: „огонь! наша!“ заставитъ всѣхъ на минуту прислониться къ тѣлудупному брустверу, и опять работа закипаетъ еще съ большимъ ожесточеніемъ, съ большею энергіей.

Не смотря на то, что наши закрытія были самыя плохія — простые ровики, но и тѣ принесли намъ

огромную пользу. Главную цѣлю при постройкѣ этихъ ложементовъ было укрытіе по возможности самого орудія, да и это не было окончено какъ слѣдуетъ. Людямъ же нельзя было укрыться за ними: не только стоя во весь ростъ, но и сидѣвшимъ они представляли, вслѣдствіе своей незначительной толщины и небольшого возвышенія, самое ничтожное, больше воображаемое, нежели дѣйствительное, закрытіе. Однакоже, благодаря этимъ насыпямъ, раненыхъ солдатъ не было. Укрываясь за мизерными ровиками, солдаты говорили, что они чувствуютъ себя „какъ у Христа за пазухой“ Мало по малу, подъ защитой этихъ ложементовъ, они освоились со свистомъ гранатъ, испытали на себѣ относительно слабое дѣйствіе артиллеріи по закрытіямъ и сейчасъ же оправились: начались шутки надъ тѣмъ, кто черезчуръ усердно прилегалъ къ насыпи, или кто изображалъ изъ себя при этомъ смѣшную фигуру; нѣкоторые взирались даже на самую насыпь — похрабриться поиграть въ опасность. Все это отлично дѣйствовало на нравственный духъ солдатъ и какъ нельзя лучше подготовило ихъ къ предстоящему наступленію.

Лошади съ зарядными ящиками и передками были отодвинуты подальше отъ батарей и спрятаны въ ложину, такъ какъ все это представляло изъ себя слишкомъ удобную цѣль противнику, да къ тому же лошади, до сихъ поръ не видавшія у себя подъ носомъ разрыва гранатъ и напуганныя свистомъ осколковъ, ни за что не хотѣли стоять спокойно у батарей. Мало по малу, однако, и онѣ привыкли ко всему этому и ко времени наступленія стояли уже какъ въопанная, точно это была для нихъ давно уже знакомая картина.

Самые же снаряды и порохъ помѣщались въ особые устроенныхъ погребкахъ позади батарей, и потому несчастій отъ взрывовъ также не было.

Артиллерійскій бой продолжался непрерывно до девяти часовъ утра, т. е. около пяти часовъ подъ рядъ. Но уже къ семи часамъ турки начали стрѣлять рѣже и хуже, нежели вначалѣ, а къ 9-ти часамъ и совсѣмъ прекратили огонь. Какъ только турки замолчали — и наши вскорѣ прекратили стрѣльбу, изрѣдка только посылая одну, двѣ гранаты, изъ экономіи въ снарядахъ, которыхъ въ подѣхавшемъ паркѣ было немного.

Но за то на лѣвомъ нашемъ флангѣ за рѣкой Осмой въ это время бой только- что началъ разго-

ратся, послышалась уже мелкая дробь ружейных выстрѣловъ, которые черезъ минуту послѣ того слились въ одинъ общій, сплошной, ужасный гулъ.

Это отрядъ генераль-лейтенанта Шильдеръ-Шульднера началъ наступленіе противъ непріятеля по обоимъ берегамъ Осмы, отъ Дебо и Слатины.

Обходное движеніе этого отряда отъ Дебо началось собственно съ развѣтомъ, почти одновременно съ открытіемъ огня нашею артиллеріею, долженствовавшею отвлечь вниманіе непріятеля отъ истиннаго пункта нашей атаки. 17-й Архангелогородскій полкъ, съ 4-ою батареею 31-ой артиллерійской бригады, двумя сотнями кавказцевъ и 9-мъ уланскимъ Бугскимъ полкомъ на лѣвомъ флангѣ двинулся отъ Дебо къ сѣверу на Градешти, въ направленіи къ берегу Дуная, въ обходъ праваго фланга непріятеля; а 18-й, Вологодскій полкъ, съ 4-ою и 6-ою батареями 5-ой артиллерійской бригады, выступилъ отъ Дебо къ сѣверо-востоку, въ направленіи къ мосту черезъ рѣку Осму, расположенному у д. Мыслеу или Музилео, на дорогѣ изъ Никополя въ Плевну.

Переходя изъ одной лощины въ другую, Вологодцы незамѣтно приблизились къ непріятелю, занимавшему высоты между рр. Видомъ и Осмою. Но лишь только наши орудія*), въ семь часовъ утра, дали выстрѣлъ по непріятелю, какъ надъ долиною Осмы раздался грохотъ непріятельскихъ пушекъ и ружейныхъ выстрѣловъ. На Вологодцевъ посыпался градъ турецкихъ пуль и гранатъ, и съ фронта, и съ праваго берега Осмы, и съ Никопольскихъ высотъ, и изъ самой крѣпости. Не смотря на это, послѣ непродолжительной ружейной перестрѣлки, Вологодцы пошли въ атаку.

День начинался жаркій. Мѣстность была изрѣзана холмами и глубокими оврагами. Вологодцамъ пришлось взбираться на крутизны, подъ градомъ непріятельскихъ выстрѣловъ. Турецкія пули, гранаты и даже снаряды крѣпостныхъ орудій начали ложиться въ ряды нашихъ храбрецовъ, и поражали ихъ одного за другимъ, такъ что не смотря на всѣ усилія, храбрый полкъ долго не могъ проложить себѣ дорогу на мостъ, который турки защищали съ отчаяннымъ мужествомъ и значительными силами. Между тѣмъ, овладѣніе этимъ мостомъ было необходимо для того, чтобы совершенно

заградить непріятелю путь на Плевну. Поэтому, около 10 часовъ, генераль Криденеръ приказалъ взводу 2-ой донской батареи, стоявшему въ резервѣ, поддержать наступленіе Вологодцевъ. Взобравшись съ большимъ трудомъ на крутую покатость, по правую сторону Осмы, взводъ этой батареи началъ поражать продолжнымъ огнемъ артиллерію и войска непріятельскія, дѣйствовавшія противъ Вологодцевъ на лѣвой сторонѣ Осмы. Подъ защитой этихъ выстрѣловъ, Вологодцы снова начали подаваться впередъ и выбили непріятеля изъ пяти послѣдовательныхъ позицій, принудивъ его отступить на мостъ черезъ Осму у д. Джурно-село или Дзерново, пройдя Мыслеу.

Какъ только непріятель началъ это отступленіе, двинулся къ той же рѣкѣ Козловскій полкъ, справа, отъ Слатины и быстро занялъ мостъ на Осмѣ у д. Мыслеу.

Тѣснимые изъ долины рѣки Осмы, турки пробовали было удержаться на ней и засѣли на одной мельницѣ, между Мыслеу и Джурно-село. Тогда 2-я стрѣлковая рота Козловскаго полка, безъ выстрѣла, съ крикомъ „ура“, бросилась на турокъ, выбила ихъ изъ мельницы, опрокинула въ оврагъ и, поддержанная 7-ою и 8-ою линейными ротами того же полка, вытѣснила турокъ и изъ оврага и погнала ихъ внизъ по долину Осмы, причемъ турки должны были очистить и второй мостъ на Осмѣ, у Джурно-село. Одновременно съ этимъ другія роты 2-го батальона Козловцевъ заняли съ бою деревню Джурно-село, расположенную противъ этого моста, на правомъ берегу Осмы. Такимъ образомъ, Козловцы совсѣмъ очистили долину Осмы отъ непріятельскихъ стрѣлковъ, загнавъ ихъ на западныя Никопольскія высоты.

Послѣ этого оба полка — Козловскій и Вологодскій — соединились вмѣстѣ и сейчасъ же пошли на штурмъ Никопольскихъ горъ.

При подъемѣ на горы, они встрѣчены были сильнѣйшимъ ружейнымъ огнемъ, вслѣдствіе чего вынуждены были вскорѣ пріостановиться. Тогда командиръ Козловскаго полка, полковникъ Богацевичъ, контуженный еще въ началѣ дѣла, лично съ тремя ротами, поднялся вверхъ и отогналъ непріятеля штыками, что дало возможность собраться и устроиться остальнымъ войскамъ, наступавшимъ по крайне пересѣченной и обрывистой мѣстности.

Передохнувъ немного и утоливъ жажду, оба полка

*) 4-я батарея 5-ой артиллерійской бригады.

снова двинулись вперед: Козловцы по дорогѣ изъ Рахова въ Никополь, а Вологодцы лѣвѣе ихъ.

Былъ уже полдень. Жара становилась невыносимою. Продолжительный бой подъ палящимъ зноемъ въ конецъ измучилъ храбрецовъ; а впереди ихъ громоздились все новыя и новыя крутизны, чернѣлись все новыя и новыя рытвины и окопы, изъ-за которыхъ виднѣлись сплошные ряды турецкихъ фесокъ. На встрѣчу храбрецамъ неслась жестокая пальба; въ воздухѣ то и дѣло свистѣли пули и съ зловѣщимъ шипѣньемъ проносились гранаты; раненые и убитые падали на каждомъ шагѣ. Но ничто не могло остановить храбрыхъ солдатъ. Точно роковая сила влекла ихъ вперед! Измученные и поражаемые сверху ружейнымъ огнемъ, Козловцы и Вологодцы карабкались на одну крутизну за другой, и, натываясь на ряды непріятельскихъ окоповъ и заваловъ, брали ихъ штыками, на „ура“, и перебивали всѣхъ.

Битва все разгоралась. Казалось, и конца ей не будетъ. Въ нѣкоторыхъ батальонахъ Козловскаго и Вологодскаго полковъ старшіе офицеры и даже ротные командиры были перебиты, а частью отстали при подъемѣ на горы. Измученные солдаты также вынуждены были нѣсколько разъ останавливаться; но, передохнувъ немного, утоливъ жажду и придя въ порядокъ, они снова принимались карабкаться на обрывы и завалы, выбивая непріятеля шагъ за шагомъ. Даже легко раненые, не давая себя перевязывать, просили только воды и снова возвращались въ бой. Подъ конецъ турки не могли уже выдерживать дружнаго, жгучаго натиска русскихъ. При первомъ крикѣ „ура“, они прятали свои головы за окопами и скрытно перебѣгали за другія укрѣпленія. Наши же все время оставались открытыми для непріятельскихъ выстрѣловъ и потому несли значительныя потери. Можно сказать, что нескончаемые ряды непріятельскихъ укрѣпленій солдаты наши брали своею грудью.

1-й батальонъ Вологодцевъ, взбравшійся на высоты лѣвѣе Козловцевъ, успѣлъ вскорѣ захватить непріятельское укрѣпленіе съ четырьмя орудіями, которые и были тотчасъ же обращены противъ турокъ. Но послѣдніе, собравшись съ силами, вновь начали тѣснить Вологодцевъ, къ которымъ, однако, подошла помощь отъ Козловцевъ, съ Богацевичемъ во главѣ, и непріятель былъ окончательно отброшенъ. Соединившись съ 1-мъ батальономъ Вологодцевъ и

быстро устроившись, Козловцы продолжали оттѣснять непріятеля къ городу, по виддинской дорогѣ, овладѣли, послѣ довольно продолжительной перестрѣлки, турецкимъ лагеремъ и заняли затѣмъ овраги и сады, расположенные на западъ отъ Никополя, вблизи цитадели, противъ редута Туна-Кале. Здѣсь Козловцы и Вологодцы наконецъ остановились, и, укрѣпившись въ занятой мѣстности, расположились на отдыхъ.

Между тѣмъ, еще гораздо раньше этого, часа въ 2 пополудни, послѣ продолжительной артиллерійской перестрѣлки изъ-за насыпей девяти-фунтовыхъ батарей, начали наступать на турокъ и остальные наши полки, съ другихъ сторонъ Никополя—съ юга и востока.

Безконечная стрѣльба съ дальней дистанціи уже порядкомъ надоѣла нашимъ артиллеристамъ на 40-орудійной батарее. Всѣмъ хотѣлось поскорѣе самимъ впередъ, чтобы положить конецъ неизвѣстности, тѣмъ болѣе, что были минуты, когда турки, осыпавшие нашими гранатами, совсѣмъ замолкали. На батареяхъ нашихъ артиллеристы успѣли уже устроиться по домашнему. Храбрые деньщики тутъ же, на батарее, старательно приготавливали чай для офицерства, усердно раздувая самовары, въ то время какъ прислуга хлопотала около орудій. Подъ палящими, почти вертикальными лучами полуденнаго солнца, жажда развилась у всѣхъ страшная и никому не давала покоя: пили и чай, и воду, пили безпрестанно, а все казалось мало. Это еще болѣе дѣлало невыносимымъ однообразное пребываніе на душныхъ батареяхъ.

Наконецъ, какъ только Козловцы показали слѣва, на западныхъ высотахъ Никополя, часу во второмъ пополудни, отдано было приказаніе наступать впередъ всѣмъ пяти 9-ти-фунтовымъ батареямъ, а равно и Галицкому пѣхотному полку изъ д. Вубли.

Когда густыя колонны этого полка вышли, наконецъ, изъ деревни на равнину, генераль Похитоновъ командовалъ артиллерію, стоявшей въ ложементахъ, начать наступленіе съ лѣваго фланга, по батарее.

Турецкія укрѣпленія въ это время совершенно прісмирѣли, и, казалось, весь гарнизонъ ихъ вымеръ.

Но лишь только подбѣжали къ нашей крайней лѣвой батарее*) передки и зарядныя ящики, какъ

*) 1-я батарея 5-й артиллерійской бригады.

турецкія укрѣпленія вдругъ ожили, открывъ страшную пальбу изъ всѣхъ своихъ орудій, особенно съ „Вублской батареи“

На нѣсколько секундъ движеніе на нашей батарее пріостановилось. Страшный огонь непріятеля не позволялъ взять орудія на передки; лошади не хотѣли стоять покойно и, противъ воли ѣздовыхъ, усекали отъ батарей, взбѣшенныя видомъ разрыва гранатъ и свистомъ осколковъ. Тогда всѣ остальные наши батареи открыли частый, безостановочный огонь по „Вублской батарее“ и положительно засыпали ее гранатами, отъ разрыва которыхъ образовалось надъ батареей сплошное, густое облако дыма, точно отъ пожара. Не прошло и десяти минутъ, какъ редутъ замолчалъ, и тогда-то началось знаменитое, по своей быстротѣ и стройности, наступленіе пяти батарей.

1-я батарея моментально взяла на передки и, съ посаженною прислугою, въ карьеръ вынеслась изъ своихъ ложементовъ и отважно, въ полномъ порядкѣ, помчалась впередъ. Весь свой огонь турки обратили тогда на нее; только „Вублская батарея“, какъ-бы огрызаясь на частый огонь остальныхъ нашихъ орудій, поддерживавшихъ 1-ю батарею, послала и имъ нѣсколько гранатъ. Проскакавъ сажень 400, 1-я батарея остановилась, снялась съ передковъ и учащеннымъ огнемъ начала отвѣчать на огонь укрѣпленій.

Наступила очередь наступать слѣдующей батарее (*). Прислуга, быстро выкативъ орудія, начала было шумѣть и суетиться, но послѣ строгаго замѣчанія, сдѣланнаго генераломъ Похитоновымъ, вся батарея вдругъ примолкла, и солдаты мигомъ очутились на своихъ мѣстахъ. Замѣтивъ поданные передки къ этой нашей батарее, каменный редутъ осыпалъ ее снарядами. Но батарея спокойно выѣхала изъ закрытій, и весь рой гранатъ, который свирѣпствовалъ противъ 1-й батареи, вдругъ теперь обрушился на нее. Кругомъ батареи поднялся свистъ гранатъ и трескъ разрывающихся снарядовъ, обдавшихъ ее осколками и комьями земли. И среди этого ада, неслась батарея въ мертвой тишинѣ, прерываемой лишь изрѣдка командой офицеровъ, да сердитымъ визгомъ нагайки. По сторонамъ мѣрно скакали офицеры батарей, жадно вперивъ глаза на лѣво въ „Вублскую

батарею“, и еле сдерживая порывы своихъ лошадей; горячившихся, фыркавшихъ, вздрагивавшихъ и испуганно бросавшихся въ сторону, когда разорвавшаяся граната обдавала ихъ осколками. Но стрѣльба по движущейся цѣли, вообще, мало дѣйствительна, а для турокъ, находившихся въ это время подъ дождемъ остальныхъ нашихъ батарей, стрѣльба эта свелась на то, что ни одинъ изъ массы выпущенныхъ ими снарядовъ, не причинилъ намъ во время выѣзда никакого вреда. Проскакавъ нѣсколько сажень дальше 1-й батареи, 2-я батарея снялась на небольшомъ бугоркѣ, еле возвышавшемся надъ совершенно ровною мѣстностью, и тотчасъ же принялась вознаграждать себя за невольное, хотя и кратковременное молчаніе.

Вслѣдъ за тѣмъ, вынеслись, одна за другою, остальные три наши батареи *), какъ и двѣ предыдущія, въ замѣчательномъ порядкѣ. Вообще, выѣздъ артиллеріи подъ дождемъ гранатъ съ непріятельскихъ укрѣпленій былъ такой, какой врядъ-ли повторится даже на ученѣ или смотре. Это былъ выѣздъ, при видѣ котораго французскій военный агентъ, по словамъ штабныхъ офицеровъ, пришелъ въ восторгъ и, аплодируя, кричалъ: „vive, vive, l'artillerie!“ (**).

Вынеслись впередъ на столько, что турецкія батареи очутились у насъ почти на флангахъ, а каменный редутъ даже нѣсколько въ тылу, батареи наши, пренебрегая непріятельскимъ огнемъ, выстроились въ одну линію, точно на ученѣ или на маневрахъ, и открыли мѣткій и самый частый огонь шрапнелями, какой только можно было поддерживать. Противникъ видимо былъ потрясенъ при видѣ этого грознаго и смѣлаго наступленія. Выстрѣлы его сдѣлались торопливыми, суетливыми, гранаты начали летѣть черезъ наши головы, или куда-нибудь въ сторону, а шрапнели непріятельскія совѣмъ ужъ рвали гдѣ-то въ небесѣхъ.

Но, не смотря на это, позиція нашихъ батарей, по своему открытому положенію и по близости къ непріятелю, была настолько опасна, что дѣло не могло обойтись у насъ безъ несчастныхъ случаевъ. Нѣкоторые изъ наступавшихъ батарей буквально были засыпаны снарядами. Это тѣмъ болѣе было легко для турокъ, что всѣ наши батареи, оставивъ на время

*) 2-я батарея 5-й бригады.

*) 1-я, 2-я и 3-я батареи 31-й бригады.

**) Да здравствуетъ артиллерія.

безъ вниманія правыя укрѣпленія, весь огонь свой сосредоточили на Вублской батарее, куда велась уже атака пѣхотой. Черезъ нѣсколько секундъ на нашихъ батареяхъ раздавались уже пронизывающіе холодомъ душу стоны, или лучше крики раненныхъ отъ страшной боли. Разрывъ артиллерійскаго снаряда причиняетъ самыя ужасныя раны! Вотъ на 2-й батарее у 7-го орудія упалъ номерной съ сумой, несшій снарядъ: граната ударила у его ногъ, разорвалась и осколокъ, скользя по лбу, окровавилъ все его лицо. Проникнутый чувствомъ исполненія своего долга, номерной вскочилъ и понесъ свою ношу къ орудію, — только два шага сдѣлалъ герой, и другая граната выворотила ему все внутренности... Стоны раненныхъ, просьба о питьѣ, крики о помощи и предсмертное ржаніе лошадей раздавались на многихъ батареяхъ, но уцѣлѣвшіе солдаты отчетливо исполняли свое дѣло, только еще суровѣе, еще мрачнѣе стали ихъ лица. Всемъ хотѣлось работать, работать завсѣхъ, чтобы заглушить въ себѣ жгучее томительное чувство.

Противъ „Вублской“ батареи орудія наши свирѣпствовали съ страшною силою. Вскорѣ батарея эта буквально задымилась отъ разрыва нашихъ картечныхъ гранатъ. Огонь былъ на столько губителенъ для турокъ, что они растерялись и не замѣчали выдвигавшейся впередъ цѣпи нашихъ стрѣлковъ, которые были уже близко.

Выступивъ изъ деревни Вублы, густыми колоннами, со стрѣлковою цѣпью впереди, Галичане, послѣ непродолжительной ружейной перестрѣлки съ турецкою цѣпью, съ дружнымъ, потрясающимъ крикомъ „ура“, бросились на нее за своимъ храбрымъ командиромъ полковникомъ Разгилдѣевымъ, по совершенно открытой мѣстности, обстрѣливаемой сильнѣйшимъ неприятельскимъ ружейнымъ огнемъ. Выбивъ турецкихъ стрѣлковъ изъ устроенныхъ передъ „Вублскою“ батареею заваловъ, Галичане, увлеченные боемъ, двинулись безъ остановки дальше, и одинъ только 2-й батальонъ Галицкаго полка взялъ штурмомъ самое „Вублское“ укрѣпленіе. Ошалѣлые турки едва успѣли сдѣлать нѣсколько выстрѣловъ въ пѣхоту, и батарея была наша. При этомъ, прапорщикъ Пальчиковъ, съ десятью рядовыми, прогнавъ турецкихъ артиллеристовъ, захватилъ дальнобойное крупновское орудіе, причинявшее намъ своими выстрѣлами значительный вредъ.

Достигнувъ высотъ, стрѣлковая цѣпь, увлеченная боемъ и подкрѣпленная ротами второй линіи, нѣсколько верстъ лѣзла на неприятельскія позиціи, опрокидывая все на своемъ пути. Не смотря на сильный огонь и чувствительныя потери, Галичане неутомимо прокладывали себѣ путь къ Никополю. Большинство молодыхъ офицеровъ шли сами съ ружьями въ рукахъ и съ громкимъ „ура“ бросались впереди своихъ частей. Стрѣлять нашимъ пѣхотинцамъ почти совѣтъ не приходилось, такъ какъ турки большею частію скрыты были въ траншеяхъ, откуда ихъ приходилось выбивать только штыками.

Борьба завязалась ожесточенная. Особенно изнурялъ солдатъ необыкновенно жаркій день. Глотокъ воды въ это время представлялся для нихъ неоцѣненнымъ благомъ. Во время боя солдаты забывали сонъ, усталость, голодъ, цѣлый день могли ничего не ѣсть, только одна жажда не давала никому покоя. Они цѣлыми толпами, часто подвергаясь ружейному огню, бѣгали далеко, иногда версты за три и болѣе, чтобы только утолить жажду и принести воды для себя и для своихъ товарищей. Къ счастью, нѣсколько болгарскихъ женщинъ изъ окрестныхъ деревень также непрерывно приносили воду подвигавшимся впередъ солдатамъ. Разъ было случилось, что турецкія орудія направили свой огонь прямо на болгарокъ. Одну минуту среди женщинъ, повидимому, явилось было желаніе уйти подальше отъ снарядовъ, съ зловѣщимъ жужжаніемъ пронесившихся около нихъ; но затѣмъ онѣ одумались и рѣшили остаться на мѣстѣ. Держа ведро воды и образъ — въ одной рукѣ, онѣ непрерывно крестились другою, и читали молитвы, но оставались на мѣстѣ, и успѣли утолить жажду не одного солдата, брасавшагося затѣмъ съ обновленными силами въ бой.

Продолжая оттѣснять турокъ все дальше и дальше къ городу, Галичане отнимали у нихъ траншею за траншеей и, наконецъ, около 3-хъ часовъ по полудни, овладѣли турецкимъ редутомъ, лежащимъ къ сѣверу отъ „Вублской“ батареи. Далѣе раскидывался большой турецкій лагерь, который, впрочемъ, не былъ укрѣпленъ земляными окопами и былъ уже оставленъ. Черезъ полчаса и этотъ лагерь находился въ рукахъ русскихъ.

Наши 9-ти фунтовыя батареи, во все время наступленія Галицкаго полка, въ совершенномъ порядкѣ

и съ полнымъ спокойствіемъ, не смотря на кустарники и кукурузу и на градъ непріятельскихъ снарядовъ и пуль, продолжали слѣдовать за пѣхотой по пятамъ, на правомъ флангѣ у нея, побатарейно, какъ на маневрахъ, и, съ близкаго разстоянія, осыпали, въ свою очередь, непріятеля гранатами и картечью. Главный огонь своей артиллеріи обратила теперь на лѣвныя непріятельскія батареи, которыя изъ разстрѣливающихся быстро обратились въ разстрѣливаемые. Батареи 31-й бригады осыпали ихъ съ праваго фланга, а батареи 5-й бригады съ фронта. Очутившись подъ перекрестнымъ огнемъ сорока орудій, турки не выдержали и побѣжали, не дождавшись атаки. Переминая позиціи и не давая туркамъ нигдѣ остановиться, батареи наши быстро подвигались впередъ, принимая постепенно вправо, пока не достигли лѣса, гдѣ остановились, наконецъ, чтобы устроиться и выждать дальнѣйшихъ приказаній. Вообще, въ пространствѣ между „Вублской“ батареей и каменнымъ редутомъ, атаки съ нашей стороны не было, и весь этотъ путь былъ очищенъ исключительно огнемъ артиллеріи, которая прошла, такимъ образомъ, цѣлые ряды непріятельскихъ траншей и ложементовъ, оставленныхъ турками, вмѣстѣ съ убитыми, испорченными ружьями, лопатами, патронами и т. под.

Между тѣмъ, 1-й батальонъ Галичанъ, тотчасъ по овладѣніи турецкимъ лагеремъ за „Вублскою“ батареею, направился вправо, на грозный непріятельскій редутъ, выложенный изъ камня и расположенный къ востоку отъ города. Шедшіе впереди люди этого батальона, имѣя во главѣ командира 1-й линейной роты капитана Плетнева и подпоручика Борисовича, бросились было въ ровъ редута, для овладѣнія имъ, но встрѣченные изъ укрѣпленія сильнѣйшимъ ружейнымъ огнемъ и не имѣя вблизи поддержки, вынуждены были отойти и укрылись въ лощинѣ передъ редутомъ. Тогда генераль Криденеръ двинулъ изъ резерва, для поддержки Галичанъ, сперва 3-й батальонъ Тамбовскаго полка, а вскорѣ затѣмъ и два другіе батальона Галицкаго полка.

Тамбовцы направилась черезъ лѣсистыя высоты прямо на вышеозначенный редутъ и погнала передъ собою турокъ, выгоняя ихъ, подъ сильнѣйшимъ ружейнымъ и артиллерійскимъ огнемъ, изъ-за деревьевъ, овраговъ, ровиковъ и ложементовъ. Но, дойдя до редута, Тамбовцы, какъ и 1-й батальонъ Галицкаго

полка, потерпѣли неудачу. Нѣкоторые, однако, остались на этотъ разъ во рву редута. Турки, превосходя ихъ численностью, по крайней мѣрѣ раза въ четыре пять, не рѣшились всетаки схватиться съ этими храбрецами въ рукопашный бой и даже не высовывали головъ своихъ изъ-за бруствера, а только бросали въ ровъ ручныя гранаты, ядра и начиненныя бомбы съ зажженными фитилями. Положеніе оставшихся во рву храбрецовъ было ужасное; но надежда на поддержку, на новую атаку дала имъ силу, чтобы пережить эти тяжелыя минуты. Оправившись и отдохнувъ подъ самымъ носомъ непріятеля и запасшись новыми силами, Тамбовцы снова бросились впередъ и ворвались въ каменный редутъ. Но, къ сожалѣнію, и эта атака не удалась. Храбрецы были отбиты дружнымъ ружейнымъ и картечнымъ огнемъ двухъ гладкостѣнныхъ чугунныхъ орудій, а при самомъ входѣ въ редутъ встрѣтили еще болѣе дружное сопротивление. По отступленіи отсюда, часть 11-й роты Тамбовцевъ опять спряталась во рву редута, а человекъ десять нашихъ раненыхъ, отхваченныхъ въ самомъ редутѣ, были изрублены турками въ куски и выброшены за брустверь укрѣпленія.

Видя это, Тамбовцы, засѣвшіе во рву редута, ожесточились до высшей степени, и соединившись съ подоспѣвшими свѣжими ротами Галичанъ, снова двинулись къ редуту, быстро обогнули его съ сѣвера, и ворвались въ роковое укрѣпленіе съ тылу. Началась настоящая бойня! Турки защищались съ необычайной энергіей. Артиллеристы ихъ оборонялись у своихъ орудій банниками, правилами, кольями, и какъ были при этомъ прикалываемы, такъ съ этими орудіями въ рукахъ и окоченѣвали. Нѣкоторые же, не смотря на полученные штыковыя раны, уже лежа, продолжали хватать за ноги нашихъ солдатъ, кусали ихъ и тѣмъ помогали своимъ отбивающимся товарищамъ, такъ что раненыхъ приходилось еще докалывать. Этимъ и объясняется тотъ фактъ, что у нѣкоторыхъ непріятельскихъ труповъ виднѣлось по пяти и шести штыковыхъ ранъ. Вся внутренность редута была, наконецъ, завалена труппами турецкихъ и русскихъ солдатъ въ самыхъ разнообразныхъ позахъ. Однакоже, человекъ семьдесятъ турокъ сдались подъ конецъ въ плѣнъ, остальные же все были переколоты. Ровъ редута и вся его окрестность были также усыяны мертвыми тѣлами турокъ

и русскихъ. Къ восточному и юговосточному валу редута, на которые главнымъ образомъ велась атака, буквально не было возможности пройти, чтобы не наступить на тяжело раненаго или же отправившагося на тотъ свѣтъ. Даже въ отдаленіи, въ кустахъ, можно было на каждомъ шагу наткнуться на слѣды яростной борьбы. Вотъ, у дерева лежитъ навзничъ средняго роста солдатикъ, со сгиснутымъ въ рукахъ ружьемъ, штыкъ котораго еще въ крови, — блѣдный, съ выраженіемъ лица, какъ бы говорившимъ: „а, наконецъ-то я добрался до тебя, нехристь!“ Подлѣ него, съ зіяющей штыковой раной въ груди, скорчившись и отметнувъ далеко назадъ правую руку, лежитъ огромнаго роста турокъ, въ широчайшихъ шароварахъ, придававшихъ ему съ виду еще большую тучность и силу.

Такъ свирѣпствовалъ здѣсь рукопашный бой!

Послѣ взятія каменнаго редута, Тамбовцы и Галичане продолжали наступленіе на непріятеля и дошли до восточной окраины города, гдѣ и продолжали яростную перестрѣлку съ отступившимъ въ городъ и крѣпость непріятелемъ, вплоть до наступленія темноты. Къ каменному же редуту, находившемуся уже въ нашихъ рукахъ, подошелъ около 8 часовъ вечера, прикрывавшій справа линію нашихъ батарей, Пензенскій пѣхотный полкъ. Онъ обратилъ передъ тѣмъ въ бѣгство непріятельскихъ стрѣлковъ и захватилъ, нѣсколько правѣе каменнаго редута, непріятельскіе ложементы и двѣ батареи, и въ нихъ два орудія, брошенныя турками, благодаря мѣткому фланговому огню нашей 1-й батареи 31-й артиллерійской бригады, случайно наткнувшейся на эти укрѣпленія, во время общаго наступленія артиллеріи, и тотчасъ же осыпавшей ихъ снарядами, причемъ турки бѣжали, заклепавъ на укрѣпленіяхъ орудія и бросивъ въ нихъ артиллерійскіе припасы.

По отступленіи непріятеля въ восточную окраину Никополя, эта часть города представляла адекватную картину! На улицахъ города шла страшная ружейная трескотня. Трудно было опредѣлить гдѣ наши, гдѣ турки, — все перемѣшалось вмѣстѣ. Однихъ отбьютъ, другіе, вслѣдъ двигаясь, вновь увлекаютъ за собой бойцовъ, и тѣ опять ринутся впередъ... Крики „ура!“ и „алла!“ покрывали гулъ ружейныхъ выстрѣловъ и отдавались эхомъ въ тѣсныхъ ущельяхъ сосѣднихъ горъ... Наступившіе сумерки не позволяли

уже дѣйствовать нашей артиллеріи, изъ опасенія упасть въ своихъ, слишкомъ близко придвинувшихся къ непріятелю и даже отчасти перемѣшавшихся съ нимъ...

Между тѣмъ, дѣйствовавшія на нашемъ крайнемъ правомъ флангѣ, на дорогѣ изъ Никополя въ Систово, три сотни Донскаго 9-го полка и сотня Донскаго 34-го полка, подъ начальствомъ полковника Нагибина, зорко наблюдали все пространство къ востоку отъ города, отъ деревни Эрмени вплоть до берега Дуная, и, съ помощью четырехъ орудій 2-й донской батареи, произвели здѣсь весьма удачный поискъ, причемъ, спѣшившись, выбили турокъ огнемъ изъ прибрежныхъ садовъ и заставили ихъ бѣжать въ городъ, и тѣмъ прекратили покушеніе непріятельскихъ партій выбраться этимъ путемъ изъ Никополя.

Въ тоже время, для заполнения пространства, образовавшагося между полками Галицкимъ и Козловскимъ, были двинуты на высоты, влѣво отъ деревни Вублы, двѣ другія сотни 9-го Донскаго полка.

Дѣйствовавшіе же на крайнемъ нашемъ лѣвомъ флангѣ, къ западу отъ Никополя, пѣхотный Архангелогородскій и 9-й Бугскій уланскій полки, съ двумя сотнями кавказцевъ*), подъ начальствомъ генерал-майора Кнорринга, тѣмъ временемъ очищали отъ непріятеля высоты Шамли и Самовида, между низовьями рр. Осмы и Вида. Архангелогородцы, подъ командой самого генерала Кнорринга, пройдя деревню Градешти, оказавшуюся незанятою непріятелемъ, были встрѣчены потомъ ружейнымъ огнемъ турецкихъ цѣпей съ высотъ Шамли; но смѣлая атака Архангелогородцевъ, направленная въ обхватъ лѣваго фланга турокъ и поддержанная артиллеріей, заставила непріятеля послѣпить къ Никополю, чтобы не быть опрокинутымъ въ Дунай... Послѣ двѣнадцати часоваго безостановочнаго движенія, безъ воды, частию подъ огнемъ непріятеля, Архангелогородцы очистили, наконецъ, отъ турокъ всю площадь къ юго-западу отъ Никополя и, вслѣдъ затѣмъ, двинулись къ р. Осмѣ, на соединеніе съ Вологодцами. За Архангелогородскимъ полкомъ послѣдовали, прикрывавшіе во все время движенія лѣвный флангъ его, двѣ сотни кавказцевъ, дабы не оставить безъ кавалеріи 1-ю бригаду 5-й дивизіи. Бугскіе же уланы, слѣдо-

*) 2-я Кубанская и 2-я Владикавказская, подъ начальствомъ подполковника Энгельгардта.

вавшие также на лѣвомъ флангѣ Архангелогородцевъ, остались у Шамли, наблюдая за противникомъ со стороны Рахово, близъ береговъ Дуная, гдѣ дѣйствительно и наткнулись на толпы турокъ, укрывшихся въ виноградникахъ и болотахъ, лежащихъ подлѣ устья рѣки Вида. Уланы, спѣшившись, завязали съ непріятелемъ перестрѣлку, многихъ перебили и захватили нѣсколькихъ чело­вѣкъ въ плѣнъ, послѣ чего тутъ же расположились на отдыхъ.

Пока, такимъ образомъ, полки наши—конные и пѣшіе—продолжали загонять непріятеля со всѣхъ сторонъ въ городъ и крѣпость, русско-румынскія осадныя батареи, расположенныя на лѣвомъ берегу Дуная, у Турну-Магурелли, подъ начальствомъ генералъ-лейтенанта Столыпина, бомбардировали Никополь весь день сильнѣе обыкновеннаго. Въ половинѣ третьяго часа, наши магурельскія батареи внезапно поднялись на вершину высокаго холма, откуда онѣ могли наблюдать за ходомъ сраженія и пускать выстрѣлы въ самый городъ и въ укрѣпленія, на которыя велась нами атака. Непритель, повидимому, сильно страдалъ отъ нашихъ осадныхъ снарядовъ: въ трубу можно было, напримѣръ, наблюдать, какъ турецкіе артиллеристы, при первомъ же появленіи дыма отъ нашего выстрѣла, бросали свои снаряды и спасались въ заранѣе выкопанные ровики... Съ своей стороны, турки также стрѣляли по турну-магурельскимъ батареямъ нѣсколько разъ, но безъ пользы, такъ какъ ядра ихъ, попадая въ рыхлую землю, не разрывались совѣмъ. Румынскія батареи, расположенныя у Турну Магурелли, правѣе, русскихихъ, противъ самага устья рѣки Осмы, также стрѣляли по Никополу, но изъ полевыхъ орудій, причемъ способъ стрѣльбы былъ усвоенъ тотъ, при которомъ послѣ каждаго выстрѣла вся прислуга батарей скрывалась и при орудіяхъ оставался одинъ только сигнальщикъ, наблюдавшій за полетомъ снаряда; впрочемъ, стрѣляли румыны, по общимъ отзывамъ, хорошо. Къ вечеру они открыли страшный огонь по Никополу. Съ Турну-Магурельскихъ холмовъ видно было, какъ одна партія турокъ пыталась было перебраться черезъ устье Осмы, чтобы выйдти изъ города, но ее залпами изъ орудій заставили скрыться обратно въ укрѣпленія, нанеся значительный уронъ.

Турки, наконецъ, убѣдились, что русскіе начинаютъ окружать ихъ. Выходъ изъ Никополя былъ

загражденъ: позади — Дунай и Турну-магурельскія осадныя орудія, впереди—русская пѣхота, конница и 9-ти фунтовыя батареи... Въ особенности сильно досаждали туркамъ Козловцы и Вологодцы, занявшіе сады и овраги на западъ отъ Никополя, почти передъ самой крѣпостью, противъ редута Туна-Кале. Редутъ этотъ стоялъ сажень на триста-четыреста, впереди крѣпости, нѣсколько влѣво отъ воротъ ея. Здѣсь пролегалъ главный путь отступленія для турокъ—на городъ Виддинъ. Турки и рѣшились овладѣть этимъ путемъ. Около 7 часовъ вечера, въ сумерки, когда солнце уже зашло, почти весь никопольскій гарнизонъ вышелъ изъ города скрытно, по лощинѣ, отдѣляющей крѣпость отъ редута, и, подъ прикрытіемъ огня съ послѣдняго, всей своей массой налегъ на Вологодцевъ и Козловцевъ. Завязался ожесточенный бой. Редутъ опоясала нѣсколькими линиями огня, и дымъ отъ выстрѣловъ засталъ все пространство между нимъ и крѣпостью. Наступавшая темнота еще болѣе увеличивала этотъ хаосъ. Турки дрались съ отчаянной храбростью, и начинали уже сильно тѣснить нашу пѣхоту, цѣпь которой стала мало по малу подаваться назадъ, какъ вдругъ, сбоку, изъ-за косогора, показались наша конница и орудія*). Турки опѣшили. Они никакъ не ожидали, чтобы въ этомъ мѣстѣ можно было проѣхать верхомъ даже одному чело­вѣку, не только-что артиллеріи, и шарахнулись назадъ, въ крѣпость, давая другъ друга. Наши донскія орудія и 5-я батарея, съ дистанціи 500—600 сажень, буквально засыпали всю площадь передъ редутомъ картечными гранатами. Отрядъ же донскихъ казаковъ, подъ командою войсковаго старшины Смирнова, понесся на бѣжавшаго непріятеля съ тылу и началъ поражать его направо и налѣво... Турки до того торопились отступить, что у самыхъ воротъ крѣпости оставили 12-ти фунтовое стальное крупцовское орудіе... Наша пѣхота дружно поддерживала казаковъ и едва не ворвалась за бѣглецами въ самый городъ... Только наступленіе ночной темноты прекратило это ужасное преслѣдованіе. Козловцы и Вологодцы заняли послѣ этого рвы, канавы и окраины садовъ впереди редута.

*) Три сотни 9-го Донскаго полка, взводъ 2-й Донской батареи и 5-я батарея 5-й артиллерійской бригады, своевременно направленныя генераломъ Криденеромъ на поддержаніе лѣваго фланга Вологодцевъ.

Никополь былъ окруженъ. Солнце уже давно зашло, но крики „ура!“ не прекращались, и адская трескотня ружей то затихала, то снова разражалась съ сграшной силой. Турки засѣли въ домахъ и мечетахъ города, и еще отстрѣливались, по мѣстамъ, изъ ружей. Наши орудія, поставленныя на занятыхъ высотахъ, и турну-магурельскія батареи продолжали со всѣхъ сторонъ осыпать городъ огнемъ. Никополь во многихъ мѣстахъ пылалъ.

Наступила ночь. Генераль Криденеръ собралъ всѣхъ начальниковъ и отдалъ приказъ прекратить пальбу. — „Никополь нашъ“, сказалъ онъ, — „а если нѣтъ, то съ разсвѣтомъ будетъ нашъ“

Но, за наступившею темнотою, бой какъ-бы самъ собою прекратился точно по командѣ или отбою. Выставивъ цѣпь впереди, наши войска отошли нѣсколько назадъ и расположились тутъ же на ночлегъ.

Все стихло. Надъ городомъ стояло мѣстами зарево пожаращъ. На небѣ тускло свѣтиль узкій серпъ новой луны... На полѣ битвы слышны были только стоны тяжело раненыхъ, за которыми ухаживали наши санитары и сошедшіеся во множествѣ болгары. Усталые и голодные солдаты отыскивали себѣ мѣсто для отдыха, кто гдѣ могъ...

Въ это время на нашемъ крайнемъ лѣвомъ флангѣ, на сѣверо-западъ отъ Никополя, на мѣстѣ расположенія кавказской казачьей бригады, вновь повторилась попытка турецкаго гарнизона выбраться изъ Никополя. Это былъ послѣдній актъ кровавой драмы 3-го юля.

Въ теченіе дня, кавказцы, въ числѣ 6¹/₂ сотенъ*), благополучно слѣдовали за лѣвымъ флангомъ отряда генерала Шильдеръ-Шульднера, охраняя его тылъ и флангъ со стороны Плевны и Рахова. Пройдя деревню Градешти, кавказцы, по удаленіи Архангелогородскаго полка на р. Осму, присоединились къ Бутскимъ уланамъ, только-что остановившимся на отдыхъ на широкомъ низменномъ прибрежьи рѣки Вида, подъ крутыми обрывами праваго его берега, близъ впаденія его въ Дунай.

Время было далеко за полдень. По всему было

*) Двѣ сотни: 6-я Кубанская и 2-я Владикавказская, подъ начальствомъ подполковника Энгельгардта, находились при 1-й бригадѣ 5-й пѣхотной дивизіи; остальные 3¹/₂ сотни продолжали оставаться къ Туркомъ-Трстанія, Булгарени и Трновѣ.

видно, что битва между рѣками Видомъ и Осмою смолкла; никакихъ дальнѣйшихъ приказаній кавалерія не получала, и потому кавказцы, вмѣстѣ съ уланами, спѣшили воспользоваться этимъ затишьемъ, отдохнуть самимъ и напоить своихъ лошадей, выставивъ предвзрительно сторожевыя посты на высоты, къ сторонѣ Никополя.

Командиръ кавказской бригады, полковникъ Туттолминъ, имѣя въ виду ранѣе возложенную на него обязанность — не пропускать непріятели изъ Никополя на Плевну и Рахово, рѣшился расположиться на ночлегъ невдалекѣ отъ мѣста привала, за деревней Самовидомъ.

Послѣ такого рѣшенія нужно было торопиться перейти съ мѣста привала на новую позицію до наступленія сумерекъ, которыя были уже близки.

Дорога отъ мѣста привала къ вновь выбранной позиціи шла черезъ деревню Самовидъ и, затѣмъ, потянулась по разнымъ направленіямъ, извиваясь глухими, скалистыми горными ущельями. Поэтому шедшія въ головѣ колонны три кубанскія сотни, съ бывшими при нихъ орудіями, уже на половинѣ подъема незамѣтно миновали поворотъ, выходящій на должное направленіе, и попали не на указанный путь, втянувшись въ тѣсную горную разсѣлину*), откуда дорога вскорѣ свернула вправо и уперлась въ довольно высокую земляную насыпь. Оказалось, что дорога здѣсь была перекопана глубокой и узкой траншеей, которая тянулась поперекъ пути далеко въ обѣ стороны. Но такъ какъ оборотить орудія и войска назадъ по тѣсной горной дорогѣ было неудобно и, къ тому же, каждая минута была дорога, то головныя сотни, не долго думая, перепрыгнули траншею и высокій валъ, а для орудій, шедшихъ сзади, пришлось наскоро срыть валъ и засыпать канаву, частью лопатами, частью топорами, имѣвшимися при сотняхъ.

Въ то время, какъ кипѣла эта работа, трое казаковъ выѣхали на сосѣдніе холмы дозоромъ. Осторожность была не излишня. Мало ли что могло случиться въ этомъ тѣсномъ ущельѣ... Вскорѣ одинъ изъ этихъ казаковъ возвратился и, подѣхавъ къ полковнику

*) Остальныя сотни, шедшія позади, были во время остановлены и направлены по другому болѣе удобному пути.

Тутолмину, находившемуся при Кубанскихъ сотняхъ, сказалъ ему:

— Подъ Никоподемъ что-то темнѣетъ; этого не было замѣтно, когда мы были на курганѣ: кажется, турки.

— Все вамъ турки!—отвѣчалъ ему полковникъ Тутолминъ, не желая отвлечь вниманіе рабочихъ и отчасти недовѣряя извѣстію казака; но, конечно, безпокойство закралось въ его душу, и онъ выѣхалъ на тотъ курганъ, съ котораго смотрѣлъ казакъ.

— Видите?—снова спросилъ тотъ полковника.

Тутолмину показалось, что далеко впереди, дѣйствительно, виднѣлись колонны. Но такъ какъ сторожевые посты, выставленные заранѣе на выбранной для ночлега позиціи, а равно и Владикавказскія сотни, добравшіяся уже другимъ, кратчайшимъ путемъ, должны уже были видѣть турокъ, если еще только это были турки, то полковникъ Тутолминъ не тревожился особенно и остался до конца работы въ траншеѣ. Когда же орудія начали благополучно переѣзжать траншею, командиръ бригады поспѣшилъ къ мѣсту предполагаемаго ночлега.

Здѣсь, на мѣстѣ ночлега, только-что подошедшія сотни расположились уже бивуакомъ. Рядомъ же, на курганѣ, стояли офицеры, всматриваясь къ сторонѣ Никополя. Вниманіе офицеровъ было возбуждено тѣмъ, что они различали вдали какъ будто длинный рядъ телѣгъ и колонны пѣхоты, посылающія стрѣлковыя цѣпи въ нашу сторону. За пѣхотною цѣпью развѣзжали, повидимому, всадники, что было не въ обычаѣ русскихъ. Къ тому же у стоявшихъ войскъ не было бѣлыхъ шароваръ, которыя также служили отличительнымъ признакомъ русскихъ солдатъ. Не смотря на все это, многимъ изъ офицеровъ, въ томъ числѣ и полковнику Тутолмину, все-еще не вѣрилось, что передъ ними турки.

На вопросъ полковника Тутолмина, офицеры сообщили, что развѣзды уже посланы съ приказаніемъ убѣдиться, въ чемъ дѣло. Съ однимъ изъ этихъ развѣздовъ былъ отправленъ сотникъ 2-й сотни Кубанцевъ, Фокъ, который вскорѣ и прискакалъ съ донесеніемъ, что онъ сосчиталъ пять таборовъ низама, остановившихся въ колонахъ не далѣе пяти верстъ передъ нами, и при этомъ добавилъ, что ясно видѣлъ среди нихъ два распущенныхъ знамени.

Но полковникъ Тутолминъ, съ нѣкоторыми офи-

церами, все-еще продолжалъ думать, что это русскія войска, такъ какъ нѣсколько часовъ назадъ вся сѣверозападная площадь Никополя была очищена отъ турокъ нашею пѣхотою; къ тому же нѣсколько человекъ отсталыхъ изъ Архангелогородскаго полка только-что присоединились къ кавказцамъ и объявили, что турокъ давно уже не видать.

Однакоже, сотнику Фоку, какъ очевидцу, поручено было немедленно ѣхать на Осму къ корпусному командиру, съ донесеніемъ о присутствіи передъ Кавказцами турецкой пѣхоты, показавшейся изъ Никополя.

— Убѣждены ли вы въ томъ, что это турки?—спросили Фока.

— Убѣжденъ, — отвѣчалъ онъ, и поскакалъ на Осму, сказавъ при этомъ, что по пути туда онъ снова удостовѣрится.

Въ это время сумерки спустились надъ окрестностью, и храбрый офицеръ подѣхалъ почти къ самому турецкому посту*), выставленному за покатостью одной изъ лоцинъ, и окликнулъ его. Въмѣсто отвѣта, турецкій постъ спустился ниже. Фокъ выстрѣлилъ по немъ изъ револьвера, но турки прилегли и скрылись совѣмъ въ лоцинѣ. Очевидно, они не хотѣли обнаруживать себя. Фокъ прискакалъ обратно въ бригаду и, передавъ только-что имъ видѣнное, спросилъ:

— Вѣрите ли теперь?.. Послѣ этихъ словъ онъ безъ малѣйшаго конвоя, одинъ-одинешенекъ, отправился съ донесеніемъ вдоль турецкихъ постовъ на р. Осму.

И такъ шесть съ половиною кавказскихъ сотенъ**), остались ночевать въ виду пяти таборовъ непріятельской пѣхоты, удаленныя отъ нашихъ войскъ верстъ на пять. Кругомъ Кавказцевъ, на всемъ пространствѣ между рр. Осмою и Видомъ, не было ни одного русскаго пѣхотинца.

Но теперь Кавказцы не могли уже покинуть занятого ими мѣста: отойти отсюда въ сторону значило

*) Турки эти пробрались изъ Никополя, вѣроятно какимъ нибудь окружнымъ путемъ, въ то самое время, какъ другая часть ихъ безуспѣшно набросилась на Волгодцевъ и Козловцевъ изъ самыхъ воротъ крѣпости.

**) Кромѣ понесенной уже убиты въ людяхъ въ предшествовавшихъ дѣлахъ, кавказскія сотни еще выдѣлили изъ себя каждая по десяти всадниковъ въ сборную сотню, оставленную при обозѣ въ Булгарени, такъ что въ данную минуту въ каждой сотнѣ числилось не болѣе 90 человекъ.

бы безъ сопротивленія пропустить турокъ изъ Никополя. Кавказцы обязаны были выполнить свой долгъ, обороняя плевно-никопольскую дорогу. Для нихъ оставалось только обсудить вѣрнѣйшій способъ встрѣчи съ многочисленнымъ пѣшимъ непріателемъ.

Занятая Кавказцами позиція находилась на холмистой площади, верстахъ въ двухъ къ востоку отъ селенія Самовида. Площадь эта полого спускалась къ Дунаю и господствовала надъ береговою дунайскою дорогою изъ Никополя на Рахово и Шлевну, проходившею затѣмъ черезъ селеніе Самовидъ. Западная же часть этой мѣстности круто обрывалась надъ широкимъ низменнымъ побережьемъ рѣки Вида, гдѣ шло продолженіе вышеупомянутой дороги. Недалекъ отъ позиціи стоялъ окопанный турками подъ батареею и уже брошенный ими курганъ, крутой какъ вышка, съ котораго открывался далекій кругозоръ къ сторонѣ Никополя и въ противоположную сторону, на всю низменность Дуная при впаденіи въ него рѣки Вида и дальше къ сторонѣ Рахова, такъ что наблюденіе за этими сторонами съ кургана было очень удобное; но возвышенная мѣстность къ югу отъ Самовида, изрѣзанная глубокими, крутыми балками, легко могла скрыть въ нихъ движеніе войскъ.

Такимъ образомъ, съ упомянутой позиціи Кавказцы могли взять непріателя во флангъ, если бы онъ вздумалъ пойти по береговой дунайской дорогѣ, или если бы ему удалось прорваться далѣе, на подгорную дорогу за селеніемъ Самовидомъ, и, во всякомъ случаѣ, они запирали непріателю дорогу на Самовидъ, а слѣдовательно и въ Шлевну, и миновать ихъ туркамъ не было возможности, исключая развѣ того случая, если бы непріатель захотѣлъ пробраться въ Шлевну безъ дорогъ, по балкамъ и оврагамъ къ югу отъ Самовида, что, при ночной темнотѣ, не совѣмъ было удобно.

Что же касается до способа встрѣчи съ противникомъ, то Кавказцы, по малочисленности своей, не могли сами ударить на турецкую пѣхоту, тѣмъ болѣе, что конное дѣло не могло имѣть мѣста въ глухую ночь, по балкамъ и оврагамъ окружающихъ высотъ. Поэтому на совѣтѣ начальниковъ частей было единодушно рѣшено встрѣтить турокъ пѣшимъ боемъ, не сходя съ мѣста бивуака, котораго непріатель, какъ уже сказано было выше, не могъ миновать, въ случаѣ движенія его на Шлевну.

На основаніи принятаго рѣшенія, Кавказцы спѣшились и расположились на позиціи въ видѣ буквы П. *). Сторону, обращенную къ Никополю, заняли 1-я Кубанская и 1-я Владикавказская сотни, съ горною батареею посрединѣ **), между орудіями которой залегли стрѣлки изъ упомянутыхъ сотенъ. На двѣ боковыя и на тыльную сторону разставлены были остальные четыре сотни; кромѣ того, на тыльной сторонѣ помѣстились двѣ лазаретныя фуры и бывшія при отрядѣ три офицерскія повозки. Коня всѣ были стреножены и поставлены за сотнями, внутри расположенія.

Дежурное орудіе было заряжено, остальные навелены на ближайшій выстрѣлъ. Часть прислуги помѣстилась тутъ же, у лафетовъ, а впереди, къ сторонѣ непріателя, поставлены были секреты.

Приказано было — пищи не готовить, огней не разводить и коновязей не разбивать.

Начальникамъ отдѣльныхъ частей, на случай надобности, условлено было собираться у раскидистаго дуба, къ которому случайно примыкало наше расположеніе.

Обычно короткія сумерки Болгаріи вскорѣ смѣнились непроглядною тьмою. Мало по малу утомленіе взяло свое, и казаки, уставшіе и почти двое сутокъ ничего не ѣвшіе, забылись чуткимъ сномъ. Самого командира бригады свернула усталость, и онъ задремалъ. Только сторожевые посты обезпечивали нашъ бивуакъ отъ всякой случайности.

Вдругъ, около полуночи, раздался возгласъ: „тревога!“ Это секреты наши слышали гулъ отъ движенія непріателя. Всѣ очнулись, но въ первое мгновленіе никто ничего не могъ разсмотрѣть въ глубокой тьмѣ.

Проснувшійся командиръ бригады окликнулъ по имени подполковника Кухаренко, командира Кубанскихъ сотенъ.

— Я здѣсь, — отвѣчалъ тотъ, стоя почти рядомъ съ бригаднымъ командиромъ.

*) Такое расположеніе, на случай опасности, рекомендовано было Кавказской казачьей бригадѣ, еще до переправы черезъ Дунай, бывшимъ командиромъ ея генераломъ Скобелевымъ 1-мъ.

**) Въ официальномъ описаніи ночнаго боя Кавказцевъ упоминается только о четырехъ орудіяхъ, но изъ «Дневника» полковника Тутолмина не видно, чтобы онъ отдѣлялъ куда нибудь остальные два орудія горной батареи.

— Что такое?—спрашивает послѣдній.

— Турки, — хладнокровно отвѣчаетъ подполковникъ.

Въ это время непріятель уже обозначилъ себя отдѣльными выстрѣлами, перешедшими вслѣдъ затѣмъ въ беспорядочную стрѣльбу съ довольно далекаго разстоянія. Вскорѣ огненная линія турокъ развернулась передъ кавказцами широкимъ полукругомъ.

— Окружаютъ, — мрачно произнесъ Кухаренко, — и, пожавъ другъ другу руки, начальники пошли къ своимъ мѣстамъ.

Лицевыя сотни кавказцевъ, подпустивъ турокъ на разстояніе выстрѣла, отвѣтили на огонь ихъ залпомъ и продолжали затѣмъ безостановочную, бѣглую пальбу.

— Цѣль ниже, съ колѣна! — командовалъ Кубанцамъ есаулъ Порхоменко, и самъ, ловкій стрѣлокъ, припалъ къ землѣ, съ винтовкою въ рукахъ, и упорно всматривался въ тьму. Сосѣди его Кубанцы тоже стали на одно колѣно.

Все это можно было разглядѣть только подъ пламенемъ ружейнаго огня.

Увидавъ подлѣ себя командира бригады, Порхоменко едва успѣлъ произнести; „справимся, полковникъ!“ — какъ послышалась команда урядника Костина, заправлявшаго батерею, и залпъ горныхъ орудій отдался глухимъ раскатомъ грома въ ночномъ мракѣ. Вслѣдъ затѣмъ, какъ будто въ перебой трескучему огню винтовокъ, трехфунтовки забрызгали картечью.

Кавказцы очутились точно въ огненномъ шатрѣ: надъ головой, казалось, несся какой-то вихрь, въ глазахъ было свѣтло, а кругомъ ни зги не видно.

Послѣ двухъ-трехъ минутъ перестрѣлки внезапно раздался пронзительный, оглушающій крикъ „алла!“ Непріятельскіе огни какъ будто крикнули, потухли, и турки бросились на насъ съ трехъ сторонъ.

Какъ и что тутъ произошло, трудно было разобратъ въ непроглядной тьмѣ; но все, что произошло, произошло очень быстро.

Дѣло, конечно, не обошлось безъ замѣшательства. Въ одной изъ нашихъ сотенъ, расположенной на тыльной сторонѣ, часть лошадей, при первыхъ же крикахъ непріятеля, шарахнулась назадъ, прорвала свои ряды и ринулась по направленію на Плевну *). На

*) На разсвѣтѣ ихъ переловили всѣхъ, исключая двухъ.

мѣстѣ же нашего расположенія въ это время появилось нѣсколько турецкихъ лошадей, изъ которыхъ одна примчалась къ намъ, въ разгаръ ночнаго боя, въ совершенно исправной артиллерійской сбруѣ.

Однако же, встрѣченные почти въ упоръ сильнѣйшимъ огнемъ спѣшенныхъ Кавказцевъ, турки мгновенно отхлынули отъ нашихъ рядовъ. Вслѣдъ затѣмъ казаки наши гикнули, но этотъ гамъ и выстрѣлы неожиданно оборвались.

Оказалось, что небольшая кучка враговъ ворвалась на нашу батарею, гдѣ около орудій нѣсколько минутъ шумѣли голоса и слышалась какъ-будто усталая, рукопашная схватка. Урядникъ Костинъ первый свалилъ наскочившаго верхомъ на дежурное орудіе турецкаго всадника: его бѣлая лошадь мелькнула въ темнотѣ и рухнула. Трое или четверо конныхъ турокъ, бывшихъ въ числѣ ворвавшихся въ наши ряды, были также мгновенно убиты; но одному изъ нихъ удалось остаться въ живыхъ, благодаря остановившему занесенные на него удары сотнику Шапаеву, который особенно заботился о захватѣ „языка“ **). Вслѣдъ затѣмъ еще разъ вздрогнули отдѣльные, беспорядочные выстрѣлы и затихли.

Всѣ притаили дыханіе. Воцарилась мертвая тишина. Передъ лѣвымъ флангомъ 1-ой сотни Владикавказцевъ, спиною къ ней, стоялъ въ это время коренастый, невозмутимый есаулъ Астаховъ, оставивъ, одну ногу впередъ, сдвинувъ папаху на затылокъ и, съ револьверамъ въ рукахъ, онъ пристально вглядывался въ чуть-чуть порѣдѣвшій мракъ.

— Отбили! — произнесъ онъ наконецъ, замѣтивъ подлѣ себя командира бригады.

— Осетины, не стрѣлять! — обратился онъ потомъ къ пылкимъ Осетинскимъ сотнямъ, которымъ стоило большаго труда, при подобныхъ обстоятельствахъ, выдерживать невозмутимое хладнокровіе.

Такимъ образомъ, первый приступъ былъ отбитъ. Турки отбѣжали на холмы впереди нашего расположенія и оттуда продолжали довольно частый огонь, мало приносившій намъ вреда: непріятельскія пули летѣли черезъ головы казаковъ, такъ какъ, сравнительно съ турками, Кавказцы стояли въ едва замѣтной впадинѣ. Легши на землю, казаки отвѣчали непріятелю рѣдкими выстрѣлами. Скоро перестрѣлка

**) Спасенный Шапаевымъ турокъ оказался ординарцемъ убитаго на батарѣ турецкаго всадника — офицера

смѣкла, и снова стало темно, послѣ короткаго освѣщенія, охватившаго Кавказцевъ съ трехъ сторонъ.

Однакоже, чрезъ нѣсколько времени, турки какъ-бы опомнились и встрепенулись: они вновь открыли пальбу и вторично, съ новою яростью, бросились на Кавказцевъ въ атаку. Но и на этотъ разъ турки были отброшены огнемъ орудій и головныхъ сотенъ. Вообще же трудно было разобрать, чтѣ происходило въ этомъ внезапно загоравшемся и быстро потухавшемъ мракѣ, въ которомъ нельзя было отличить что-либо далѣе десяти, пятнадцати шаговъ. Поэтому многія подробности этого ночнаго боя, полного самоотверженія, остались неизвѣстны даже для самихъ участниковъ боя.

По отбитіи втораго приступа, пальба совершенно прекратилась. Турки какъ-бы притаились. И опять какое-то странное, непривычное молчаніе воцарилось во мракѣ ночи.

Кавказцы ничего не видѣли и не слышали передъ собою, но, въ то же время, находились въ какомъ-то тревожно-радостномъ настроеніи, что дѣло, можетъ быть, окончилось благополучно.

На условленномъ мѣстѣ, у дуба, сошелся военный совѣтъ. Онъ продолжался недолго. Хотя, въ виду почти полнаго истощенія патроновъ, разстрѣлянныхъ въ ежедневныхъ дѣлахъ съ 29-го іюня, безъ возможности пополнить ихъ своевременно, казалось-бы благоразумнѣе отступить; но это едва ли было выполнимо, потому что трудно было отходить ночью съ артиллеріею и, въ добавокъ, не выясивши какъ слѣдуетъ дѣла. Поэтому, по почину полковника Левиса, было единогласно рѣшено — „стоять до послѣдняго, а съ разсвѣтомъ, что будетъ, то будетъ“

Оставалось только сдѣлать необходимыя распоряженія для дѣйствія въ конномъ строю: пѣшій бой былъ вызванъ необходимостью ночной обороны, конный же бой былъ свойственъ казачьей бригадѣ, и она должна была съ разсвѣтомъ снова обратиться къ нему. Въ виду этого, предстояло выбрать такую позицію, откуда можно было бы ударить на турокъ, если бы они продолжали свое движеніе на Шлевну. Но сдѣлать это для малочисленнаго отряда Кавказцевъ было довольно затруднительно. Турки могли пробраться (если только не пробрались уже) въ Шлевну, съ одной стороны, по береговой дунайской дорогѣ, идущей затѣмъ по правому берегу рѣки Вида, или же переплыть, съ упомянутой цѣлю, на лодкахъ черезъ устья этой

рѣки; съ другой стороны, они могли пробраться въ Шлевну вправо отъ Кавказцевъ, по глубокимъ балкамъ, ведущимъ на рѣку Осму, въ пространствѣ между Кавказцами и нашего пѣхотою, гдѣ, какъ мы уже знаемъ, не было ни одного нашего солдата на протяженіи 5 или 6 верстъ. Въ виду этого рѣшено было приблизиться къ лѣвому флангу нашей пѣхоты.

Въ то же время было отправлено вторичное донесеніе на Осму, къ начальнику 5-ой дивизіи, съ просьбою выслать хотя бы двѣ свѣжія Кавказскія сотни, оставшіяся при 1-ой пѣхотной бригадѣ. Майоръ Сипягинъ вызвался доставить это донесеніе въ глухую ночь, среди окружавшаго насъ непріятели, взявъ съ собою только двухъ казаковъ.

По окончаніи всѣхъ этихъ распоряженій, оставшіяся на мѣстѣ сотни перестроились, съ возможною тишиною и осторожностью, въ ожиданіи благопріятнаго времени для передвиженія, на прежней позиціи, въ болѣе выгодный, какъ то показали случайности ночнаго боя, порядокъ, размѣстивъ орудія на три стороны занятаго сотнями четырехугольника. Положеніе этихъ сотенъ было все-таки весьма тяжелое. Люди были страшно утомлены и изнурены; къ тому же мучительная неизвѣстность о замыслахъ непріятели и относительно окружающей обстановки сильно напрягала нервы. Вотъ, одна изъ лошадей у орудія какъ-то запуталась въ потемкахъ въ упряжкѣ и чуть-было не подняла общей суматохи. Къ счастью, сюда подспѣлъ вовремя бригадный командиръ, и дѣло обошлось благополучно. Приведа здѣсь все въ порядокъ, командиръ бригады подошелъ къ наводчику сосѣдняго орудія. Наводчикъ, стоя у лафета, всматривался въ темень по тѣлу орудія.

— Слоняются тутъ близко, ваше высокоблагородіе, — вполголоса сказалъ наводчикъ и указалъ рукою въ темное пространство передъ дуломъ орудія.

Командиръ ничего не могъ разглядѣть.

— Въ одиночку ползаютъ, — продолжалъ наводчикъ, и командиру дѣйствительно показалось, что въ одиночку кто-то шевелится.

— А больше ничего не слышишь?

— Не слышать, — отвѣчалъ наводчикъ.

Наконецъ, при первомъ мерцаніи зари, представилась возможность начать предположенное движеніе, и къ разсвѣту Кавказцы успѣли уже вытянуться по новому направленію.

Въ это время осетины, осмотрѣвъ лѣвый флангъ наступленія, дали знать, что передъ нами не существуетъ уже турецкихъ колоннъ, неизвѣстно куда дѣвавшихся, а замѣтны только отдѣльныя кучки разсѣянныхъ по полю людей.

Полученное извѣстіе измѣняло положеніе Кавказцевъ: изъ обороняющейся скученной горсти людей, они должны были развернуться въ погоню за разсѣявшимся непріятелемъ.

Но хотя Кавказцамъ предстояло сравнительно легкое уничтоженіе разбросанныхъ по кукурузѣ турокъ, тѣмъ не менѣе нельзя было пускаться въ преслѣдованіе безъ патроновъ. Поэтому, въ надеждѣ на скорое прибытіе двухъ свѣжихъ кавказскихъ сотенъ съ рѣки Осмы, рѣшено было раздѣлить отрядъ на двѣ части, изъ которыхъ одна снабдила бы другую оставшимися у нея патронами. Такимъ способомъ, для преслѣдованія турокъ, удалось отдѣлить достаточно снабженныхъ патронами двѣ сотни осетинъ и по десяти человекъ казаковъ изъ каждой сотни отряда; кромѣ того, одна полусотня была послана въ разѣздъ на плевненскую дорогу. Остальныя же сотни, по чрезвычайному утомленію и по неимѣнію патроновъ, были отправлены на Осму, гдѣ въ это время, вслѣдствіе полученныхъ донесеній отъ сотника Фока и маіора Сипягина, поѣхавшихъ разными дорогами и прибывшихъ на Осму почти одновременно, — двѣ свѣжія кавказскія сотни подполковника Энгельгардта уже сѣдлали лошадей и спѣшили сюда на подмогу *).

Между тѣмъ, осетинскія сотни принялись уже за преслѣдованіе разсѣявшагося непріятели и успѣли вскорѣ захватить часть турецкаго обоза, брошеннаго турками недалеко отъ мѣста ночнаго боя. Повидимому, прикрытіе этого обоза разбѣжалось еще ночью, и повозки оборонялись теперь горстью отсталыхъ турецкихъ солдатъ. Въ то же время въ одну изъ одиночныхъ схватокъ въ кукурузѣ, осетинъ Бекъ-Узаровъ взялъ съ боя у непріятельскаго солдата турецкое знамя зеленаго цвѣта съ богатой золотою каймою. Немного позднѣе, другой осетинъ, Сокаевъ,

*) Кромѣ двухъ сотенъ Энгельгардта, съ рѣки Осмы посланъ былъ на помощь Кавказцамъ еще батальонъ пѣхоты; но послѣдній встрѣтился на пути, съ возвращавшимися по неимѣнію патроновъ сотнями и остался съ ними на Осмѣ.

отнял второе непріятельское знамя у турецкаго пѣхотинца, заблаговременно сорвавшего съ древка полотно знамени и обвившаго его кругомъ себя въ видѣ пояса. Этотъ пѣхотинецъ упорно отстрѣливался отъ преслѣдовавшихъ его осетинъ, но былъ сраженъ пулею Сокаева, который, быстро подскочивъ къ убитому, сорвалъ съ него широкій зеленый поясъ, оказавшійся свернутымъ знаменемъ, съ простой шелковой каймою *).

Вскорѣ рысью подоспѣли сюда двѣ свѣжія сотни подполковника Энгельгардта, развернулись въ погоню и довершили уничтоженіе разсѣяннаго непріятели. Къ этому времени около турецкаго обоза, часть котораго была уже захвачена осетинами, собралось человекъ шестьдесятъ-семьдесятъ турецкихъ пѣхотинцевъ, которые засѣли за повозками и встрѣтили вновь прибывшихъ казаковъ выстрѣлами; но до сорока непріятельскихъ тѣлъ осталось тутъ же на мѣстѣ, — и большой обозъ на воловьихъ подводахъ, съ патронами имуществомъ, галетами, рисомъ и шестьюдесятью палатками, былъ взятъ казаками. Въ это время урядникъ 2-й сотни Владикавказскаго полка, Филатовъ, замѣтилъ при обозѣ одно стальное крупновское орудіе, подъ которымъ былъ подбитъ лафетъ; въ ту минуту, когда на него наскочалъ Филатовъ съ товарищами, за орудіемъ укрылось два или три человека турокъ, которые были тотчасъ же изрублены, а орудіе, вмѣстѣ съ обозомъ, доставлено на бивуакъ. Въ этомъ же обозѣ было найдено третье непріятельское знамя, большаго квадратнаго размѣра, прозрачной зеленой ткани, оказавшееся знаменемъ египетскихъ войскъ. Сверхъ того, человекъ пятнадцать турокъ изъ прикрытія, положившимъ оружіе, были взяты въ плѣнъ и доставлены также на бивуакъ. Остальные бросились бѣжать и попали подъ общую расправу на обширной площади Шамли и Самовида, на которой еще долго происходили отдѣльныя схватки казаковъ съ отстрѣливавшимися отъ нихъ въ кукурузѣ турками. Казаки, если можно такъ выразиться, рыскали по полю и безпощадно уничтожали непріятелей, а также склады патроновъ и артиллерійскихъ снарядовъ въ покинутыхъ наканунѣ турецкихъ лагеряхъ. Забрать съ собою все эти боевые припасы

*) Объ этомъ знамени не упоминается въ официальномъ описаніи взятія Никополя, такъ какъ оно вначалѣ было принято за значокъ.

казаки не могли, и потому, не долго думая, взорвали ихъ *).

Такъ окончилось это ночное дѣло Кавказцевъ. Что же касается того, прорвались ли турки на Шлевну и если прорвались, то въ какомъ именно числѣ, — объ этомъ до сихъ поръ ничего нельзя сказать съ положительностью. Плѣнные турки, взятые при обозѣ, показали, что противъ Кавказцевъ вышло изъ Никополя пять таборовъ пѣхоты съ обозомъ и двумя крупновскими орудіями, съ цѣлью прорваться на Шлевну. Участвовало же собственно въ атакѣ Кавказцевъ только шесть ротъ лучшаго низама, конвоировавшихъ обозъ, которыя и были разсѣяны и уничтожены. Что же случилось съ остальными турецкими таборами, плѣнные, взятые при обозѣ, не знали. Взятые же въ плѣнъ въ самомъ Никополѣ турецкіе офицеры, въ томъ числѣ и одинъ офицеръ турецкаго генеральнаго штаба, говорили **), что остальные таборы были посланы способствовать благополучному переходу шести ротъ прикрытія и обоза за рѣку Видъ и потомъ, когда эти роты были отброшены, не принявъ никакого участія въ боѣ, поспѣшили будто бы возвратиться въ Никополь съ преувеличенными разсказами о значительныхъ силахъ русскихъ, неожиданно наступавшихъ со стороны рѣки Вида. Насколько можно довѣрять этимъ разсказамъ — судить трудно. Темнота ночи и громъ горныхъ орудій могли, конечно, ввести непріятеля въ заблужденіе и поколебать его рѣшимость пробраться въ Шлевну; но, въ то же время, турецкіе таборы, пользуясь атакой остальныхъ шести ротъ, могли спокойно и незамѣтно для насъ пробраться на Шлевну, или по береговой дунайской дорогѣ, или же по балкамъ и ущельямъ между Самовидомъ и Осмой, гдѣ у насъ не было никакихъ войскъ. Во всякомъ случаѣ, нѣтъ сомнѣнія, что часть турокъ добралась до Шлевны, такъ какъ на другой день послѣ сдачи Никополя, смѣнившіе Кавказскую бригаду уланы имѣли еще около Градешти нѣсколько схватокъ съ отдѣльными кучками пробиравшихся на Шлевну турокъ.

Пока происходилъ вышеописанный ночной бой у Самовида, на остальныхъ нашихъ позиціяхъ вокругъ

*) Взрывъ послѣдовалъ вскорѣ послѣ сдачи Никополя и чуть было не надѣлалъ тревоги.

**) Справки эти собиралъ состоявшій при кавказской бригадѣ генеральнаго штаба капитанъ Стромилловъ.

Никополя спокойствіе не нарушалось во всю ночь. Необходимость отдыха и покоя чувствовалась какъ у русскихъ, такъ и у турокъ, одинаково утомленныхъ семнадцатичасовымъ непрерывнымъ боемъ.

Но, не смотря на усталость, у насъ долго никто не могъ заснуть подъ впечатлѣніемъ пережитаго тяжелого дня. Ружейная трескотня и гулъ орудійныхъ выстрѣловъ все еще звучали въ ушахъ каждаго, разстроивая воображеніе и слабые человѣческіе нервы. Къ тому же сильная жажда не переставала мучить солдатъ и ночью, и всѣ усилія добыть побольше воды едва удовлетворяли страшной потребности.

Между тѣмъ, на военномъ совѣтѣ, собравшемся въ ту же ночь, рѣшено было назначить на завтра штурмъ самой крѣпости и города.

— Плохо дѣло, — говорили нѣкоторые изъ офицеровъ: всѣ полки уже побывали въ дѣйствиі, только вотъ Пензенскій полкъ уцѣлѣлъ — на него вся надежда на завтра.

Ничего не зная о результатахъ безчисленныхъ атакъ этого дня и слыша, что дѣйствительно нѣкоторые полки по шести разъ ходили на штурмъ и были отбиты, многіе серьезно полагали, что, хотя передовыя укрѣпленія и были взяты, и въ рукахъ у насъ находилась, кромѣ того, довольно сильная позиція противъ самаго города, тѣмъ не менѣе дѣла наши были далеко не такъ блестящи, какъ это казалось. Къ тому же всѣхъ беспокоилъ не на шутку слухъ, что въ войскахъ 9-го корпуса патроны и артиллерійскіе снаряды были истощены, въ Кавказской же бригадѣ они буквально всѣ были израсходованы, такъ что въ случаѣ новаго большаго сраженія могъ оказаться значительный недостатокъ въ зарядахъ безъ возможности во время пополнить ихъ, такъ какъ парки наши находились верстъ за 30 и 40 отъ Никополя, въ Пятикладенцахъ и Ореше.

Съ затаеннымъ чувствомъ грусти, наконецъ, заснули всѣ, съ надеждою вступить на завтра снова въ бой, можетъ быть, еще болѣе кровопролитный но, во всякомъ случаѣ, рѣшительный.

Съ разсвѣтомъ 4 іюля батареи наши выдвинуты были на окружающія городъ высоты и приготовились открыть по немъ пальбу; всѣ войска наши выстроились также въ боевомъ порядкѣ и со всѣхъ сторонъ двинулись къ Никополу. Солдаты шли теперь молча, въ ожиданіи рѣшительнаго, кровопролитнаго боя.

„Неужели сегодня повторятся все ужасы вчерашней битвы?“ невольно думалось каждому. „Нужно, во что бы то ни стало, покончить с этим Никоподем — истомил он нашу душу“, рѣшили солдаты, и медленно подвигаются дальше. На встрѣчу имъ не неслись теперь, какъ вчера, ни пули, ни картечи, ни гранаты. Кругомъ царило гробовое молчаніе. Никопольскія твердыни, раскинутыя нѣсколько ниже, почти у ногъ нашихъ войскъ, совершенно безмолвствовали. „Плохо, думаютъ солдаты: эти черти замышляютъ что нибудь недоброе, — недаромъ ни одной азиатской рожи не видно“ Идутъ дальше. Подходятъ, наконецъ, къ крѣпости, шаговъ не болѣе какъ на 500. Ни одного выстрѣла! Даже жутко стало всѣмъ. „И чего онъ не палитъ?“ заговорили солдаты, удивленные упорнымъ молчаніемъ непріятеля. Все остановились.

— Ваше благородіе, — крикнулъ въ это время одинъ изъ солдатиковъ своему офицеру: — онъ-то на рѣвѣ стоитъ!

Дѣйствительно, на одномъ изъ крѣпостныхъ валовъ стояли два турка. Одинъ изъ нихъ постоянно указывалъ бывшимъ въ его рукахъ ружьемъ на находившійся у его ногъ ровъ, желая этимъ что-то объяснить. Видя, что его не понимаютъ наши, онъ все смѣ бросилъ ружье въ ровъ, предварительно указавъ рукой на городъ. Другой турокъ, въ это время, снялъ съ своей головы феску и, бросивъ ее также въ ровъ, заоралъ: „аманъ! аманъ!“ и началъ махать бѣлымъ платкомъ.

Тутъ только солдаты наши поняли, въ чемъ дѣло, и, въ неописанномъ восторгѣ, крича „ура“, бросились къ крѣпости.

Оказалось, что турки, видя кругомъ себя на всѣхъ командующихъ надъ Никоподемъ высотахъ нашу артиллерию и потерявъ все передовыя укрѣпленія, рѣшились сдаться безъ боя. Однако комендантъ съ ключами еще не показывался. Тогда нѣсколько нашихъ стрѣлковъ, не долго думая, перелѣзли черезъ стѣну, отбили замокъ и растворили ворота настежь. Тутъ налетѣли казаки, оцѣпили плѣнныхъ турокъ, успѣвшихъ уже побросать оружіе, и пошелъ шумъ, гамъ.

— Гдѣ корпусный командиръ? — кричали одни.

— Хассана-папу подавай сюда! — подхватывали другіе.

— Пошелъ за водой! — распоряжались казаки, подгоняя непонятливыхъ плѣнныхъ ногайками.

— „Паша, паша“, — бормочетъ одинъ изъ этихъ плѣнныхъ, указывая на свой мундиръ, но новой толчокъ вразумилъ его, и нашъ паша рысью понесся также за водой.

Въ это время генераль Кріднеръ, окруженный своимъ штабомъ, подѣхалъ къ крѣпости и остановился передъ ея воротами. Обезоруженныя турецкія войска, вмѣстѣ съ своимъ командиромъ — Гассаномъ-пашей, показались, наконецъ, въ воротахъ цитадели и, понуря головы, начали проходить непрерывной толпой мимо генерала Кріденера.

Въ это время надъ крѣпостью взвился русскій военный флагъ, увидавъ который, войска наши, уже успѣвшіе расположиться шпалерами вдоль улицъ Никополя, огласили стѣны непріятельскаго города восторженными криками „ура“, а съ батареей нашихъ, возведенныхъ подъ Никоподемъ и на румынскомъ берегу, отвѣтили залпомъ изъ всѣхъ орудій.

Шествіе плѣнныхъ продолжалось нѣсколько часовъ.

Вмѣстѣ съ крѣпостью, нами взяты были до 7000 турецкаго войска, семь знаменъ, 113 пушекъ, изъ нихъ одиннадцать крупновескихъ стальныхъ; два монитора, застрявшіе на Дунаѣ у Никополя и порядочно уже разстрѣлянные нашими осадными орудіями; 10,000 ружей и множество военныхъ снарядовъ и провіантскихъ запасовъ.

Самый городъ представлялъ страшное зрѣлище опустошенія. Тѣсныя, круто спускающіяся къ Дунаю улицы, ведущія въ нижній болгарскій городъ, были завалены горами оружія всѣхъ сортовъ, осколками снарядовъ и разломанною домашнею утварью. Тутъ попадались даже вещи прекрасной работы, часто очень дорогія, украшенныя драгоценными камнями сабли, кинжалы и пистолеты, драгоценнѣйшія ткани, шелковыя одежды, платки, пакеты съ турецкими бумажными деньгами, — все это было въ безпорядкѣ разбросано на улицахъ и производило непріятное впечатлѣніе, особенно когда на слѣдующій день румыны толпами явились сюда изъ Турну-Магурелли, чтобы обдѣлать свои дѣла, пользуясь тѣмъ, что солдаты наши не знали цѣны этимъ вещамъ. На самыхъ зданіяхъ видны были всюду слѣды выстрѣловъ, направленныхъ сюда батареями русской осадной артиллеріи съ румынскаго берега. Нѣкоторые дома были уже разрушены, другіе близки къ паденію. Мертвыя лошади валялись часто среди улицы. На перекресткахъ

и площадяхъ сидѣли на корточкахъ или лежали раненные турки и съ невозмутимымъ спокойствіемъ ждали той минуты, когда неутомимые русскіе врачи придуть облегчить ихъ страданія и сдѣлать имъ перевязки. Болѣе же всего пострадала отъ бомбардировки нижняя, лучшая часть города, находившаяся теперь совершенно въ развалинахъ. На существованіе домовъ здѣсь указывали только остатки нѣкоторыхъ стѣнъ и фундаментовъ, покрытые горами обгорѣлаго мусора. На самомъ берегу глѣлись и курились кучи зернового хлѣба, издававшія ѣдкій запахъ и представлявшія остатки турецкихъ складовъ, зажженныхъ нашими снарядами еще до штурма Никополя. За городомъ, на зеленомъ скатѣ горъ, виднѣлись повозки съ имуществомъ и расположившіяся подлѣ нихъ группами оставшіяся безъ крова мусульманскія семейства. Турецкія женщины, закутанныя въ бѣлыя чадры, и ихъ грязныя дѣти кричали и плакали раздирающимъ душу воплемъ. Между тѣмъ, наши проголодавшіеся солдатики десятками ловили турецкій скотъ, собранный непріятелемъ на случай продолжительнаго сопротивленія, и лакомились подлѣ громадныхъ бочекъ съ масломъ, свидѣтельствовавшихъ также о намѣреніи непріятеля долго и упорно сопротивляться.

Часовъ въ 8 вечера собрались на площадкѣ у цитадели, вокругъ поставленнаго анаоя, всѣ свободные офицеры и солдаты, и священникъ Пензенскаго полка своимъ задушевнымъ, трогательнымъ голосомъ, съ колѣнопреклоненіемъ всѣхъ присутствовавшихъ, провозгласилъ вѣчную памѣть православнымъ воинамъ, „здѣсь во брани животъ свой положившимъ“

Взятіе Никополя стоило намъ 951-ого раненаго и 276-ти убитыхъ, долго еще валявшихся по дорогамъ и вокругъ Никополя.

Такимъ образомъ, участь этой крѣпости была рѣшена однимъ сраженіемъ, и нашимъ войскамъ пришлось простоять подъ стѣнами ея всего лишь четыре

дня. Столь быстрое паденіе грозной твердыни можно было назвать дѣломъ поистинѣ выдающимся. Въ самомъ дѣлѣ, на нашей сторонѣ не было даже значительнаго численнаго превосходства, особенно если припомнить, что активное участіе въ атакѣ принимали, въ сущности, только четыре полка*), которые и взяли въ одинъ день, можно сказать, своею грудью, такую массу земляныхъ окоповъ, на одинъ объѣздъ которыхъ пришлось бы употребить цѣлыхъ два дня!

Удачный выборъ пункта атаки въ такомъ мѣстѣ, гдѣ турки, по самому свойству мѣстности, никакъ не могли ожидать насъ; энергическая и своевременная поддержка другъ друга и, наконецъ, прекрасный духъ войскъ, безъ сомнѣнія, много способствовали успѣху этого дѣла. Превосходство же нашей артиллеріи**), какъ полевой, такъ и осадной, и въ высшей степени образцовое дѣйствіе ея — довершили паденіе грозной твердыни. Наши артиллеристы до сихъ поръ справедливо гордятся тою важною ролью, какую играла артиллерія при взятіи Никополя.

Вечеромъ въ тотъ же день прибылъ, изъ - подъ Никополя въ Главную квартиру Государя Императора Свиты Его Величества генералъ-маіоръ Толстой, съ извѣстіемъ о паденіи этой крѣпости, со взятыми въ ней знаменами и съ плѣннымъ Хассаномъ-пашею.

Овладевъ твердынями Никополя и всѣмъ гарнизономъ его, русскіе получали въ свое распоряженіе турецкій берегъ Дуная отъ Систова до Никополя и, опираясь на занятую крѣпость, могли теперь съ большею свободою и безопасностью двинуться впередъ — на Плевну и къ Балканскимъ горамъ.

*) Пѣхотные полки—Вологодскій, Козловскій, Галицкій и Тамбовскій.

**) Изъ 113-ти турецкихъ пушекъ, взятыхъ въ Никополь, около 80-ти были мѣдныя гладкостѣнные, отлитыя еще въ началѣ нынѣшняго столѣтія и помѣщавшіяся на неуклюжихъ допотопныхъ лафетахъ.

IV

ЗАБАЛКАНСКІЙ НАВѢГЪ.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ.

Сформированіе передоваго отряда послѣ перехода черезъ Дунай. — Движеніе къ Балканамъ. — Встрѣча войскъ жителями. — Значеніе Тырнова. — Занятіе этого города. — Отступленіе турокъ.

Къ числу важныхъ событій минувшей войны принадлежитъ знаменитый Забалканскій набѣгъ передоваго отряда генерала Гурко, — набѣгъ, возбудившій, въ свое время, много толковъ въ печати и въ обществѣ, у насъ и за границей, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, пользовавшійся большою популярностью даже въ средѣ нашего простаго народа.

Послѣ извѣстныхъ событій подъ Плевной, которыя имѣли, безъ сомнѣнія, тѣсную связь съ забалканскимъ набѣгомъ, дѣйствія послѣдняго наиболѣе долго занимали общественное вниманіе Россіи и производили наиболѣе, можетъ быть, сильное впечатлѣніе на всю Европу. И не безъ основанія. Экспедиція передоваго отряда, помимо нѣкотораго значенія ея въ ходѣ прошлой кампаніи, представляетъ и сама по себѣ чрезвычайно характерное явленіе: передовой отрядъ генерала Гурко въ продолженіе почти полутора мѣсяца наводилъ чисто паническій страхъ на турокъ, отъ Тырнова и до Малыхъ Балкановъ, и, при этомъ, всѣ отважные походы его, необыкновенно живо интересовавшіе всю Россію, были, если можно такъ выразиться, весьма богаты событіями и полны чрезвычайно смѣлыхъ подвиговъ и приключеній, не лишенныхъ часто романтичности своего рода, а иногда и глубокаго драматизма.

Безъ сомнѣнія, и въ другихъ нашихъ самостоятельныхъ отрядахъ выказано было не меньше герой-

ства самоотверженія и, во всякомъ случаѣ, принесено было даже больше жертвъ, но нигдѣ не было проявлено такого пламеннаго воодушевленія и неудержимой отваги, такой беззавѣтной удали и смѣлости, какъ во время набѣга передоваго отряда за Балканы. Въ этомъ отважно-стремительномъ, подчасъ даже отчаянномъ движеніи впередъ отряда ген. Гурко отразилось, можетъ быть, настроеніе всего русскаго общества, настроеніе, сопровождавшее весь первый періодъ войны. И дѣйствительно, въ необычайно смѣломъ набѣгѣ передоваго отряда трудно не подмѣтить близкой связи съ восторженно-патріотическимъ настроеніемъ самого общества къ задачамъ прошлой кампаніи. Но въ такомъ случаѣ еще большаго вниманія заслуживаютъ этотъ набѣгъ, его характеръ и значеніе.

Представить полный очеркъ дѣйствій передоваго отряда генерала Гурко и вмѣстѣ съ тѣмъ болѣе или менѣе подробно выяснить ихъ смыслъ и всѣ послѣдствія — въ настоящее время, разумѣется, немислимо, за отсутствіемъ многихъ существенныхъ официальныхъ данныхъ. Но нарисовать, по имѣющимся уже свѣдѣніямъ, собственно картину похода, болѣе или менѣе полную и вѣрную, кажется, также не будетъ дѣломъ излишнимъ, или совсѣмъ невозможнымъ. Это и составляетъ задачу настоящаго очерка забалканскаго набѣга.

Рѣдкое изъ государствъ обладаетъ такими сильными и многочисленными средствами для обороны, какъ Турецкая Имперія. Помимо неприступныхъ крѣпостей, поставленныхъ по берегамъ турецкихъ морей и въ разныхъ мѣстахъ Болгарской земли, Турція заслоняется со стороны Россіи еще двумя грозными природными преградами — великой рѣкой Дунаемъ и высочайшими Балканскими горами.

Всѣмъ извѣстно, съ какимъ трудомъ и терпѣніемъ преодолѣла наша армія первую изъ этихъ преградъ — рѣку Дунай. Два мѣсяца провели наши войска въ приготовленіяхъ къ переправѣ черезъ Дунай и въ нетерпѣливомъ ожиданіи благоприятнаго времени для начатія этого дѣла, пока, наконецъ, не удалось имъ, хотя и съ чрезвычайными усиліями, но съ безпримѣрнымъ успѣхомъ, перейти черезъ эту рѣку на турецкую сторону въ двухъ мѣстахъ — у г. Галаца и у г. Зимницы. Но, перейдя черезъ рѣку Дунай, наши войска имѣли впереди себя еще болѣе грозныя препятствія: крѣпости турціи и Балканскія горы.

Особенное вниманіе всѣхъ обращали на себя Балканскія горы. Гора для непріятеля важнѣе всякой крѣпости. За горными кручами, скалами и ущельями можно укрыться гораздо надежнѣе и укрѣпиться несравненно сильнѣе, чѣмъ за каменными крѣпостными стѣнами, или за искусственными земляными насыпями и рвами. Въ горахъ какъ-бы самую природою воздвигнуты на каждомъ шагу сильнѣйшія крѣпости, какихъ невозможно возвести никакимъ искусствомъ человѣка. Горы эти въ иныхъ мѣстахъ и сами по себѣ непроходимы, не только для войска съ обозомъ или орудіями, но и для одного человѣка — всадника или пѣшехода; а тутъ еще утвердятся на этихъ неприступныхъ горныхъ кручахъ непріятель, съ пушками и ружьями, и тогда легко можетъ оказаться, что никакія силы не въ состояніи будутъ преодолѣть этой страшной преграды!

Всякую крѣпость, какъ бы она ни была сильна, можно, по крайней мѣрѣ, обложить, т. е. окружить войскомъ со всѣхъ сторонъ и заставить засѣвшаго въ ней непріятеля сдаться отъ истощенія запасовъ или отъ голода. А чтобы обложить непріятеля, засѣвшаго въ горахъ, для этого нужно предварительно перебраться черезъ эти горы, что, какъ мы видѣли, можетъ иногда оказаться не по силамъ для самой храбрѣйшей арміи.

Понятно теперь, какая трудная задача ждала впереди наши войска, по переходѣ ихъ черезъ рѣку Дунай: передъ ними, верстъ за 70—80 отъ береговъ Дуная, высились исполинскіе Балканы. Какъ сильно укрѣпился въ нихъ непріятель? сколько времени придется употребить на овладѣніе этими горами, если одинъ только переходъ черезъ рѣку Дунай стоилъ намъ двухъ мѣсяцевъ? сколько жертвъ придется положить подъ обрывами и въ ущельяхъ Балканскихъ горъ, чтобы выбить изъ нихъ непріятельскія силы? Вотъ тѣ тревожныя думы, которыя невольно волновали каждаго русскаго съ появленіемъ нашихъ войскъ въ Болгаріи.

Балканскія горы приковали теперь къ себѣ всеобщее вниманіе. Для русскыхъ необходимо было овладѣть ими во что бы то ни стало. За этими горами находятся главные турецкіе города — Адрианополь и Царьградъ, безъ занятія или, по крайней мѣрѣ, безъ угрозы которымъ война едва ли могла бы и окончиться успѣшно для насъ. Сверхъ того, за Балканскими горами обитаетъ значительная часть болгаръ, наиболѣе тяготившихся турецкимъ деспотизмомъ, наиболѣе пострадавшихъ наканунѣ войны отъ варварства башибузуковъ и нетерпѣливѣе остальныхъ своихъ единоплеменниковъ ждавшихъ своего освобожденія. Вотъ почему овладѣніе Балканскими горами, послѣ переправы черезъ рѣку Дунай, сдѣлалось главной цѣлю нашихъ военныхъ операцій на Балканскомъ полуостровѣ.

Какъ извѣстно, главныя русскія силы перешли черезъ рѣку Дунай у Систова. Отъ этого города ведетъ прямой путь къ Балканскимъ горамъ, черезъ старинный болгарскій городъ Тырновъ. Влѣво отъ этого пути, за рѣкою Янтрой, вытекающею изъ Балканскихъ горъ и впадающею въ Дунай, стоятъ сильнѣйшія турецкія крѣпости — Руцукъ и Шумла; а вправо, на рѣкѣ Осмѣ, протекающей также отъ горъ къ Дунаю, стоитъ крѣпость Никополь, расположенная, подобно Руцуку, на самомъ берегу Дуная, при впадѣніи въ него Осмы. Русскимъ надлежало, прежде всего, расчислить путь между этими рѣками къ Балканскимъ горамъ; затѣмъ обезопасить этотъ путь со стороны турецкихъ крѣпостей — справа и слѣва, и, наконецъ, овладѣть самими горами, чтобы такимъ образомъ заранѣе обезпечить себѣ доступъ въ забалканскую область.

Медлить выполнениемъ этого плана было крайне опасно. Непрiятель могъ во время загородить намъ дорогу къ горамъ и еще сильнѣе укрѣпиться, какъ въ крѣпостяхъ своихъ, такъ и въ самыхъ горахъ, что окончательно отрѣзало бы насъ отъ забалканская края и отъ турецкой столицы. Съ другой стороны, быстрое овладѣніе Балканскими горами, при своевременномъ выставленіи надежныхъ заслоновъ къ сторонѣ турецкихъ крѣпостей въ Болгаріи, могло бы совершенно освободить насъ отъ наступательныхъ дѣйствій въ сторону этихъ крѣпостей и позволило бы сосредоточить все наше вниманіе впереди себя, на забалканскомъ краѣ, что обѣщало, повидимому, значительно сократить продолжительность войны. А главное—нужно было своевременно воспользоваться тѣмъ страхомъ, какой наведенъ былъ на турокъ нашимъ неожиданнымъ и блестящимъ переходомъ черезъ Дунай. Словомъ, медлить съ занятіемъ пути къ Балканскимъ горамъ для насъ невыгодно было ни въ какомъ случаѣ.

Осуществленіе этой задачи, въ виду вышеизложенныхъ соображеній и особаго характера мѣстности предстоящаго театра дѣйствій, и было немедленно возложено, главнымъ образомъ, на нашу кавалерію. 15-го іюня была совершена переправа черезъ Дунай, а черезъ три дня, 18-го іюня, уже состоялся приказъ главнокомандующаго по арміи о сформированіи особаго передоваго отряда, въ составъ котораго вошли слѣдующія части.

Пѣхота: 4-я стрѣлковая бригада: 13, 14, 15 и 16 стрѣлковые батальоны подъ начальствомъ генераль-маіора Цвѣцинскаго; болгарское ополченіе: шесть дружинъ или баталіоновъ подъ начальствомъ генераль-маіора Столѣтова и двѣ сотни пластуновъ подъ начальствомъ есаула Баштанина. Всѣмъ этимъ пѣхотнымъ частямъ приданы были двѣ пѣшія горныя батареи (14 орудій).

Кавалерія: Астраханскій и Казанскій драгунскіе полки и 16-я конная батарея, всѣ подъ начальствомъ князя Евгенія Максимиліановича Лейхтенбергскаго. Полки же Кіевскій гусарскій, донской казачій № 30-го и донская № 10 батарея были подъ начальствомъ князя Николая Максимиліановича Лейхтенбергскаго. Донская казачья бригада—подъ начальствомъ полковника Чернузубова, составленная изъ донскихъ № 21 и 26 полковъ и донской № 15

батареи. Кавказская казачья бригада, подъ начальствомъ полковника Тутолмина, составленная изъ 2-го кубанскаго и владикавказско-осетинскаго полковъ съ донской конногорной батареей. Сводный гвардейскій полуэскадронъ, конно-піонерный отрядъ, сформированный изъ кавказскихъ, донскихъ и уральскихъ казаковъ, заранѣе подготовленныхъ къ саперному дѣлу въ Журжевѣ. Наконецъ, уральская казачья сотня, подъ начальствомъ извѣстнаго сотника Кирилова.

Всего въ передовомъ отрядѣ состояло 10¹/₂ батальоновъ, 12¹/₂ эскадроновъ, 31 сотня и 38 орудій.

Главнымъ начальникомъ передоваго отряда назначался генераль-лейтенантъ Гурко, находившійся въ то время въ Петербургѣ въ должности командира гвардейской кавалерійской дивизіи и немедленно вызванный отсюда на Дунай телеграммой. Помощникомъ къ генералу Гурко былъ назначенъ генеральнаго штаба генераль-маіоръ Раухъ; начальникомъ штаба передоваго отряда—генеральнаго штаба полковникъ Нагловскій.

Тотчасъ по сформированіи передоваго отряда, начальнику его было предписано: „выдвинуться въ направленіи Тырново и Сельви; освѣтить всю окружающую мѣстность; приготовиться къ дальнѣйшему наступленію. Затѣмъ, когда послѣдуетъ приказаніе его императорскаго высочества главнокомандующаго—двинуться впередъ и стараться овладѣть Балканскими проходами. Кавалерію же выслать за Балканы. Подъ прикрытіемъ передоваго отряда будетъ приступлено къ разработкѣ проходовъ черезъ Балканы, для движенія обозовъ и тяжестей“

Такова была первоначальная цѣль дѣйствій, поставленная передовому отряду генерала Гурко—цѣль, безъ сомнѣнія, не легко выполнимая и во всякомъ случаѣ требовавшая громаднхъ усилій со стороны всего отряда и неутомимой энергіи отъ его начальниковъ, въ виду рискованности движенія съ относительно незначительными силами въ центръ непріятельской территоріи.

Что касается до численности и расположенія непріятельскихъ силъ, передъ выступленіемъ въ походъ нашего передоваго отряда, то объ этомъ извѣстно было большею частью лишь изъ газетныхъ сообщеній слѣдующее: Въ турецкихъ крѣпостяхъ: Виддинѣ, Никополѣ, Рушукѣ, Силистріи и Варнѣ было въ об-

щей сложности до 50,000 человекъ (по 10,000 въ каждой крѣпости) и кромѣ того въ Шумлѣ 15,000 человекъ. Подъ Шумлой же сосредоточена была левая дѣйствующая армія по меньшей мѣрѣ въ 70,000 и, сверхъ того, подъ Виддиномъ находилось около 30,000 человекъ, подъ начальствомъ

Османа-паши. Наконецъ, носились слухи, что Сулейманъ-паша, дѣйствовавшій въ Албаніи, получилъ предписаніе какъ можно скорѣе покончить съ Черногоріей и послѣдить къ Дунаю съ 40,000 человекъ.

Что же касается собственно дороги изъ Сисова къ Балканамъ, то она, повидимому, охранялась мел-

Генераль-адъютантъ Гурко.

кими отрядами турецкой пѣхоты и кавалеріи, но о численности и расположеніи ихъ не было ничего извѣстно. Носились также довольно темные слухи о томъ, что съ переходомъ нашихъ войскъ черезъ Дунай, турки дѣятельно принялись за укрѣпленіе балканскихъ проходовъ.

Вотъ при какой обстановкѣ выступилъ въ походъ изъ Зимницы къ Балканамъ только что сформированный передовой отрядъ генерала Гурко, оставивъ позади себя всѣ главныя русскія силы, большею частью находившіяся еще по сю сторону Дуная, на лѣвомъ берегу его, но долженствовавшія послѣдить

занятіетъ обѡихъ фланговъ на пути наступленія передоваго отряда и своевременно двинуться вслѣдъ за нимъ къ Балканамъ.

Съ этою цѣлю дѣйствующая армія наша была подраздѣлена на три части: 12-й и 13-й корпуса, составивъ „Руцукскій отрядъ“, подъ командою Государя Наслѣдника Цесаревича, должны были двинуться, одновременно съ передовымъ отрядомъ, изъ Сисова на востокъ, для занятія линіи рѣки Янтры; 9-й корпусъ генерала Криденера, составившій правый флангъ нашей дѣйствующей арміи, былъ двинуть, какъ мы уже знаемъ, немедленно изъ Сисова на западъ, для занятія крѣпости Никополя и линіи р. Осмы; остальные же наши войска, въ ожиданіи разъясненія обстоятельствъ, рѣшено было сосредоточить въ тылу передоваго отряда въ г. Сисовѣ.

Въ виду принятыхъ рѣшеній и послѣдственности дѣла, движеніе передоваго отряда началось еще до прибытія къ нему главнаго начальника, генералъ-лейтенанта Гурко. Какъ извѣстно, до постройки сисовскаго моста, переправу нашей арміи черезъ Дунай нельзя было еще считать вполне обезпеченною, такъ какъ съ помощью однихъ рѣчныхъ судовъ, въ теченіе четырехъ дней, удалось перевезти на болгарскій берегъ только 8-й корпусъ генерала Радецкаго, съ частью донскаго 23-го казачьяго полка, 35-ю пѣхотную дивизію и 7-ю стрѣлковую бригаду, что составляло вмѣстѣ не болѣе 35,000 человекъ. Въ особенности же сильно чувствовался недостатокъ на томъ берегу нашей конницы, за отсутствіемъ которой переправившаяся уже на ту сторону пѣхота оставалась въ совершенномъ невѣдѣніи относительно непріятеля. Между тѣмъ, средствъ къ переправѣ кавалеріи не имѣлось, такъ какъ всѣ перевозочныя суда были заняты пѣхотою. Поэтому бывшій начальникъ штаба журжевскаго отряда, генералъ-маіоръ Скобелевъ 2-й, еще 17-го или 18-го іюня предложилъ, не дожидаться постройки моста, переправить черезъ Дунай кавказскую казачью бригаду вплавъ.

Разумѣется, приказать цѣлою казачьею бригадою переплыть на коняхъ, безъ пробы, водную равнину огромной рѣки было бы крайне неосмотрительно; поэтому, для опыта столь опасной и небывалой переправы, разрѣшено было генералу Скобелеву назначить тридцать человекъ охотниковъ изъ осетинъ и казаковъ Владивавказскаго полка. Вмѣстѣ съ ними

пожелалъ переплыть, конечно, и самъ Скобелевъ 2-й и два офицера Владивавказско-Осетинскаго полка.

Направленіе переправы было избрано нѣсколько выше наводимаго моста, противъ пустыннаго островка, который дѣлилъ полуверстную ширину рѣки на двѣ неравныя части и могъ служить мѣстомъ отдыха послѣ перваго пріема переправы.

18-го іюня, въ третьемъ часу пополудни, охотники наши прибыли къ назначенному мѣсту. Пловцы немедленно раздѣлись, такъ какъ быстрота теченія и ширина рѣки уничтожали всякую возможность переправы въ одеждѣ. Съ разрѣшенія начальника переправы, генералъ-маіора Рихтера, имъ дозволено было употребить подъ одежду, въюки и оружіе небольшія частныя лодки, собранныя въ большомъ количествѣ близъ Зимницы. Уложивъ въ эти лодки весь свой багажъ, охотники наши, наконецъ, поплыли къ острову, съ генераломъ Скобелевымъ во главѣ... Но уже въ самомъ началѣ плаванія, не доходя еще береговъ острова, пловцы наши были разбросаны напоромъ теченія и принуждены были вернуться обратно.

Только самъ Скобелевъ, съ однимъ изъ казаковъ, рѣшился плыть далѣе. Этотъ опытъ чуть-было не стоилъ ему жизни. Великолѣпный конь генерала нѣсколько разъ выбивался изъ силъ, и у стоявшихъ на берегу офицеровъ сердце замирало, когда глазъ терялъ въ широкой зыби какъ-бы нырившихъ пловцовъ. Наконецъ, двѣ далекія одна отъ другой точки начали увеличиваться, и въ трубу можно было различить генерала Скобелева, вышедшаго на правый берегъ Дуная. Оба пловца, какъ оказалось, благополучно добрались до Сисова.

Между тѣмъ, измученные кони и люди, вернувшись на лѣвый берегъ Дуная, свидѣтельствовали о той опасности, съ какою сопряжена была общая переправа вплавъ, требовавшая, вдобавокъ, столько же времени, сколько и выжиданіе окончательной постройки моста. Поэтому и рѣшено было выждать послѣдняго.

Навонецъ, въ ночь съ 19-го на 20-е іюня, мостъ былъ наведенъ во всю ширину Дуная, и въ тотъ же день, утромъ, было отдано приказаніе о началѣ переправы для слѣдующихъ частей:

Артиллеріи, паркамъ и обозамъ войскъ, уже переправившихся на ту сторону.

Передовому отряду, съ его артиллеріей, парками

и обозомъ, за исключеніемъ 4-й стрѣлковой бригады, бывшей уже на томъ берегу.

Наконецъ, 9-му, 12-му и 13-му корпусамъ, съ ихъ артиллерією, парками, обозами и кавалерією.

Трудно вообразить себѣ то количество артиллеріи, парковъ и обозовъ и ту массу людей, конныхъ и пѣшихъ, которые столпились въ этотъ день, 20-го іюня, у систовскаго моста, на Зимницкомъ берегу, въ ожиданіи переправы. Вслѣдствіе задержки въ движеніи огромнаго количества обозовъ и артиллеріи однихъ уже переправившихся на тотъ берегъ частей, передовому отряду, не смотря на строжайшій порядокъ, принятый во время движенія черезъ мостъ, пришлось переправиться на болгарскій берегъ только на слѣдующій день, 21-го іюня; а вслѣдствіе разразившейся, вскорѣ послѣ того, бури на Дунаѣ, вновь попортившей систовскій мостъ въ нѣсколькихъ мѣстахъ, переправа остальныхъ нашихъ войскъ (9-го, 12-го и 13-го корпусовъ) была снова отложена до 24-го, 25-го и 26-го іюня. Если бы турки захотѣли воспользоваться этимъ замедленіемъ въ нашей переправѣ, они могли бы надѣлать намъ много хлопотъ; но, къ счастью нашему, о туркахъ долго не было, какъ говорится, ни слуху, ни духу, такъ-что чрезъ какіе-нибудь семь-восемь дней послѣ изготовленія систовскаго моста на болгарскомъ берегу Дуная стояло уже твердою ногою 100,000 русскихъ.

21-го іюня, тотчасъ по переправѣ черезъ Дунай, весь передовой отрядъ придвинулся, въ полномъ своемъ составѣ, къ деревнѣ Царевицѣ, а на слѣдующій день, 22-го іюня, передовой отрядъ выступилъ на югъ, по направленію къ Балканскимъ горамъ, въ слѣдующемъ составѣ и порядкѣ: драгунская бригада князя Евгенія Максимиліановича съ прикомандированными къ ней гвардейскимъ полуэскадрономъ и коннопіонернымъ отрядомъ шла въ центрѣ, черезъ деревню Турска Слива на деревню Батакъ.

Донская казачья бригада полковника Чернозубова двигалась лѣвѣе на деревню Ебели.

Сводная бригада князя Николая Максимиліановича шла правѣе, къ деревнѣ Овча-Могила.

Главныя же силы передоваго отряда (4-я стрѣлковая бригада, пластунскія сотни и шесть дружинъ болгарскаго ополченія съ ихъ артиллерією) двигались за центромъ, на деревню Акчадръ.

Общее протяженіе линіи передовыхъ постовъ дви-

гавшагося отряда было около тридцати верстъ. Мѣстность впереди освѣщалась развѣздами верстъ на двадцать. Такимъ образомъ, всѣ три кавалерійскія бригады, поддерживавшія между собою постоянную связь, выставлялись какъ-бы завѣсой, прикрывающей главныя наши силы.

Кавказская же казачья бригада полковника Тутолмина двинулась, въ видѣ особаго передоваго отряда, отъ деревни Царевицы на западъ по направленію къ рѣкѣ Осмѣ, прикрывая, такимъ образомъ, крайній правый флангъ главнаго передоваго отряда и поступаая въ то же время въ распоряженіе командира 35-й пѣхотной дивизіи, двигавшейся въ это время, тоже на лѣвомъ флангѣ передоваго отряда, на деревню Овча-Могила *).

Съ этого времени, кавказская казачья бригада, хотя и продолжала числиться въ составѣ передоваго отряда и постоянно поддерживала съ нимъ связь посредствомъ развѣздовъ, но предназначалась уже, главнымъ образомъ, для усиленія кавалеріи и прикрытія лѣваго фланга 9-го корпуса, долженствовавшего двинуться изъ Систова на западъ, по направленію къ Никополю. Вслѣдствіе этого, собственно передовой отрядъ нашъ остался въ составѣ всего 10¹/₂ батальоновъ, 31¹/₂ эскадроновъ и 32 орудій.

Наконецъ, отъ рущукскаго отряда, предназначеннаго для занятія р. Янтры, была двинута 12-я кавалерійская дивизія отъ Царевицы на востокъ, на г. Бѣлу; 8-й же кавалерійской дивизіи полки Лубенскій гусарскій и Вознесенскій уланскій, откомандированные отъ 8-го корпуса Радецкаго и причисленные къ 13-му корпусу, должны были двинуться также въ видѣ передоваго отряда изъ Царевицы чрезъ д. Бурунли на Раданъ и Иванчу и далѣе вверхъ по лѣвому берегу р. Янтры до дороги изъ Тырнова на Османъ - Базаръ. Хотя, вслѣдствіе происшедшаго вскорѣ замедленія въ переправѣ, эти полки выступили изъ Систова лишь 24-го іюня, но Вознесенскій полкъ уже 26-го числа успѣлъ продвинуться по указанному направленію, прикрывъ, такимъ образомъ, крайній лѣвый флангъ передоваго отряда, съ которымъ въ тотъ же день вошелъ въ связь.

Одновременное движеніе нашей конницы отъ Си-

*) Отсюда 35-я пѣхотная дивизія вскорѣ направлена была на востокъ, къ рѣкѣ Янтрѣ.

стова къ Балканамъ и въ обѣ стороны—къ рр. Осмѣ и Янтрѣ, по быстротѣ своей и смѣлости, можетъ назваться блестящимъ кавалерійскимъ маршемъ. Воодушевленіе нашихъ кавалеристовъ не имѣло границъ: всякій, попавшій въ передовой отрядъ, считалъ уже себя счастливымъ. „Наконецъ и намъ пришла очередь показать себя“ говорили кавалеристы: „моряки, пѣхота и артиллерія успѣли уже побывать въ дѣлахъ и отличиться (при переправѣ); мы же, кавалеристы, должны были смотрѣть на турокъ съ другаго берега Дуная...“ Теперь и кавалеріи открывалось широкое поприще: развѣдываніе о непріятелѣ, очищеніе пути для пѣхоты, рискованныя авангардные дѣла, вѣчное присутствіе передъ носомъ непріятеля, сопряженныя съ этимъ лихія кавалерійскія схватки и т. п.

Служба кавалериста въ авангардѣ также далеко не легка. Двигаясь по незнакомой мѣстности, часто по указанію случайно попавшагося проводника, кавалеристъ ежеминутно рассчитываетъ наткнуться на непріятеля и не можетъ даже поручиться за то, что изъ какой-нибудь канавки, которая тянется вдоль дороги, не раздастся вдругъ непріятельскаго залпа, который можетъ встрѣтить его и въ дѣревнѣ, которую онъ долженъ пройти, и часто пуля, пущенная тайкомъ, изъ-за угла, сваливаетъ кавалериста съ лошади, и онъ падаетъ замертво прежде, чѣмъ узнаетъ, откуда въ него пущенъ выстрѣлъ. Въ виду этого, быстрота и смѣлость, съ которыми совершались развѣдки и набѣги нашихъ передовыхъ кавалеристовъ, заслуживаютъ особенной похвалы.

Такъ какъ боковыя движенія нашей кавалеріи: кавказской казачьей бригады къ р. Осмѣ и кавалеріи рущукскаго отряда къ р. Янтрѣ—имѣли на первыхъ порахъ тѣсную связь съ выступленіемъ передоваго отряда къ Балканамъ, то мы предварительно скажемъ нѣсколько словъ о занятіи той и другой рѣки.

Кавказская казачья бригада, переночевавъ 21-го іюня у д. Царевіцы, съ разсвѣтомъ 22-го іюня снялась съ бивуака. Казаки осѣдлали лошадей, выстроились въ стройные ряды и съ красными цвѣтными значками во главѣ каждой сотни двинулись по направлению къ д. Дели-Сулу, или Дели-Сюлле въ славу два развѣзда: одинъ подъ начальствомъ прапорщика Кубанскаго полка Цамая, а другой—подъ

начальствомъ сотника Владикавказскаго полка Верещагина, для связи съ 35-й пѣхотной дивизіей и съ кавалерійскими бригадами передоваго отряда.

Чтобы полнѣе представить себѣ то впечатлѣніе, которое производили кавказцы на непріятеля, слѣдуя впереди нашихъ войскъ и очищая путь пѣхотѣ, необходимо познакомиться, хотя вкратцѣ, съ составомъ этой бригады, игравшей столь видную роль въ теченіе всей прошлой кампаніи.

Кавказская бригада, составленная изъ 2-го Кубанскаго и Владикавказско-осетинскаго полковъ, была вмѣстѣ съ двумя пластунскими сотнями единственнымъ представителемъ кавказскаго войска на европейскомъ театрѣ войны. 2-й конно-казачій кубанскій полкъ подполковника Кухаренко былъ призванъ на службу, по случаю военного времени, отъ Кубанскаго казачьяго войска и набранъ былъ, какъ говорятъ, въ двѣ недѣли, частью изъ старослуживыхъ казаковъ, частью изъ молодыхъ казаковъ новаго призыва. Въ этомъ полку почти каждая сотня имѣла свой особенный составъ: въ одну сотню, напримѣръ, входили исключительно малороссы, сыны черноморскихъ казаковъ, молчаливые, хладнокровные, неторопливые, но рѣшительные и отважные наѣздники. Другая сотня состояла исключительно изъ старовѣровъ, отличавшихся, подобно прочимъ своимъ единовѣрцамъ, смѣлостью, спокойной разсудительностью въ дѣлѣ, предприимчивостью и зажиточностью.

Владикавказско-осетинскій полкъ призванъ былъ на службу отъ терскаго казачьяго войска и состоялъ изъ двухъ частей: собственно владикавказцевъ (4-я сотня), находившихся еще до войны на дѣйствительной службѣ и потому отличавшихся точнымъ знаніемъ этой службы, полнѣйшею привычкою къ ней, молодечествомъ и самымъ несокрушимымъ единодушіемъ въ дѣйствіяхъ, и изъ двухъ осетинскихъ сотенъ, набранныхъ изъ охотниковъ горскаго осетинскаго племени. Осетины всѣ стали въ ряды добровольно, по собственной охотѣ, горячо откликнувшись на призывъ къ войнѣ. Ихъ кровные кони, щегольскія сѣдла, нарядная сбруя, изящная отдѣлка шапекъ и кинжаловъ свидѣтельствовали объ ихъ врожденной страсти къ боевой жизни. Это были лихіе наѣздники, какъ и кубанцы, воспитанные въ преданіяхъ старыхъ казаковъ, джигитовавшихъ всю свою жизнь по ущельямъ, горамъ и долинамъ Кавказа

противъ дикихъ и неустрашимыхъ черкесовъ. Стройные, высокіе, съ черными какъ смоль волосами, съ выразительными глазами, осетины были страстные любители лихихъ набѣговъ, и потому-то они сами просились на войну. Между ними было не мало стариковъ, убѣленныхъ сѣдинами, отцовъ многочисленныхъ семействъ.

Вообще, не смотря на то, что между кавказцами находилось не мало мусульманъ, это было войско, на которое, по отзывамъ очевидцевъ, можно было положиться замуривъ глаза въ самую критическую минуту битвы. Гордые, правдивые, честные по-своему, независимые по характеру и смѣлые, кавказцы не лишены были и нѣсколько дикой черты: чувства мщенія за кровную обиду. Но подъ этой грубой внѣшней оболочкой скрывалось большею частью мягкое сердце и духъ товарищества и единодушія. Кавказецъ не броситъ товарища, не оставитъ его тѣла на полѣ битвы: имъ извѣстны были изъ боевой кавказской жизни случаи, когда изъ-за трупа убитаго казака начинались цѣлыя битвы. Самъ командиръ кубанскаго полка, подполковникъ Кухаренко, имѣлъ солдатскій георгіевскій крестъ, полученный имъ по приговору товарищей за то, что онъ, будучи еще простымъ казакомъ, одинъ отбивался отъ непріятеля, защищая трупъ своего товарища до тѣхъ поръ, пока не явились къ нему на выручку.

Рослые, широкоплечіе, здоровые кавказцы лихо, бывало, вскочатъ на свои высокія сѣдла и, красиво подбочаясь, всѣ двѣнадцать сотенъ сразу готовы кинуться въ атаку, по первой командѣ. Закинувъ на затылокъ свои высокія мѣховыя шапки, они гарцуютъ, бывало, на коняхъ, высоко подтянувъ круглыя стремяна и коротко подобравъ уздечку, украшенную жестяными пуговками. Ихъ загорѣлыя лица, обросшія широкими и длинными клинообразными бородами, носили отпечатокъ удали, силы воли, кажды простора, силы и хладнокровія. Туго подтянувъ у талии кинжалъ и шашку, по завѣту своихъ отцовъ и дѣдовъ закинувъ за плечи винтовки въ мохнатыхъ чехлахъ, кавказцы двигались въ авангардѣ, будучи постоянно на чеку. Во главѣ каждой сотни красиво развѣвался цвѣтной значокъ: въ одной сотнѣ желтый, въ другой—голубой, въ третьей—красный и т. д. Эффектный видъ представляла эта бригада, когда она стройно двигалась на просторѣ по холмамъ

и долинамъ Болгаріи. Съ обѣихъ сторонъ ея пути, по гребнямъ смежныхъ холмовъ и возвышенностей двигались всегда отдѣльные небольшіе отряды кавказцевъ — по два, по три человекъ вмѣстѣ. При первомъ же признакѣ непріятеля, кучки этихъ людей выѣзжали на одинъ изъ сосѣднихъ холмовъ и начинали „маячить“, въ виду бригады. „Маячить“, — значить кружиться на одномъ мѣстѣ; это былъ условный сигналъ кавказскихъ казаковъ, обозначавшій, что разъѣздъ замѣтилъ непріятеля.

Такъ же точно подвигались кавказцы и въ настоящемъ случаѣ, по направленію отъ Царевицы къ д. Дели-Сулу.

Впереди слѣдовалъ, какъ уже было упомянуто выше, разъѣздъ прапорщика Цамаля; за нимъ шла осетинская сотня и затѣмъ уже главныя силы бригады.

Солнце поднялось уже высоко надъ горизонтомъ. Становилось жарко. Дорожная пыль покрывала густымъ слоемъ загорѣлыя лица казаковъ, ихъ мѣховыя шапки, бороды и платье. Лошади фыркали, широко раздувая ноздри и вдыхая въ себя пыльный воздухъ. Жара начинала томить людей и животныхъ. Лошади низко опустили головы, и бригада мелкимъ шагомъ подвигалась къ стоявшей по пути въ Дели-Сулу деревнѣ Болгарска-Слива. Большинство ѣхало молча и было задумчиво. Со времени переправы у Зимлицы не было еще дѣлъ съ непріателемъ, и шедшіе теперь впереди войскъ кавказцы ждали съ минуты на минуту встрѣчи съ притаившимся врагомъ. Кто знаетъ, какія силы ждутъ ихъ впереди, а между тѣмъ пѣхота наша была оставлена далеко позади.

— Чу!.. выстрѣлъ!.. произнесъ кто-то.

— Выстрѣлъ, братцы! послышалось кругомъ.

Замерли сердца. Поднялись казаки на стремянахъ, подобрали поводья.

Гдѣ-то впереди вновь раздался другой выстрѣлъ... третій... четвертый... и точно барабанная дробь, началась ружейная перестрѣлка.

Какъ будто электрическая искра пробѣжала по рядамъ казаковъ. Люди и лошади ожили въ одну секунду, заволновались и загорячились. Бригада заколыхалась. Гордо и высоко подняли кони свои морды, забили копытами о землю, и цѣлое облако пыли поднялось въ воздухѣ.

— Въ деревнѣ засада! приготовься! кричали офицеры.

— Смирно! Осмотрѣть оружіе! послышалась команда.

Впереди лежала деревушка Болгарска-Слива, за которой, по полученнымъ донесеніямъ отъ нашихъ разъѣздовъ, засѣли черкесы и башибузуки, загородивъ намъ дорогу, при выходѣ ея изъ узкой и глубокой лоцины.

Тотчасъ же посланы были впередъ двѣ сотни осетинъ, а всей бригадѣ приказано было стянуться.

Бригада понеслась впередъ, вслѣдъ за осетинами, черезъ деревню, какъ несется по полямъ вихрь, гонимый грозовою тучею, нагибая кусты и деревья. Все замерло въ деревнѣ. Всякій чуялъ, что несется вооруженная сила, и эта сила страшила каждое живое существо. Нѣсколько болгаръ, испуганно прячась отъ глазъ казаковъ, выглянули изъ-за угловъ. Раздался гдѣ-то плачь ребенка. Испуганныя птицы, высоко поднявъ крылья, бросились въ разныя стороны; здоровый буйволъ, мирно лежавшій доселѣ въ лужѣ, шарахнулся съ дороги въ поле. Но вотъ вихрь миновалъ. Бригада пронеслась черезъ деревню, за которой потянулись хлѣбныя поля. Нѣсколько женскихъ фигуръ на одно мгновеніе вынырнули изъ моря желтой ржи, съ серпами въ рукахъ, и вслѣдъ затѣмъ опрометью кинулись обратно, вразсыпную, и снова утонули въ колыхающемся морѣ созрѣвшаго хлѣба. Позади же, въ деревнѣ, болгары, опомнившись отъ страха, выбѣжали на улицу и, образовавъ кучки, провожали глазами бригаду, причемъ одни изъ нихъ крестились, другіе махали намъ платками.

Миновавъ деревню и поднявшись на холмъ, наши увидали впереди, на слѣдующемъ холмѣ, джигитовавшихъ черкесовъ. Они вытянулись по гребню холма на своихъ маленькихъ лошадакахъ густою вереницею и то разсыпались въ отдѣльныя беспорядочныя кучки, то снова вытягивались цѣпью, то прятались за склономъ холма, то вновь появлялись на его гребнѣ. Наши осетины развернулись конною цѣпью въ трехъ стахъ шагахъ отъ противника, на противоположномъ скатѣ лоцины и не уступали въ ловкости противнику. Обычно спокойный взоръ осетинъ заискрился подъ свистомъ пуль, и гулъ знакомыхъ звуковъ Кабардѣ, казалось, ободрялъ ихъ молодечество и удалъ. Настоящая боевая джигитовка была въ полномъ раз-

гарѣ. Ружейная пальба трещала по холмамъ. Впереди, въ густомъ пороховомъ дыму мелькали черкесы. Наши осетины горячились тоже въ первой линіи. Словомъ, развертывалась картина взаимной удалы и боевой отваги. Это былъ поединокъ двухъ соплеменныхъ противниковъ.

Нужно замѣтить, кромѣ того, что часть осетинъ были магометане, всѣ вообще кавказскіе казаки носили одежду совершенно одинаковую съ черкесами. Поэтому шедшій впереди разъѣздъ прапорщика Цамая вначалѣ принятъ былъ черкесами за своего, такъ что они уже потянулись было цѣпью на встрѣчу ему. Но когда истина обнаружилась, черкесы отхлынули назадъ и начали манить осетинъ на свою сторону. Получивъ на это отвѣты, пришедшіеся имъ не по вкусу, черкесы послали тучу пуль въ отместку осетинамъ. Одинъ изъ черкесовъ, перестрѣливаясь съ прапорщикомъ Абисаловымъ, громко спросилъ его: магометанинъ онъ или христіанинъ? Хотя Абисаловъ былъ мусульманинъ, но въ отвѣтъ онъ крикнулъ: „я христіанинъ!“ На это послышалась пронзительная брань и затрещали выстрѣлы. У Абисалова оказались прострѣленными полы черкески, но самъ онъ отдѣлался лишь легкою контузіею въ ногу.

Между тѣмъ, двѣ сотни владикавказцевъ, посланныя въ обходъ фланговъ непріятеля, успѣли уже обойти оба крыла противника, спѣшились и мѣткими выстрѣлами повалили нѣсколько раненныхъ черкесовъ и между ними ихъ предводителя Хайдъ-бея, послѣ чего черкесы дрогнули. Въ то же самое время осетины налетѣли на нихъ съ фронта. Опустивъ поводья, они дали полную волю своимъ лошадямъ, стрѣляя на всемъ скаку.

Вскорѣ непріятеля и слѣдъ простылъ. Бывшіе съ черкесами около двухъ сотъ пѣшихъ башибузуковъ тоже разбѣжались по лѣсу, находившемуся у нихъ на лѣвомъ флангѣ.

У насъ оказалось трое убитыхъ осетинъ, которыхъ и положили тутъ же, подъ одинокимъ деревомъ, покрывъ ихъ съ головою черными мохнатыми бурками. Это были первые мертвецы за Дунаемъ — жертвы первой боевой схватки передоваго отряда. Казаки молча подходили къ павшимъ товарищамъ, и, набожно осѣняя себя крестнымъ знаменіемъ, угрюмо качали своими головами.

— Гдѣ рыть могилу-то?..

— Здѣсь, братцы, подъ тѣнью дерева... Здѣсь хорошо лежать покойничкамъ. Пусть лежатъ себѣ, голубчики, далече отъ родины...

— Думали они, братцы, али нѣту, что помереть имъ придется тучо-ка?

— Ай, ай, ай!.. качали головами товарищи.

Вырыли казаки могилу, завернули убитыхъ съ головою въ бурки, свалили ихъ въ яму, забросали землю, и даже по смуглому лицу могильщика скапала слеза и кулакомъ онъ ее вытеръ...

Хотѣли было казаки выместить свою злобу на башибузукъ, пойманномъ во время схватки за шиворотъ, но вскорѣ раздалась команда:

— Са-а-дись!..

Казаки вскочили на коней и пустились снова въ путь-дорогу...

Переночевавъ съ 22-го на 23-е іюня въ двухъ смежныхъ опустѣвшихъ деревняхъ — татарской и черкесской, носящихъ одно общее имя „Дели-Суду“ *) и получивъ отъ возвратившихся разъѣздовъ извѣстіе о нахожденіи 35-ой пѣхотной дивизіи въ Овчей-Могилѣ и праваго фланга передоваго отряда въ д. Турска-Слива, бригада кавказцевъ на слѣдующій день, 23-го іюня, выступила изъ Дели-Суду къ р. Осмѣ. Къ 12-ти часамъ того же дня, бригада благополучно достигла главной переправы на Осмѣ у деревни Булгарени, гдѣ сторожевыя сотни отъ Кубанскаго полка (1, 2, 3 и 6) встрѣтили довольно сильную партію черкесовъ, съ которыми и завязали перестрѣлку, при чемъ черкесы были опрокинуты и преслѣдуемы. Казакъ 6-й сотни Кубанскаго полка, Ивановъ, въ молодецкой джигитовкѣ, погнался одинъ за тремя черкесами и, въ обоюдной перестрѣлкѣ, на скаку, свалилъ одного и ранилъ другого. Черкесы скрылись по направленію на Ловчу. Кавказская бригада была торжественно встрѣчена мѣстными жителями и расположилась у Булгарени лагеремъ. Тотчасъ же были высланы отъ нея разъѣзды и вверхъ, и внизъ по Осмѣ и по направленію къ Плевнѣ, а также и на связь съ правымъ флангомъ передоваго отряда.

*) Обѣ деревни—и татарская и черкесская, во время ночной стоянки въ нихъ казаковъ, были по неосторожности послѣднихъ сожжены. Казаки отыскивали гдѣ-то пчелиныя улья и принялись выкуривать изъ нихъ пчелъ, причемъ брошенными головнями произвели пожаръ.

Такимъ образомъ, 23-го іюня, рѣка Осма была занята нами, и правый флангъ передоваго отряда могъ считаться обезпеченнымъ.

Что же касается лѣваго фланга передоваго отряда, т. е. линіи рѣки Янтры, то, какъ уже было упомянуто выше, для своевременнаго занятія ея были направлены изъ д. Царевницы, въ видѣ авангарда отъ руцукскаго отряда, Стародубовскій драгунскій полкъ, Ахтырскій гусарскій и 12-й казачій полки. 23-го іюня, на другой день по выходѣ изъ Царевницы, шедшіе впереди Стародубовскіе драгуны достигли уже рѣки Янтры. Рѣка эта извиивается между высокими, крутыми берегами. По недоступности Янтра могла служить для нашихъ войскъ, направлявшихся къ Балканамъ, надежнымъ заслономъ со стороны турецкихъ крѣпостей—Руцукъ и Шумлы. Поэтому, овладѣніе ея берегами было для насъ дѣломъ весьма важнымъ. Между тѣмъ, турки уступили намъ Янтру почти безъ боя. Какъ только драгуны появились у главнаго моста на Янтрѣ, у города Бѣлы, стоявшіе здѣсь башибузуки и турецкая пѣхота сейчасъ же бросились по направленію къ Руцукъ и Разграду. Вѣроятно, турки совсѣмъ не ожидали появленія русскихъ въ этомъ пунктѣ, и потому не успѣли оказать намъ, на первый разъ, даже слабого сопротивленія. На самомъ мосту драгуновъ встрѣтили только болгаре, вышедшіе изъ г. Бѣлы, расположеннаго по ту сторону рѣки. Впереди ихъ шелъ священникъ съ крестомъ въ рукахъ. Драгуны приложились къ кресту, а болгары привѣтствовали ихъ радостными восклицаніями.. Драгуны тотчасъ же заняли мостъ и самый городъ, и прочно утвердились въ этой важной для насъ позиціи. Въ тотъ же день прибылъ сюда и послѣдній полкъ 12-й дивизіи, Бѣлгородскій уланскій, а на слѣдующій день *) подошла сюда и пѣхота руцукскаго отряда.

Между тѣмъ, три кавалерійскія бригады, собственно передоваго отряда—донская казачья, драгунская и сводная—имѣя въ арріергардѣ пѣхоту, и поддерживая постоянную связь между собой, двигались на югъ, какъ мы уже знаемъ, въ трехъ колоннахъ: донская бригада—въ лѣвой, драгунская—въ средней

*) Въ тотъ же день переправилась черезъ Дунай, предназначавшаяся для прикрыванія со стороны р. Янтры, лѣваго фланга передоваго отряда, 8-я кавалерійская дивизія.

и сводная—въ правой по дорогѣ на Сельви. Главныя силы отряда, т. е. его пѣхота, слѣдовали за ередней колонной.

Высылая постоянно развѣзды впередъ, а также для связи между собою и на фланги, къ рр. Осмѣ и Янтрѣ, кавалерія передоваго отряда быстро подвигалась впередъ, обезоруживая не успѣвшее бѣжать мусульманское населеніе и раздавая жителямъ прокламаціи, возвѣщавшія о наступленіи конца турецкому господству надъ болгарами и призывавшія все мѣстное населеніе къ дружелюбной встрѣчѣ русскихъ.

Въ то же время, шедшіе впереди развѣзды рассчитали страну отъ башибузуковъ и черкесовъ, наводя ужасъ на разсѣянные по пути небольшіе непріятельскіе отряды. Неожиданность ли появленія нашей конницы пугала турокъ, быстрота ли ея движенія сбивала ихъ съ толку, или еще не разсѣявшійся совсѣмъ страхъ отъ неожиданнаго и блестящаго перехода русскихъ черезъ Дунай—заставлялъ ихъ уступать нашимъ все почти безъ боя, неизвѣстно,—но только непріятельская конница и даже пѣхота повсюду обращались въ бѣгство при первомъ столкновеніи съ русскими кавалеристами, не смотря иногда на свое значительное численное превосходство. Паника распространилась вскорѣ и на все мѣстное мусульманское населеніе. Узнавъ о приближеніи русскихъ, все, что только исповѣдывало вѣру Магомета, бѣжало со всеми своими пожитками, женами и дѣтьми по направленію къ Балканамъ... Въ городахъ и селахъ оставались одни только болгаре-христиане,—и, благодаря этому, кавалерія наша занимала болгарскую страну съ чрезвычайной быстротою, нерѣдко смѣло выдвигалась далеко впередъ отъ главныхъ нашихъ силъ.

Вообще, движеніе нашихъ войскъ отъ Систова къ Балканамъ можно скорѣе считать торжественнымъ побѣднымъ шествіемъ, чѣмъ форсированнымъ маршемъ. Турки почти нигдѣ не оказывали намъ серьезнаго сопротивленія и разсѣвались какъ дымъ при первомъ появленіи русскихъ. Болгаре повсюду выходили къ нашимъ войскамъ на встрѣчу, поднося командирамъ хлѣбъ - соль и предлагая солдатамъ безвозмездно молоко, хлѣбъ, вино, табакъ и встрѣчая ихъ какъ братьевъ-освободителей... Женщины и дѣвушки осыпали ихъ цвѣтами. При входѣ во многія деревни воздвигнуты были арки, убранныя

зеленью и цвѣтами. Проходя подъ аркой, наши солдаты, изъ уваженія къ чувствамъ ликующихъ жителей, нерѣдко снимали шапки, и вызывали тѣмъ неописанный восторгъ народа. Духовенство шло во главѣ жителей съ образами, хоругвями и пѣніемъ священныхъ пѣсней. Воздухъ оглашался криками и безумною радостью народа, считавшаго себя окончательно избавленнымъ отъ вѣковаго произвола и насилій турокъ... Монахи въ болгарскихъ монастыряхъ подняли старые колокола, спрятанные отъ угнетателей въ подземелья и сохранявшіеся тамъ въ теченіи четырехъ столѣтій,—и вотъ звонъ этихъ колоколовъ раздался на встрѣчу освободителямъ и снова огласилъ своими звуками ущелья и долины Балканскихъ горъ. Въ деревняхъ и городахъ, гдѣ не было колоколовъ, жители, при приближеніи нашихъ войскъ, желая выразить свою радость, ударяли колотушками въ огромныя шины, которыя издавали при этомъ звуки, походившіе на звучаніе колокола...

Радость и благословенія освобождаемаго народа составляли можетъ быть лучшую и пріятнѣйшую награду для нашихъ доблестныхъ героевъ, не щадившихъ ни крови, ни своей жизни ради великаго дѣла освобожденія славянъ...

— Эти болгары, ваше благородіе,—говорили солдаты своимъ офицерамъ,—добрый народъ. Какъ они теперича стараются изъ-за хлѣбопашества, и скотины сколько держатъ, и порядокъ какой у нихъ на поляхъ! Если ихъ отъ турки ослобонить, богатая изъ нихъ губернія можетъ выдти. Славные бы вышли мужики! И вѣра-то у нихъ единственно та же, и языкъ на нашъ схожъ.

Къ вечеру 22-го іюня, согласно первоначальной диспозиціи, донская казачья бригада стала у деревни Эбели, драгунская бригада достигла д. Батака, а сводная бригада заняла Овчу-Могилу; пѣхота передоваго отряда расположилась позади деревни Ачкаиръ.

Деревня Батакъ оказалась неоставленною мусульманскими жителями, и потому отъ драгунской бригады сейчасъ же посланъ былъ впередъ авангардъ, съ приказаніемъ обезоружить населеніе и сообщить ему прокламацію главнокомандующаго. Вскорѣ толпа турокъ высыпала изъ деревни на встрѣчу драгунской бригадѣ. Впереди всѣхъ шелъ старшина селенія, почтенный, сѣдой старикъ въ чалмѣ, сохранявшій все

время спокойный видъ и державшій себя съ достоинствомъ. Остальные же турки имѣли перепуганный и растерянный видъ и боязливо жались другъ къ другу. Для предосторожности, кругомъ деревни тотчасъ же была разставлена цѣпь. Когда командиръ бригады, князь Евгеній Максимилиановичъ, подъѣзжалъ къ группѣ, повидимому, уже покорныхъ турокъ, старшина деревни, предупрежденный переводчикомъ, что это ѣдетъ племянникъ русскаго Государя, еще издали сталъ подходить къ нему съ поклонами, прижимая руку то ко лбу, то къ сердцу, то касаясь его земли. Закончилъ онъ эту сцену тѣмъ, что приложился къ стременамъ герцога. Этимъ онъ выразилъ свое высокое уваженіе и покорность. По прочтеніи жителямъ прокламаціи о выдачѣ оружія, турки вынесли изъ домовъ все старое и негодное оружіе, большею частью кремневныя ружья, и свалили все это въ кучу. Повидимому, дѣло кончилось благополучно. Но когда наши драгуны отправились въ деревню на фуражировку, то турки сейчасъ же открыли по нимъ стрѣльбу изъ домовъ. Немедленно была послана партія спѣшенныхъ драгунъ, которые окружили одинъ изъ домовъ и, не смотря на стрѣльбу изъ оконъ и дверей, вошли въ него, причемъ, къ несчастію, въ числѣ четырехъ турокъ, поранили въ ногу одну женщину. Изъ слѣдующаго дома турокъ никакъ нельзя было выбить и пришлось домъ этотъ зажечь. Только когда пригрозили туркамъ сжечь всю ихъ деревню, они выдали все годное оружіе и въ знакъ полной покорности очистили совсѣмъ деревню и расположились на ночлегъ рядомъ съ нашимъ бивуакомъ. Однако и тутъ упорство въ нихъ было еще настолько велико, что, напримѣръ, раненая въ ногу женщина соглашалась скорѣе умереть отъ истеченія крови, чѣмъ принять помощь отъ русскаго.

Простоявъ весь день 23-го іюня бивуакомъ въ вышеуказанныхъ пунктахъ, передовой отрядъ на слѣдующій день, 24-го іюня, двинулся далѣе и, не встрѣчая по дорогѣ ни войскъ, ни вооруженныхъ жителей, занялъ къ вечеру слѣдующее расположеніе по линіи, рѣки Руситы:

Донская казачья бригада стала на лѣвомъ флангѣ, на дорогѣ въ г. Тырновъ, въ деревнѣ Никупъ.

Драгунская бригада расположилась въ центрѣ, у д. Муратъ-Бей.

Сводная бригада стала на правомъ флангѣ, по дорогѣ на г. Сельви, въ д. Сухондолъ.

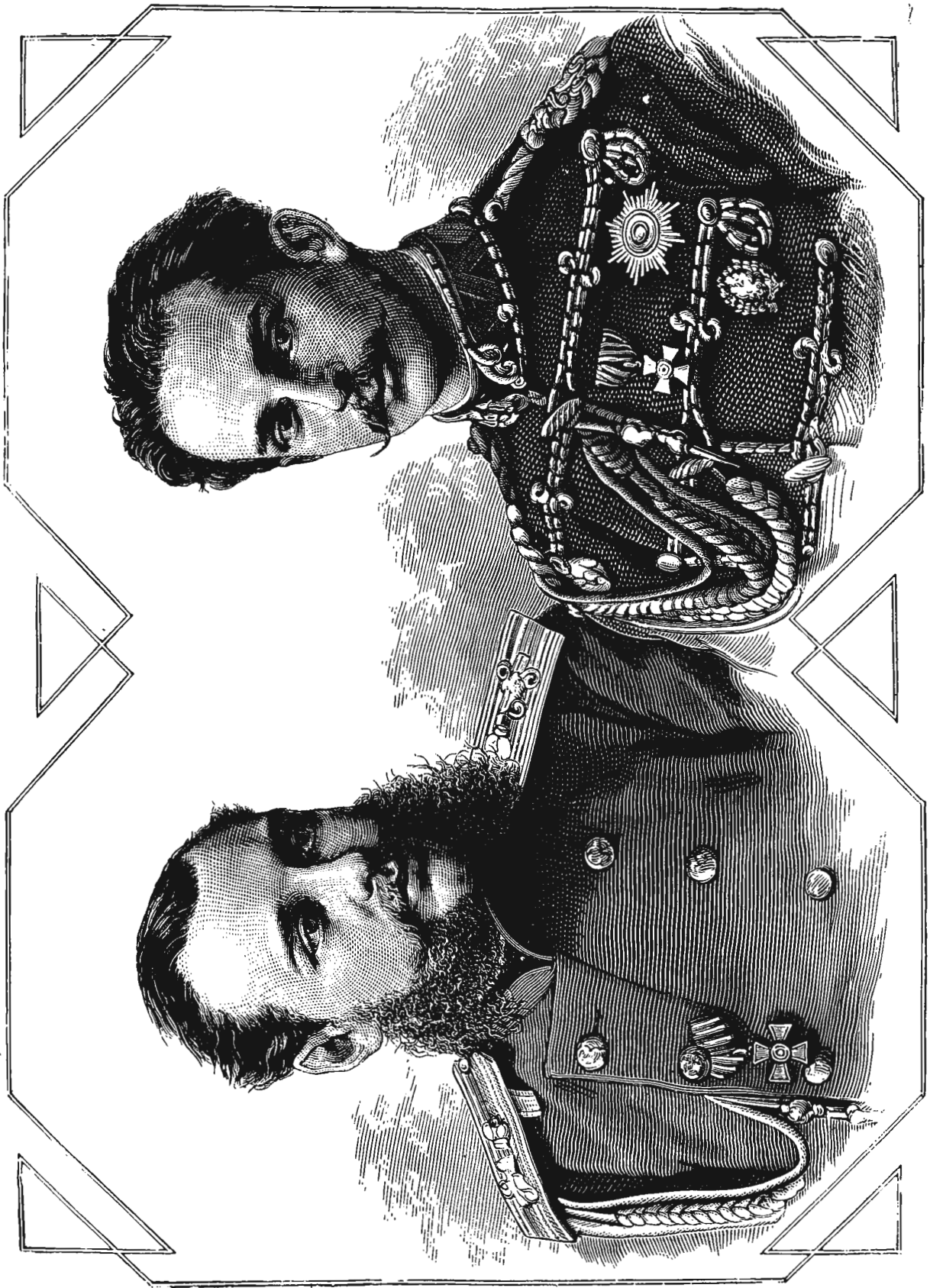
Главныя же силы отряда, т. е. его пѣхота, передвигалась изъ Акчаира въ Батакъ.

Болгары повсюду продолжали выходить на встрѣчу нашимъ кавалеристамъ съ заявленіемъ своего восторга и съ просьбою защитить ихъ отъ башибузуковъ и черкесовъ, и вначалѣ наши горячо прислушивались къ этимъ сообщеніямъ, но вскорѣ убѣдились, что перепуганные жители боялись больше воображаемыхъ турокъ, чѣмъ дѣйствительныхъ, такъ какъ по свѣдѣніямъ, собраннымъ отъ нашихъ развѣдочъ и отъ одного захваченнаго въ плѣнъ турецкаго кавалериста, оказывалось, что непріятеля ближе Тырнованигдѣ не было, въ самомъ же Тырновѣ находились пять таборовъ, то-есть батальоновъ, пѣхоты, около 400 человекъ арнаутской кавалеріи и 6 горныхъ орудій; но отъ Тырнова наша кавалерія находилась въ этотъ день на разстояніи еще цѣлаго перехода.

Между тѣмъ, къ передовому отряду прибылъ главный начальникъ его, генераль-лейтенантъ Гурко. Генераль Гурко, вызванный изъ Петербурга телеграммой, 36 часовъ спустя по полученіи ея, сидѣлъ уже въ вагонѣ желѣзной дороги, а 24-го іюня прибылъ въ Болгарію къ своему отряду и объявилъ на завтра же, т. е. на 25-е іюня, рекогносцировку по направленію къ городу Тырнову.

Тырновъ—древняя столица Болгарской земли—расположенъ верстахъ въ 70-ти отъ береговъ Дуная, при верховьяхъ рѣки Янтры. Самый городъ лежитъ между горными высями, какъ-бы во впадинѣ, и представляетъ издали чрезвычайно красивый видъ. Безчисленные бѣлые домики, городскія мечети и колокольни православныхъ храмовъ лѣнятся по горамъ и скаламъ точно другъ на другѣ и тонуть въ зелени садовъ и синевѣ далекихъ горъ. Не даромъ встарину, когда Болгарія была еще независимымъ царствомъ, Тырновъ назывался въ болгарскихъ записяхъ: „богоспасаемымъ цареградомъ, цариною градовъ, славнымъ Трновскимъ градомъ, вторымъ послѣ Константинополя градомъ“.

Но, что было всего важнѣе для насъ, городъ этотъ составляетъ чрезвычайно важный стратегическій пунктъ. Тырновъ лежитъ въ узлѣ дорогъ: изъ него ведутъ большія дороги—чрезъ Османъ-Базаръ на

Ихъ Императорскія Высочества князя Николая Максимиліановича и Евгенія Максимиліановича.

Шумлу и черезъ Сельви на Ловчу; отъ него же ведутъ пути къ горнымъ проходамъ черезъ Балканы—Шибкинскому, Травненскому, Еленинскому и многимъ другимъ второстепеннымъ переваламъ.

Сверхъ того, овладѣніе г. Тырновомъ, какъ древнею столицею Болгаріи, было также весьма важно для формировація и пополненія молодыхъ болгарскихъ войскъ и для вновь вводимаго гражданскаго управленія въ странѣ.

Въ виду всего сказаннаго, намъ необходимо было по возможности скорѣе получить болѣе точное понятіе о возможности овладѣть Тырновомъ, гдѣ предполагалось встрѣтить со стороны турокъ самое отчаянное сопротивленіе. Но ни красота города, ни древняя слава Тырнова, ни важное стратегическое значеніе его, ни недоступность окружающихъ его высотъ—ничто не могло придать мужества и храбрости туркамъ, чтобы отстоять его отъ лихаго налета нашихъ кавалеристовъ.

Какъ уже было упомянуто выше, генераль Гурко намѣревался произвести 25-го іюня собственно только рекогносцировку города Тырнова, съ западной стороны его, при помощи одной лишь драгунской бригады, причѣмъ на 26-е іюня предполагено было двинуться съ донскою казачьею бригадою отъ Никупа, съ цѣлью осмотрѣть городъ съ восточной его стороны; но въ этомъ, однако, не встрѣтилось болѣе надобности, такъ какъ первая рекогносцировка окончилась неожиданно полнымъ овладѣніемъ болгарской столицею.

Отрядъ нашъ, предназначенный для усиленной рекогносцировки Тырнова съ западной его стороны, составленъ былъ изъ слѣдующихъ частей драгунской бригады: трехъ эскадроновъ 9-го Астраханскаго и 2½ эскадроновъ 9-го Казанскаго драгунскихъ полковъ, 16-ой конной батареи полковника Ореуса и изъ прикомандированнаго къ драгунской бригадѣ своднаго гвардейскаго полуэскадрона, — всего 6*) эскадроновъ и 6 горныхъ орудій.

Для содѣйствія драгунамъ въ усиленной рекогносцировкѣ, донская казачья бригада должна была выслать отъ себя, съ лѣваго фланга, изъ Никупа,

*) 1½ эскадрона Астраханскаго полка находились въ разбѣздахъ, одинъ же эскадронъ Казанскихъ драгунъ оставленъ былъ въ Муратъ-Бей, для прикрытія обоза.

четыре сотни 26-го донскаго полка, съ двумя орудіями донской 15-й батареи, къ рекогносцировочному отряду, на западъ отъ Тырнова. Сводной же бригадѣ князя Николая Максимиліановича приказано было выдвинуть отъ себя, съ праваго фланга, изъ Сухондола, весь Кіевскій гусарскій полкъ съ двумя орудіями донской 10-й батареи въ деревню Михальцы, съ тѣмъ, чтобы служить ближайшимъ резервомъ драгунской бригады.

По окончаніи рекогносцировки, предполагалось всѣмъ частямъ этого отряда возвратиться на мѣста ихъ прежнихъ стоянокъ, и потому главныя силы передоваго отряда, его пѣхота, не была передвигаема изъ Акчаира.

Утромъ 25-го іюня прибылъ къ драгунской бригадѣ, въ д. Муратъ-Бей, самъ начальникъ передоваго отряда, генераль-лейтенантъ Гурко, чтобы лично вести рекогносцировочный отрядъ для осмотра города Тырнова. Познакомившись съ частями отряда и ихъ командирами, генераль Гурко тотчасъ же двинулъ отрядъ изъ Муратъ-Бея къ городу.

Пройдя деревню Карабунаръ и взобравшись, около полудня, на высокую и скалистую гору, находящуюся къ востоку отъ этой деревни, шедшій впереди взводъ гвардейскаго полуэскадрона, подъ начальствомъ гвардейской конной артиллеріи штабсъ-капитана Савина, открылъ къ югу значительную неприятельскую кавалерійскую часть, тянувшуюся по шоссе изъ Сельви въ Тырновъ, вдоль противоположнаго возвышеннаго края равнины, лежащей у подножія занятой гвардейцами горы.

Чтобы заставить непріятели развернуться и раскрыть свои силы, былъ спущенъ съ горы сначала одинъ взводъ-штабсъ-капитана Савина, а на самой вершинѣ скалистой горы поставлены были два орудія 16-й конной батареи, подъ прикрытіемъ 2-го эскадрона Казанскихъ драгунъ. Остальнымъ же частямъ отряда, въ ожиданіи разъясненія обстоятельствъ, приказано было оставаться на дорогѣ, не доходя скалистой вершины.

Еще свѣжая 16-я конная батарея лихо исполнила данное ей приказаніе: два орудія этой батареи, частью на рукахъ, частью съ помощью казацкихъ лошадей, карабкаясь по сплошнымъ каменнымъ глыбамъ, взобрались на высокую скалистую вершину и заняли указанную имъ позицію.

Между тѣмъ, взводъ штабель-капитана Савина, спустившись съ горы, двинулся на рыскахъ впередъ по равнинѣ. Видя смѣло выдвигавшуюся горсть нашихъ кавалеристовъ, непріятель, въ числѣ болѣе 300 коней, бросился на нихъ съ противоположной горы вразсыпную и обскакалъ гвардейцевъ съ трехъ сторонъ. Болѣе быть смятымъ, капитанъ Савинъ въ одну минуту спѣшилъ свой взводъ и открылъ неожиданно для турокъ огонь, заставившій ихъ немедленно отхлынуть назадъ и тоже, въ свою очередь, спѣшиться, чтобы отвѣчать на наши выстрѣлы.

Тотчасъ же на поддержку гвардейскаго взвода былъ спущенъ съ горы другой взводъ гвардейскаго полуэскадрона и 2-й эскадронъ Казанскихъ драгунъ. Замѣтивъ это, непріятель сѣлъ на коней и сталъ отходить къ Тырнову. Гвардейцы же, вмѣстѣ съ подошедшимъ эскадрономъ драгунъ и вторымъ гвардейскимъ взводомъ, погнались за непріятелемъ. Выставленные на скалистой вершинѣ два орудія 16-й батареи едва успѣли въ это время дать два выстрѣла, какъ турки обратились уже въ полное бѣгство и вскорѣ скрылись за возвышенностью. Тогда генераль Гурко, оставивъ на горѣ остальные силы отряда, поѣхалъ догонять преслѣдовавшія части. Достигнувъ высотъ около дер. Бѣлковцы, генераль Гурко съ кавалеріей, утомленный быстрымъ движеніемъ и невыносимой жарой, остановился.

Теперь уже можно было убѣдиться, что у непріятеля, кромѣ бѣжавшей конницы, здѣсь ничего не было, и потому сейчасъ же послано было приказаніе спуститься съ горы всему остальному отряду, съ 16-ою конною батареею; а такъ какъ къ этому времени присоединились къ драгунамъ, прибывшія изъ д. Никупъ, отъ донской бригады, четыре сотни 26-го донскаго полка, съ двумя орудіями донской 15-ой батареи *), подъ командою полковника Краснова, то тремъ сотнямъ этихъ донцовъ приказано было также двинуться впередъ, оставивъ на горѣ, для прикрытія пути отступленія, одну сотню съ двумя орудіями.

*) Въ официальныхъ описаніяхъ взятія Тырнова упоминается то о четырехъ, то о трехъ сотняхъ 26-го донскаго полка, прибывшихъ къ отряду и ничего не говорится о двухъ орудіяхъ донской батареи; между тѣмъ, въ «воспоминаніяхъ» М. Чичагова о «передовомъ отрядѣ» («Военный Сборникъ» за 1879 годъ) прямо говорится о прибытіи къ рекогносцировочному отряду четырехъ сотенъ 21-го донскаго полка и двухъ орудій 15-ой батареи.

Въ 4-мъ часу пополудни войска наши стали подходить къ Тырнову, по сѣверной грунтовой дорогѣ, мимо дер. Бѣлковцы, лежащей въ 2-хъ верстахъ отъ города, въ слѣдующемъ порядкѣ:

Въ 1-ой линіи—гвардейскій полуэскадронъ и два эскадрона драгунъ, прикрытые цѣпью наѣздниковъ.

За серединою 1-ой линіи—одинъ эскадронъ драгунъ.

Во второй линіи — остальные пять драгунскихъ эскадроновъ, три сотни казаковъ и четыре орудія 16-ой конной батареи *).

Турки, замѣтивъ приближеніе нашей кавалеріи, тотчасъ же очистили городъ, перешли на правый берегъ Ятры и расположились къ югу отъ города, у подножія холма, на склонѣ котораго стояла у нихъ батарея въ шесть орудій. Въ то же время, на дорогѣ, ведущей въ Османъ-Базаръ, была замѣчена большая колонна пѣхоты, уходившая отъ Тырнова на востокъ.

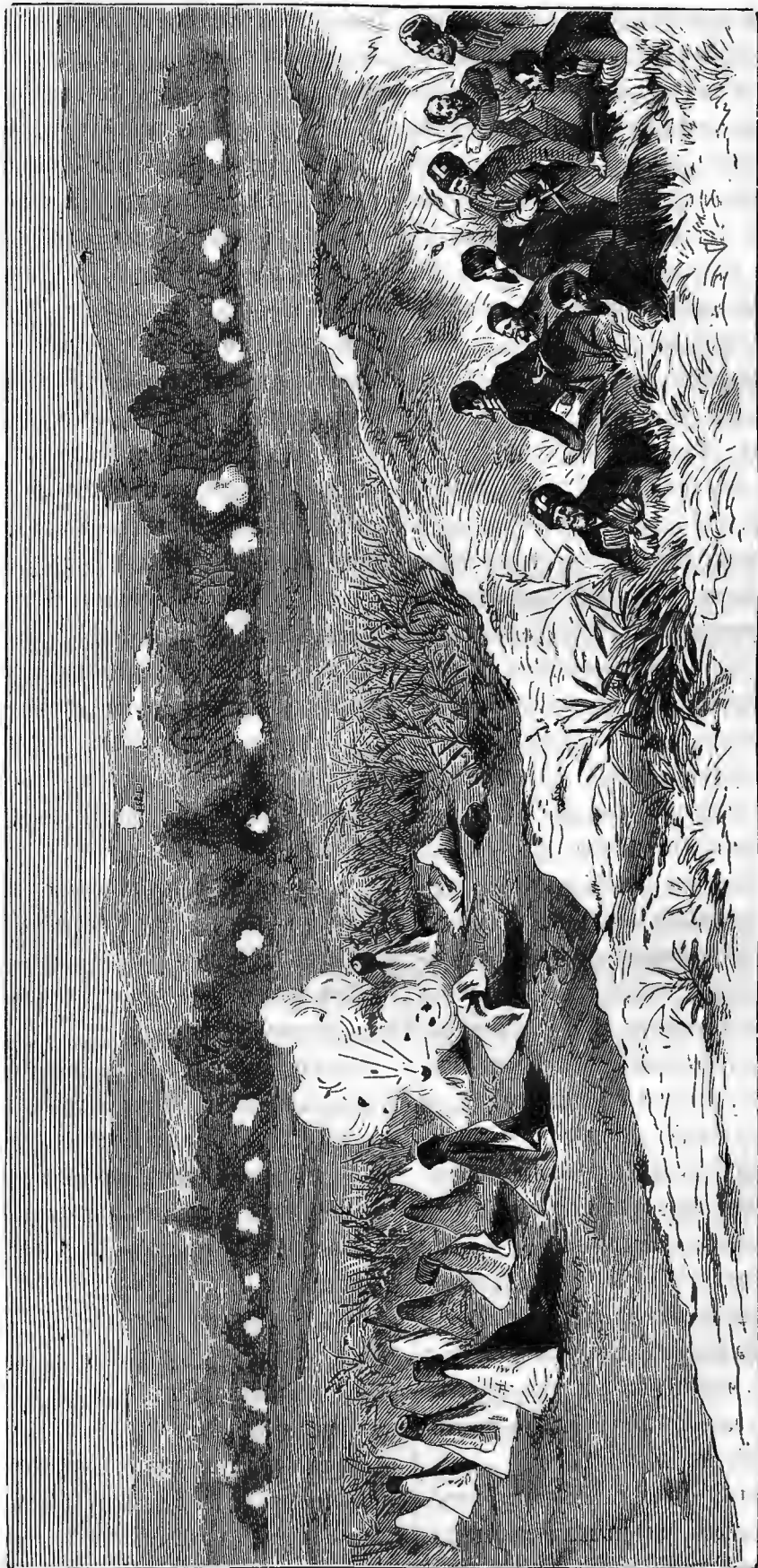
Все это показывало, что непріятель насъ боится и отступаетъ, оставивъ у вышеупомянутаго холма, для защиты города, лишь арріергардъ свой. Вслѣдствіе этого генераль Гурко рѣшился обратить рекогносцировку въ серьезное наступленіе и занять немедленно городъ.

Тотчасъ же послано было приказаніе оставленной на горѣ сотнѣ донцовъ, съ двумя орудіями, присоединиться къ отряду, такъ какъ нашему пути отступленія, повидимому, ничто уже не могло угрожать; 16-ой же конной батарее, подъ прикрытіемъ четырехъ спѣшенныхъ драгунскихъ эскадроновъ, приказано было двинуться на высоты, къ западу отъ города.

Спѣшенные драгуны и конная батарея, лошади которой были уже все въ мылѣ, двинулись къ указанной позиціи прямо черезъ пашни и виноградники, огороженные вдобавокъ каменными стѣнками, въ слѣдствіе чего вскорѣ пришлось свернуть влѣво по узенькой дорожкѣ и идти густою колонною. Турки замѣтили это движеніе и тотчасъ же открыли съ занятаго ими холма артиллерійскій огонь во флангъ наступавшей колоннѣ.

*) Отсюда можно заключить, что, по официальному описанію, оставлены были на скалистой горѣ два орудія 16-ой конной батареи, а не донской, о которой упоминаетъ М. Чичаговъ.

Не смотря на это, подполковникъ Бѣлокшотовъ, съ 3 эскадронномъ Казанскихъ драгунъ, первый достигъ упомянутой высоты и тотчасъ же занялъ ее. Вслѣдъ за этимъ эскадрономъ въѣхала на позицію осыпаемая гранатами 16-я конная батарея; не успѣла она сняться, какъ потеряла уже двухъ человекъ ранеными и нѣсколько лошадей. Не смотря на это, батарея быстро пристрѣлялась! Раненый при этомъ въ ногу артиллеристъ Куракъ не захотѣлъ оставлять орудія и только присѣлъ на ка-

Хитрость пастуновъ, выставляющихъ чучела подъ турецкіе выстрѣлы.

мень; когда же до него дошла очередь стрѣлять, то онъ добрался до орудія на одной ногѣ, и далъ таки выстрѣлъ. Чрезвычайно мѣткій огонь батареи заставилъ турокъ вскорѣ ослабить ихъ огонь, а черезъ полчаса послѣ этого и совсемъ прекратить его: неприятельская батарея снялась съ холма и стала отступать на Османъ Базаръ. Уподножія холма осталась только неприятельская пѣхота, противъ которой и направила наша батарея свои мѣткіе выстрѣлы.

Между тѣмъ, къ батарее этой

подшли остальные части: спѣшенные два эскадрона Казанскихъ и два эскадрона Астраханскихъ драгунъ, подъ общимъ начальствомъ командира Казанскаго драгунскаго полка полковника Корево. Турецкая же пѣхота, засѣвшая у холма, не смотря на огромную дистанцію—болѣе 2000 шаговъ, открыла бѣглый ружейный огонь по батареѣ и по спѣшеннымъ драгунамъ. Тогда полковникъ Корево, съ двумя эскадронами Астраханскихъ драгунъ на лѣвомъ флангѣ и двумя эскадронами Казанскихъ драгунъ—на правомъ, спустился съ горы и сталъ энергично наступать, подвигаясь мимо южной окраины города, къ рѣкѣ Янтрѣ, и осыпая пулями непріятельскихъ стрѣлковъ. Турки, угрожаемые огнемъ нашей батареи и драгунъ, смѣло подвигавшихся впередъ, не выдержали и стали отходить на кладбище и далѣе на востокъ, оставивъ у подножія холма лишь незначительную часть пѣхоты, засѣвшую за окопами и продолжавшую стрѣлять по нашимъ.

Тогда приказано было всемъ войскамъ нашимъ двинуться къ Тырнову, причѣмъ одна сотня донскаго 26-го казачьяго полка отправилась на рысяхъ впередъ, для осмотра и занятія города, пдвзуюсь указаніями даннаго ей въ проводники урядника 2-го кубанскаго полка князя Церетелева, бывшаго еще прежде въ Тырновѣ. Слѣдомъ за казачьею сотнею были направлены въ городъ одинъ эскадронъ Казанскаго драгунскаго полка и Астраханскіе драгуны. Полковникъ же Корево, съ двумя эскадронами Казанскихъ драгунъ, двумя сотнями казаковъ, гвардейскимъ полуэскадронномъ и двумя орудіями 16-й конной батареи, былъ двинутъ мимо южной окраины города, на переправу черезъ рѣку Янтру, для преслѣдованія отступавшаго непріятеля. Въ то же время князь Евгенийъ Максимиліановичъ, находившійся при 16-ой конной батарее, приказалъ оставшимся на позиціи двумъ орудіямъ спуститься съ горы и выѣхать на дорогу къ городу, чтобы выбить артиллерійскимъ огнемъ засѣвшаго у холма непріятеля. Орудія эти быстро заняли указанное имъ мѣсто, открыли огонь картечными гранатами и съ перваго же выстрѣла попали въ сидѣвшихъ за окопами турокъ.

Между тѣмъ, сотня 26-го донскаго полка, которую велъ князь Церетелевъ, уже въѣхала на рысяхъ въ городъ. Такъ какъ Тырновъ приходился на правомъ флангѣ непріятельской позиціи, то сотня эта

должна была, пройдя городъ и мостъ черезъ рѣку Янтру, выйдти во флангъ туркамъ. Это движеніе казакъ и заставило турокъ окончательно сняться съ позиціи и начать общее отступленіе.

До этого времени самый городъ молчалъ. Жители съ замираніемъ сердца ждали конца боя и не подавали и признаковъ жизни. Съ нашихъ позиціи замѣтны были только кучки людей, перебѣгавшихъ по улицамъ, и массы жителей, стоявшихъ на крышахъ домовъ. Но только-что началось отступленіе турокъ, какъ вдругъ со всѣхъ колоколенъ города понесся на встрѣчу нашимъ радостный звонъ колоколовъ, и болгары стали посылать намъ возгласы радости и махать бѣлыми платками. Моментъ былъ торжественный! Пуль орудій, звонъ колоколовъ, трескотня ружейной стрѣльбы и крики радости—все слилось въ одинъ общій, невыразимый шумъ.

Сотнѣ донцовъ, въѣхавшей въ городъ на рысяхъ, впереди всѣхъ, горожане приготовили не менѣе странную встрѣчу: съ одной стороны дѣвушки и болгары бросали имъ цвѣты, а съ другой—мусульманскіе жители стрѣляли изъ оконъ домовъ. Но казаки, упоенные успѣхомъ и встрѣчею, не обращали на выстрѣлы никакаго вниманія и продолжали нестись впередъ.

— Дьяволы!—осерчалъ одинъ казакъ:—каблукъ да подошву сбили... Тыфу, нехристь трелятая, чумбуръ перебили!...

При послѣднихъ словахъ казакъ пошатнулся: пуля ударила въ плечо.

Пройдя городъ насквозь, въ томъ числѣ и мусульманскую часть, сотня остановилась, наконецъ, на площадкѣ, въ ожиданіи дальнѣйшихъ приказаній. Спустя нѣкоторое время, подошли сюда два орудія...

— Вы куда?—спрашиваетъ хорунжій Дукмасовъ.

— Генераль прислалъ насъ для преслѣдованія непріятеля.

— А прикрытіе гдѣ у васъ?—засмѣялся хорунжій.

— Должно полагать, на васъ рассчитывали,—замѣтилъ офицеръ..

Круто повернувъ своего коня, хорунжій Дукмасовъ подскакалъ къ сотенному командиру.

— Генераль приказалъ мнѣ, вмѣстѣ съ двумя присланными орудіями, броситься въ преслѣдованіе непріятеля.

— Возьмите полусотню и съ Богомъ, — отвѣтилъ сотенный.

Не прошло и пяти минутъ, — полусотня уже летѣла... Далеко опередивъ своихъ казаковъ, Дукмасовъ вдругъ налетѣлъ на какую-то кавалерійскую часть, которую и принялъ за нашихъ драгунъ. — „Вотъ тебѣ разъ, — мелькнуло у него въ головѣ: что за преслѣдованіе, когда драгуны уже здѣсь?“

— Стой... полусотня!

Но одинъ казакъ, не разслышавшій команды, вынесся впередъ.

— Куда тебя чортъ несетъ? — крикнулъ Дукмасовъ на казака.

Мнимые драгуны, между тѣмъ, заслышавъ погоню за собою, тоже остановились. Это были арнауты, которые и не замедлили дать по казакамъ нѣсколько залповъ...

— А... лупи ихъ, голубчики! — радостнымъ голосомъ крикнулъ Дукмасовъ артиллеристамъ и самъ, бросившись къ казакамъ, тотчасъ же разсыпалъ часть.

Въ карьеръ выѣхали два орудія и хватили въ арнаутовъ картечью. Тѣ бросились по сторонамъ и открыли скрывавшуюся за ними пѣхоту. Эта послѣдняя, побросавъ ружья, ранцы и мѣшки, обратилась въ бѣгство. Но въ это самое время, откуда ни возьмись, выѣхало на позицію одно непріятельское орудіе и открыло пальбу. Наши орудія усиленно отвѣчали ему, направляя огонь свой и въ массы турокъ, которые не замедлили столпиться около своей пушки...

Не мыслимо было броситься на пѣхоту нашимъ 20-ти казакамъ; но Дукмасовъ, минуту спустя, бросился на турокъ съ двумя казаками. Убивъ нѣсколько человѣкъ, онъ вернулся опечаленный.

— Экая жалость, — чуть не плача проговорилъ онъ: — кабы полкъ былъ!...

Къ счастью, вскорѣ подошелъ сюда же полковникъ Корево съ своими драгунами, немного запоздавшими влѣдствіе того, что они были спѣшны, а коноводы оставлены за городомъ, и вдобавокъ имъ пришлось еще переходить рѣку Янтру въ бродъ...

Съ прибытіемъ подкрѣпленія, два орудія наши, прикрываемыя теперь казаками и казанскими драгунами, продолжали энергически преслѣдовать непріятеля и при каждой остановкѣ противника открывали мѣткій огонь, заставлявшій турокъ отступать еще быстрѣе. Отступленіе непріятеля обрати-

лось вскорѣ въ самое безпорядочное бѣгство. Турки убѣгали безъ оглядки, бросая по дорогѣ ружья, патроны и амуницію. Отступленіе непріятеля было такъ поспѣшно, что гражданскій губернаторъ города Тырнова, Сайбъ-паша, не успѣлъ сѣсть въ коляску и бѣжалъ изъ города пѣшкомъ, по направленію къ Еленѣ. По всему пути валялись теперь трупы убитыхъ турокъ, свидѣтельствовавшіе о настойчивости преслѣдованія. Казаки вмѣстѣ съ драгунами и артиллеріею преслѣдовали непріятеля на протяженіи десяти верстъ. Опасаясь утомить драгунъ, сдѣлавшихъ пѣшкомъ уже около 15-ти верстъ, имъ послали, наконецъ, приказаніе прекратить преслѣдованіе.

Между тѣмъ, генералъ Гурко съ княземъ Евгеніемъ Максимиліановичемъ и съ гвардейскимъ полускадромъ торжественно въѣхали въ городъ. Болгары высыпали толпой на встрѣчу побѣдителямъ. Главная улица, по которой ѣхалъ генералъ Гурко, была сплошь усеяна народомъ; окна и крыши многихъ домовъ были также наполнены жителями. Восторженная радость болгаръ не имѣла границъ; они цѣловали руки у офицеровъ, стремились лошадей; засыпали всадниковъ цвѣтами и забросали воздухъ красными шапками, на которыхъ уже нашиты были крестики изъ бѣлой тесьмы. Съ криками „ура“ и „живіо“, народъ сплошной толпой провожалъ нашу войска вплоть до городского собора, гдѣ тотчасъ же и отслуженъ былъ молебень.

Взятіе болгарской столицы стоило намъ всего двухъ человѣкъ раненыхъ (изъ прислуги 16-й конной батареи), двухъ контуженныхъ (нижнихъ чиновъ 9-го Казанскаго драгунскаго полка) и нѣсколькихъ убитыхъ лошадей.

Вмѣстѣ съ городомъ въ наши руки достались: весь турецкій лагерь, съ брошеннымъ въ немъ знаменемъ, множество ружей, патроновъ и провіантскихъ запасовъ.

У турокъ было въ бою: пять таборовъ регулярной пѣхоты (низама), 400 человѣкъ арнаутской кавалеріи и 6 горныхъ орудій. Кромѣ того, къ концу сраженія къ нимъ подходили на помощь около трехъ батальоновъ пѣхоты со стороны Османъ-Базара. Но батальоны эти, узнавъ у деревни Лесковице (въ пяти верстахъ не доходя Тырнова) объ отступленіи турокъ изъ города, тоже повернули назадъ, не принявъ никакого участія въ дѣлѣ.

Такимъ образомъ, одинъ изъ главныхъ и наиболѣе важныхъ въ стратегическомъ отношеніи городовъ Болгаріи, защищаемый пятью таборами пѣхоты и артиллеріею, неожиданно былъ взятъ, можно сказать съ налету, ничтожною горстью нашихъ кавалеристовъ. Правда, наступленіе нѣсколькихъ спѣшенныхъ эскадроновъ, сдѣлавшихъ до этого около 40 верстъ на коняхъ, на засѣвшую въ укрѣпленіяхъ пѣхоту, можно назвать по меньшей мѣрѣ смѣлымъ, но фактъ остается тотъ, что Тырновъ былъ уже въ нашихъ рукахъ. Перейди всѣ пять таборовъ непріятеля въ наступленіе, и наши спѣшенные драгуны, оставившіе далеко позади своихъ коноводовъ, очутились бы въ критическомъ положеніи, тѣмъ болѣе, что непріятель могъ быть во-время поддержанъ еще тремя батальонами, шедшими къ нему на помощь изъ Османъ-Базара.

Что заставило турокъ отступить изъ Тырнова, послѣ лишь самага незначительнаго сопротивленія съ ихъ стороны, — до сихъ поръ трудно объяснить. Вѣроятно, они приняли спѣшенныхъ драгунъ за пѣхоту и, что всего вѣроятнѣе, не составили себѣ достаточно вѣрнаго понятія о численности наступавшаго на нихъ отряда.

Несомнѣнно, что турки, оборонявшіе этотъ городъ, остались при своемъ первоначальномъ представленіи о 25-ти тысячахъ русскихъ, наступавшихъ на нихъ. Это тѣмъ болѣе вѣроятно, что турки и во всѣхъ другихъ случаяхъ составляли самыя преувеличенныя понятія о нашихъ силахъ, съ которыми имъ приходилось имѣть дѣло, и очень часто не имѣли точнаго понятія даже о численности своихъ собственныхъ отрядовъ. Это фактъ, на который не разъ можно натолкнуться въ опубликованномъ въ печати процессѣ Сулеймана.

Какъ былъ далекъ, между тѣмъ, отъ вышеупомянутой численности нашъ отрядъ, овладѣвшій Тырновомъ, можно заключить уже изъ того, что весь-то передовой отрядъ генерала Гурко едва достигалъ 10—11 тысячъ человекъ; собственно же во взятіи Тырнова участвовало всего только 6 эскадроновъ и 4 сотни казаковъ, т. е. лишь самая незначительная часть передоваго отряда. Вообще, противъ 3,000 турецкихъ пѣхогинцевъ и 400 человекъ арнаутской кавалеріи, защищавшихъ г. Тырновъ, дѣйствовали съ нашей стороны не болѣе 1,500 всадниковъ, и, не смотря на то, Тырновъ былъ взятъ.

Однако же, въ виду численнаго превосходства отступившаго непріятеля, необходимо было немедленно усилить овладѣвшую городомъ горсть нашихъ храбрецовъ. Поэтому, тотчасъ по занятіи Тырнова, генералъ Гурко приказалъ подойти туда же всѣмъ остальнымъ частямъ передоваго отряда, какъ пѣхотѣ, такъ и кавалеріи (4-й стрѣлковой бригадѣ, болгарскимъ дружинамъ, пластунскимъ сотнямъ, конно-піонерному отряду, донской казачьей бригадѣ и сводной бригадѣ).

Кромѣ того, для разузнанія о намѣреніяхъ и численности отступившаго непріятеля, на другой же день по занятіи Тырнова, не смотря на утомленіе людей отъ предшествовавшаго дѣла, была послана драгунская бригада съ приказаніемъ — продвинуться по османъ-базарской дорогѣ къ деревнѣ Добридолъ и развѣдать о непріятелѣ. Развѣзды эти, дойдя до Добридола, разузнали, что отступившіе турки ночевали наканунѣ въ дер. Кезрова, гдѣ ихъ было болѣе 2,000 человекъ, при 6-ти орудіяхъ, и 26-го іюня отошли на Османъ-Базаръ, гдѣ стоитъ до 15 таборовъ (?).

На слѣдующій день, 27-го іюня, въ Тырновъ прибыли, наконецъ, развѣзды отъ 8-го Вознесенскаго уланскаго полка, переправившагося черезъ Дунай 24-го іюня, въ составѣ 8-й кавалерійской дивизіи, выдвинутой изъ Царевіцы, въ видѣ передоваго отряда отъ рущукской арміи. Вознесенскіе уланы, имѣя задачу освѣщать мѣстность по обѣ стороны рѣки Янтры и охранять лѣвый флангъ двигавшагося на Тырновъ отряда генерала Гурко, прошли чрезъ Бурунли, Иванчу и Раданъ вверхъ по лѣвому и правому берегамъ р. Янтры, имѣя намѣреніе продвинуться какъ можно дальше къ югу, а если представится хоть малѣйшая возможность, то занять съ бою и Тырновъ. Но, достигнувъ этого города 27-го іюня, причемъ развѣздъ отъ 2-го эскадрона уланъ занялъ по пути безъ боя городъ Раховицу, что на дорогѣ изъ Тырнова въ Рущукъ и Шумлу, вознесенскіе уланы встрѣтили въ самомъ Тырновѣ уже русскія войска, и потому въ тотъ же день вернулись обратно въ Раданъ, на соединеніе съ своей дивизіей.

Вообще 27-го іюня въ Тырновѣ было необыкновенное движеніе. Во весь этотъ день сюда подходили главныя силы передоваго отряда, причемъ жители болгарской столицы устроили торжественную встрѣчу

войскамъ, а въ особенности болгарскимъ дружинамъ. По дорогѣ стояли толпы болгаръ, вышедшихъ изъ Тырнова чуть не поголовно верстъ за пять на встрѣчу войскамъ. Шоссе, идущее къ Тырнову между двумя отвѣсными стѣнами скаль, было запружено народомъ въ праздничныхъ платьяхъ, и не было въ этой огромной толпѣ чловѣка, у котораго не было бы въ рукахъ или жбана съ водой, или сдобной лепешки, или пачки табаку, не было женщины, которая не имѣла бы съ собой цѣлой массы цвѣтовъ, — и все это бросалось чуть не подъ ноги лошадей; вода, табакъ, лепешки подавались черезъ головы другъ другу, цвѣты бросались или прямо на солдатъ, или прицѣплялись къ штыкамъ, ружьямъ, кабурамъ. Народъ сплошной массой окружалъ солдатъ, братаясь съ ними и громкими криками выражая восторгъ свой. Та же встрѣча продолжалась и въ самомъ городѣ, пока, наконецъ, всѣ части не были расположены на указанныхъ имъ позиціяхъ.

Къ вечеру 27-го іюня войска передоваго отряда заняли слѣдующее расположеніе:

Главныя силы: 4-я стрѣлковая бригада, двѣ сотни пластуновъ, четыре дружины болгарскаго ополченія, гвардейскій полурэскадронъ, уральская сотня, коннопіонерный отрядъ, 12 горныхъ орудій, Киевскій гусарскій полкъ и 4 орудія донской 10-й батареи — въ самомъ Тырновѣ.

Драгунская бригада, съ 16-ю конною батареею, стала къ сторонѣ Османъ-Базара, въ селеніи Мерданъ.

Донская казачья бригада, съ донскою 15-ю батареею, заняла позицію къ югу отъ Тырнова, у соединенія дорогъ, ведущихъ на Габрово и Елену, имѣя одну сотню вдоль берега р. Янтры.

Донской 30-й казачій полкъ, съ двумя орудіями донской 10-й батареи, сталъ къ сторонѣ г. Сельви, у деревни Пушево.

Весь обозъ передоваго отряда, подъ прикрытіемъ остальныхъ двухъ дружинъ болгарскаго ополченія, былъ стянутъ позади Тырнова, у Решана.

Въ этомъ расположеніи передовой отрядъ оставался до 30-го іюня, ежедневно посылая отъ себя разъѣзды на связь съ кавказскою казачьею бригадой — на правомъ флангѣ *) и съ кавалеріей ру-

шукскаго отряда — на лѣвомъ, собирая, въ то же время, свѣдѣнія о непріятелѣ, о дорогахъ вообще и въ особенности о горныхъ проходахъ, и заготовляя продовольственные запасы и вычюный обозъ для предстоявшаго горнаго похода.

Что касается разъѣздовъ передоваго отряда, то смѣлость ихъ доходила въ этотъ разъ до невѣроятныхъ предѣловъ. Они появлялись всюду въ совершенно незнакомыхъ имъ мѣстностяхъ, часто среди превосходнаго числомъ непріятеля, отдѣльными незначительными кучками, и хозяйничали въ непріятельской странѣ какъ у себя дома. Нѣкоторые изъ этихъ разъѣздовъ, посланные еще во время движенія отряда къ Тырнову, на связь съ боковыми отрядами и для освѣщенія впереди лежащей мѣстности, — только теперь, 27-го іюня, вернулись обратно къ своимъ частямъ, подъ Тырновъ. Особенно были замѣчательны изъ этихъ разъѣздовъ — развѣдочныя партіи корнета Киевскаго гусарскаго полка Полешко и есаула 30-го донскаго полка Афанасьева, посланные еще 25-го іюня (въ день взятія Тырнова) отъ сводной бригады князя Николая-Максимиліановича, стоявшаго въ то время въ Сухундолѣ, на дорогѣ въ г. Сельви.

Есауль Афанасьевъ, съ полусотнею 30-го донскаго полка, былъ посланъ изъ Сухундола къ рѣкѣ Осмѣ, для возстановленія связи съ кавказскою казачьею бригадой. Отправившись съ своими казаками изъ Сухундола по направленію на сѣверо-западъ и нигдѣ не встрѣтивъ по пути кавказскою бригады, есауль Афанасьевъ подошелъ къ Плевнѣ и тамъ узналъ отъ мѣстныхъ жителей, что въ городѣ этомъ стоятъ турецкія войска. Это, однако, не остановило Афанасьева, и онъ въѣхалъ въ Плевну, гдѣ, дѣйствительно, наткнулся на одну роту, вооруженную новѣйшими ружьями. Турки встрѣтили казаковъ въ оборонительномъ положеніи. Сначала казакамъ пришлось имѣть дѣло съ однимъ только взводомъ. Афанасьевъ подлетѣлъ къ туркамъ и крикнулъ, чтобы они положили оружіе, сопровождая свою непонятную туркамъ рѣчь выразительнымъ движеніемъ руки сверху внизъ. Турки тотчасъ же опустили ружья, и весь взводъ низама былъ немедленно обезоруженъ, безъ всякаго съ его стороны сопротивленія. Со вторымъ взводомъ, встрѣченнымъ дальше, повторилась та же исторія. Вѣроятно, турки думали, что вслѣдъ

*) Въ это время на рѣкѣ Осмѣ, подъ Никополемъ, стоялъ уже 9-й корпусъ генерала Криденера, а къ р. Янтрѣ подтягивались 12-й и 13-й корпуса.

за казаками непремѣнно должна придти русская пѣхота... Отъ тѣхъ же турокъ Афанасьевъ узналъ, что еще нѣсколько сотъ черкесовъ, не желая драться, хотятъ также положить оружіе, но боятся только сдѣлать это и скрываются въ лѣсахъ.

Плевненскіе болгары уже торжествовали. Но казаки наши, въ виду присутствія по близости несо-размѣрной съ ихъ силами партіи черкесовъ и ничего не зная о мѣстѣ стоянки кавказской бригады, на соединеніе съ которой они шли, не могли забрать съ собою сдавшихся турокъ въ плѣнъ и, оставивъ ихъ въ Плевнѣ, двинулись въ тотъ же день на востокъ отъ города, по дорогѣ на Бѣду, гдѣ, руководствуясь одними лишь слухами, разыскали, наконецъ, кавказскую бригаду, стоявшую лагеремъ на р. Осмѣ, въ д. Булгарени. Переночевавъ здѣсь съ 25-го на 26-е іюня, есаулъ Афанасьевъ вернулся 27-го іюня въ Тырновъ, къ передовому отряду, сдѣлавъ, такимъ образомъ, въ трое сутокъ около 250 верстъ.

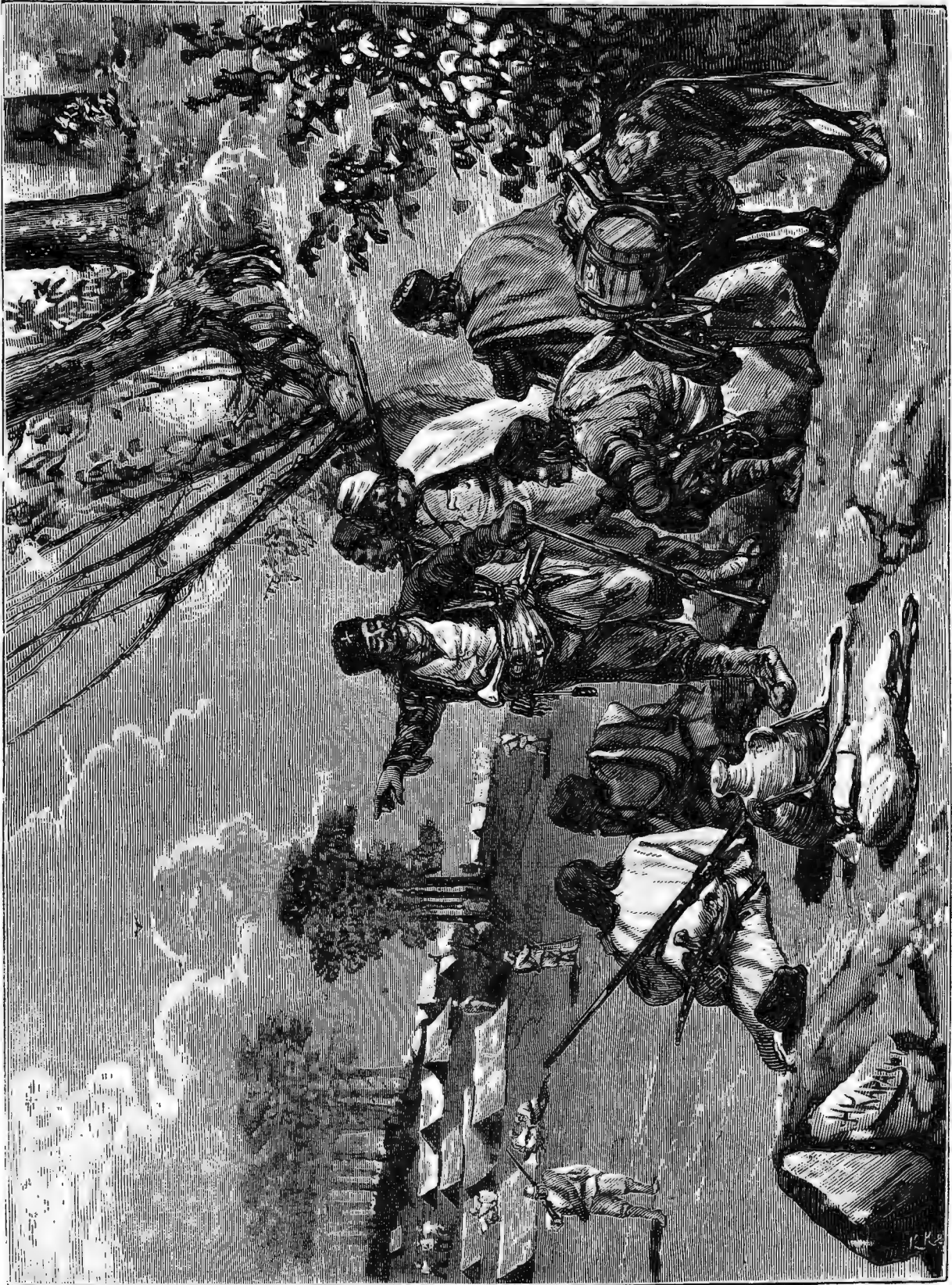
Одновременно съ развѣдомъ есаула Афанасьева, 25-го іюня, были посланы изъ Сухундола въ г. Сельви, для порчи телеграфныхъ линій, корнетъ Полешко и поручикъ Коробчевскій, съ двумя взводами Киевскихъ гусаръ. Оба взвода отправились на Сельви по разнымъ направленіямъ. Корнету Полешко пришлось идти по горамъ, по очень трудной дорогѣ, причемъ взводъ его потерялъ на пути шесть лошадей, издохшихъ отъ истощенія. Однако Полешко удалось достигнуть Сельви гораздо раньше Коробчевскаго. Подвѣзжая къ городу, онъ послалъ узнать, нѣтъ ли тамъ турокъ; болгары сообщили, что мѣстечко занято довольно многочисленной турецкой пѣхотой. Полешко, бывший всего съ 40 гусарами, рѣшилъ, однако, идти впередъ. Подскакали гусары прямо къ городской телеграфной станціи, но тутъ неожиданно наткнулись на 100 человекъ вооруженныхъ жандармовъ. Отступать было уже поздно; вступать въ бой съ цѣлою сотнею жандармовъ сорока нашимъ гусарамъ нечего было и пытаться. Полешко оставалось только одно—потребовать у турокъ, на удачу, сдачи оружія, что онъ, ни мало не медля, и предложилъ жандармамъ... Между тѣмъ улица наполнилась болгарами, которые принялись кричать нашимъ „живію“ и подносили уже цвѣты солдатамъ. Турецкіе жандармы, думая,

что влѣдѣ за гусарами идутъ главныя русскія силы, и никакъ не предполагая, чтобы такая ничтожная горсть кавалеристовъ осмѣлилась одна напасть на турецкую пѣхоту,—рѣшились тоже не сопротивляться и, не сдѣлавъ ни одного выстрѣла, положили оружіе. Тѣмъ временемъ Полешко забрался на телеграфную станцію, захватилъ два телеграфныхъ аппарата и книгу съ турецкими телеграммами, присоединился къ своимъ и приготовился уже идти въ обратный путь. Но тутъ жандармы поняли свою ошибку, догадались о малочисленности гусаръ и начали волноваться, снова хватаясь за оружіе... Полешко велѣлъ гусарамъ скакать... Турки погнались за ними; но въ эту минуту подоспѣлъ Коробчевскій съ своимъ взводомъ и, чтобы обмануть турокъ относительно численности прибывшаго отряда, тотчасъ же расположилъ его цѣпью, и, такимъ образомъ, гусары, отстрѣливаясь вначалѣ, благополучно возвратились въ Тырновъ къ передовому отряду, привезя съ собой телеграфные аппараты и книгу съ секретными телеграммами турецкихъ командировъ...

Благодаря своей удали и отвагѣ, кавалеристы наши получили вскорѣ самую широкую извѣстность среди мѣстныхъ болгаръ. Въ Тырновѣ, къ генералу Гурко, то и дѣло поступали просьбы отъ болгаръ, изъ разныхъ деревень и городовъ, дать имъ человекъ 10—20 казаковъ, съ помощью которыхъ они брались обезоружить все турецкое населеніе своего округа. И дѣйствительно, не разъ случалось, что прибытіе какой-нибудь полдюжины казаковъ тотчасъ же измѣняло положеніе болгаръ и дѣлало ихъ хозяевами въ своей странѣ.

28-го іюня въ Тырновъ прибѣжали жители деревень—Власицы, Лефеджи, Трембеша и Кадыкюя, лежащихъ къ сѣверо-востоку отъ Тырнова, къ сторонѣ Разграда, — съ просьбою защитить ихъ отъ партій черкесовъ и башибузукъ, грабившихъ и рѣзавшихъ мѣстныхъ жителей, и, сверхъ того, съ важнымъ извѣстіемъ о томъ, что около деревни Кадыкюя собрался обозъ въ 2,000 подводъ, уходившій изъ Систова и Тырнова.

Генералъ Гурко тотчасъ же приказалъ драгунской бригадѣ князя Евгенія Максимиліановича, стоявшей близъ османъ-базарской дороги въ Мерданѣ, выслать отъ себя сборный эскадронъ отъ Астраханскаго и Казанскаго драгунскихъ полковъ, чрезъ Ха-

Болгарскіе проводники въ отрядѣ генерала Гурко.

заревину, въ вышеупомянутыя деревни, съ цѣлю разогнать башибузуковъ и отобрать турецкій обозъ, или, по крайней мѣрѣ, уничтожить его. Въ исполненіе этого предписанія, сборный эскадронъ драгунъ, подъ начальствомъ подполковника Бѣлогрудова, отправился въ тотъ же день, 28-го іюня, по указанному направленію, къ деревнѣ Кадыкію.

Вотъ что рассказывалъ объ этомъ дѣлѣ, на слѣдующій день, одинъ изъ участвовавшихъ въ разѣздѣ драгунъ: „Подшли мы, ваше благородіе, къ деревнѣ, какъ прозванье-то... запомнать, — ужъ было темно. А за деревней-то башибузуки эти составили свои телѣги и ночуютъ за ними. Вотъ, подполковникъ Бѣлогрудовъ насъ спѣшилъ и повелъ въ штыки. Мы это идемъ, а они насъ сразу-то къ темнотѣ и не замѣтили, а замѣтны имъ стали, какъ со свѣтмъ ужъ близко подошли. Мы крикнули „ура“, а они въ насъ, изъ-подъ телѣгъ, стрѣляютъ стали, въ самый упоръ. Телѣгами-то такъ обставились, что туда къ нимъ во внутрь и не залѣзешь: такъ вотъ все подъ телѣгами и сидятъ. Какъ ударишь штыкомъ подъ телѣгу, такъ онъ тамъ какъ звѣръ и зареветъ. Позабавились мы маленько такимъ манеромъ съ ними, ну, они и бѣжать. Тутъ намъ сборъ проиграли, мы и стали собираться. Собрались, а вахмистръ говоритъ подполковнику: одного, ваше благородіе, нѣту. Ну, извѣстное дѣло, не оставлять же своего, хотя и мертвого, въ басурманскихъ рукахъ. Пошли мы съизнова на обозъ, товарища искать, можетъ они надъ нимъ ругательства творили. Пошли мы, а они опять подъ телѣгами собрались. Тутъ сердце взяло за товарища: ужъ тутъ мы ихъ за то и почистили. Ну, одного у насъ еще убили да двухъ ранили, а тѣло мы все-таки нашли. Отогнали мы ихъ отъ этого самаго обоза, а они бѣжать, да въ горы. Ну, что съ ними дѣлать-то оставалось? Темно, ни зги не видать. Взяли, да и вернулись.

29-го іюня подполковникъ Бѣлогрудовъ возвратился въ Тырновъ со сборнымъ эскадронномъ и съ телѣгою, обложенною вѣтвями, въ которой везлись тѣла двухъ убитыхъ драгунъ. Тотчасъ же было приступлено къ торжественному отпѣванію ихъ въ присутствіи князя Евгенія Максимиліановича и всего полка. Пришедшіе во множествѣ на погребеніе болгары и монахи изъ монастыря св. Петра устали

гробы свѣчами и разукрасили ихъ цвѣтами. „За насъ, болгаръ, убиены“, — говорили они.

Донесеніе подполковника Бѣлогрудова было совершенно сходно съ вышеприведеннымъ рассказомъ драгуна.

Такимъ образомъ, благодаря отвагѣ и удали нашихъ кавалеристовъ, въ руки русскихъ быстро переходили одинъ городъ за другимъ, одна мѣстность за другою — и конница наша, въ какіе нибудь 7 или 8 дней со времени переправы черезъ Дунай передоваго отряда, почти безъ содѣйствія пѣхоты овладѣла огромнымъ пространствомъ Болгаріи — отъ Дуная до подножія Балкановъ и отъ р. Янтры до р. Осмы, понеся при этомъ лишь самыя ничтожныя потери.

Словомъ, путь къ Балканскимъ горамъ былъ теперь расчищенъ!

Объяснить себѣ подобную быстроту и легкость, съ которыми совершенно было занятіе кавалеріей передоваго отряда вышеозначеннаго пространства Болгаріи, довольно трудно, въ виду собственнаго сознанія самихъ турокъ, что въ началѣ войны у нихъ выставлено было на европейскомъ театрѣ войны гораздо болѣе войскъ, нежели у русскихъ. Тѣмъ болѣе непонятна слабость встрѣченнаго нами со стороны турокъ сопротивленія, что они еще раньше рѣшили, въ виду безпрепятственнаго занятія нами Румыніи, не переходить черезъ Дунай, а обратить все свое вниманіе на встрѣчу русскихъ по ту сторону Дуная. Между тѣмъ, передовой отрядъ нашъ не только не встрѣтилъ за Дунаемъ никакого сопротивленія, но дошелъ даже до самаго подножія Балкановъ, почти не выдавши турецкихъ войскъ.

Безъ сомнѣнія, на подобный исходъ дѣла имѣли большое вліяніе, съ одной стороны — неожиданность нашей переправы у Зимницы, а съ другой — крайняя безпечность турецкихъ военачальниковъ и разброшенность ихъ войскъ.

Въ свое время много говорили также о сознательномъ заманиваніи турками нашего передоваго отряда въ глубь Болгаріи; но насколько участвовали въ этомъ сознательныя намѣренія и планы турецкихъ начальниковъ, можно убѣдиться уже изъ документовъ, помѣщенныхъ въ „Сборникъ“ Ахмеда-эффенди. Приведемъ, для примѣра, нѣсколько крайне любопытныхъ и краснорѣчивыхъ въ этомъ отношеніи отрывковъ изъ упомянутаго „Сборника“

„Послѣ обращеннаго султаномъ вниманія и мѣръ предосторожности, принятыхъ военнымъ совѣтомъ, для отраженія переправы непріятели, легкость, съ которою ему удалось совершить переправу, произвела большое удивленіе“, —наивно замѣчаетъ отъ себя авторъ „Сборника“ — Ахмедъ-Мидхадъ-эффенди. Но даже и послѣ взятія нами съ боя систовскаго берега турки все-таки долго еще какъ-бы не вѣрили въ дѣйствительность нашей переправы у Систова, считал ея просто за демонстрацію. Дѣло въ томъ, что наши демонстраціи у Турну-Магурелли противъ Никополя и у Ольтеници противъ Туртукая вселили въ Абдуль-Керима-пашу непоколебимую увѣренность въ томъ, что пунктомъ настоящей переправы избранъ нами не Систовъ, а Никополь и Туртукай. Потому-то всѣ пути отъ Систова къ Балканамъ, долго спустя уже послѣ переправы нашей у Зимницы, оставались еще совершенно открытыми для насъ.

„Хотя переправа въ Систовѣ, —писалъ Редифъ-паша сердаръ ѳрему, —произошла уже болѣе десяти дней тому назадъ, однако до сихъ поръ еще не принято никакихъ мѣръ для обороны; это обстоятельство наводитъ насъ на многія размышленія“. На это Абдуль-Керимъ-паша между прочимъ отвѣчалъ: „Дѣло вовсе не въ такомъ положеніи, какимъ оно представляется издали совѣтамъ и толпѣ. Если Богу будетъ угодно, все кончится къ лучшему, но необходимо терпѣть и хорошо размышлять. Неприсятедь приложилъ крайнія старанія къ переправѣ ниже Русука и у Никополя. Переправа ниже Русука будетъ совершена съ цѣлью захватить желѣзную дорогу. Вотъ, милостивый государь, что препятствуетъ намъ располагать войсками по нашей волѣ“. На основаніи этого, Абдуль-Керимъ-паша ограничился только тѣмъ, что приказалъ двинуть изъ Тырнова, изъ находившихся тамъ пяти таборовъ, четыре батальона къ Систову, противъ высадившагося здѣсь тридцати-тысячнаго русскаго отряда. Но этому наступленію четырехъ таборовъ, само собою разумѣется, не суждено было и сбыться.

Когда же турки, наконецъ, убѣдились въ серьезномъ намѣреніи русскихъ двинуться изъ Систова чрезъ Тырновъ за Балканы, то у нихъ явилось было желаніе направить на наши фланги и отчасти въ тылъ передовому отряду одновременно: армію Ос-

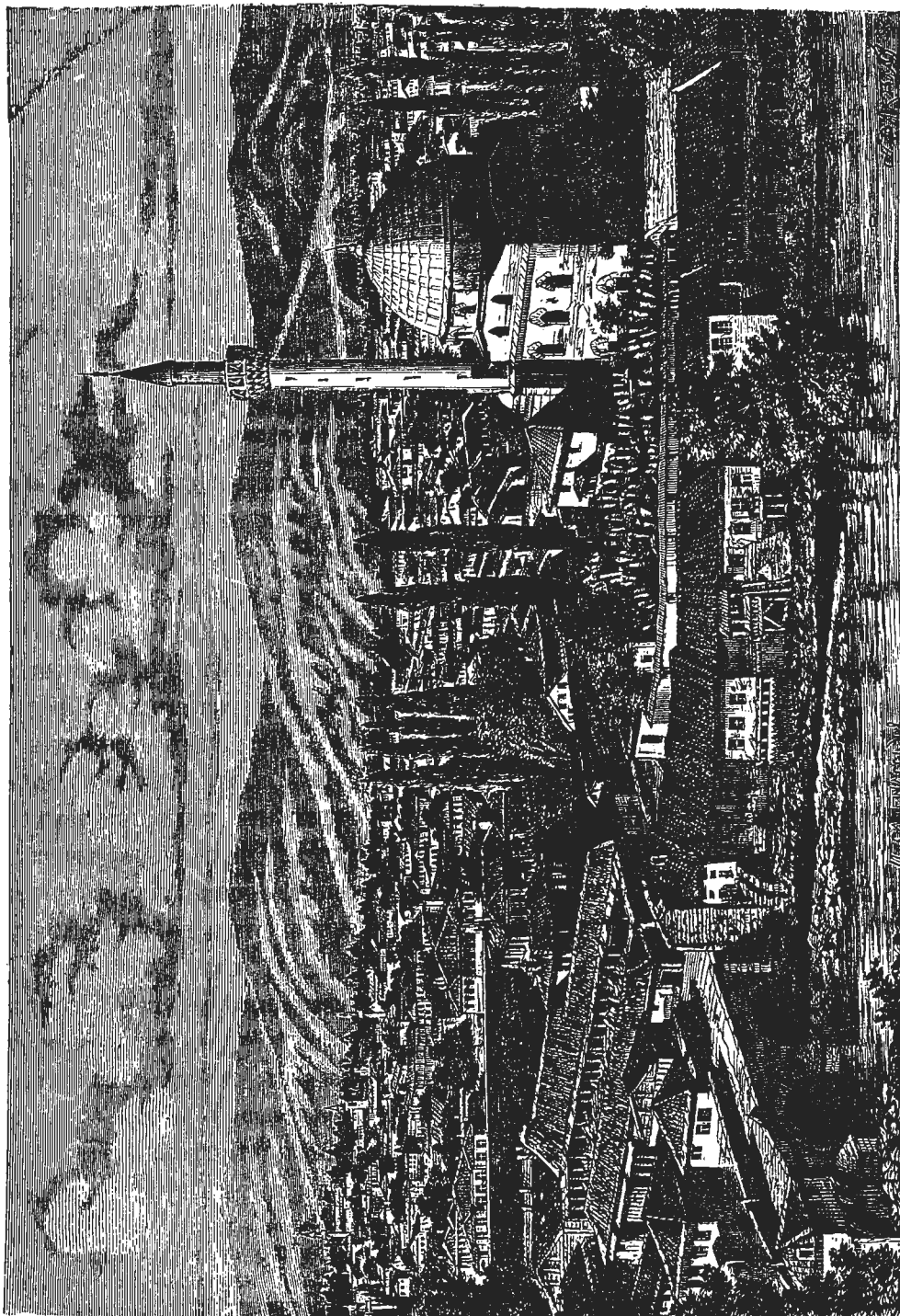
мана-паши изъ Виддина и армію Ахмеда-Эюба-паши изъ Разграда. Но тутъ разбросанность турецкихъ войскъ и несогласіе ихъ начальниковъ обнаружились въ полной мѣрѣ. Къ этому присоединилось еще вмѣшательство въ распоряженія главнокомандующихъ константинопольскаго военнаго совѣта и канцеляріи султана. Такъ, Османъ-паша долго не могъ тронуться съ мѣста изъ Виддина вслѣдствіе того, что, съ одной стороны, константинопольскій военный совѣтъ увѣрялъ его въ намѣреніи румынскихъ войскъ переправиться у Виддина и въ виду этого предписывалъ ему строго сообразоваться съ дѣйствіями непріятели; съ другой же стороны, канцелярія султана предписывала Осману-пашѣ немедленно выступить изъ Виддина. Въ виду такого двусмысленнаго положенія, Османъ-паша долго не рѣшался покинуть Виддина и появиться на нашемъ правомъ флангѣ.

Что же касается до разградской арміи (27 таборовъ) Ахмеда-Эюба-паши, то предполагалось двинуть ее, вмѣстѣ съ рущукскимъ гарнизономъ, противъ лѣваго фланга русскихъ; но „едва только Эшрефъ-паша, пишетъ Редифъ-паша въ своемъ донесеніи канцеляріи султана—вышелъ изъ Русука, какъ Тахиръ-паша (комендантъ Русука) началъ кричать противъ этого, вслѣдствіе чего два табора зейбековъ изъ Варны и одинъ таборъ изъ константинопольскихъ ассакири-муавини (баши-бузуки) были направлены туда. Не смотря на это, онъ все еще не перестаетъ просить войскъ; другими словами онъ желаетъ замѣщенія всѣхъ ушедшихъ войскъ. Еслибы было возможно взять такое число войскъ изъ какого-нибудь другаго пункта, то было бы лучше всего отправить ихъ въ Русукъ. Но куда ни взглянешь, вездѣ кричатъ о недостаткѣ войскъ“. Хотя въ Шумлѣ есть 22 табора, но мы сомнѣваемся, удастся ли имъ удержать здѣшнія обширныя укрѣпленія, въ случаѣ, если неприсятедь, наступающій изъ Добруджи, направится между Варною и Шумлою. Находясь въ такомъ положеніи, можемъ ли отдѣлать отсюда еще сколько-нибудь войскъ для Русука?... Отрядъ, выдѣленный въ распоряженіе Ахмеда (Эюба)-паши находится противъ непріятели, имѣющаго намѣреніе проникнуть въ Русукъ съ тыла. Назначеніе этого отряда—спасти Русукъ; но этого нельзя никакъ втолковать рущук-

скому пашѣ; его протесты объясняются отчасти его непригодностью. Если бы мы имѣли избытокъ въ войскахъ, то можно бы было обезпечить всѣ пункты. Войска, повидимому, разбросаны, но изъ этого нельзя дѣлать заключенія, что какая нибудь часть

излишня, и что назначенная ей позиція можетъ быть оставлена незанятою“

Войска турецкія, дѣйствительно, были такъ разбросаны, что ихъ нельзя было поддержать въ потребное время, на потребномъ пунктѣ, какъ это

Городъ Тырновъ въ Болгаріи.

уже и случилось въ Систовѣ. По сознанію самого Абдула-Керима-паша, войска, выступившія изъ Русука къ Систову, не могли прибыть за дальностью разстоянія. Въ виду этой разбросанности войскъ, онъ даже заранѣе слагалъ съ себя отвѣтственность за переправу русскихъ черезъ Дунай. Нѣкоторые же изъ опытныхъ и дружелюбно расположенныхъ къ туркамъ иностранцевъ говорили имъ, что ихъ

войска, будучи такъ разбросаны, принесутъ столько же пользы, какъ будто бы ихъ и вовсе не было...

Изъ всего вышеизложеннаго можно заключить, что переправа русской арміи у Систова застала турокъ совершенно врасплохъ, а потому, не смотря на двухмѣсячную подготовку ихъ къ встрѣчѣ съ нами за Дунаемъ и на значительное численное превосходство ихъ силъ, они не могли оказать намъ въ первое время хотя сколько нибудь серьезнаго сопротивленія... Этимъ и объясняется неслыханно

быстрое занятіе огромнаго пространства сѣверной Болгаріи одною лишь нашею кавалеріей.

Допустивъ, такимъ образомъ, русскихъ прорвать оборонительную линію Дуная и, потерявъ, затѣмъ, такіе важные стратегическіе пункты, какъ рѣки Янтра и Осма и г. Тырновъ, турки встрепенулись и сосредоточили все свое вниманіе на защитѣ второй своей оборонительной линіи—Балканскихъ горъ, къ овладѣнію которыми передовой отрядъ нашъ дѣятельно приготовлялся...

ГЛАВА ОДИНАДЦАТАЯ.

Движеніе къ Балканамъ.—Занятіе Ханнійскаго прохода. — Выходъ въ долину Тунджи. — Движеніе къ Назанлыку. — Дѣло при Уфлани.—Эсни-Загра и Лени-Загра.—Обратное движеніе.

Овладевъ Тырновомъ, войска передоваго отряда стали близко у главной своей цѣли—у подножія Великихъ Балкановъ. Теперь имъ предстояло преодолѣть самую страшную преграду на пути русскихъ войскъ—исполискія выси и кручи Балканскихъ горъ, и овладѣть главными проходами въ нихъ, или горными дорогами.

Задача эта, какъ мы уже знаемъ, была возложена на войска генерала Гурко еще въ день сформированія этого отряда. Поэтому генералъ Гурко приступилъ къ собиранію свѣдѣній о горныхъ проходахъ тотчасъ же по прибытіи въ Тырновъ.

Изъ Тырнова черезъ Балканскія горы ведутъ нѣсколько дорогъ или, скорѣе, горныхъ тропинокъ: Шибкинскій перевалъ, Травненскій и Еленинскій. Самымъ кратчайшимъ и наиболѣе удобнымъ изъ нихъ считается Шибкинскій перевалъ, лежащій на главномъ и прямомъ пути изъ Тырнова за Балканы. Дорога или перевалъ Шибкинскій*), длиною въ 24 версты, начинается собственно верстахъ въ 30 отъ Тырнова, у города Габрова, и, постепенно поднимаясь на Балканы, проходитъ частью по

крутымъ и глинистымъ подъемамъ и спускамъ, частью извивается въ глухихъ и лѣсистыхъ ущельяхъ, частью же врѣзывается узкою полоскою въ каменистыя отвѣсныя скалы горъ и, наконецъ, поднявшись на скалистую вершину горы Св. Николая, спускается оттуда зигзагами по крутому и обнаженному скату къ селенію Шибкѣ, оканчиваясь передъ городомъ Казанлыкомъ. Село Шибка расположено уже по ту сторону перевала, почти у подножія горъ, а Казанлыкъ лежитъ еще дальше, въ такъ называемой „долинѣ розъ“, славящейся прекраснымъ климатомъ и необыкновеннымъ богатствомъ природы...

Въ первый же день по приходѣ въ Тырновъ русскіе узнали отъ мѣстныхъ жителей, что самая удобная и ближайшая дорога—Шибкинскій перевалъ—уже занята турецкимъ войскомъ, тысячъ въ 10—15 человекъ, засѣвшихъ за пятью линіями грозныхъ укрѣпленій*), и что, сверхъ того, по ту сторону перевала (въ „долинѣ розъ“), у Казанлыка, былъ также раскинутъ довольно обширный

*) Черезъ Шибкинскій перевалъ ведетъ собственно шоссе; но со времени герцеговинскаго возстанія турецкое правительство, будучи увѣрено въ объявленіи войны Россіей, предвѣтренно не исправляло этого шоссе и поддерживало его въ упадкѣ, надѣясь затруднить этимъ, въ случаѣ войны, доступъ русскимъ за Балканы.

*) Болгары, между прочимъ, сообщали, что до 27-го іюня на Шибкѣ не было никого, исключая 200 человекъ турецкихъ ополченцевъ; 27-го же іюня прибыли туда арабскія войска, около пяти батальоновъ, съ горными орудіями, и толпы баши-бузукъ. Болгары говорили также, что на Шибкѣ предполагалось поставить и крупновскія орудія, но привезены ли они или нѣтъ—этого они не знали; увѣряли только, что для провоза этихъ орудій былъ исправленъ подъемъ на Шибку со стороны Казанлыка.

лагерь на нѣсколько турецкихъ таборовъ. Что же касается до остальныхъ переваловъ—Травненскаго и Еленинскаго, то хотя они и не были еще заняты, но, по рассказамъ болгаръ, наблюдались особыми непріятельскими отрядами.

Братъ укрѣпленія въ горахъ, даже съ значительными силами—не легко, а съ тѣми небольшими частями, какія успѣли у насъ собраться тогда въ Тырновъ, совсѣмъ уже было невозможно. Между тѣмъ, для насъ не только было невыгодно, но и опасно допустить, чтобы непріятель окончательно утвердился въ сосѣдствѣ съ Тырновомъ, на главной дорогѣ черезъ Балканскія горы, откуда онъ могъ впослѣдствіи тѣснить насъ обратно къ Дунаю... Поэтому необходимо было какъ можно скорѣе выбить турокъ изъ Шибкинскаго перевала, не давъ имъ времени прочно утвердиться на немъ. Гурко и рѣшился немедленно взять Шибку, но не съ фронта, не со стороны Тырнова, гдѣ турки уже приготовились насъ встрѣтить, а перейдя черезъ горы гдѣ-нибудь въ другомъ мѣстѣ, хотя и менѣе удобномъ, напасть на Шибкинскій перевалъ съ тылу, съ той стороны Балкановъ, съ которой турки насъ и не ожидали... Это трудное и отчасти рискованное дѣло удалось передовому отряду выполнить съ необыкновеннымъ успѣхомъ.

Главная задача теперь заключалась въ томъ, чтобы выйдти въ тылъ туркамъ безъ задержки и, по возможности, незамѣченными: иначе Шибкинскій гарнизонъ могъ во-время изготвиться къ встрѣчѣ съ нами со стороны Казанлыка, или же совсѣмъ загородить намъ выходъ изъ горъ въ „долину розъ“ Въ виду этого, обходъ Шибки по Травненскому и Еленинскому переваламъ былъ для насъ неудобенъ, такъ какъ по слухамъ турки зорко наблюдали за этими проходами и, во всякомъ случаѣ, мы не могли рассчитывать на безпрепятственное движеніе черезъ нихъ, или на неожиданный выходъ въ „долину розъ“ На основаніи всего сказаннаго, необходимо было подыскать болѣе подходящій для насъ путь черѣзъ Балканы.

Выше уже было замѣчено, что при отрядѣ генерала Гурко находился, въ качествѣ добровольца, урядникъ 2-го кубанскаго полка князь Церетелевъ, первымъ вошедшій въ городъ Тырновъ. До начала войны, съ Турціей онъ служилъ въ Констан-

тинополѣ, въ русскомъ посольствѣ, и потому былъ отчасти уже знакомъ съ Болгарской землей, съ ея жителями и ихъ языкомъ. Этому добровольцу, какъ рассказываютъ, и удалось найти подходящій путь черезъ Балканы, въ обходъ Шибкинскаго перевала. Болгары сообщили ему, что въ сторонѣ отъ Шибки, есть еще одинъ горный проходъ или, скорѣе, вьючная тропинка, т. е. дорожка, по которой можетъ, при нѣкоторой ловкости, пройти пѣшій человекъ и даже вьючная лошадь... Впрочемъ, выискался одинъ болгаринъ*), который увѣрялъ, что онъ, назадъ тому года два, проѣхалъ по этой тропинкѣ въ телѣгѣ, запряженной парой воловъ, хотя и не ручался за возможность повторить это въ другой разъ... Ну,—подумалъ князь Церетелевъ, — если болгаринъ проѣхалъ тутъ съ арбою и волами, то мы и подавно пройдемъ съ войскомъ, и съ пушками“

Дорожка эта называется „Ханкіойскимъ проходомъ“, по имени деревни „Ханкіой“, лежащей у самаго выхода изъ прохода, по ту сторону Балкановъ. Оставалось теперь узнать, какъ насъ встрѣтитъ тамъ непріятель: не укрѣпился ли онъ и въ этомъ проходѣ, какъ на Шибкѣ? Но по справкамъ оказалось, что турки и безъ того считаютъ эту тропинку непроходимой и совершенно недоступной для войска, а потому находили совершенно излишнимъ дѣломъ и укрѣплять ее... Мало того: турки даже побаивались этого прохода, потому что онъ пользовался у нихъ дурною славой, какъ притонъ разбойниковъ, вслѣдствіе чего турки и въ мирное время избѣгали его. Между турками ходила даже такая молва насчетъ Ханкіойскаго перевала, что онъ будто бы поднимается до облаковъ, а ущелья и скалы, ведущія къ нему, до того дико и неприступны, что туда даже не залетаютъ птицы и не заходятъ звѣри; словомъ, что это—пустынная гора, на которой ничто и жить не можетъ... Недаромъ тропинка эта носитъ у нихъ названіе „хаинъ-богазъ“ что значитъ по русски—предательскій проходъ...

Изъ рассказовъ болгаръ можно было, однако, заключить, что турки выставили для наблюденія

*) Болгаринъ этотъ, по имени Хаджи-Стоя, былъ задержанъ потомъ въ команду проводниковъ къ передовому отряду.

и за этимъ проходимъ войско, но не въ большомъ числѣ, и то не въ самомъ проходѣ, а противъ выхода изъ него, по ту сторону горъ, у деревни Ханкюй...

Обо всемъ этомъ немедленно было сообщено генералу Гурко.

Что же касается подступовъ со стороны Тырнова къ переваламъ Шибкинскому, Травненскому и Ханкюйскому, то, по самымъ достовернымъ даннымъ, было извѣстно, что вся мѣстность впереди этихъ проходовъ была очищена турками. Турецкія власти и даже мусульманское населеніе бѣжали изъ Дранова, Габрова, Травны и Златарицы по направленію къ Шумлѣ. Въ Драновѣ и Габровѣ турки, по рассказамъ болгаръ, оставили даже огромные запасы зернового хлѣба, не успѣвъ захватить ихъ съ собою. Только въ городахъ Еленѣ и Бебровѣ, расположенныхъ на флангѣ предполагаемаго нами движенія къ Ханкюю, собрались, по слухамъ, большія толпы баши-бузуковъ.

На основаніи собранныхъ свѣдѣній генералъ Гурко, получивъ на представленный имъ планъ перехода черезъ Балканы одобреніе его Высочества Главнокомандующаго, приказалъ, 28-го іюня, тремъ сотнямъ 30-го донскаго полка, съ двумя орудіями 10-й донской батареи, занять Драново и Габрово, овладѣть оставленными въ нихъ хлѣбными запасами и, затѣмъ, приблизиться къ Шибкинскому перевалу, съ цѣлю отвлекать вниманіе турокъ отъ ихъ тыла и отъ предполагаемаго движенія нашего къ Ханкюю...*) 5-го же іюля, когда, по расчету генерала Гурко, войска его должны уже были быть въ Казанлыкѣ, оставленные въ Габровѣ три сотни **) донцовъ должны были начать демонстративную атаку Шибки съ фронта...

На слѣдующій день, 29-го іюня, генералъ Гурко двинулъ къ г. Еленѣ также три сотни казаковъ **), съ двумя орудіями, подъ начальствомъ полковника Чернозубова, съ приказаніемъ разогнать собравшихся тамъ баши-бузуковъ.

Въ этотъ же день, 29-го іюня, былъ высланъ

*) Въ официальномъ описаніи перехода черезъ Балканы говорится объ оставленіи въ Габровѣ только двухъ сотенъ; въ рапортѣ начальника кавалеріи передоваго отряда князя Николая Максимилиановича упоминается о послыжкѣ туда трехъ сотенъ казаковъ.

**) Названія полка нигдѣ не упоминаются.

къ Ханкюю, въ видѣ авангарда отъ передоваго отряда, коннопионерный отрядъ *) полковника графа Роникера, подъ главнымъ начальствомъ генерал-майора Рауха, съ цѣлю обследовать проходъ и разработать его, если онъ окажется въ какомъ-либо мѣстѣ неудобнопроходимымъ или неприступнымъ...

Между тѣмъ, еще наканунѣ, 28-го іюня, генералъ Гурко отдалъ приказаніе и всѣмъ остальнымъ войскамъ передоваго отряда готовиться къ выступленію изъ Тырнова... Начальникамъ отдѣльныхъ частей было приказано немедленно заготовить для людей пяти-дневный запасъ сухарей, наименовавъ его „наинеприкосновеннѣйшимъ“, съ цѣлю расходовать его лишь въ самыхъ крайнихъ случаяхъ; во время же движенія, командиры должны были продовольствовать свои части насчетъ страны, уплачивая за все деньги изъ находившихся въ ихъ распоряженіи суммъ. Для кавалерійскихъ лошадей также приказано было заготовить трехдневный запасъ зерноваго фуража, на тѣхъ же условіяхъ. Весь колесный обозъ передоваго отряда, за исключеніемъ санитарнаго, рѣшено было оставить въ Тырновѣ. Войскамъ велѣно было взять съ собой только самые необходимые для людей предметы, помѣстивъ ихъ, вмѣстѣ съ запасомъ сухарей и фуража, на вьючномъ обозѣ. За то боевыхъ снарядовъ приказано было захватить съ собою какъ можно больше: сверхъ положеннаго числа патроновъ, войска должны были взять съ собой еще столько, сколько могло умѣститься въ ранцахъ и карманахъ людей... Наконецъ, къ каждому орудію, находившемуся при передовомъ отрядѣ, велѣно было назначить особыя команды, по 15 человекъ въ каждое, какъ отъ пѣхотныхъ частей, такъ и отъ кавалерійскихъ. Люди эти, вмѣстѣ съ артиллерійскою прислугою, должны были содѣйствовать артиллеріи въ преодолѣніи могущихъ встрѣтиться препятствій при движеніи.

*) Коннопионерный отрядъ составленъ былъ изъ уральской казачьей сотни сотника Кирилова, и изъ сборной конно-саперной команды отъ разныхъ казачьихъ полковъ, такъ что всего въ отрядѣ было около 200 человекъ. Отрядъ этотъ былъ сформированъ еще въ Журжевѣ, какъ рассказываютъ, по почину бывшаго начальника штаба журжевскаго отряда, генерала Скобелева 2-го, подавшаго мысль объ устройствѣ конно-саперной команды, по образцу того, какъ это дѣлалось въ Туркестанѣ, гдѣ конные саперы приносили большую пользу.

Всѣ эти приготовленія приказано было дѣлать въ совершенной тайнѣ. Цѣль и направленіе движенія пока никому не были объявлены. Даже о мѣстѣ нахождения конно-піонернаго отряда долго никто ничего не зналъ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, 28-го іюня, начальникомъ всей кавалеріи передоваго отряда назначался бывшій командиръ сводной кавалерійской бригады *), князь Николай Максимиліановичъ Лейхтенбергскій.

29-го іюня всѣ начальники частей были собраны у генерала Гурко для совѣщанія, на которомъ имъ было объявлено о порядкѣ выступленія частей изъ Тырнова на завтра, 30-го іюня; о направленіи же и цѣли движенія генералъ Гурко обѣщался сообщить имъ лично, на мѣстѣ сбора войскъ у деревни Присово, на дорогѣ изъ Тырнова къ Ханкію.

На слѣдующій день, 30-го іюня, ожидалось прибытіе въ Тырновъ головной части 8-го корпуса генерала Радецкаго **) и главной квартиры Е. В. Главнокомандующаго. Но такъ какъ выступленіе передоваго отряда должно было начаться утромъ того же числа, нѣсколькими часами ранѣе прибытія упомянутыхъ войскъ, то городъ Тырновъ могъ остаться нѣкоторое время совсѣмъ незанятымъ. Поэтому, рѣшено было оставить въ немъ, до прибытія войскъ 8-го корпуса, двѣ дружины болгарскаго ополченія и весь Кіевскій гусарскій полкъ съ тѣмъ, чтобы прикрывать доступы къ городу со стороны Османъ-Базара и, по минованіи въ этомъ надобности, тотчасъ-же присоединиться къ передовому отряду. Сверхъ того, три сотни 30-го Донскаго полка (кромѣ остальныхъ трехъ сотенъ того же полка уже отправленныхъ въ Габрово) должны были также остаться въ Тырновѣ, съ назначеніемъ поступить въ конвой Его Высочества Главнокомандующаго. Наконецъ, при колесномъ обозѣ, расположенномъ въ Тырновѣ, была оставлена, въ видѣ прикрытія, сборная команда отъ всѣхъ частей отряда.

30-го іюня, утромъ, когда жители Тырнова приготовились уже къ торжественной встрѣчѣ Его Высочества Главнокомандующаго, всѣ войска пере-

*) Сводная бригада, составленная изъ донскаго 30-го казачьяго и Кіевскаго гусарскаго полковъ, была въ этотъ день расформирована.

**) Самъ генералъ Радецкій 29-го іюня былъ уже въ Тырновѣ; на слѣдующій же день должна была прибыть 9-я пѣхотная дивизія князя Святополкъ-Мирскаго.

доваго отряда, за исключеніемъ вышеозначенныхъ частей, собрались въ дер. Присово, откуда, въ 11 часовъ утра, двинулись къ Ханкіюскому перевалу, въ слѣдующемъ порядкѣ:

Въ авангардѣ, какъ мы уже знаемъ, слѣдоваль, высланный еще наканунѣ для разработки пути, конно-піонерный отрядъ, подъ начальствомъ генералъ-майора Рауха, имѣя при себѣ нѣсколько повозокъ съ динамитомъ и шанцевымъ инструментомъ.

Затѣмъ слѣдовали главныя силы отряда, составленныя большею частью изъ отборныхъ войскъ. Впереди шелъ сводный гвардейскій полускадронъ, набранный, какъ извѣстно, изъ лучшихъ солдатъ гвардейской кавалерійской дивизіи. За ними шли двѣ сотни пластуновъ—извѣстныхъ героевъ Севастополя и Кавказа, уже успѣвшихъ отличиться при переправѣ черезъ Дунай у Зимницы. Далѣе подвигалась знаменитая 4-я стрѣлковая бригада, имѣя при себѣ восемь горныхъ орудій (вся 2-я горная батарея) и четыре орудія донской конной 10-й батареи *). Потомъ слѣдовала драгунская бригада князя Евгенія Максимиліановича, съ 16-ю конною батареею. Затѣмъ шли, съ шестью горными орудіями (три взвода 1-й горной батареи **), четыре дружины болгарскаго ополченія, сформированнаго еще во время стоянки нашихъ войскъ въ Кишиневѣ и въ Румыніи, изъ болгаръ-эмигрантовъ, на которыхъ русскіе возлагали особенныя надежды, выразившіяся, между прочимъ, присылкою ополченію богато-украшеннаго знамени отъ города Самары. Наконецъ, въ хвостѣ отряда, шла донская казачья бригада, съ донскою конною 15-ю батареею ***).

Арьергардъ передоваго отряда составляли оставленныя въ Тырновѣ—двѣ дружины болгарскаго ополченія и Кіевскій гусарскій полкъ, которые должны были выступить изъ Тырнова тотчасъ по прибытіи туда головныхъ частей 8-го корпуса.

Такимъ образомъ, силы передоваго отряда, направленнаго чрезъ Ханкіюскій перевалъ за Балканы, состояли: изъ 10¹/₂ батальоновъ, 26¹/₂ эскад-

*) Остальныя два орудія 10-й батареи находились въ Габровѣ, при трехъ сотняхъ 30-го донскаго полка.

**) Два орудія 1-й горной батареи потонули въ Дунаѣ во время переправы у Систова.

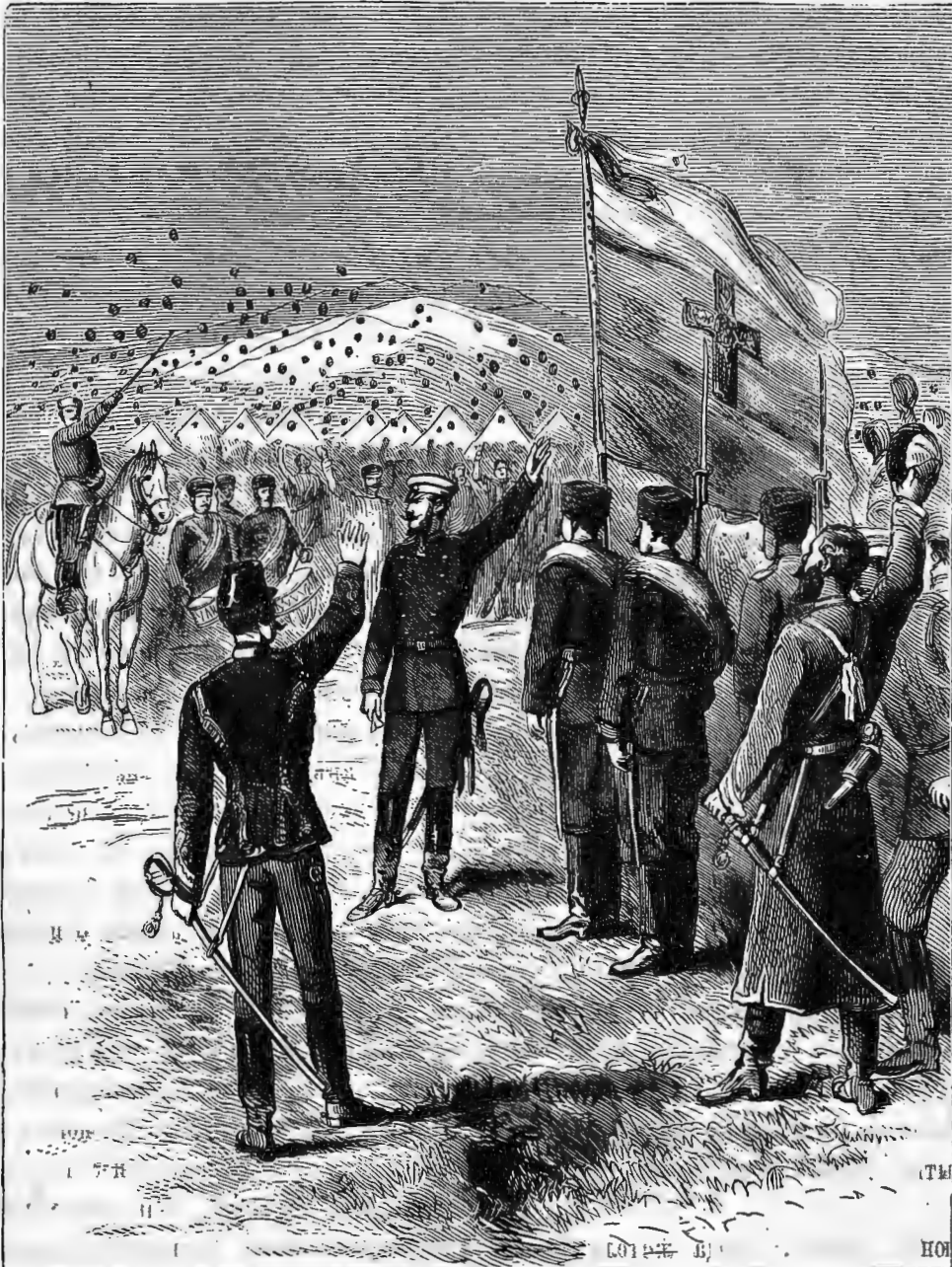
***) Три сотни отъ донской бригады, съ двумя отрядами, какъ уже было сказано выше, направлены были еще наканунѣ къ г. Еленѣ.

роновъ и сотень и 30 орудій (16 конныхъ и 14 пѣшихъ горныхъ).

Разстояніе отъ г. Тырнова до деревни Ханкой считается болѣе чѣмъ въ 60 верстѣ. Опасность, которой могъ подвергнуться отрядъ на этомъ пространствѣ, была очевидна для всякаго. Позади отряда, въ

Тырновѣ, оставлена была незначительная горсть людей.

При этомъ вся мѣстность впереди и на флангахъ къ сторонѣ Османъ-Базара, Елены и линіи Балкановъ была совершенно открыта: непріятель при первомъ же извѣстіи о нашемъ движеніи могъ угро-

Врученіе болгарамъ Самарскаго знамени.

жать намъ и съ фронта, и съ фланговъ, и даже съ тыла. Весь залогъ успѣха этого движенія заключался въ соблюденіи возможной тайны относительно взятаго нами направленія и развѣ еще въ надеждѣ

на своевременное извѣщеніе отъ болгаръ, въ случаѣ тревоги со стороны непріятеля. Послѣ этого понятно будетъ, какому риску подвергался нашъ сравнительно незначительный отрядъ, направленный изъ Тырнова

верстъ за 60, за Балканы, вдобавокъ по дорогѣ, мало кому извѣстной даже изъ мѣстныхъ жителей *).

Наибольшая трудность и опасность этого движенія выпали на долю конно-піонернаго отряда, выдвинутаго на цѣлый переходъ впередъ отъ главныхъ силъ отряда, въ мѣстность совершенно незнакомую и трудно проходимую. Представьте себѣ горсть людей, человекъ въ 200, брошенныхъ въ горы, гдѣ на каждомъ шагу они могли наткнуться на многочисленнаго непріятеля, зорко сторожившаго всѣ выходы изъ Балкановъ, и гдѣ они ежеминутно рисковали быть отрѣзанными отъ главныхъ силъ, или быть перебитыми до послѣдняго человекъ притаившимся врагомъ за скалами и горными кустарниками. Присоедините къ этому всевозможныя лишенія, отсутствіе горячей пищи, такъ какъ піонерамъ строго было запрещено разводить огни, движеніе и работу безъ усталости и впроголодь, неимѣніе времени для отдыха и ежеминутное ожиданіе встрѣчи со врагомъ—и тогда можно будетъ сказать, что походъ этой горсти людей былъ чуть-ли не сказочнымъ событіемъ. Вся надежда на успѣхъ заключалась только въ соблюденіи строжайшей тайны присутствія въ горахъ.

Выступивъ изъ Тырнова 29-го іюня, въ пятомъ часу по полудни, генераль Раухъ, чтобы сохранить вполнѣ секретъ предпріятія, объявлялъ всѣмъ и каждому, что отрядъ его направляется въ Елену, куда дорога вначалѣ, дѣйствительно, совпадаетъ съ дорогой на Ханкію. Переночевавъ, затѣмъ, въ д. Плаково и оставивъ здѣсь фуры и прочія громоздкія вещи, отрядъ генерала Рауха на слѣдующій день, 30-го іюня выступилъ изъ Плакова налегкѣ, съ привѣшенными къ сѣдламъ кирками, топорами и лопатами, и чрезъ нѣсколько часовъ казаки, со своею привычною имъ быстротою и ловкостью, уже производили обследованіе прохода. Почти на рысяхъ шли казаки по мѣстамъ, гдѣ еле возможно было двигаться. Тамъ же, гдѣ тропинка оказывалась дѣйствительно непроходимой, казаки быстро соскакивали съ коней и мигомъ принимались за работу, при чемъ шли въ дѣло только молотки до лопаты. Динамиту

для взрыва камней и другихъ препятствій на дорогѣ—не употребляли, чтобы не производить шума. Работа происходила въ полной тишинѣ и со всевозможными предосторожностями, такъ какъ непріятель могъ напасть каждую минуту и если не дѣлалъ этого, то только по своей непростительной оплошности. На каждомъ мѣстѣ, гдѣ требовалась разработка пути, люди тотчасъ же спѣшивались, третья часть отряжалась въ коноводы, человекъ десять въ патрули, для освѣщенія мѣстности и охраненія отряда отъ внезапнаго нападенія, а остальные дружно принимались за саперную работу. Едва кончалась работа, какъ казаки опять садились на коней и снова неслись впередъ. Особенно большія трудности встрѣтилъ отрядъ у селенія Войнешти, гдѣ дорога взбирается на крутой, обрывистый подъемъ въ гору и почти вся была загромождена огромными камнями и каменными глыбами, которыя приходилось дробить кирками и сдвигать съ мѣста руками, рискуя оборваться и разбиться въ дребезги. Вдобавокъ, жара въ это время стояла страшная; накаленный и спертый воздухъ въ горахъ затруднялъ дыханіе работавшихъ, ничего, къ тому же, не ѣвшихъ въ этотъ день, если не считать ничтожной порціи сухарей. Казаки, подъ конецъ, просто изнемогали отъ жары и усталости. Тогда генераль Раухъ и капитанъ Сахаровъ, прикомандированный къ отряду въ качествѣ офицера генеральнаго штаба, снявъ мундиры и взявъ въ руки кирки и лопаты, пошли впереди отряда и въ теченіе нѣсколькихъ часовъ работали сами, примѣромъ своимъ ободряя солдатъ. Не смотря на нечеловѣческіе труды и сильное утомленіе, медлить казакамъ было нельзя, и они взбирались все выше и выше по Ханкіюскому перевалу. Около полудня конно-піонеры достигли, наконецъ, самой высокой точки перевала (4,000 ф. надъ уровнемъ моря), близъ деревни Паровцы, гдѣ, по мысли полковника графа Роникера, въ память перехода черезъ Балканы, поставили высокій деревянный столбъ изъ срубленнаго чинара, къ которому прикрѣпили красный флагъ съ двуглавымъ русскимъ орломъ—подарокъ тырновскихъ болгарокъ. За этимъ переваломъ работа шла уже, вплоть до сумерекъ, на южной сторонѣ хребта, по спуску, ведущему къ узкому и дикому ущелью, которое собственно и называется „Ханкіюскимъ переходомъ“. У входа въ это ущелье,

*) Избранный путь къ Ханкію велъ изъ Тырнова черезъ деревни: Присово, Плаково, Войнешти, Райковцы и Паровцы и далѣе по ручью Сельверъ. Путь этотъ ни на какихъ картахъ не былъ обозначенъ и даже самимъ туркамъ былъ совершенно неизвѣстенъ.

на краю пропасти, стѣсненной высокими горами, всего верстахъ въ 10 отъ непріятеля, занимавшаго деревню Ханкіой, отрядъ нашъ и остановился на ночлегъ. Дальнѣйшій участокъ дороги былъ только наскоро осмотрѣнъ, но никакихъ исправленій на немъ уже не производили, изъ опасенія привлечь вниманіе турокъ. Во весь день лошади не разсѣдывались, и теперь люди ложились отдыхать, не раздѣваясь и не выпуская оружія и лошадей изъ рукъ, причѣмъ приходилось засыпать голодными, на голой землѣ, подъ покровомъ одной темной ночи, охватывавшей холодомъ нашихъ отважныхъ работниковъ...

Между тѣмъ главныя силы передоваго отряда, не встрѣчая по дорогѣ ни одного турецкаго солдата, спокойно подвигались отъ д. Присово впередъ, по пути, проложенному конноіонерами. Послѣдніе, разумѣется, заботились только о томъ, чтобы сдѣлать этотъ путь возможнымъ, но вначалѣ дорога сама уже по себѣ была удобная и широкая и пролегала хотя и по высокимъ, но отлогимъ холмамъ, изрѣдка поросшимъ густымъ лѣсомъ. Погода стояла также прекрасная; въ воздухѣ царилла ненарушимая тишина и спокойствіе. Солдаты шли бодро и весело, и въ то время, какъ конноіонеры расположились на ночлегъ въ дикомъ и тѣсномъ Ханкіойскомъ ущельѣ, главныя силы передоваго отряда остановились ночевать близъ горной болгарской деревушки Средняя-Колыба, верстахъ въ 25-ти отъ конноіонернаго отряда... Сюда же, на бивуакъ у Средней-Колыбы, подтянулись и три сотни донцовъ, высланныя еще наканунѣ къ г. Еленѣ. Казаки эти сдѣлали въ теченіе дня около 80 верстъ, прошли черезъ Беброво, обезоружили турецкое населеніе этого города и имѣли нѣсколько стычекъ съ башибузукми, причѣмъ взяли много плѣнныхъ, которыхъ сдали на руки мѣстному болгарскому населенію, послѣ чего вышли на соединеніе съ главными силами.

На слѣдующій день, 1-го іюля, съ разсвѣтомъ, четыре сотни донскаго 26-го полка были высланы впередъ, къ Ханкіойскому ущелью, для подкрѣпленія легучаго отряда генерала Рауха. Остальныя же войска передоваго отряда снялись съ бивуака около 8 часовъ утра и общею колонною двинулись на Паровцы. Дорога малу по малу становилась все круче и круче; горы стали какъ-то рѣзче выдаваться и

принимать конусообразныя формы. Артиллерія и четырехколесныя артиллерійскіе ящики начали уже отставать... Но солдаты продолжали бодро взбираться на Балканскія выси...

Все окрестное населеніе горныхъ болгарскихъ деревень, разумѣется, видѣло и знало, гдѣ находятся и что дѣлаютъ русскіе; но всѣ молчали; не нашлось ни одного человѣка, который бы извѣстилъ объ этомъ турокъ. Болгары со всѣхъ сторонъ выходили на встрѣчу и приносили на себѣ и на ослахъ хлѣбъ и мясо. Многіе даже помогали солдатамъ втаскивать орудія и расчищать дорогу.

Около часу пополудни, генералъ Гурко, окруженный всей своей свитою, во главѣ стрѣлковой бригады, въѣхалъ, наконецъ, на вершину огромной горы, гдѣ былъ воздвигнутъ конноіонерами столбъ въ память перехода черезъ Балканы. Восторженные крики „ура“ взшедшихъ войскъ огласили угрюмыя вершины горъ. Здѣсь генералъ Гурко далъ войскамъ большой привалъ для отдыха и для приготовления горячей пищи людямъ. Впередъ, на бивуакъ конноіонеровъ, былъ отправленъ только одинъ стрѣлковый батальонъ.

Въ это время генералъ Раухъ, получивъ извѣстіе о томъ, что генералъ Гурко находится уже со всею пѣхотою на перевалѣ, рѣшился сдѣлать развѣдку остальнаго участка Ханкіойскаго ущелья. Чтобы преждевременно не открыть туркамъ присутствія въ горахъ нашихъ войскъ, генералъ Раухъ отправилъ на развѣдку урядника князя Церетелева, переодѣтаго болгаринномъ, въ сопровожденіи трехъ настоящихъ болгаръ... Пройдя все ущелье до конца, вплоть до мельницы, принадлежащей туркамъ, князь Церетелевъ вернулся благополучно къ отряду, убѣдившись, что дорога по ущелью проходима безъ поправокъ для горной артиллеріи, а для конной — съ небольшими лишь исправленіями.

Наконецъ, около пяти часовъ пополудни, вся пѣхота передоваго отряда снялась съ перевала. За этимъ переваломъ войскамъ приказано было соблюдать при движеніи полнѣйшій порядокъ и строжайшую тишину и никакихъ бивуачныхъ огней не разводять; такъ какъ присутствіе турецкихъ войскъ у выхода изъ ущелья подтверждалось со всѣхъ сторонъ. Спустившись съ вершины перевала, отрядъ незамѣтно вступилъ, наконецъ, въ тотъ страшный

проходъ, который собственно и называется у турокъ „Хаинъ-богазъ“, т. е. предательскимъ проходомъ... Это—очень узкое и глубокое ущелье, тянущееся изгибами вереть на двадцать и выходящее прямо къ деревнѣ Ханкіой, занятой въ то время турками. По сторонамъ нашего отряда, справа и слѣва, высились отвѣсныя скалы и страшныя кручи горъ, между которыми, по дну прохода, извиается небольшая горная рѣчка Серверъ. Дорога шла большею частію по дну ущелья, постоянно переходя съ одного берега рѣчки на другой, причемъ спуски съ береговъ почти вездѣ круто обрывались въ рѣку. Изрѣдка дорога направлялась по самому руслу, гдѣ то и дѣло попадались огромныя камни, сильно затруднявшіе движеніе отряда. Въ нѣкоторыхъ же мѣстахъ дикое и глубокое ущелье вдругъ раздавалось шире, и тогда дорога изъ ручья выходила въ прелестную, какъ-бы нарочно усыпанную пескомъ аллею. Но это не надолго: горы сближались, и дорога опять спускалась въ ручей. Иногда же дорога постепенно взбиралась на гигантскія скалы, круто обрывавшіяся въ пропасть, и при этомъ становилась такъ узка, что два всадника едва могли проѣхать рядомъ.

Съ момента вступленія отряда въ Ханкіойскій проходъ собственно и начались трудности горнаго похода. Крутые и длинныя подъемы, усѣянные камнями, истомляли донельзя лошадей и помогавшихъ имъ людей. Взобравшись же на вершину высокаго подъема, приходилось ежеминутно опасаться, какъ-бы не оборваться вмѣстѣ съ орудіями въ пропасть. Цѣлый день въ проходѣ только и слышно было: „Ну, братцы, навалимъ... разъ... два... три... Вери!...“ Нагайки ѣздовыхъ запрыгали по бѣднымъ лошадямъ, и орудія подвигались на нѣсколько шаговъ и снова останавливались... Затѣмъ опять та же исторія... Лазаретныя фуры еще проходили кое-какъ; но 4-хъ-коленные артиллерійскія ящики потребовали для протаскиванія ихъ почти сверхъестественныхъ усилій. Даже горныя орудія, эти миниатюрныя пушки на колесахъ, запряженныя парой лошадей пугомъ, и тѣ обрывались нерѣдко съ дороги. Такъ, въ одномъ мѣстѣ, оборвалось одно горное орудіе и увлекло за собою коренную лошадь. Произошло это при спускѣ: пушку удержали солдаты на четырехъ лямкахъ; лошадь, цѣпляясь передними ногами, положительно повисла надъ обрывомъ, и не было никакой возмож-

ности поднять орудіе вмѣстѣ съ нею; тогда офицеръ приказалъ обрѣзать гужи, и несчастная лошадь полетѣла внизъ, такъ что даже искры посыпались изъ-подъ копытъ... но орудіе было вытащено. Каково же было общее удивленіе, когда и лошадь оказалась невредимою: обрывъ, къ счастью, былъ не великъ, и кусты спасли несчастное животное. Другой случай былъ посерьезнѣе: одно 4-хъ-фунтовое орудіе со всей упряжью и лошадьми оборвалось и полетѣло съ обрыва въ десять слишкомъ сажень... Но, къ общему удивленію, лошади опять остались почти невредимыми и даже могли продолжать путь. Нѣкоторые изъ лошадей, впрочемъ, не выдержали этого похода и остались на дорогѣ. Каменистая дорога была также причиною того, что лошади безпрестанно теряли подковы, и къ концу выхода изъ ущелья подковы сдѣлались положительною драгоценностью, а конскіе гвозди покупались чуть не на вѣсъ серебра. Но даже и это трудное движеніе было возможно лишь благодаря предварительнымъ работамъ коннопіонернаго отряда. Положительно можно сказать, что безъ предварительной разработки пути коннопіонерами движеніе по нему не только артиллеріи, но и конницы было-бы совершенно немислимо.

Передвигая, такимъ образомъ, съ нечеловѣческими усиліями, тяжелыя орудія и зарядныя ящики по каменистому дну глубокаго ущелья, отрядъ нашъ, въ то же время, на каждомъ шагу прислушивался, не притаился-ли гдѣ нибудь непріятель... Съ нетерпѣніемъ и страхомъ посматривали солдаты по сторонамъ на эти мрачныя, крутые обрывы и скалы: вотъ-вотъ появится на гребнѣ ихъ рядъ турецкихъ фесокъ и раздастся сверху убійственный залпъ... „Ужели пропустятъ?! не вѣрилось солдатамъ,—и каждому невольно приходило на умъ: „а что, какъ и въ самомъ дѣлѣ засядутъ басурманы на этихъ кручахъ... вѣдь, и ружей не надо: камнями забросаютъ!..“ Но кругомъ, по прежнему, все было мертво и тихо. Угрюмыя скалы и кручи горъ поднимались все выше и выше и надвигались со всѣхъ сторонъ. Надъ головой, по мѣстамъ, виднѣлся ужъ только маленькій клочекъ бѣлесоваго неба. Глядя на эти недосыгаемыя выси горъ, можно было подумать, что стѣило только разразиться надъ Балканами сильной грозѣ, которая въ горахъ обращаетъ нерѣдко маленькіе ручейки въ бурныя потоки, достаточно было такого

ливня, чтобы уничтожить весь отрядъ на днѣ глубокаго ущелья. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ близко сходящіяся кручи горъ покрыты были исполинскими деревьями, раскидистыя вѣтви которыхъ густо нависли надъ проходомъ и сходились надъ головой путниковъ, вслѣдствіе чего на днѣ прохода становилось темно, какъ въ пещерѣ. Въ душу непривычныхъ къ горамъ солдатъ невольно закрадывалось сомнѣніе. „На-ка, поди, ни одной рожи басурманской!“ продолжали они недоувѣрчиво поглядывать по сторонамъ, — и подвигались все дальше и дальше по каменистому дну Ханкюйскаго ущелья.

Уже вечерѣло. Скоро совсѣмъ наступила ночь. По сторонамъ весь лѣсъ загорѣлся фантастическими огнями; вездѣ, на вѣтвяхъ, на дорогѣ и даже на камняхъ горѣли изумрудные огоньки свѣтящихся жучковъ, и войска шли точно по волшебному парку. Лошади не на шутку перепугались свѣтляковъ и пугливо водили ушами, горячася и сбиваясь на рысь... Ночью трудно было различать хорошую дорогу отъ дурной, и въ одномъ мѣстѣ пѣхотѣ и артиллеріи пришлось пройти сажень сто по руслу ручья, водою. Солдаты насквозь промокли... Наконецъ сдѣлалось такъ темно, что войска шли положительно ошущью, на каждомъ шагу останавливаясь и осматриваясь, какъ бы не свалиться въ пропасть. Скоро уже ничего не было видно, кромѣ двухъ стѣнъ ущелья. Подъ ногами глубоко внизу шумѣлъ ручей, лошади храпѣли, напрягалъ вниманіе и держа ухо насторожѣ. Вдругъ лошадь остановится, вытянетъ шею, понюхаетъ и отшатнется въ сторону... и во-время: еще одинъ шагъ — и она была бы въ пропасти!

Такимъ образомъ, таща артиллерію почти что на рукахъ, на каждомъ шагу останавливаясь, прислушиваясь и оглядываясь, головная колонна передового отряда, часамъ къ 12-ти ночи, достигла, наконецъ, бивуака конно-піонернаго отряда, не доходя верстъ 10-ти до выхода изъ ущелья. Весь передовой отрядъ, за темнотою ночи и трудностью дороги, растянулся въ горахъ верстъ на двадцать, и въ такомъ растянутомъ походномъ порядкѣ войска наши и расположились на ночлегъ на самой дорогѣ, тамъ, гдѣ застала ихъ ночь. Въ то время, какъ вся пѣхота (4-я стрѣлковая бригада, четыре болгарскія дружины и двѣ сотни пластунѣвъ), со всѣми 14-ю горными орудіями и четырьмя казачьими сотнями (26-го полка),

остановились на ночлегъ у бивуака конно-піонернаго отряда, остальная вся кавалерія со всею конною артиллеріей ночевала на самомъ перевалѣ и отчасти еще за переваломъ, верстахъ въ 20-ти отъ конно-піонернаго отряда.

Ночь, проведенная войсками въ Ханкюйскомъ проходѣ, надолго останется въ памяти у участниковъ передового отряда. Головная наша колонна расположилась на ночлегъ у рѣчки Сельверъ, въ тѣсномъ и трудно-проходимомъ ущельѣ. На бивуакѣ приказано было соблюдать самую строгую тишину: запрещено было громко разговаривать, зажигать спички, закуривать папирсы и разводить костры, хотя ночь была сырая и холодная. Солдаты поѣли въ сухоматку сахарей и легли спать или, вѣрнѣе, дремать, въ ожиданіи разсвѣта, прямо на тропинкѣ, которая начинала уже лѣзвиться карнизомъ по скаламъ... Многіе поднялись подальше отъ ручья на страшныя кручи и должны были спать почти въ вертикальномъ положеніи, постоянно просыпаясь, потому что скатывались съ разостланнаго ложа. Лошадямъ же некуда было выйдти изъ ручья и онѣ такъ и простояли всю ночь въ водѣ. Люди тоже были, большею частью, въ измокшемъ платьѣ, вслѣдствіе частыхъ переходовъ черезъ ручей, и холодный туманъ, окутывавшій нашъ бивуакъ, пронизывалъ ихъ до костей; укрыться же было не чѣмъ, такъ что солдаты то и дѣло просыпались отъ пробиравашаго ихъ холода. Многихъ эта ночь наградила лихорадкой *).

Вечеромъ и въ теченіи ночи разѣзды казаковъ доходили до самаго конца ущелья и не встрѣтили ни одного турка. Но и эти разѣзды вновь подтвердили показаніе болгаръ о присутствіи непріятеля у выхода изъ ущелья, у деревни Ханкюй. Насколько критическимъ могло стать ежеминутно положеніе нашего отряда, заночевавшаго на узкой тропинкѣ среди горъ, можно судить уже по тому, что еще наканунѣ, 30-го іюня, мимо выхода изъ ущелья прошли цѣлыхъ три батальона турокъ, направляясь къ Сливно. Конно-піонерный отрядъ нашъ стоялъ въ ту минуту какъ разъ на краю пропасти, стѣсненной высокими горами, и догадайся турки о такомъ близкомъ со-сѣдствѣ русскихъ, отступленіе отряда по горной тро-

*) Такъ, хорунжій уральской сотни, Акутинъ, схвативъ въ ущельѣ лихорадку, чрезъ нѣсколько дней умеръ и былъ похороненъ въ Казанлыкѣ

пингъ было бы невозможно, и весь отрядъ долженъ бы былъ погибнуть на мѣстѣ до послѣдняго человѣка. Но, къ счастью нашему, туркамъ и во снѣ не случилось присутствіе русскихъ въ Ханкіойскомъ ущельѣ.

На слѣдующій день, 2-го іюля, рано утромъ, козачій разъѣздъ сообщилъ, что при самомъ выходѣ изъ ущелья турокъ по прежнему нѣтъ, но въ верстахъ въ 2 $\frac{1}{2}$, отъ него, у деревни Ханкіой, видѣнъ небольшой турецкій лагерь, въ которомъ, по видимому, все спокойно.

Тихо, безъ шума и стука, выступилъ передовой отрядъ съ мѣста ночлега, направляясь къ выходу изъ мрачнаго ущелья. Проходъ становился все уже и уже; дорога постепенно сошла со дна

ущелья и стала подниматься все выше и выше, по узенькому выступу отвѣсной скалы. Слева была стѣна, справа—пропасть, подъ ногами вилась узенькая тропинка, на которой колеса орудій едва устанавливались и шли на какой нибудь вершокъ отъ обрыва, такъ что солдатамъ пришлось переносить

пушки почти-что на рукахъ. Недаромъ солдаты прозвали это мѣсто „чортовою дыркой“. У самого выхода, ущелье суживается до того, что имѣть въ ширину не болѣе 50 или 70 шаговъ.

Какъ разъ противъ этого выхода, на разстояніи пушечнаго выстрѣла отъ него, вблизи деревни Хан-

кіой, гдѣ былъ раскинутъ турецкій лагерь, стоитъ огромная гора, занявъ которую турки легко могли перестрѣлять по одинокимъ весь нашъ отрядъ такъ какъ онъ неминуемо долженъ былъ вытянуться длинной вереницей, при выходѣ изъ узкаго отверстия.

Рѣшительная минута наступала. Сейчасъ долженъ былъ выясниться успѣхъ или неуспѣхъ столь важ-

Русская артиллерія на Ханкіойскомъ перевалѣ.

наго и такъ давно ожидаемаго предпріятія, какъ переходъ черезъ Балканы.

Выходъ изъ ущелья былъ уже близокъ.

Понятно, какое нетерпѣніе царило въ рядахъ нашего отряда и какая требовалась съ его стороны осмотрительность и осторожность, чтобы не встрѣво-

жить преждевременно войска въ близъ лежащемъ турецкомъ лагерѣ.

Впереди отряда шли двѣ сотни пластуновъ. Пластуны одѣвались одинаково съ турецкими черкесами, но въ отличіе отъ послѣднихъ носили на своихъ черныхъ бараньихъ шапкахъ бѣлые кресты. За это турки прозвали пластуновъ „попами“ и привыкли отличать ихъ по крестамъ еще издаиска. Выйдя изъ ущелья, впереди отряда, цѣпью, съ двумя орудіямъ по срединѣ, пластуны, какъ разсказываютъ, остановились и перевернули свои шапки крестами назадъ, послѣ чего двинулись къ непріятелю. Турки, говоря, введены были этой чисто-пластунской хитростью въ самое легкомысленное заблужденіе: они приняли нашихъ пластуновъ за своихъ черкесовъ и подпустили ихъ на довольно близкое разстояніе, какъ вдругъ у выхода изъ ущелья показался 13-й стрѣлковый батальонъ и тоже выстроился въ боевой порядокъ.

Замѣтивъ это, турки подняли тревогу, и въ лагерѣ ихъ началась страшная суматоха.

Но было уже поздно: войска наши подошли уже близко и тотчасъ же открыли огонь по лагерю картечными гранатами.

Застигнутые совершенно врасплохъ, турки, бывшіе въ числѣ 300 человекъ, бросились въ безпорядкѣ бѣжать, жестоко преслѣдуемые пластунами и двумя стрѣлковыми батальонами. Непріятель оставилъ на мѣстѣ весь свой лагерь, ружья, патроны и галеты, которыя тотчасъ же и были розданы нашимъ войскамъ, вмѣсто залежавшихся сухарей. Галеты, кстати замѣтить, оказались очень вкусными, и солдаты наши ѣли ихъ съ большимъ удовольствіемъ.

Турки отступили черезъ деревню Кунаро къ селенію Твардицѣ, по направленію на востокъ отъ Ханкіоя.

У Кунаро нами взятъ былъ другой турецкій лагерь, гораздо большій, чѣмъ первый, и также большой запасъ галетъ, тотчасъ же употребленныхъ въ дѣло.

Въ то время, какъ пѣхота наша, подъ начальствомъ генерала Рауха, шла съ боемъ черезъ деревни Ханкіой и Кунаро, четыре сотни казаковъ 26 донскаго полка выдвинулись изъ ущелья на рсяхъ къ западу отъ Ханкіоя, по руслу рѣчки Сельверъ, къ деревнѣ Эсекчи, имѣя въ виду отрѣзать путь отступленія туркамъ на Казанлыкъ. Впе-

редъ, для осмотра деревни, полетѣлъ, по приказанію полковника Чернозубова, хорунжій Дукмасовъ съ 6-ю казаками. У самой деревни у Дукмасова оказался уже одинъ только казакъ, такъ какъ остальные были посланы имъ съ донесеніемъ. Но и съ однимъ казакомъ онъ ворвался въ деревню Эсекчи и понесся по главной улицѣ. Передъ нимъ въ страхѣ бѣжали вооруженные жители и башибузуки. У моста, въ концѣ деревни, произошла, однако, остановка: одинъ башибузукъ бросился на дерево и, подпустивъ Дукмасова на десять шаговъ, поднялъ ружье и прицѣлился... Удамой хорунжій остановился, какъ бы презирая турецкую кремневку... грянулъ выстрѣлъ—мимо...

— Врешь! вскричалъ Дукмасовъ:—я тебя лучше по своему,—и соскочилъ съ лошади. Но въ эту минуту пуля подоспѣвшего казака ужехватила турка наповаль...

— Лежи! такъ-то лучше будетъ, проворчалъ казакъ сквозь зубы.

Въ то-же время подошла сюда 2-я сотня, подъ командой есаула Полухина. Башибузуки и толпы вооруженныхъ жителей уже успѣли собраться за деревней, прикрывая отходившій обозъ въ 80 повозокъ. Полухинъ двинулъ сотню впередъ и врубился съ нею въ ряды баши-бузуковъ. Тѣ дрогнули и, бросивъ обозъ, обратились въ безпорядочное бѣгство.

Овладевъ, такимъ образомъ, обозомъ и занявъ деревню, Полухинъ тотчасъ же разсыпалъ казаковъ по окраинѣ ея; преслѣдовать же турокъ не рѣшился до прибытія подкрѣпленій. Водворилась тишина, и Дукмасову стало уже скучно; и вотъ онъ, взявъ съ собой четырехъ казаковъ, отправился на поиски въ слѣдующую деревню, Лени-Махала или Новая Махала. На полдорогѣ онъ наткнулся на 8 человекъ башибузуковъ, засѣвшихъ въ кукурузѣ и открывшихъ пальбу. Тогда, остановивъ четырехъ казаковъ въ двадцати шагахъ отъ непріятеля, Дукмасовъ вынулъ револьверъ и тотчасъ же приказалъ казакамъ начать стрѣльбу.

— По казачьему—чья добрѣй!! командовалъ онъ.

На раздавшіеся выстрѣлы прискакалъ ротмистръ Мартыновъ съ трубачемъ, отъ полковника Чернозубова, узнать причину тревоги. Дукмасовъ, вмѣсто отвѣта, показалъ рукой на башибузуковъ, и Мартыновъ вмѣстѣ съ трубачемъ присоединился къ нему. Двѣ минуты спустя, бой былъ уже оконченъ:

всѣ восемь человѣкъ башибузукѣвъ были перебиты, а съ нашей стороны раненъ смертельно въ животъ трубачъ.

Вслѣдъ затѣмъ всѣ четыре сотни 26-го полка двинулись въ Лени-Махала и, спѣшившись, окончательно прогнали башибузукѣвъ, которые, въ числѣ одного табора, отступили въ селеніе Балабанджи, по дорогѣ въ Лени-Загру, казаки же наши вернулись въ деревню Эсекчи, куда подошли и остальные сотни 26-го полка. Получивъ назначеніе наблюдать дорогу на городъ Казанлыкъ, 26-й полкъ расположился въ Эсекчи бивуакомъ и выставилъ цѣпи къ югу и западу отъ этой деревни.

Между тѣмъ, генераль Гурко выдвинулъ авангардъ изъ 14-го стрѣлковаго батальона, двухъ сотенъ пластуновъ и двухъ горныхъ орудій къ деревнѣ Кунаро; самъ же расположился на возвышенной площадкѣ у д. Ханкіоя, чтобы подтянуть изъ ущелья весь свой отрядъ.

Такимъ образомъ, Ханкіойскій проходъ былъ уже въ нашихъ рукахъ. Русскіе вступили въ „долину розъ“ Успѣхъ былъ безпримѣрный! Только русскій солдатъ могъ пройти въ три дня и провезти орудія по непроходимой ханкіойской тропинкѣ, и, послѣ этого, еще быстро разбить непріятеля, застигнувъ его совершенно врасплохъ.

Переваливъ за Балканы, передовой отрядъ долженъ былъ немедленно приступить къ выполнению главной своей задачи — къ нападенію на Шибкинскій переваль съ тылу. Съ этою цѣлью ему надлежало отправиться на западъ отъ Ханкіоя, вдоль подошвы Балкановъ, по направленію къ г. Казанлыку.

Городъ Казанлыкъ расположенъ почти на равномъ разстояніи какъ отъ Ханкіойскаго, такъ и отъ Шибкинскаго проходѣвъ, верстахъ въ 15 отъ того и другаго. На югъ отъ этого города, параллельно Великимъ Балканомъ, проходитъ другая цѣпь горъ — Малые Балканы, такъ что городъ Казанлыкъ лежитъ собственно между двухъ горныхъ хребтовъ, въ долинѣ, по которой протекаетъ рѣка Тунджа, почему и самая долина называется долиною рѣки Тунджи. Въ эту-то долину Тунджи или „розъ“ именно и ведутъ проходы Шибкинскій и Ханкіойскій.

Тунджинская долина замкнута горами со всѣхъ сторонъ, такъ какъ Малые и Великіе Балканы, чрезъ

свои отроги, соединяются между собой, на западъ и на востокъ отъ Казанлыка.

Проникнувъ въ „долину розъ“ съ сѣвера, чрезъ Шибкинскій или Ханкіойскій проходы, выбратъся изъ нея на югъ можно только черезъ немногія ущелья Малыхъ Балкановъ. Ущелья эти узки и тѣсны, а самыя Малые Балканы хотя и не высоки, но чрезвычайно круты и обрывисты. Притомъ, удобоходимыхъ ущелій въ нихъ собственно немного. Главный и наиболѣе удобный выходъ изъ долины Тунджи представляетъ Ескизагрское ущелье, расположенное почти на югъ отъ Казанлыка и ведущее къ городу Ески-Загрѣ, лежащему тотчасъ противъ выхода изъ ущелья, на дорогѣ изъ Шибки въ Адрианополь. Кромѣ того, на востокъ отъ Казанлыка, черезъ Малые Балканы идетъ довольно сносный проходъ къ городу Лени-Загра, лежащему также за Малыми Балканами, верстахъ въ 40 отъ Казанлыка. У города Лени-Загра находится станція желѣзной дороги, проведенной изъ Адрианополя въ г. Ямболи; сверхъ того къ Лени-Загрѣ ведетъ хорошее шоссе съ сѣвера, изъ Шумлы, черезъ Казанлыкскій проходъ въ Великихъ Балканахъ. Наконецъ, на западъ отъ Казанлыка, также черезъ отроги Малыхъ Балкановъ, пролегаетъ третій выходъ изъ долины Тунджи, на г. Карлово, въ который ведутъ дороги: съ юга — изъ г. Филиппополя и съ сѣвера, черезъ Троянскій проходъ въ Великихъ Балканахъ, изъ г. Ловчи.

Изъ этого краткаго очерка долины Тунджи можно уже видѣть, какое важное стратегическое положеніе занимаютъ города Лени и Ески-Загра и Карлово, заслоняющіе входы съ юга въ долину Тунджи, а слѣдовательно и подступы, съ этой стороны, къ проходамъ Шибкинскому и Ханкіойскому. Особенно серьезное значеніе для нашего передоваго отряда, неожиданно появившагося въ „долинѣ розъ“, имѣли города Ески и Лени-Загра, какъ расположенные на главной военной дорогѣ изъ Шумлы въ Адрианополь. Турки во всякое время могли быстро сосредоточить въ Лени-Ески-Загрѣ, по ленизагрской желѣзн. дор., войска свои изъ Адрианополя и Шумлы, и, проникнувъ въ „долину розъ“ чрезъ Ескизагрское ущелье и отчасти чрезъ Ленизагрскій проходъ, ударить на нашъ незначительный отрядъ съ фронта и съ фланга... Въ виду этого, положеніе передоваго отряда, по выходѣ его изъ Ханкіойскаго прохода, хотя и не было осо-

бенно опаснымъ, но во всякомъ случаѣ оказывалось довольно затруднительнымъ. Отрядъ генерала Гурко могъ, конечно, во всякое время отступить къ Ханкюйскому проходу и укрѣпиться въ немъ; но, въ виду предстоявшаго движенія на Казанлыкъ, къ Шибкинскому перевалу, возможность скопленія значительныхъ непріятельскихъ силъ въ Лени-Ески-Загрѣ—заставляла насъ опасаться за свой лѣвый флангъ и тылъ. Сверхъ того, вся мѣстность къ сѣверу отъ Ханкюйскаго прохода, со включеніемъ городовъ: Златарицы, Елены и Беброва, оставалась еще совершенно открытою, такъ что непріятель могъ во всякое время двинуться туда изъ Османъ-Базара или изъ Шумлы и отрѣзать намъ путь отступленія изъ Ханкюя. Даже городъ Ловча, расположенный къ сѣверу отъ Троянскаго перевала, не былъ еще въ то время занятъ нами; города же Сельви, Габрово, Драново, лежащіе на сѣверъ отъ Шибкинскаго перевала, хотя и были заняты нашими отрядами, но очень слабыми по численности. Наконецъ, самая долина р. Тунджи, вмѣстѣ съ Шибкинскимъ и Травненскимъ перевалами, какъ оказывалось, оборонялась довольно значительными турецкими силами.

Въ виду всего вышеизложеннаго, движеніе передоваго отряда изъ Ханкюя къ Казанлыку и Шибкѣ требовало съ нашей стороны чрезвычайной осторожности и осмотрительности.

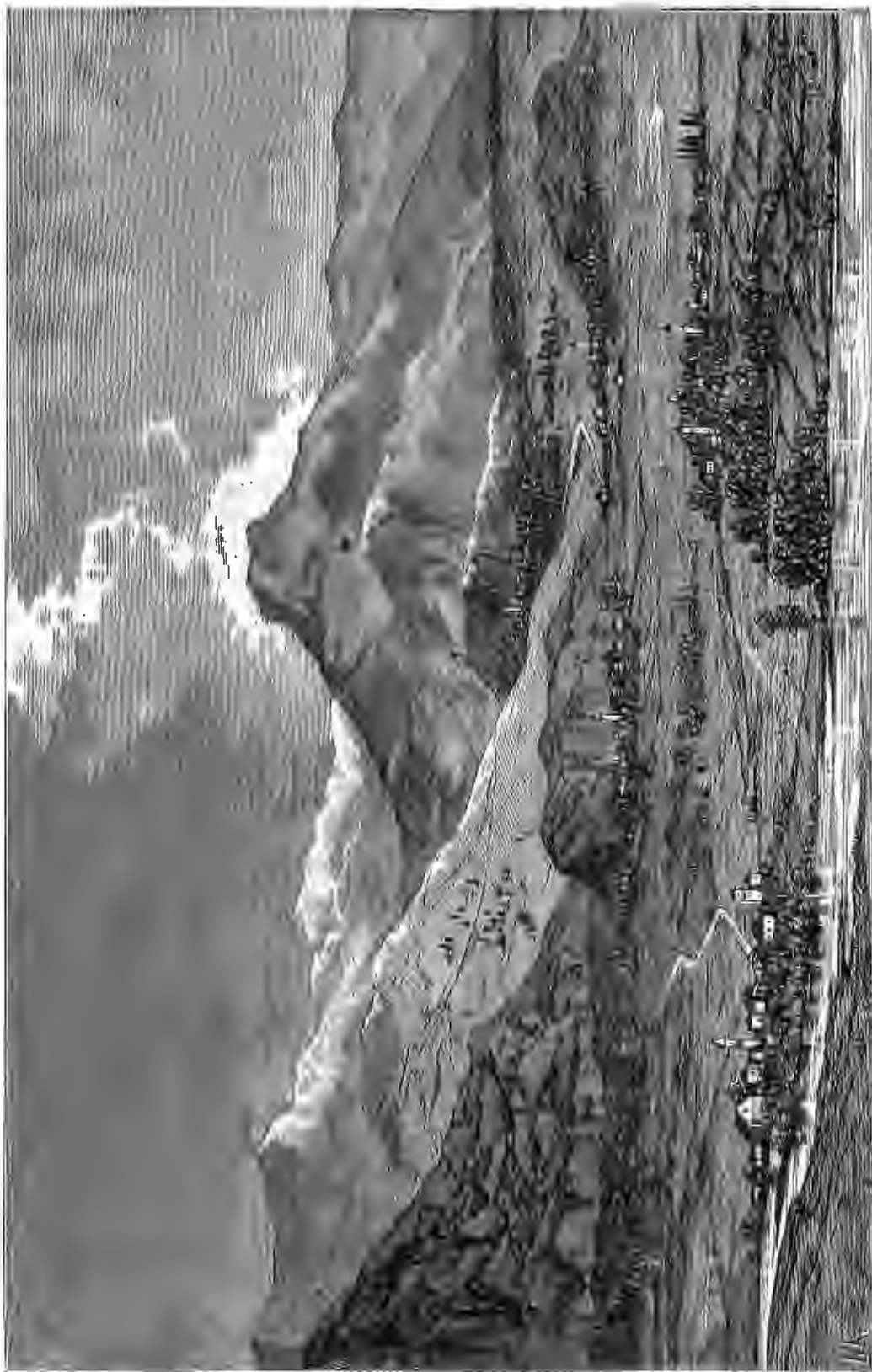
По слухамъ, которые наши успѣли собрать отъ болгаръ, войска турецкія, въ день выхода нашего изъ Ханкюйскаго ущелья, расположены были въ долину Тунджи, приблизительно, слѣдующимъ образомъ: какъ уже было упомянуто выше, еще 30-го іюня, мимо Ханкюйскаго ущелья прошли изъ Казанлыка къ Сливно 3 батальона турокъ; по дорогѣ они оставили въ Ханкюйѣ всего человекъ 300, которые, какъ мы уже знаемъ, и были разбиты нами; остальные же 2 батальона турокъ отошли къ деревнѣ Твардицѣ, на востокъ отъ Ханкюя, гдѣ и расположились лагеремъ. Кромѣ того извѣстно было, что изъ Лени-Загры прибылъ въ долину Тунджи еще одинъ батальонъ и расположился къ западу отъ Ханкюя. Въ самомъ городѣ Лени-Загрѣ стояло, по слухамъ, около 5 батальоновъ турецкихъ войскъ; сюда же, какъ оказалось, постоянно подвозились новыя войска и отправлялись въ городъ Казанлыкъ. Въ Ески-Загрѣ войскъ совсѣмъ не было; въ Казан-

лыкѣ же, по предположеніямъ нашихъ командировъ, не могло быть менѣе 5 батальоновъ, не считая Шибкинскаго гарнизона, состоявшаго по крайней мѣрѣ изъ 6 или 8 таборовъ. Всего же въ долину Тунджи можно было ожидать встрѣтить не менѣе 15-ти батальоновъ турецкихъ войскъ, разсѣянныхъ въ разныхъ мѣстахъ на довольно обширномъ пространствѣ, между Великими и Малыми Балканами.

Съ своей стороны, генералъ Гурко располагалъ всего 8¹/₂ батальонами пѣхоты; но, разсчитывая на значительное численное и качественное превосходство своей кавалеріи (26¹/₂ эскадроновъ), онъ вознамѣрился немедленно воспользоваться слабой стороной непріятеля—разбросанностью турецкихъ войскъ, и рѣшилъ, еще до движенія на Казанлыкъ, прежде чѣмъ турки успѣютъ соединиться, разбить ихъ по частямъ.

Какъ нельзя болѣе кстати, турки вскорѣ сами помогли генералу Гурко въ исполненіи его плановъ. Они и не думали избѣгать встрѣчи съ нашимъ сосредоточеннымъ отрядомъ, занимавшимъ центральное положеніе въ долину, а напротивъ, сейчасъ же сами стали нападать на него, разрозненными силами, избавляя насъ даже отъ труда отыскивать ихъ по долину Тунджи.

Понятно теперь, сколько блистательныхъ дѣлъ ждало впереди отрядъ генерала Гурко. Еще 2-го іюля, въ день выхода передоваго отряда изъ Ханкюйскаго ущелья, часовъ въ 6¹/₂ часовъ вечера, стоявшіе въ Твардицѣ два турецкіе батальона, соединившись съ отступившими къ нимъ изъ Ханкюя турками, начали наступать на нашъ авангардъ, выдвинутый къ деревнѣ Конаро или Кунаро и передовая наша пѣхота, увидавъ непріятеля, силою, какъ казалось, болѣе двухъ батальоновъ, завязала съ нимъ перестрѣлку и начала отходить къ Кунаро, гдѣ расположился, для варки себѣ пици, на мѣстѣ бывшаго тамъ турецкаго лагеря, 14-й стрѣлковый батальонъ съ двумя сотнями. Командиръ 14-го стрѣлковаго батальона, полковникъ Бежановъ, получивъ извѣстіе о наступленіи непріятеля, тотчасъ же пошелъ съ своимъ батальономъ, двумя сотнями пластуновъ и обоими горными орудіями—на встрѣчу противнику. Но такъ какъ силы турокъ въ то время въ точности еще не были извѣстны, то немедленно было дано знать о наступленіи непріятеля и въ деревню Ханкюй, откуда

Видъ Балканскихъ горъ у Ханкіойскаго перевала.

тотчасъ же былъ двинутъ на поддержку еще 15-й стрѣлковый батальонъ, также съ двумя горными орудіями, стоявшій впереди дер. Ханкіой, по дорогѣ въ Твардицу. Между тѣмъ, 14-й стрѣлковый батальонъ, съ двумя пластунскими сотнями, выйдя изъ дер. Кунаро вперёдъ, развернулся, выдвинулъ на позицію орудія и завязалъ съ противникомъ оживленную перестрѣлку. Вскорѣ подошелъ и 15 стрѣлковый батальонъ и, выстроившись поротно, началъ обходить лѣвый флангъ турокъ. Этотъ маневръ и огонь нашихъ горныхъ орудій принудили турокъ, бывшихъ безъ артиллеріи, къ поспѣшному отступленію. Непрiятель бѣжалъ по направленію на Сливно, а наши стрѣлки, за наступившею темнотою, прекратили преслѣдованіе не доходя Твардицы, и вернулись поздно ночью въ дер. Кунаро.

Такимъ образомъ, въ день выхода нашего отряда изъ Ханкіойскаго ущелья, нами было разбито въ разныхъ пунктахъ около четырехъ турецкихъ батальоновъ, захвачено два непріятельскихъ лагеря со всѣми брошенными въ нихъ запасами провіанта, амуниціи, патроновъ и оружія, и, сверхъ того, взято семь человѣкъ плѣнныхъ турокъ.

Съ нашей стороны, потеря за весь день заключалась въ одномъ убитомъ и шести раненыхъ.

Нужно замѣтить, что 2-го іюля далеко еще не всѣ войска передового отряда вышли изъ горъ. Шедшія позади части продолжали, въ теченіи всего этого дня, подтягиваться къ Ханкіою, и только къ полудню слѣдующаго дня, 3-го іюля, вышла изъ ущелья, слѣдомъ за казачьимъ 21-мъ полкомъ, драгунская бригада. Арьергардъ же передового отряда, оставленный въ Тырновѣ, былъ въ это время еще на пути.

Въ ожиданіи, пока сосредоточатся у Ханкіоя всѣ части передоваго отряда, день 3-го іюля былъ употребленъ нашими на производство развѣдокъ по разнымъ направленіямъ отъ занятой ими мѣстности.

Въ минувшую кампанію въ нашей арміи введены были особаго рода „конные развѣдчики“, не употреблявшіеся, въ прежнее время, ни въ нашей, ни въ иностранныхъ арміяхъ. Развѣдчики эти формировались изъ казачьихъ частей, имѣющихъ легкое вооруженіе и хорошихъ лошадей. Каждому развѣдчику давалось въ поясную сумку по нѣсколькимъ фунтовъ хлопчатобумажнаго пороха, или динамита... Съ этими, въ выс-

шей степени разрушительными, веществами, конные развѣдчики, при своемъ проворствѣ и смѣлости, могли наносить неисчислимый вредъ противнику. Небольшой зарядъ хлопчатобумажнаго пороха, положенный просто на рельсъ и воспламененный помощью дистанціонной трубки, можетъ отбросить нѣсколько футъ желѣза на большое разстояніе и, такимъ образомъ, испортитъ желѣзнодорожное сообщеніе въ данный моментъ. Развѣдчику стояло только слѣзть съ лошади, положить зарядъ на рельсъ, или подъ телеграфный столбъ, зажечь трубку, и въ теченіи 60-ти секундъ времени опять вскочить на лошадь, — и взрывъ самъ собою уже производилъ должное дѣйствіе... Такимъ образомъ, телеграфное и желѣзнодорожное сообщенія могли быть уничтожаемы въ самомъ центрѣ непріятельской страны, при помощи какой-нибудь горети смѣлыхъ наѣздниковъ, которымъ достаточно было только остановиться, чтобы нанести вредъ... Легкія мостовыя сооруженія точно также могли быть быстро разрушаемы страшными взрывами прессованнаго хлопчатобумажнаго пороха...

Передовой отрядъ генерала Гурко, какъ предназначенный для движенія за Балканы, въ глубь непріятельской территоріи, долженъ былъ располагать нѣкоторымъ числомъ подобныхъ развѣдчиковъ, — и дѣйствительно въ забалканскомъ набѣгѣ передоваго отряда можно найти множество примѣровъ ихъ подвиговъ. Такъ, 3-го іюля были посланы отъ передоваго отряда три партіи казаковъ для развѣдокъ: двѣ сотни 26-го донскаго полка, подъ начальствомъ флигель-адъютанта штабсъ-ротмистра барона Корфа, въ направленіи къ г. Сливно или Сливенъ; двѣ сотни (5-я и 6-я) того же 26-го полка, подъ начальствомъ адъютанта военнаго министра, ротмистра Мартынова, въ направленіи къ г. Лени-Загрѣ, и партія казаковъ 21-го донскаго полка, подъ начальствомъ сотника Сысоева, въ направленіи къ г. Казанлыку.

Первая и послѣдняя изъ этихъ развѣдочныхъ партій, къ сожалѣнію, были задержаны на половинѣ пути ихъ слѣдованія. Двѣ сотни барона Корфа, отправившіяся на Сливно, по приближеніи къ Твардицѣ, неожиданно наткнулись, къ югу отъ этого селенія, на 400 человѣкъ турецкой кавалеріи, за которыми слѣдовали три табора пѣхоты, при 6-ти орудіяхъ... Вѣроятно, турки, опасаясь за участь своихъ трехъ батальоновъ, разбитыхъ нами въ Кунаро, послали

эту пѣхоту съ артиллеріей и конницею къ нимъ на помощь, изъ Лени-Загры, или изъ Сливно. Завидѣвъ нашихъ казаковъ, турки сейчасъ же выслали противъ нихъ черкесовъ и баши-бузукровъ и открыли огонь изъ орудій... Казаки вынуждены были остановиться, тотчасъ сѣшались и завязали съ непріателемъ перестрѣлку, посплавъ, въ то же время, просить подкрѣпленія. Вскорѣ превосходный въ числѣ непріатель принудилъ донцовъ къ отступленію. Не желая, однако, подать непріателю видъ отступленія, казаки начали подаваться вправо, какъ бы въ обходъ противника, а затѣмъ, медленно отходя, дошли до селенія Запанлы, гдѣ и остановились. Сюда прибыли и первыя подкрѣпленія, въ составѣ уральской сотни сотника Кириллова и еще 4-й сотни того же 26-го донскаго полка.

Услыхавъ выстрѣлы въ направленіи деревни Запанлы, генералъ Гурко, около 4-хъ часовъ по полудни, выслалъ на помощь казакамъ 9-й, Казанскій драгунскій полкъ, съ четырьмя орудіями донской 10-й батареи, а велѣдъ за тѣмъ двѣ дружины болгарскаго ополченія, также съ четырьмя орудіями...

По приближеніи драгуновъ къ Твардицѣ, они увидѣли къ югу отъ этого селенія непріательскую конницу, пѣхоту и батарею. Командиръ драгунскаго полка, полковникъ Корево, тотчасъ же построилъ свой полкъ въ боевой порядокъ, выдвинулъ орудія на позицію и открылъ по турецкой кавалеріи ружейный и артиллерійскій огонь. Черкесы, при одномъ видѣ драгуновъ, сейчасъ же усаkali подъ прикрытіе своей батареи и пѣхоты... Тогда четыре орудія донской 10-й батареи, вмѣстѣ съ двумя орудіями, прибывшими съ 4-ю сотнею донцовъ, направили свой огонь по непріательской батарее и вскорѣ принудили ее перекрестнымъ огнемъ сняться съ позиціи; послѣ этого начала отходить и турецкая пѣхота. Чтобы нагнать непріателя, былъ выдвинутъ съ фронта 4-й эскадронъ драгуновъ, подъ начальствомъ маіора Теплова. Драгуны, прискакавъ въ селеніе Твардицу, были вновь остановлены огнемъ турокъ, остановившихся на второй позиціи, но не надолго. Маіоръ Тепловъ сѣшавъ свой эскадронъ и часть 1-го эскадрона драгуновъ, и строго запретивъ стрѣлять до особаго приказанія, повелъ драгуновъ, безъ выстрѣла, въ штыки... Одновременно съ этимъ, четыре орудія 10-й батареи, занявъ позицію правѣ деревни, открыли

продольный огонь по непріателю; казаки же направились противъ его лѣваго фланга, а уральцы, бывшіе все время впереди, стали угрожать правому флангу турокъ... Въ то же время, верстахъ въ 3-хъ или 4-хъ позади нашей позиціи, показались дружины болгарскаго ополченія... При видѣ этой безмолвной атаки, угрожавшей непріателю съ трехъ сторонъ, послѣдній, давъ всего два залпа по 4-му эскадрону, не выдержалъ болѣе и началъ отходить... Тогда драгуны и казаки еще дружице насѣли на непріателя, и вскорѣ турецкая пѣхота обратилась въ самое безпорядочное бѣгство... Уральскіе казаки горячо преслѣдовали турокъ, сѣшанные же драгуны проводжали бѣжавшихъ турокъ артиллерійскимъ огнемъ. Непріателя гнали далѣе десяти верстъ, причемъ нами взято было брошенное турками знамя и отхвачена часть непріательскаго обоза съ артиллерійскими припасами. Погоня за непріателемъ продолжалась до наступленія глубокой темноты, такъ что драгуны вернулись на бивуакъ въ Ханкой только около часу ночи, а уральцы въ 2 часа по полуночи. Потерь драгуны не имѣли, а уральцы потеряли одного убитымъ и трехъ ранеными; потеря донскаго 26-го полка неизвѣстна.

Того же 3-го іюля, развѣдочная партія сотника Сысоева, продвинулась отъ деревни Эсекчи въ противоположномъ направленіи, по дорогѣ на г. Казанлыкъ. Не доходя деревни Яйканли, казаки были остановлены непріателемъ, съ которымъ и завязали перестрѣлку. Когда же пришло подкрѣпленіе въ составѣ 21-го донскаго полка, турки принуждены были поспѣшно отступить по пути на Казанлыкъ. Послѣ этого, какъ партія Сысоева, такъ и 21-й полкъ вернулись на бивуакъ въ Эсекчи.

Между тѣмъ, третья развѣдочная партія казаковъ изъ 5-й и 6-й сотенъ 26-го донскаго полка, подъ начальствомъ ротмистра Мартынова, выступила еще съ утра по дорогѣ въ Лени-Загру, за Малые Балканы... Захвативъ съ собою лошадь, нагруженную динамитными патронами, и пройдя въ пять часовъ верстъ 30 по горамъ, казаки вышли, къ двумъ часамъ по полудни, изъ горъ въ деревню Кадыкой, гдѣ неожиданно встрѣтили турецкій транспортъ съ 80-ю патронными ящиками, который и былъ немедленно захваченъ и уничтоженъ... Выйдя затѣмъ, на равнину передъ городомъ Лени-Загрою, ротмистръ Мартыновъ тотчасъ же выслалъ двѣ партіи казаковъ

выраво и влѣво отъ города, для разрушенія желѣзной дороги и телеграфной линіи между Лени и Ески-Загрою. Подойдя къ желѣзной дорогѣ, находящейся позади города, казаки неожиданно были встрѣчены изъ-за полотна дороги ружейнымъ огнемъ и, сверхъ того, наткнулись на военный поѣздъ вагоновъ въ тридцать. Силы были слишкомъ неравныя. Казаки, однакожь, не смутились. Быстро порвавъ телеграфную проволоку и взорвавъ нѣсколько телеграфныхъ столбовъ, они, вдобавокъ, пустили еще нѣсколько выстрѣловъ въ самый городъ, зажегши строения, и усаkali назадъ, къ резервной сотнѣ. Такимъ образомъ, телеграфное сообщеніе между Лени-Ески-Загрой и Каланлыккомъ было прервано. Не желая ограничиться однимъ этимъ, казаки вскорѣ произвели новую попытку ударить на желѣзную дорогу: обѣ сотни двинулись въ обходъ неприятельской позиціи съ юга, но на пути были неожиданно атакованы во флангъ двумя сотнями черкесовъ. Послѣ спибки съ черкесами послѣдніе не выдержали натиска казаковъ и стали отступать. Казаки погнались за ними; но черкесы, подойдя къ лощинѣ, вдругъ раздались въ стороны и навели казаковъ на свою батарею и скрытую въ лощинѣ пѣхотную цѣпь, которая, съ разстоянія 300 шаговъ открыли ужасный ружейный и артиллерійскій огонь. Казаки, однако, и тутъ не смутились. Потерявъ трехъ лошадей убитыми, они начали тихо отступать къ д. Кадыкой. Какъ ни старались черкесы насѣсть на нихъ, имъ этого не удавалось: казаки наши щетинились. Зарвались молодцы, да и вырвались. Лошадей раненыхъ, и то подобрали.

— Зачѣмъ бросать? — разсуждали казаки: — за шкуру, чего добраго, сами же братушки рубль дадутъ, — возьмемъ!...

Часамъ къ девяти вечера казаки вернулись на бивуакъ въ Эсекчи, не потерявъ за весь день ни одного человѣка. Численность войскъ противника въ Лени-Загрѣ въ этотъ разъ была опредѣлена въ три батальона пѣхоты, при одной батарее и двухъ сотняхъ черкесовъ.

Такимъ образомъ, 3-го іюля, мѣстность за Балканами была освѣщена, болѣе или менѣе сильными кавалерійскими разѣздами, по тремъ различнымъ направленіямъ, на разстояніи отъ 20 до 40 верстъ отъ Ханкіоя. По донесеніямъ лазутчиковъ-болгаръ,

все турецкое населеніе за Малыми Балканами, при появленіи нашихъ разѣздовъ, бѣжало по желѣзной дорогѣ и пѣшкомъ къ Адрианополу...

Вечеромъ того же дня, 3-го іюля, къ передовому отряду присоединился Кіевскій гусарскій полкъ, выступившій изъ Тырнова 1-го іюля, какъ только подошла туда головная часть 8-го корпуса *). Такимъ образомъ, къ вечеру 3-го іюля всѣ войска передоваго отряда были уже въ полномъ сборѣ. Сверхъ того, неприятель былъ частью уже разбитъ, частью смущенъ неожиданнымъ появленіемъ нашихъ летучихъ отрядовъ за Малыми Балканами. Генераль Гурко теперь совсѣмъ уже не беспокоился за тылъ свой, и потому рѣшено было завтра же, 4-го іюля, двинуться на Казанлыкъ и къ Шибкинскому перевалу.

Въ ночь съ 3-го на 4-е іюля всѣ войска передоваго отряда отдыхали на бивуакѣ у Ханкіоя. Для введенія въ заблужденіе неприятеля относительно численности нашихъ войскъ приказано было зажечь фальшивые огни на высотахъ, открывающихъ д. Ханкію.

4-го іюля, утромъ, въ арріергардѣ, у д. Ханкіоя, для обороны этого прохода, какъ единственнаго пути отступленія передоваго отряда, были оставлены только двѣ дружины болгарскаго ополченія и донской 26-й полкъ, со всеми 14-ю горными орудіями (1-я и 2-я горныя пѣшія батареи), подъ начальствомъ генераль-маіора Столѣтова. Остальныя же войска передоваго отряда въ шесть часовъ утра выступили изъ Ханкіоя, по дорогѣ на Казанлыкъ, двумя колоннами.

Правая колонна, подъ начальствомъ генераль-маіора Цвѣцинскаго, составленная изъ 4-й стрѣлковой бригады, двухъ дружинъ болгарскаго ополченія и двухъ сотенъ пластуновъ, при 6-ти орудіяхъ 15-й донской батареи и четырехъ орудіяхъ *) 10-й донской батареи, имѣя въ авангардѣ коннопоіонерный отрядъ, двинулась по большой казанлыкской дорогѣ, вдоль подошвы Великихъ Балкановъ, въ составѣ всего 6½ батальоновъ и 10-ти конныхъ орудій.

*) О двухъ дружинахъ болгарскаго ополченія, оставленныхъ также въ Тырновѣ, въ официальныхъ рапортахъ нигдѣ не упоминается, были ли онѣ присоединены потомъ къ передовому отряду или нѣтъ.

**) Остальныя два орудія 10-й донской батареи, какъ уже было замѣчено выше, остались въ Габровѣ при 30-мъ донскомъ казачьемъ полку.

Лѣвая же колонна, подъ начальствомъ князя Николая Максимиліановича Лейхтенбергскаго, составленная изъ всей драгунской бригады (8-й Астраханскій и 9-й Казанскій драгунскіе полки), всего Киевскаго полка, четырехъ сотенъ 21-го донскаго полка и гвардейскаго полуэскадрона, при шести орудіяхъ 16-й конной батареи, направилась вдоль лѣваго берега р. Тунджи, въ составѣ всего 16¹/₂ эскадроновъ и сотенъ и 6-ти конныхъ орудій.

Для связи между головами обѣихъ колоннъ шли впереди всего отряда остальные двѣ сотни 21-го донскаго полка.

Долина рѣки Тунджи, по которой теперь двинулся передовой отрядъ, принадлежитъ, безспорно, къ однимъ изъ самыхъ прелестныхъ и плодороднѣйшихъ уголковъ на земномъ шарѣ. Обставленная съ сѣвера почти отвѣсными кручами Великихъ Балкановъ и окаймленная съ юга невысокимъ хребтомъ Малыхъ Балкановъ, она имѣетъ въ ширину, на глазомѣръ, не болѣе 5-ти или 8-ми верстъ и орошается во всѣхъ направленіяхъ множествомъ ручейковъ, быстро несущихся съ горъ и имѣющихъ, даже въ самое жаркое время, холодную и вкусную воду. Богатство долины бросается въ глаза съ перваго же взгляда. Обширные виноградники, роскошные луга, широкія полосы созрѣвшаго хлѣба, небольшія, но густыя рощи каштановыхъ и орѣховыхъ деревьевъ и богатые селенія, разбросанныя въ разныхъ мѣстахъ, радовали взоръ путниковъ на каждомъ шагу. По мѣстамъ зеленѣло цѣлое море кустовъ розъ, къ сожалѣнію, уже отцвѣтшихъ въ іюль мѣсяцѣ.

Дорога по всей долинѣ р. Тунджи пролегала сравнительно легка. Большая часть мѣстности была, вообще, удобна для маневрированія кавалеріи и артиллеріи. Небольшія канавки и почти сплошная пахоть въ сухое время года не представляли также особеннаго затрудненія для движенія войскъ. Но жара стояла такая невыносимая, что идти все равно было необыкновенно тяжело. Пѣхота отъ сильнаго зноя входила въ небольшія рѣчки, чтобъ промокнуть и, такимъ образомъ, хоть сколько-нибудь освѣжиться. При этомъ войскамъ нашимъ, какъ мы увидимъ сейчасъ, пришлось еще почти постоянно идти съ боемъ.

Кавалерійская колонна князя Николая Максимиліановича Лейхтенбергскаго, шедшая по лѣвому бе-

регу рѣки Тунджи, выслала отъ себя авангардъ изъ гвардейскаго полуэскадрона, двухъ сотенъ 21-го донскаго полка, двухъ эскадроновъ Астраханскаго драгунскаго полка и двухъ орудій 16-ой конной батареи, подъ начальствомъ князя Евгенія Максимиліановича Лейхтенбергскаго, которому было предписано имѣть въ виду обезпеченіе общаго наступленія съ лѣваго фланга, а также и очищеніе деревень и рощъ, прилегающихъ къ берегу, отъ шаекъ башибузуковъ и вооруженныхъ жителей—турокъ. И дѣйствительно, начиная отъ деревни Лени-Махала и до селенія Софуляръ или Суфлары (на р. Тунджѣ), авангардъ принужденъ былъ непрерывно спѣшиваться и выбивать изъ деревень, садовъ и рощицъ непріятельскихъ стрѣлковъ, стрѣлявшихъ по нашимъ изъ ямъ, изъ-за канавъ и заборовъ. Башибузуки взлѣзали даже на густолиственные каштановыя деревья, достигавшія здѣсь громадныхъ размѣровъ, стрѣляли съ нихъ по нашимъ кавалеристамъ и могли быть замѣчены развѣ только зоркимъ глазомъ казаковъ, которые снимали ихъ оттуда, какъ воронъ.

Вскорѣ и правой колоннѣ, шедшей вдоль подошвы Балкановъ, верстахъ въ трехъ отъ лѣвой колонны, пришлось выдержать горячее дѣло съ непріателемъ.

Не успѣлъ отрядъ пройти и двухъ верстъ отъ д. Лени-Махалы, какъ шедшіе впереди отряда, для связи обѣихъ колоннъ, двѣ сотни казаковъ приостановились, и на горизонтѣ, у деревни Уфлани, показались конные башибузуки. Это было около 10-ти часовъ утра. Казаки тотчасъ же послали извѣстіе къ начальнику отряда о появленіи непріятеля, и, растянувшись цѣпью версты на полторы, начали тихо двигаться къ башибузукамъ, которые гарцовали около деревни, двигались вправо и влѣво, но близко не подлѣзжали.

Пѣхотная наша колонна, какъ уже было замѣчено выше, шла по большой дорогѣ, довольно близко къ кручамъ Великихъ Балканъ. Съ правой стороны отъ дороги и до этихъ кручъ мѣстность была покрыта кустами и деревьями, а по лѣвую сторону отъ дороги тянулась равнина, вспаханная подъ кукурузу и заканчивавшаяся вдали также горами (Малыми Балканами) на разстояніи шести или семи верстъ отъ дороги. Между подошвой этихъ дальнихъ горъ и большой дорогой, значить — влѣво же отъ послѣдней, лежала турецкая деревушка Уфлани, вся

потонувшая въ густыхъ садахъ. Такимъ образомъ, сильно вытянувшаяся цѣпь нашихъ казаковъ приходилась лѣвымъ своимъ флангомъ противъ самой деревни Уфлани; правый же флангъ казаковъ находился противъ крупнаго кустарника, начинавшагося шагахъ въ ста впереди нихъ и густо покрывавшаго подножіе Великихъ Балкановъ, высившихся справа.

Вскорѣ на лѣвомъ флангѣ, изъ садовъ Уфлани, раздался сперва одинъ выстрѣлъ, потомъ другой. Казаки предположили, что турки засѣли въ самой деревнѣ, тѣмъ болѣе, что башибузуки сновали все подлѣ нея. Какъ вдругъ изъ кустовъ, находившихся всего въ ста шагахъ впереди праваго фланга казаковъ, затрещали выстрѣлы. Казаки встрепенулись и подались назадъ.

Оказалось, что передъ ними была турецкая пѣхота, съ артиллеріей и кавалеріей, занявшая сильную позицію, пересѣченную садами, заборами, канавами и кустарниками. Это были войска, высланныя изъ Казанлыка на встрѣчу передовому отряду, съ цѣлью сдѣлать рѣшительную попытку преградить ему путь къ Шибкинскому перевалу.

Турецкая цѣпь была густо разсыпана по кустамъ, и лѣвый флангъ ея подымался довольно высоко въ гору. Изъ кустовъ слышны были крики, что-то въ родѣ „ялудуу!!!, которыми турки, очевидно, ободряли другъ друга. Между ихъ лѣвымъ флангомъ и деревней Уфлани стояла большая пѣхотная колонна, скрытая отъ нашего отряда густымъ кустарникомъ.

Скоро отъ нашей пѣхоты былъ двинутъ впередъ 13-й стрѣлковый батальонъ съ двумя орудіями 10 донской батареи. Оба орудія мигомъ вылетѣли на позицію и пустили гранату. Вдругъ на площадкѣ, за кустарникомъ, гдѣ стояла турецкая колонна, раздался взрывъ и поднялась страшная суматоха: все бѣжало въ разныя стороны—граната попала великолѣпно. Увидавъ, что за нашей артиллеріей подвигаются стрѣлки, турецкая цѣпь до такой степени участила огонь, что съ этой минуты свистъ пуль началъ раздаваться въ воздухѣ какъ жужжаніе роя пчелъ. Но въ это время новая картечная граната осыпала турокъ сверху, вслѣдъ за ней другая попала опять удачно. Турецкая цѣпь стала перебѣгать за кустами, крики усилились, турки стали какъ будто подаваться впередъ.

Между тѣмъ, 13-й стрѣлковый батальонъ, раз-

вернувъ цѣпь, спокойно подвигался къ непріятелю по большой дорогѣ, въ то время, какъ 15-й стрѣлковый батальонъ шелъ скорымъ шагомъ правѣе, по склону Балкановъ. Турки, съ разстоянія 2,000 шаговъ, открыли убійственный огонь. Цѣпь нашихъ стрѣлковъ, раскыпавшись подъ сильнѣйшимъ огнемъ, шла безъ выстрѣла. Офицеры спокойно ходили передъ цѣпью и передавали приказаніе командировъ не стрѣлать до разстоянія 600 шаговъ отъ непріятеля. Пока стрѣлки подвигались на вышеуказанное разстояніе, они должны были нести значительныя потери и ряды ихъ замѣтно рѣдѣли. Такъ они прошли по крайней мѣрѣ шаговъ 200, не сдѣлавъ ни одного выстрѣла. Но, подойдя къ непріятелю на разстояніе вѣрнаго прицѣла, стрѣлки вдругъ осыпали его такимъ мѣткимъ, адскимъ огнемъ, котораго турки не выдержали и вскорѣ начали медленно отходить назадъ. Тогда въ рядахъ стрѣлковъ раздалось молодецкое „ура!“—и 15-й стрѣлковый батальонъ бросился по склону горы на лѣвый флангъ турокъ въ штыки. Люди бѣжали въ беспорядкѣ впередъ и съ крикомъ бросались на убѣгавшихъ турокъ.

Тѣмъ временемъ, лѣвая наша колонна, состоявшая изъ кавалеріи, уже шла на рыскахъ верстахъ въ трехъ слѣва, огибая деревню Уфлани, и какъ разъ во время вынеслась на флангъ выбитыхъ изъ первой позиціи турокъ. Князь Николай Максимиліановичъ Лейхтенбергскій, по приближеніи своемъ на высоту лѣска, къ востоку отъ селенія Уфлани, слышавъ сильную перестрѣлку между нашею правою колонною и непріятелемъ, немедленно же выслалъ два эскадрона Астраханскихъ драгунъ и два орудія 16-й конной батареи черезъ деревню Уфлани, для атаки непріятеля въ правый флангъ; самъ же, съ остальною колонною кавалеріи, построивъ ее въ боевой порядкѣ, двинулся рысью далѣе, въ обходъ селенія Уфлани, готовясь окончательно отрѣзать путь отступленія турокъ на Казанлыкъ.

Но въ это время турки, бывшіе въ числѣ не болѣе двухъ-трехъ таборовъ, получили сильное подкрѣпленіе состоявшее изъ нѣсколькихъ батальоновъ анатолійскаго низама. Тогда по всей линіи завязался ожесточенный бой, какого отрядъ генерала Гурко еще не испытывалъ до этого времени. Въ дѣлѣ одинаково усердно работали и ружье, и штыкъ, и сабля. Въ то время, какъ стрѣлки наши тѣснили не-

пріятеля съ фронта, Астраханскіе драгуны и казаки, составлявшіе связь между колоннами, вели жаркій стрѣлковый бой съ правымъ флангомъ турокъ; орудія же 16-й конной батареи, ставъ на казанлыкскую дорогу, открыли мѣткій огонь въ тылъ противника. Турки были окружены со всѣхъ сторонъ, и имъ грозило совершенное истребленіе. Но анатолійцы, прижатые къ горамъ, дрались съ необыкновенной стойкостью. Они пользовались всякимъ закрытіемъ, залѣзали за камни, забивались кучками въ ямы, овраги и кусты, влѣзали даже на деревья, на которыхъ упорно держались. Стрѣлкамъ нашимъ съ фронта, а драгунамъ и казакамъ—съ фланга не мало труда стоило выбивать ихъ отовсюду штыками и саблями. Засѣвъ гдѣ нибудь въ густомъ кустарникѣ, незамѣченные проходящими мимо ихъ стрѣлками, самые отважные турки пускали имъ пули сзади и падали подъ ударами вновь прибывавшихъ стрѣлковъ.

Въ одномъ мѣстѣ, собравшись за каменной оградой, турки рѣшились дать намъ серьезный отпоръ и воткнули въ серединѣ ограды свое знамя. Вокругъ этого знамени собрались, какъ оказалось, самые отчаянные головорѣзы. Люди 15-го стрѣлковаго батальона окружили ихъ съ трехъ сторонъ и стали сначала пулями класть одного за другимъ храбрыхъ турокъ. Каждому хотѣлось схватить заманчивое знамя. Унтеръ-офицеры 1-й роты Блажковъ и Коваленко, уже свалили пулями ассистентовъ и ранили знаменщика. Но мѣста послѣднихъ заняли другіе турки. Тогда командиръ 1-й роты, капитанъ Скарловъ, крикнулъ „ура“ и всѣ бросились на турокъ въ штыки. Уже одинъ смѣльчакъ, Яковъ Кононенко, потянулся было за знаменемъ, но турецкій штыкъ вонзился ему въ грудь. Въ это время другой, болѣе счастливый стрѣлокъ, ефрейторъ 15-го стрѣлковаго батальона Даниль Лукьянецъ, въ отчаянной схваткѣ съ храбрыми турками, переколовши нѣсколько человекъ, захватилъ, наконецъ, турецкое знамя *).

*) Даниль Лукьянецъ, отъ роду 30 лѣтъ, отслужилъ свой срокъ еще до войны и былъ отпущенъ по билету, но во время войны былъ призванъ опять на службу. Послѣ дѣла при Уфлави онъ былъ въ бою еще нѣсколько разъ за Балканами и получилъ рану въ лѣвую ногу въ сраженіи при Джуранли, 19-го іюля, послѣ чего былъ отпущенъ на родину, для поправленія здоровья, въ деревню Потоки, Кременчугскаго уѣзда, гдѣ онъ имѣлъ

Послѣ этого турки пытались было собраться за двумя мельницами, попавшимися имъ на дорогѣ, но эти мельницы сдѣлались ихъ могилами: 15 человекъ было захвачено здѣсь въ плѣнъ, а остальные, запершіеся внутри строенія, сгорѣли вмѣстѣ съ подожженою мельницей. Тогда отступленіе турокъ обратилось по всей линіи уже въ настоящее бѣгство. Отхваченные драгунами отъ казанлыкской дороги, турки бросились на отвѣсныя горы. Страшныя кручи, сплошь покрытыя виноградниками, не позволяли нашей кавалеріи преслѣдовать въ конномъ строю взбиравшагося на горы противника, но за то стрѣлки наши и спѣшенные драгуны, быстро занявъ опушку виноградниковъ, засыпали турокъ мѣткими, убійственными выстрѣлами, а конная артиллерія, съ дистанціи 650 сажень, открыла огонь по густымъ массамъ убѣгавшихъ турокъ картечными гранатами. Раненные турки не удерживались на кручахъ и, падая, скатывались къ подошвѣ и разбивались окончательно о камни. Въ одномъ ущельѣ, гдѣ была особенно жаркая свалка, легло до 70 труповъ турокъ. Жестокое преслѣдованіе огнемъ продолжалось до тѣхъ поръ, пока

хату и десятину земли. За взятіе имъ знамени онъ былъ представленъ къ знаку военнаго отличія—георгіевскому кресту. Кромѣ того, военное министерство, вълѣдствіе справки, поступившей отъ дамскаго комитета ревельскаго общества «Краснаго Креста», собравшаго въ началѣ войны 1,000 рублей и назначившаго эту сумму захватившему первое турецкое знамя, указало на Данила Лукьянца, членъ перваго взявшаго съ боя турецкое знамя и заслужившаго этотъ почетный подарокъ. Вълѣдствіе этого ревельскій дамскій комитетъ препроводилъ пожертвованные 1,000 рублей въ кременчугскій коммерческій банкъ, съ просьбою выдать деньги Лукьянцу. Кременчугское общество, желая, съ своей стороны, ознаменовать геройскій подвигъ Лукьянца, собрало деньги на устройство въ честь его праздника солдатамъ послѣдняго набора и тѣмъ, которые побывали въ строю и теперь были зачислены въ мѣстный батальонъ. 13-го іюня (1878 года), послѣ молебствія въ кременчугскомъ соборѣ, при большомъ стеченіи народа и въ присутствіи мѣстнаго военнаго начальства, Ф. К. Кумме, членъ правленія кременчугскаго банка, передъ выстроившимися войсками обратился съ короткою рѣчью къ герою праздника и, по произнесеніи тоста за здоровье Государя Императора, передалъ Лукьянцу присланную награду въ 1,000 рублей, послѣ чего солдаты (числомъ болѣе 200) сѣли за столъ и при звукахъ частаго оркестра были угощены хорошимъ обѣдомъ. Нужно замѣтить, что въ тотъ же день, 4-го іюля, нѣсколько часовъ ранѣе дѣла при Уфлави, взятые были съ боя еще два знамени, въ дѣлѣ при Никопольт, у деревни Самовидъ, осетинами Бекъ - Узаровымъ и Сокаевымъ въ одиночныхъ схваткахъ при преслѣдованіи непріятеля.

густыя части непріятеля не скрылись окончательно за гребнями высотъ.

Около часа по-полудни дѣло было уже окончено. Непріятель, въ числѣ болѣе пяти батальоновъ, былъ отброшенъ въ горы. Потери турокъ были сравнительно громадны. Они оставили на мѣстѣ до 600 убитыхъ; поэтому всю ихъ потерю въ этомъ дѣлѣ опредѣляютъ не менѣе какъ въ 2,000 убитыхъ и раненыхъ. Кромѣ того, нами забрано было много плѣнныхъ, въ томъ числѣ и каймакамъ города Казанлыка, нѣчто въ родѣ ^{индѣйскихъ} губернатора, взятый нами при довольно странныхъ обстоятельствахъ. Въ то время, когда стрѣлки наши прижали турокъ къ отвѣснымъ кручамъ Балкановъ, на верху горы появился одѣтый по статски турокъ и, махая платкомъ, сталъ спускаться внизъ; сначала по немъ пустили нѣсколько выстрѣловъ, но скоро офицерамъ удалось остановить стрѣлковъ, и статскій турокъ отведенъ къ генералу. Это и былъ каймакамъ г. Казанлыка. Онъ объяснилъ, что присутствовалъ въ турецкомъ отрядѣ, чтобы наблюдать за ходомъ дѣла, такъ какъ ему предписано было сообщить объ исходѣ немедленно въ Константинополь. По его показанію, въ дѣлѣ участвовало со стороны турокъ пять батальоновъ анатолійскаго низама, подъ командою Хулусси-паши. Пораженіе при Уфлани сильно обезкуражило турокъ. Послѣ этого никто уже не ожидалъ встрѣтить съ ихъ стороны ни прежней отваги, ни стойкости.

Наши потери въ этомъ дѣлѣ были сравнительно ничтожны: мы потеряли до 70 человекъ ранеными и человека 4 убитыми. Героями дѣла подѣ Уфлани были 13-й и 15-й стрѣлковые батальоны и Астраханскій драгунскій полкъ. Стрѣлки оказали положительно чудеса храбрости. Разсыпавшись въ цѣпь, они подвигались подѣ сильнѣйшимъ огнемъ безъ выстрѣла до тѣхъ поръ, ^{когда} не подходили на разстояніе вѣрнаго прицѣла, и тогда результаты ихъ стрѣльбы оказывались поразительными. Почти все 600 убитыхъ турокъ имѣли пулевая раны въ однихъ и тѣхъ же мѣстахъ тѣла: или въ затылкѣ, или въ груди, или въ шеѣ. Если же непріятель и при такой мѣткой стрѣльбѣ продолжалъ упорствовать, то славныя стрѣлки брали ружье на перевѣсъ и бросались на турокъ въ штыки, причеиъ непріятель ни разу не выдерживалъ ихъ стремительнаго натиска.

Послѣ дѣла при Уфлани стрѣлковая бригада,

утомленная жарою и трехчасовымъ боемъ, расположилась у этого селенія на отдыхъ, въ то время, какъ болгарскія дружины, разсыпавшись въ цѣпь, проходили чрезъ кустарники и подбирали нашихъ раненыхъ. Кавалерія же одна двинулась по Казанлыкской дорогѣ, къ слѣдующему селенію Маглишъ, имѣя въ виду преслѣдованіе турокъ, которые могли бы уйти по Казанлыкской дорогѣ.

Между тѣмъ, авангардъ лѣвой колонны составленный изъ 4^{1/2} эскадроновъ и двухъ орудій, подѣ начальствомъ князя Евгенія Максимиліановича Лейтенбергскаго, все время, пока шель бой подѣ Уфлани, продолжалъ очищать лѣвый берегъ р. Тунджи отъ башибузуконъ и вооруженныхъ жителей. Въ самый разгаръ боя подѣ Уфлани, изъ авангарда потребованъ былъ къ главнымъ силамъ 2-й эскадронъ Астраханскихъ драгунъ; а вслѣдъ затѣмъ, изъ того же авангарда посланы были двѣ сотни казаковъ 26-го донскаго полка на ту сторону рѣки Тунджи, для преслѣдованія показавшихся тамъ конныхъ башибузуконъ. Такъ что князь Евгеній Максимиліановичъ остался, подѣ конецъ, съ однимъ эскадрономъ Астраханскихъ драгунъ, гвардейскимъ полуэскадрономъ и двумя орудіями 16-й конной батареи. Къ довершенію затрудненій, эта горсть храбрецовъ вскорѣ была внезапно осыпана во флангъ градомъ пуль изъ роши, съ которой только-что поравнялись. Это не могло не удивить всехъ, тѣмъ болѣе, что за десять минутъ до этого роша была изслѣдована и осмотрѣна шедшими впереди разъѣздами. Князь Евгеній Максимиліановичъ немедленно же послалъ просить подкрѣпленія въ главныя силы, такъ какъ пришлось спѣшить послѣдній эскадронъ чтобы выбить непріятеля изъ роши; орудія же наши остались всеѣмъ безъ прикрытія.

Осыпaeмый пулями, 1-й эскадронъ Астраханцевъ спѣшился, выслалъ одинъ взводъ въ цѣпь и сталъ наступать на рошу. Цѣпь развернулась, открыла огонь и подошла уже шаговъ на двѣсти къ опушеѣ, но, къ удивленію своему, не смотря на страшный свистъ пуль, не могла замѣтить непріятеля. Драгуны невольно остановились, прилегли и стали отстрѣливаться. Князь Евгеній Максимиліановичъ, стоявшій всего въ нѣсколькихъ шагахъ отъ спѣшеннаго эскадрона, послалъ съ адъютантомъ приказаніе драгунамъ войти въ лѣсъ.

— Да помилуйте, — отвѣчалъ адъютанту стояв-

пій въ цѣпи офицеръ: — посмотрите на опушку — ни одного дымка не видно, а пули свистятъ немилосердно. Гдѣ турки — я не понимаю.

— Точно такъ, ваше благородіе, турокъ не видно; нечистая сила, что-ли! — подтвердилъ унтеръ-офицеръ, обращаясь къ адъютанту.

Адъютантъ посмотрѣлъ на опушку пристально: ровню ничего не было видно, а пули такъ и жужжатъ кругомъ.

Офицеръ между тѣмъ крикнулъ „впередъ!“ и цѣпь наша вбѣжала въ самый лѣсъ. Тутъ драгуны увидѣли, что деревья усяны были башибузуками, которыхъ они и принялись снимать, какъ воронъ, пулями и штыками. Подошедшій въ это время на подкрѣпленіе отъ главныхъ силъ эскадронъ Казанскихъ драгунъ также сбѣжился, вошелъ въ рощу съ другой стороны и началъ съ не меньшимъ усердіемъ истреблять сидѣвшихъ на деревьяхъ башибузуковъ. Вскорѣ огонь по насъ изъ рощи совсѣмъ прекратился и только рѣдкіе выстрѣлы раздавались въ самой рощѣ.

Не успѣли драгуны кончить охоты, какъ пришло извѣстіе, что какой-то турецкій обозъ уходитъ за рѣкою Тунджею въ горы (Малые Балканы). Дать уйти обозу было грѣшно, а послать было некого, такъ какъ въ резервѣ оставались всего гвардейскій полуэскадронъ съ двумя орудіями и только-что подошедшій на подкрѣпленіе отъ главныхъ силъ полуэскадронъ Кіевскихъ гусарѣ. Послѣдній и былъ отправленъ для преслѣдованія обоза. Самъ же князь Евгенийъ Максимиліановичъ двинулся далѣе съ однимъ гвардейскимъ полуэскадрономъ и, дойдя до деревни Суфляры, тотчасъ же выслалъ одинъ взводъ гвардейцевъ на большую дорогу изъ Казанлыка въ Ески-Загру для уничтоженія телеграфа между этими двумя пунктами.

Тѣмъ временемъ остальная наша кавалерія продолжала подвигаться по казанлыкской дорогѣ на Маглишъ. При этомъ авангардъ князя Евгенія Максимиліановича обратился въ лѣвую колонну. Выждавъ въ Суфлярѣ прибытія оставленныхъ имъ позади частей, князь Евгенийъ Максимиліановичъ двинулся впередъ, какъ и вначалѣ, лѣвымъ берегомъ р. Тунджи. Въ это время средняя колонна кавалеріи, составленная изъ главныхъ силъ князя Николая Максимиліановича, продолжала движеніе полемъ, между р. Тунджею и горами. Правая же

колонна кавалеріи, составленная изъ четырехъ сотенъ 21-го донскаго полка и 10-й донской батареи, высланной отъ стрѣлковой бригады, шла по подгорной дорогѣ.

Турки теперь уже не попадались на пути, такъ какъ были отброшены подъ Уфлани окончательно и цѣликомъ въ горы. Только на самыхъ горахъ изрѣдка показывались незначительныя кучки, пробиравшіяся по горамъ и отъ времени до времени, открывавшія стрѣльбу по нашимъ колоннамъ и развѣздамъ. Не обращая вниманія на непріятеля, кавалерія наша продолжала идти по долинѣ рѣки Тунджи, и только около трехъ часовъ по полудни князь Николай Максимиліановичъ, замѣтивъ собиравшіяся на горахъ густыя массы непріятеля, приказалъ взводу 16-й конной батареи дать нѣсколько выстрѣловъ по туркамъ, что и было исполнено одновременно съ орудіями донской батареи. Непріятель тотчасъ же разбѣжался.

Было уже совсѣмъ темно, когда кавалерія наша прибыла на бивуакъ у селенія Маглиша. Слѣдомъ за нею подошла сюда и пѣхота изъ дер. Уфлани, причемъ ей также пришлось на пути встрѣчаться съ бродившими по горамъ толпами непріятеля, заставлявшими насъ своими выстрѣлами отходить нѣсколько подалеже отъ горъ.

Для охраненія ночлега у Маглиша были высланы: одна сотня казаковъ на аванпосты къ дер. Хландиркюй; другая сотня была оставлена у Суфляра; третьей сотнѣ было приказано подняться на горы за селеніе Маглишъ, съ назначеніемъ перехватить бѣглецовъ, пробирающихся по горамъ; одинъ же эскадронъ Кіевскихъ гусарѣ расположился на аванпостахъ.

Войска были сильно утомлены. Все спало мертвымъ сномъ, и только одни аванпосты бодрствовали.

Въ пять часовъ утра, 5-го іюля, весь передовой отрядъ снова двинулся къ Казанлыку. Непріятель былъ близко, а потому выступали въ боевомъ порядкѣ. Войска шли тремя колоннами:

Правая, составленная изъ 16-го стрѣлковаго батальона и двухъ сотенъ пластуновъ, со взводомъ 15-ой донской батареи и сотнею донскихъ казаковъ (21-го полка), была направлена по горамъ для атаки Казанлыка съ сѣверной стороны, въ обходъ лѣваго фланга турокъ.

Средняя колонна, составленная изъ остальныхъ

пяти батальоновъ пѣхоты, съ 10-ью конными орудіями (15-ой и 10-ой донскихъ батарей), двинулась до большой дорогѣ, вдоль подошвы Балкановъ, для атаки Казанлыка съ восточной стороны.

Лѣвая же колонна, изъ всей кавалеріи князя Николая Максимиліановича, съ шестью орудіями 16-й конной батареи, направилась вдоль лѣваго берега рѣки Тунджи, для атаки Казанлыка съ южной стороны, въ обходъ праваго фланга турокъ и тыла.

Но не успѣли наши войска отойти и 3-хъ верстѣхъ отъ Маглиша, какъ передъ нашею среднею колонною, верстахъ въ восьми впереди города Казанлыка, на большой дорогѣ, въ садахъ и на возвышенности у с. Уфландыркіоя, показался непріятель. Тамъ стояло два батальона анатолийскаго низама, часть анатолийскаго же

редифа и три орудія (два горныхъ и одно четырехфунтовое).

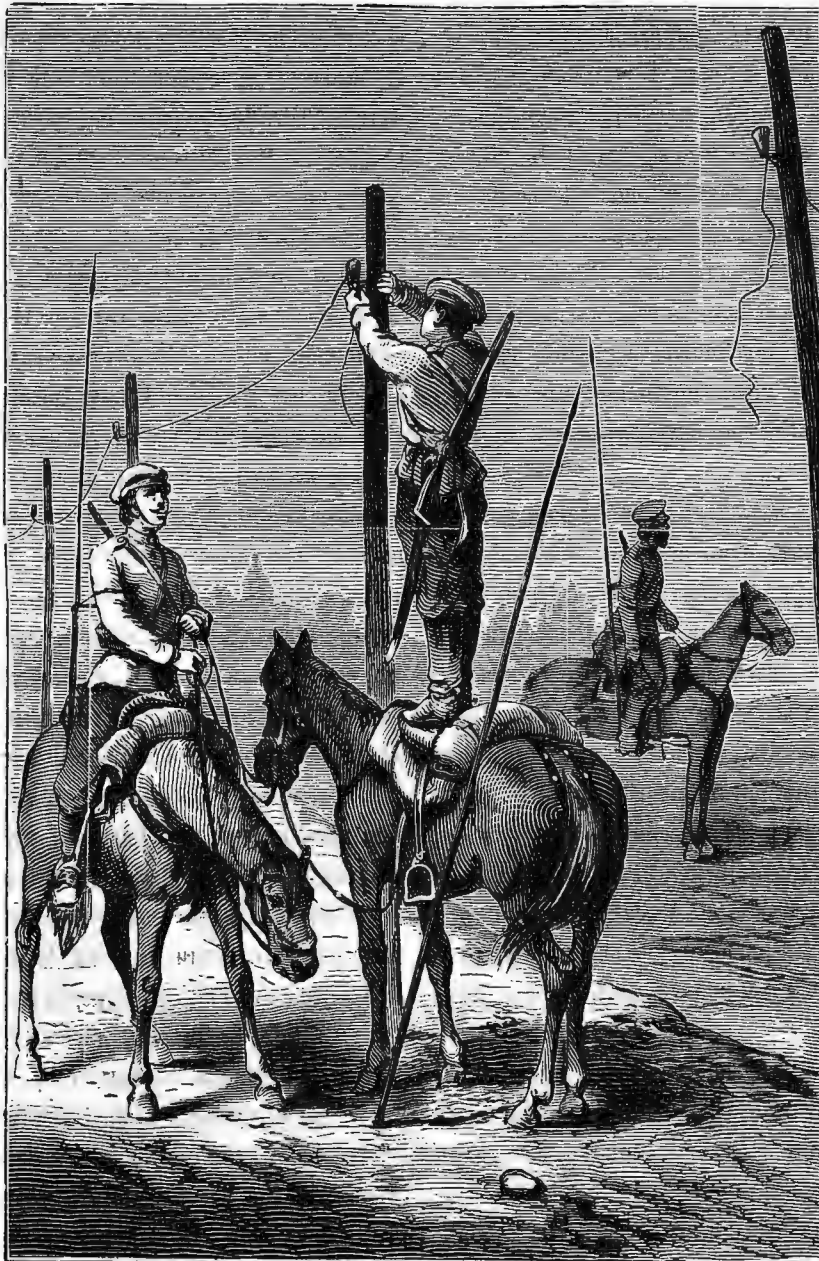
Кромѣ того, со стороны Шибкинскаго перевала, по покатости Балкановъ, приближалась еще пѣхотная колонна, желавшая, по видимому, занять гре-

бенъ горъ и угрожать оттуда нашей правой колоннѣ.

Около семи часовъ утра завязался артиллерійскій бой нашей средней колонны. Отъ послѣдней были двинуты впередъ 14-й стрѣлковый батальонъ, 5-я дружина болгарскаго ополченія и четыре орудія 10-ой

донской батареи. Непріятель не замедлилъ открыть артиллерійскій огонь сперва по нашей цѣпи, а потомъ и по артиллеріи, выѣхавшей на позицію и подвигавшейся въ обходъ деревни.

Лишь только разорвалась первая непріятельская граната, какъ въ нашей лѣвой кавалерійской колоннѣ, выступившей изъ Маглиша, согласно диспозиціи, часомъ позже пѣхоты и только-что начавшей вытягиваться съ бивуака, слышались выстрѣлы въ направленіи Уф-

Порча казаками телеграфа за Балканами.

ландыркіоя, и тотчасъ же пронеслась по рядамъ команда: „рысью!“ Кавалерія развернулась и пошла въ обходъ Уфландыркіоя... Гвардейскій полускадронъ и три эскадрона Кіевскаго гусарскаго полка неслись въ первой линіи; Казанскій драгунскій

полкъ и 16-я конная батарея шли на рысяхъ влѣво, уступомъ назадъ, а Астраханскій драгунскій полкъ подвигался, въ полковой колоннѣ, въ общемъ резервѣ; казачьи же сотни 21-го донскаго полка, разсыпавшись съ наѣздниками, слѣдовали впереди, занимая фронтъ отъ рѣки Тунджи до горъ. Въ такомъ порядкѣ кавалерія шла на рысяхъ, бодро, какъ на военномъ полѣ, по полямъ долины Тунджи, въ обхватъ праваго фланга непріятеля. Только изрѣдка небольшіе канавы и ручейки заставляли уменьшать ходъ. Стройное движеніе 14½ эскадроновъ кавалеріи напоминало въ этотъ разъ мирное ученье на маневрахъ, когда всѣ части одновременно совершаютъ перестроеніе по командѣ начальника... Вообще, все дѣло 5-го іюля заключалось скорѣе въ искусномъ маневрированіи и быстромъ передвиженіи частей, чѣмъ въ настоящемъ боѣ. Войскамъ постоянно приходилось перемѣнять мѣста и быстро спускаться съ горы на гору.

Скоро боковыми разѣздами кавалерійской колонны было дано знать о присутствіи нѣсколькихъ сотенъ башибузуковъ на нашемъ лѣвомъ флангѣ, въ садахъ и деревняхъ по лѣвому берегу рѣки Тунджи. Поэтому, сначала одинъ эскадронъ Кіевскихъ гусаръ, а потомъ еще два эскадрона Казанскихъ драгунъ были высланы для очищенія мѣстности отъ башибузуковъ. Для содѣйствія же пѣхотѣ, наступавшей по большой дорогѣ на селеніе Уфландыркію, были двинуты отъ кавалерійской колонны два орудія 16-й конной батареи капитана Усова, подъ прикрытіемъ 1-го эскадрона Казанскихъ драгунъ. Остальная же наша кавалерія двинулась далѣе, къ с. Карганли.

Эскадроны, высланные налѣво, послѣ ряда стычекъ и свалокъ съ пѣшими и конными башибузуками, засѣвшими въ кустахъ и виноградникахъ, отогнали ихъ за рѣку Тунджу.

Взводъ капитана Усова и эскадронъ Казанцевъ, высланные направо, для содѣйствія пѣхотѣ, вмѣстѣ съ казачьими сотнями, подошли къ самому селенію Уфландыркію и, послѣ свалки въ рошѣ, успѣли только опрокинуть прикрытіе непріятельской артиллеріи, послѣ чего турки начали посѣбно отступать, увозя свои орудія къ Казанлыку.

Въ то время, пока шла канонада на нашемъ лѣвомъ флангѣ и въ центрѣ, правая наша колонна,

составленная изъ 16 стрѣлковаго батальона и двухъ сотенъ пластуновъ, успѣла предупредить непріятельскую колонну, шедшую съ Шибкинскаго перевала, и заняла тотъ самый гребень горъ, на который эта колонна направлялась, обойдя, такимъ образомъ, непріятельскую позицію справа...

Послѣ этого турки начали отступать по всей линіи, уходя частію по большой дорогѣ, частію по склону горъ. Но за деревнею Карганли турки были настигнуты нашею кавалеріею, шедшею на рысяхъ. Кіевскіе гусары и гвардейцы, все время подвигавшіеся впереди, уступами по-эскадронно, обогнули д. Карганли и, прибавивъ рыси, развернули эскадроны и вывелись къ большой дорогѣ, ведущей на Казанлыкъ. Но атака на отступавшаго непріятеля была въ этотъ разъ невозможна; турки, какъ только замѣтили нашъ обходъ и видя, что на дорогѣ имъ грозитъ кавалерія, тотчасъ же бросились въ кусты и виноградники, прилежавшіе къ дорогѣ и покрывавшіе склоны горъ, частію же массами поднялись на самыя горы, откуда открыли по насъ ружейный огонь. Тогда вызваны были на позицію остальные два взвода 16-ой конной батареи; четыре орудія подполковника Ореуса лихо вынеслись за дер. Карганли и начали обдавать картечными гранатами толпы турокъ, видѣвшіеся на склонѣ горъ, заставляя ихъ еще посѣбно отступать.

За деревнею Карганли городъ Казанлыкъ былъ уже ясно видѣнъ, и Кіевскіе гусары, съ четырьмя орудіями подполковника Ореуса, а велѣдъ за ними и вся остальная наша кавалерія, зайдя правымъ плечемъ впередъ, двинулись къ Казанлыку.

По приближеніи къ городу, шедшіе въ авангардѣ гусары были встрѣчены огнемъ пѣхоты, занявшей справа отъ города склоны горъ, и огнемъ двухъ турецкихъ орудій, съ непонятною быстротою успѣвшихъ отойти къ Казанлыку и стать на восточной окраинѣ города. Тогда четыре орудія подполковника Ореуса открыли огонь по непріятельскимъ орудіямъ и по толпамъ турокъ, видѣвшихся на склонахъ у города. Но вскорѣ командиръ Кіевского гусарскаго полка, флигель-адъютантъ полковникъ Корфъ, приостановилъ полкъ въ виду слуховъ о томъ, что городъ хотѣлъ сдаться. Тотчасъ были посланы въ городъ парламентеры, для переговоровъ о сдачѣ. Парламентеромъ поѣхалъ, только-что присоединившійся къ гусарамъ, урядникъ князь Церетелевъ, съ тру-

бачемъ и плѣннымъ кайшакамомъ, взятымъ въ Уфлани. Но, къ общему удивленію, турки отвѣчали нашимъ парламентарамъ выстрѣлами и заставили ихъ вернуться обратно.

Тогда князь Николай Максимиліановичъ Лейхтенбергскій немедленно присоединилъ къ четыремъ орудіямъ 16-ой конной батареи взводъ капитана Усова, бывший въ откомандировкѣ для содѣйствія пѣхотѣ, а загѣмъ сдѣлалъ Казанскій драгунскій полкъ, казачій 21-й Донской полкъ и одинъ эскадронъ Кіевскихъ гусаръ, и двинулъ ихъ на непріятеля съ фронта, къ восточной сторонѣ города. Остальные же три эскадрона Кіевскихъ гусаръ, съ Астраханскимъ драгунскимъ полкомъ, направилъ въ обходъ города Казанлыка съ юга.

Въ то же время отъ нашей пѣхоты былъ выдвинутъ 14-й стрѣлковый батальонъ противъ сѣверо-восточной части города, гдѣ турки заняли глубокій ровъ и поставили въ садахъ два горныхъ орудія.

Такимъ образомъ наши войска постепенно охватывали городъ съ трехъ сторонъ... Картина боя въ эту минуту была прекрасная. Было около 12-ти часовъ дня. Турки еще продолжали отстрѣливаться изъ города, советѣмъ потонувшаго въ садахъ. Конныя орудія наши каждую минуту пускали гранаты и подвигались впередъ... Ружейный огонь нашихъ цѣпей рисовался круговою линіею мелкихъ дымковъ и, все ближе и ближе сдвигая кругъ, подвигалась цѣпь стрѣлковъ 14-го батальона и сдѣленныхъ драгунъ Казанскаго полка и Кіевскихъ гусаръ... Взятіе города было уже несомнѣнно...

Вотъ большая толпа турокъ уже вышла изъ гора и стала посдѣшно отступать къ Шибкѣ, гдѣ у нихъ былъ лагерь и куда уже отступила обходная колонна ихъ, неудачно пытавшаяся занять гребень горъ на нашемъ правомъ флангѣ. Турки шли изъ Казанлыка по шибкинскій дорогѣ, сильно растянувшись. 14-й стрѣлковый батальонъ и пластуны, занявшіе вышеупомянутый гребень горъ, тотчасъ же двинулись по склону горъ, на перерѣзъ отступавшимъ изъ Казанлыка туркамъ, въ обхватъ ихъ лѣваго крыла, намѣреваясь окончательно отрѣзать имъ отступление и на Шибку...

Между тѣмъ, часть турокъ продолжала еще отстрѣливаться изъ города. Вскорѣ 14-й стрѣлковый батальонъ выбилъ ихъ изъ сѣверо-восточной окраины

города и захватилъ два брошенныхъ ими орудія и, кромѣ того, взялъ въ плѣнъ трехъ турецкихъ офицеровъ и 43 рядовыхъ. Выбитые отсюда турки также потянулись—было въ горы, но 1-я рота 14-го стрѣлковаго батальона съ резервомъ изъ 2-ой роты погнались за ними по пятамъ и взяли въ плѣнъ еще 2-хъ офицеровъ и 295 рядовыхъ...

Кавалерія, съ своей стороны, дѣлала свое дѣло. Кіевскіе гусары и Астраханскіе драгуны, двинувшіеся въ обходъ Казанлыка съ юга, наткнулись въ самомъ началѣ на обширное болото, влѣдствіе чего драгунамъ пришлось пріостановиться. Гусары же взяли болѣе короткое направленіе, въ разрѣзъ города—на Монастырь... Войдя въ Казанлыкъ съ юго-западной его стороны, гусары неожиданно наткнулись на турокъ, которые думали пробиваться и встрѣтили нашихъ выстрѣлами изъ домовъ. Пришлось вступить въ бой съ ними. Часть гусаръ была сдѣшена и скорѣй выбила засѣваго въ домахъ непріятеля. Другая же часть гусаръ была немедленно выслана по дорогѣ на Шибку, для разрушенія телеграфа на Карлово.

Въ то же время сдѣшенные эскадроны Казанскихъ драгунъ приблизились къ городу съ фронта, къ восточной его окраинѣ, и, смѣло войдя въ нее, сбили непріятеля у опушки городскихъ садовъ...

Этотъ моментъ, по всей вѣроятности, совпалъ со взятіемъ стрѣлками 14-го батальона непріятельскихъ орудій, такъ какъ, послѣ непродолжительной перестрѣлки, городъ выслалъ парламентаровъ, предложившихъ сдачу его. Съ восточной и южной сторонъ города вышли жители съ бѣлыми флагами...

Для переговоровъ съ ними былъ посланъ снова князь Церетелевъ, и на этотъ разъ сдача города состоялась.

Тотчасъ же былъ посланъ въ Казанлыкъ командиръ Казанскаго драгунскаго полка, полковникъ Корево, со сдѣшенными драгунами, которые быстро оцѣпили плѣнныхъ, захватили запасы продовольствія и очистили городъ отъ разбѣжавшихся турокъ.

Въ то же время вся остальная наша кавалерія двинулась на рысяхъ черезъ городъ. Городъ былъ въ полномъ переполохѣ, когда кавалеристы наши неслись по улицамъ Казанлыка. Жители-турки, бояливо оглядываясь во все стороны, съ женами и дѣтьми метались по улицамъ, избѣгая встрѣтить русскаго солдата, отъ котораго они ждали вѣрной смерти. Тамъ

и тутъ мелькали на улицахъ кучки болгарь, вооруженныхъ дубинками и окружавшихъ плѣнныхъ турецкихъ солдатъ, какъ драгоценность, чтобы передать ихъ русскимъ... Въ болгарской части города мужчины и женщины и даже дѣти выбѣгали изъ калитокъ, выражая русскимъ свою благодарность, вынося имъ навстрѣчу всякія яства и провожая нашихъ кавалеристовъ возгласами радости... Но кавалеріи нашей останавливаться было нельзя: она могла упустить разбѣжавшихся турокъ. Солдаты наши только на ходу отвѣчали на возгласы жителей побѣднымъ „ура!“, и вынеслись на рысяхъ за городъ...

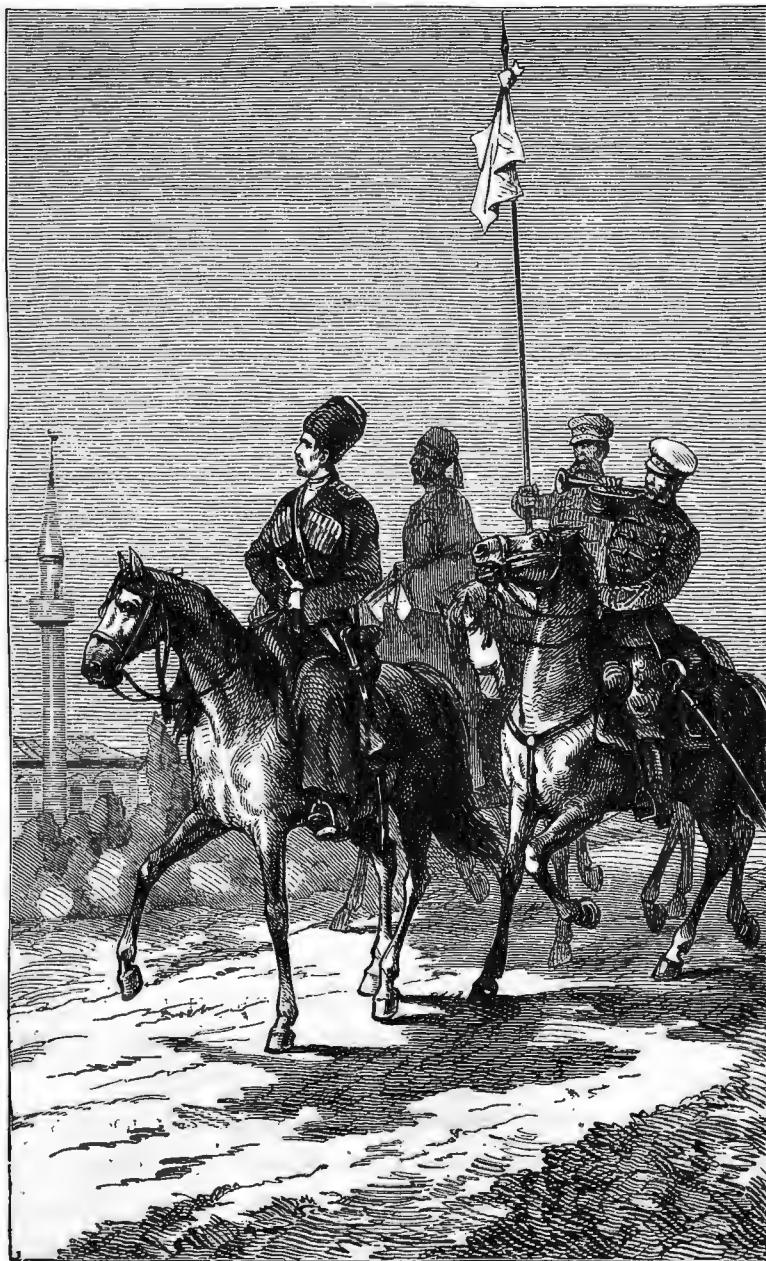
Высланные тотчасъ же разѣзды въ направленіяхъ на Карлово и Шибку нигдѣ уже не нашли непріятеля. Оказалось, что турки, спасаясь отъ настигавшей ихъ съ юга и востока русской кавалеріи, направились — было на сѣверъ — къ Шибкинскому перевалу,

но стрѣлки 16-го батальона и пластунскія сотни, обойдя лѣвое крыло турокъ, окончательно отрѣзали имъ отступление и на Шибку... Тогда турки обратились въ самое беспорядочное бѣгство, направляясь по одиночкѣ въ горы, причемъ бросили и третье свое орудіе...

Такимъ образомъ, непріятель былъ окончательно разбитъ, причемъ на долю кавалеріи передоваго отряда выпала завидная доля занять второй (послѣ Тырнова) турецкій городъ.

Черезъ четверть часа послѣ сдачи города генералъ Гурко уже въѣзжалъ въ Казанлыкъ. Справа

еще доносились одиночные выстрѣлы, но дѣло, очевидно, уже кончилось. У самаго въѣзда въ городъ, къ генералу приблизилась депутація отъ обывателей турокъ; впереди ихъ шли мулла и какой-то зажиточный горожанинъ. Турки объяснили генералу, что покоряются его власти, что готовы положить оружіе, и просятъ его только обезпечить за ними жизнь и имущество. Генералъ Гурко приказалъ перевести имъ, что жизнь и имущество ихъ будутъ вполне безопасны; но что если они не представятъ оружія и если противъ солдатъ будетъ хоть одинъ выстрѣлъ,

Князь Церетелевъ требуетъ сдачи Казанлыка.

то онъ прикажетъ сжечь весь турецкій кварталъ. Это энергическое привѣтствіе вызвало у турокъ цѣлый рядъ протестующихъ криковъ и жестовъ, но генералъ уже не слушалъ и направился къ толпѣ плѣнныхъ, въ числѣ которыхъ были и турки изъ Константинополя, и анатолійцы, и негры. Сдѣлавъ нѣсколько вопросовъ

плѣннымъ, генералъ направился на городскую площадь, гдѣ встрѣченъ былъ болгарской депутаціею, со священниками и хоругвями во главѣ. Послѣ краткаго, выслушаннаго здѣсь, не слѣзая съ лошади, молодебна, генералъ отправился въ женскій монастырь, гдѣ должны были помѣститься наши раненые.

За весь этотъ день мы потеряли три человѣка убитыми и 11 человѣкъ ранеными.

Потери турокъ въ точности не извѣстны. Кромѣ города, мы взяли у нихъ три орудія и плѣнныхъ болѣе 400 человѣкъ, въ томъ числѣ нѣсколькихъ офицеровъ.

Такъ какъ городъ Казанлыкъ въ первомъ часу дня былъ уже въ нашихъ рукахъ, то для передоваго отряда оставалось еще достаточно времени, чтобы атаковать въ тотъ же день и Шибкинскій перевалъ, находящійся всего верстахъ въ 15-ти отъ г. Казанлыка. Это тѣмъ болѣе было необходимо, что атака Шибкинскаго перевала съ тыла, составлявшая главную цѣль нашего похода за Балканы, была условлена именно на 5-е июля, и генералъ Гурко уже получилъ въ этотъ день увѣдомленіе изъ главной квартиры, изъ Тырнова, что, для содѣйствія ему, сегодня будетъ начата атака Шибки—Орловскимъ пѣхотнымъ полкомъ съ фронта, со стороны Габрова.

Къ сожалѣнію, пѣхота передоваго отряда не могла, тотчасъ же по взятіи Казанлыка, приступить къ новому и столь трудному дѣлу, какъ атака неприступныхъ Шибкинскихъ высотъ. Солдатамъ нашимъ пришлось почти отъ самаго Ханкюя и вплоть до Казанлыка идти съ непрерывнымъ боемъ, вдобавокъ при страшной жарѣ, что крайне утомляло и изнуряло людей. У стрѣлковъ отъ семидневнаго шатанія по горамъ истребалась совершенно обувь и распухли ноги. У нѣкоторыхъ даже образовались на подошвахъ нарывы. Обтрепанные, оборванные и голодные, на обезноженныхъ и исхудалыхъ лошадяхъ, кавалеристы наши представляли изъ себя не менѣе плачевный видъ. Все это невольно заставляло генерала Гурко отложить нападеніе на Шибкинскій перевалъ до слѣдующаго дня и дать передовому отряду хотя небольшой отдыхъ.

Однако ограничиться въ этотъ разъ взятіемъ одного Казанлыка было, въ всякомъ случаѣ, неблагоприятно; необходимо было немедленно воспользоваться полной паникою турокъ, наведенной на нихъ

нашей побѣдой подъ Казанлыкомъ, и тотчасъ же запереть шибкинскому гарнизону выходъ съ перевала. Въ противномъ случаѣ турки могли свободно отражать атаку Орловцевъ, подтянуть къ себѣ подкрѣпленія, затѣмъ измѣнить свой фронтъ и, такимъ образомъ, не допустить передовой отрядъ къ выполнению своей главной цѣли—атаки перевала съ тыла.

Въ виду этого, начальникъ кавалеріи передоваго отряда, князь Николай Максимиліановичъ Лейхтенбергскій, по предложенію состоявшаго при немъ начальникомъ штаба, подполковника Сухотина, рѣшилъ развить успѣхъ дня занятіемъ деревни Шибки, расположенной у самаго выхода изъ Шибкинскаго перевала. Не смотря на крайнее утомленіе кавалеріи, уже съ пяти часовъ утра, отъ самаго Маглиша, слѣдовавшей на рысяхъ цѣликомъ по пахотѣ и виноградникамъ, князь Николай Максимиліановичъ тотчасъ же по овладѣніи городомъ направилъ всю кавалерію за Казанлыкъ и, послѣ часоваго отдыха, двинулъ ее снова, въ боевомъ порядкѣ, къ Шибкѣ.

Пѣхота, составивъ резервъ, осталась пока въ Казанлыкѣ, для отдыха.

Въ два часа пополудни гусары уже были подъ Шибкою. Турки, какъ оказалось, еще раньше очистили деревню и поднялись наверхъ, на самый перевалъ, бросивъ подлѣ деревни свой обширный лагерь съ большимъ запасомъ продовольствія, цѣлую массу патроновъ и снарядовъ и, сверхъ того, полевою телеграфную станцію. Все это и было забрано цѣликомъ Кіевскими гусарами, напавшими на лагерь врасплохъ, такъ что только бывшіе въ немъ часовые и нестроевые турки успѣли бѣжать въ горы.

Въ три часа дня подошла на рысяхъ драгунская бригада и заняла окраину самой деревни, причѣмъ овладѣла огромнымъ транспортомъ съ галетами.

Деревня Шибка—богатое селеніе, дворовъ въ 300. Жители—болгары, пораженные неожиданнымъ появленіемъ русскихъ, выбѣжали на встрѣчу кавалеристамъ.

Къ вечеру подошла сюда и пѣхота изъ Казанлыка.

Такимъ образомъ, выходъ туркамъ съ горнаго перевала у Шибки былъ запертъ. Цѣль генерала Гурко была теперь достигнута: онъ зашелъ въ тылъ Шибкинскому перевалу.

Оставалось только выбить изъ него многочисленнаго и сильно укрѣпившагося неприятеля.

По показанію болгаръ, на Шибкинскомъ перевалѣ было до 5,000 турокъ съ артиллерією, подъ командою Расима и Хулусси-пашей. Болгары сообщили также, что они слышали сегодня орудійные выстрѣлы, и полагали, что на Шибкѣ было большое сраженіе. Это показаніе вполне согласовалось съ увѣдомленіемъ, которое получилъ генераль Гурко изъ главной квартиры, что Орловскій полкъ долженъ былъ атаковать сегодня шибкинскій гарнизонъ съ фронта.

Подойдя къ Шибкѣ, наши слышали выстрѣлы въ направленіи къ Габрово. Но въ виду крайняго утомленія людей, приближавшейся ночи и страшныхъ кручей горъ, пѣхота передоваго отряда не могла подняться на помощь Орловцамъ. Дѣлать нечего, пришлось только прислушиваться къ трещавшей за горами перестрѣлкѣ. Вскорѣ турки, въ виду передоваго отряда, начали спускаться съ вершины Шибкинскаго перевала; наши ясно видѣли ихъ повозки и цѣлыя толпы солдатъ; но до турокъ было, по крайней мѣрѣ, верстѣ пять крутой горной дороги, и нашимъ пришлось только глядѣть на нихъ.

Необходимо было все-таки дать знать Орловцамъ о прибытіи въ Шибку передоваго отряда, такъ какъ это было для нихъ очень важно. Въ виду этого генераль Гурко распорядился вызвать на позицію 6 орудій 16-й козней батареи и приказалъ имъ дать для сигнала шесть выстрѣловъ по одиночкѣ и одинъ залпъ въ сторону Шибкинскаго прохода. Приказаніе было исполнено; но Орловцы, какъ рассказываютъ, сигнала нашего не поняли, такъ какъ офицеры ихъ не были предупреждены объ обходномъ движеніи передоваго отряда. Говорятъ также, что двѣ роты Орловскаго полка, дѣйствовавшія со стороны Габрова на правомъ флангѣ, слышали наши отдѣльные выстрѣлы и нашъ залпъ, но рѣшительно не могли понять ихъ значенія и недоумѣвали, куда это турки стрѣляютъ.

Немного спустя послѣ нашихъ сигнальныхъ выстрѣловъ, перестрѣлка за горами стала стихать. Турки, спускавшіеся до этого по Шибкинскому перевалу, понемногу начали опять подниматься къ своему лагерю на вершинѣ св. Николая, и тогда всѣ поняли, что турки одержали успѣхъ по ту сторону перевала.... *).

*) Какъ извѣстно, храбрые Орловцы, вслѣдствіе своей малочисленности и неподдержанные ни откуда, были въ этотъ разъ отбиты съ большими потерями.

Но это, однако, никого не смутило. Передовому отряду такъ хорошо удавалось до сихъ поръ все, что онъ ни предпринималъ, что всѣ были вполне увѣрены, что не позже, какъ завтра, турки сдадутся... Генераль Гурко отправилъ даже къ пашѣ, сидѣвшему на перевалѣ, двухъ плѣнныхъ турокъ съ приглашеніемъ сдаться въ виду безвыходнаго положенія шибкинскаго гарнизона. Но отвѣта на это приглашеніе не послѣдовало....

Въ то же время генераль Гурко отправилъ одного болгарина черезъ горы, по обходной тропинкѣ, въ Габрово, съ запискою, извѣщавшей начальника габровскаго отряда, князя Святополкъ-Мирскаго, о прибытіи передоваго отряда въ дер. Шибку и объ атакѣ перевала съ тыла, назначенной на завтра, 6-го іюля. Болгаринъ этотъ долженъ былъ возвратиться къ передовому отряду съ отвѣтомъ князя утромъ же слѣдующаго дня, 6-го іюля *).

Въ то же время было послано приказаніе генералу Столѣтову, оставшемуся съ арріергардомъ у Ханкіойскаго прохода, прибыть также къ Казанлыку.

Кромѣ того, въ сторону Калофера, Эски-Загры и д. Ханкіойя были посланы разъѣзды отъ кавалеріи; а у Саранли, на дорогѣ въ Калоферъ, и по долинѣ Тунджи были выставлены пикеты.

Въ ожиданіи завтрашней атаки на перевалъ, утомленный отрядъ нашъ расположился, наконецъ, на почлегѣ у деревни Шибки, вблизи брошенныхъ турками превосходныхъ палатокъ съ большимъ запасомъ одѣялъ... Но солдаты все равно не могли воспользоваться ими, такъ какъ перевозить все это было не на чѣмъ, а одну ночь побаловать себя не стоило... И стоялъ-себѣ этотъ лагерь, чуть-ли не седьмой по счету изъ взятыхъ передовымъ отрядомъ, пустымъ, а солдаты по прежнему легли спать на голой землѣ подъ открытымъ небомъ...

— Что-то завтра будетъ?—говорили другъ другу офицеры, ложась спать:—вѣдь турки лучше видятъ насъ съ горъ, чѣмъ мы ихъ, и они, можетъ быть, раскусили, что насъ тутъ мало...

Положеніе передоваго отряда, дѣйствительно, представлялось весьма опаснымъ. Ставъ фронтомъ къ

*) Болгаринъ этотъ, какъ извѣстно, запоздалъ съ доставленіемъ записки по назначенію...

Шибкинскому перевалу, отрядъ подставлялъ свой тылъ со всѣхъ сторонъ непріятелю... Пути отступленія теперь у него не было, подвоза припасовъ и боеваго снаряженія также быть не могло...

— Удивительное дѣло, какое эти турки упрямство имѣютъ, — говорилъ бородатый драгунъ, рассѣдывая лошадь и подсаживаясь къ костру. — Ну, какъ ихнему султану возможно супротивъ насъ идти? Войска у нихъ вездѣ помаленьку по городамъ израсходовано; артилерія одна бездѣлица; конницы, окромя черкесъ, „нѣма ништо“, — передразнивалъ онъ болгаръ, — а мириться не хотятъ....

— Дождутся того, что Царьградъ заберемъ, — продолжалъ другой драгунъ помоложе. — А много ли городовъ теперь у нихъ осталось до Царьграда? Не должно быть ужъ больно много: Систово взяли, Тырновъ взяли, Казанлыкъ взяли... Ну....

— Экъ хватилъ: три города, что ли, у нихъ во всей Турціи-то? Крѣпостей-то однѣхъ важнѣющихъ сколько: теперь Никополь, Рушукъ, Силистрія, Шумла... и всякія другія... мало-ли ихъ имѣется! Все это нужно забрать... Какъ тутъ, братъ, ни вертись, а раньше, какъ черезъ годъ, если Богъ сохранитъ, домой не вернуться, на лежанку не попадешь....

— Пожалуй, что такъ, вздохнулъ товарищъ....

— Ну, братцы, распоряжался взводный вахмистръ: тыкву сюда давай, кашницу будемъ варить, да дровецъ подбавь. Похлебаемъ, да и на бокъ. А то какъ разъ въ развѣздѣ завтра заснешь, а тутъ тебя турка и прикомандируетъ на тотъ свѣтъ. Съ ними шутки плохи....

Съ турками, дѣйствительно, шутить было трудно. Они не дремали и, рассыпавшись у насъ въ тылу, сваливали изъ-засады оплошавшихъ кавалеристовъ и одиночныхъ людей.... Первой жертвою этихъ засадъ на нашемъ открытомъ тылу палъ храбрый командиръ конно-піонернаго отряда, полковникъ графъ Роникеръ....

Это довольно странное происшествіе хотя и имѣло свой конецъ въ утро 6-го іюля, но въ цѣломъ можетъ быть смѣло отнесено къ событіямъ 5-го іюля, тѣмъ болѣе, что и причиною его послужило положеніе дѣлъ въ нашемъ отрядѣ именно за этотъ день.

По разсказамъ близко стоявшихъ къ событіямъ этого дня лицъ, дѣло происходило такъ:

Въ то время, какъ главныя силы передоваго от-

ряда расположились у деревни Шибки, въ тылу у нихъ, верстахъ въ 15-ти отъ Шибки, въ городѣ Казанлыкѣ, оставалась только уральская сотня и конно-піонерный отрядъ полковника графа Роникера. Участвуя почти во всѣхъ сраженіяхъ въ долину Тунджи и неся службу болѣе тяжелую, чѣмъ другія части отряда, уральцы и конно-піонеры, прийдя въ Казанлыкъ, рассчитывали на болѣе или менѣе продолжительный отдыхъ, такъ какъ были сильно утомлены и притомъ всѣ порядочно пообносились. Но храбрые казацкіе офицеры не утерпѣли и вечеромъ того же дня, 5-го іюля, рѣшились также выступить изъ Казанлыка на Шинку, велѣдъ за главными силами генерала Гурко. Остановка произошла только изъ-за того, что никто изъ оставшихся въ городѣ не зналъ дороги на перевалъ, къ отряду Гурко. Между тѣмъ, день склонялся уже къ вечеру.... Въ это время офицерамъ подвернулся какой-то солдатъ, назвавшійся гусаромъ, будто бы посланнымъ изъ отряда генерала Гурко обратно въ Казанлыкъ за провіантскими запасами; онъ вызвался проводить нашъ маленькій отрядъ на Шибку, по вѣрнѣйшей дорогѣ.... Ничего не подозревая, ему повѣрили, и весь отрядъ изъ уральцевъ и конно-піонеровъ немедленно выступилъ за гусаромъ изъ города....

Отъ Казанлыка до Шибки не болѣе трехъ часовъ ходьбы. Вначалѣ отрядъ шель открытой мѣстностью; но вскорѣ гусаръ свернулъ въ лѣсъ, куда послѣдовалъ за нимъ и весь отрядъ.... Прошли часа четыре лѣсомъ. Была уже темная, поздняя ночь. По расчету времени, давно уже слѣдовало бы придти въ Шибку, а между тѣмъ по дорогѣ не встрѣчалось еще ни одной деревни... Кругомъ шумѣлъ только лѣсъ, въ которомъ, казалось, не было ни живой души... Подозрѣніе невольно запало въ душу командировъ, и графъ Роникеръ приказалъ построже слѣдить за проводникомъ гусаромъ....

Вотъ наступила глухая полночь. Впереди отряда изъ-за деревьевъ мелькнулъ огонекъ и показались темныя очертанія неизвѣстной деревушки... Ясно было до очевидности, что отрядъ заблудился. Допрошенный проводникъ-гусаръ сознался наконецъ, что онъ ошибся въ дорогѣ... Что было дѣлать? Отрядъ отошелъ отъ Казанлыка уже далеко, возвращаться было уже поздно, да никто и сообразить не

могъ, въ какомъ направленіи они оставили Казанлыкъ... Компаса ни съ кѣмъ не было, гусару же теперь, конечно, не могли довѣрять....

Рѣшились переночевать въ лѣсу. Выбрали поляну, набрали сноповъ для подстилки и расположились на ночлегъ. Но долго никто не могъ глазъ сомкнуть: всѣхъ тяготило сознаніе сдѣланной роковой ошибки и мучило предчувствіе чего-то недобраго. Никто не зналъ, куда зашелъ отрядъ и что его ожидало впереди. Всѣ вполголоса передавали другъ другу свои опасенія. Командиръ коннопіонернаго отряда, полковникъ Роникеръ, сдѣлалъ даже распоряженія на случай своей смерти. Наконецъ утомленіе взяло свое, и всѣ заснули тяжелымъ тревожнымъ сномъ.

Рано утромъ еле-вздremнувшіе казаки поднялись уже на ноги и, опредѣливъ по солнцу положеніе Казанлыка, направились лѣсомъ въ обратный путь. Впереди ѣхалъ полковникъ графъ Роникеръ въ блестящемъ гусарскомъ мундирѣ. Рядомъ съ нимъ командиръ уральской сотни Кирилловъ и еще одинъ офицеръ. Вскорѣ отрядъ выбрался изъ лѣсу и сталъ подвигаться по обширной полянѣ.

— Что это ваша лошадь идетъ такъ строго, точно чувствуетъ чловѣка... замѣтилъ графъ Роникеръ Кириллову.

Не успѣлъ тотъ отвѣтить, какъ ѣхавшій рядомъ офицеръ крикнулъ:

— Что это такое красное?!..

Всѣ повернули голову по направленію руки офицера: подлѣ дороги изъ густой травы высовывался длинный рядъ турецкихъ фесокъ и направленныхъ въ упоръ ружей.

Въ одно мгновеніе ока изъ травы раздался залпъ, несущій смерть. Дымомъ обдало всѣхъ ѣхавшихъ впереди офицеровъ. Графъ Роникеръ и нѣсколько казаковъ пали мертвые. Измученные продолжительной бессонницею и утомительной ходьбою и пораженные внезапнымъ нападеніемъ, казаки наши бросились назадъ. Ѣхавшій впереди, рядомъ съ Роникеромъ, офицеръ, оставшись теперь позади, упалъ съ взбѣсившейся отъ испуга лошади и очутился передъ турецкимъ фронтомъ. Замѣтивъ это, одинъ изъ казаковъ быстро повернулъ свою лошадь, подскакалъ къ офицеру и, взявъ его на сѣдло, умчался вслѣдъ за отрядомъ.

Въ это время турки начали перебѣгать съ дороги

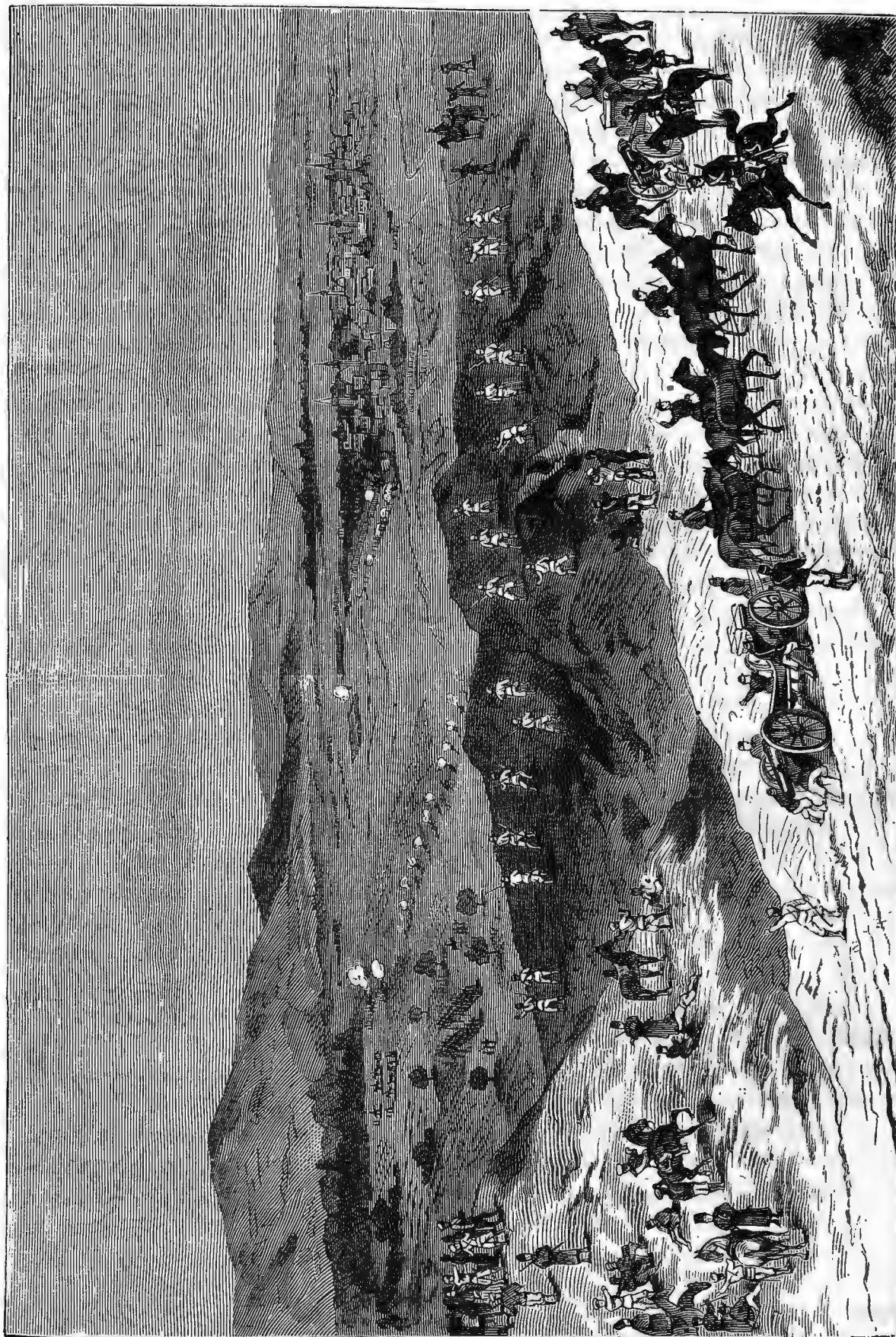
въ лѣсъ. Храбрые уральцы, не знавшіе доселѣ, что такое страхъ или отступленіе и презиравшіе самую смерть, смѣшались теперь, озадаченные такою засадою: до того разстроены были ихъ нервы страшнымъ физическимъ утомленіемъ, бессонно проведенной ночью и долгимъ пребываніемъ въ мучительной неизвѣстности.

Наконецъ офицерамъ удалось остановить отрядъ. Всѣ успокоились и, повернувъ лошадей назадъ, направились къ Казанлыку. Но турокъ уже не было. Къ вечеру отрядъ добрался, наконецъ, до города, привезя съ собою нѣсколько убитыхъ товарищей и трупъ своего храбраго командира, полковника графа Роникера.

Въ тотъ же день былъ убитъ изподтишка еще одинъ гусаръ. Для прекращенія этихъ убійствъ и для очищенія мѣстности въ тылу нашего отряда отъ непріятельскихъ засадъ, были немедленно высланы эскадронъ Казанскихъ драгунъ маіора Теплова и двѣ сотни казаковъ, которые и прошли облавою всю подозрительную мѣстность. Къ счастью нашему, безопасность турокъ была такъ велика, что они не позаботились выставить въ тылу у насъ ни одного болѣе значительнаго отряда, чѣмъ эти мелкія партіи трусливыхъ партизановъ. Иначе атака Шибкинскаго перевала съ тыла едва ли была бы возможна для нашего отряда.

Прежде чѣмъ перейти къ этой атакѣ, необходимо познакомиться предварительно съ положеніемъ дѣлъ передъ фронтомъ Шибкинскаго перевала, къ сѣверу отъ него, такъ какъ дѣйствія по ту сторону перевала имѣли тѣсную связь съ намѣреніями и цѣлями генерала Гурко, тѣмъ болѣе что тамъ принимали живое участіе въ дѣлахъ входившія прежде въ составъ передоваго отряда части (30-й Донской казачій полкъ и 3-я сотня Владикавказцевъ сотника Верещагина).

Какъ мы уже знаемъ, генералъ Гурко, уходя изъ Тырнова, оставилъ здѣсь въ немъ казачій 30-й Донской полкъ полковника Орлова, съ назначеніемъ тремъ сотнямъ этого полка съ двумя орудіями 10-й донской батареи занять г. Габрово и начать 5-го іюля демонстративную атаку перевала съ фронта; остальные же три сотни того же полка должны были поступить въ конвой Его Высочества Главнокомандующаго, прибытіе котораго въ Тырновъ, одновременно съ главною квартирою, ожидалось 30-го іюня.

Занятие Казанька 8-го Июля 1877 года войсками генерала Гурко.

Въ назначенный день Его Высочество Главнокомандующій, дѣйствительно, изволилъ совершить торжественный въездъ въ столицу Болгаріи, причемъ былъ торжественно встрѣченъ жителями Тырнова. Городъ былъ украшенъ флагами, коврами и зеленью; коляска Его Высочества была буквально засыпана цвѣтами съ балконовъ и изъ оконъ домовъ. Тотчасъ же по своемъ прибытіи въ Тырновъ Главнокомандующій изволилъ принять, съ своей стороны, слѣдующія мѣры для облегченія генералу Гурко атаки Шибкинского перевала:

Кромѣ 2-й сотни 30-го Донскаго полка, подъ командою сотника Галдина, высланной въ тотъ же день, 30-го іюня, по габровской дорогѣ на развѣдку къ перевалу, и 6-й сотни того же полка, съ двумя орудіями 10-й донской батареи, занявшихъ еще 28-го іюня г. Габрово, Главнокомандующій перевелъ въ Габрово еще три сотни (1-ю, 4-ю и 5-ю) того же 30-го полка, а вслѣдъ затѣмъ двинулъ туда же 36-й пѣхотный Орловскій полкъ, съ одною батареею *). Такимъ образомъ, 3-го іюля въ Габровѣ собрался особый отрядъ изъ трехъ батальоновъ, пяти сотенъ и десяти орудій, подъ общимъ начальствомъ генералъ-майора Держинскаго.

Незадолго передъ тѣмъ къ Главнокомандующему прибыла въ Тырновъ депутація отъ жителей города Сельви, который, еще раньше былъ осмотрѣнъ нашими развѣдками, а теперь былъ вновь угрожаемъ собравшимися въ его окрестностяхъ башибузуками, вслѣдствіе чего жители и прислали въ Тырновъ болгарина „умолять, какъ онъ выразился, о спасеніи Сельви“.

Въ виду настоятельной необходимости исполнить эту просьбу, Главнокомандующій послалъ въ Сельви, для очищенія окрестностей этого города отъ собравшихся тамъ башибузуковъ, остальную (3-ю) сотню Донскаго 30-го полка, подъ командою есаула Антонова. Въ то же время Главнокомандующій задержалъ прибывшую въ Тырновъ отъ кавказской казачьей бригады, на связь съ передовымъ отрядомъ, полусотню 3-ей сотни Владикавказско-осетинскаго полка, подъ начальствомъ сотника Верещагина, и 2-го іюля чуть-свѣтъ направилъ ее также въ г. Сельви, на подкрѣпленіе сотни есаула Антонова.

*) Названіе этой батареи нигдѣ не упоминается.

Прежде чѣмъ обратиться къ габровскому отряду, необходимо упомянуть о дѣйствіяхъ маленькаго сельвинскаго отряда. Есауль Антоновъ, занявъ съ своею сотнею 2-го іюля, утромъ, городъ Сельви, въ тотъ же день былъ окруженъ толпою башибузуковъ, чело-вѣкъ въ тысячу пѣшихъ и въ сотни четыре конныхъ... Оставивъ въ самомъ городѣ два взвода своихъ казаковъ, есауль Антоновъ съ другими двумя взводами началъ отбиваться отъ наседавшаго на городъ непріятеля. Къ счастью нашихъ храбрецовъ, около 12-ти часовъ дня подоспѣлъ на выручку имъ сотникъ Верещагинъ съ полусотнею (40 чело-вѣкъ) 3-ей сотни Владикавказцевъ и тотчасъ же ударилъ на башибузуковъ съ фланга. Благодаря дружному натиску обоихъ отрядовъ, башибузуки были прогнаны, и городъ былъ спасенъ отъ разграбленія. Дѣло кончилось лишь около 5-ти часовъ вечера, причемъ мы потеряли убитымъ урядника 3-ей сотни Донцовъ. Отрядъ остался ночевать въ городѣ. На слѣдующій день, 3-го іюля, часовъ въ 10 утра, башибузуки, въ числѣ около 1500 чело-вѣкъ, опять начали на-сѣдять на городъ. Перестрѣлка продолжалась до 4-хъ часовъ пополудни, послѣ чего непріятель вновь принужденъ былъ удалиться въ горы.

Вернемся теперь къ габровскому отряду.

2-я сотня сотника Галдина, посланная изъ Тырнова, 30-го іюня, на развѣдку перевала, взявъ значительно влѣво отъ главной шибкинской дороги, достигла, подъ вечеръ того же дня, города Травны, гдѣ и переночевала. На другой день, въ 10 часовъ утра, казаки наши, взявъ съ собою проводниковъ-болгаръ, двинулись по чрезвычайно трудной мѣстности, цѣликомъ по горамъ, безъ дорогъ, къ возвышенности Бедекъ, лежащей между Шибкинскимъ и Травненскимъ перевалами. Подойдя около 3-хъ часовъ дня къ деревнѣ Колыба, расположенной у самой подошвы горы Бедекъ, казаки остановились. Сотникъ Галдинъ тотчасъ же спѣшилъ всю сотню и, выставивъ у подошвы горы шесть пикетовъ противъ непріятельскихъ карауловъ, стоявшихъ на вершинѣ, самъ съ 25-тью казаками и нѣсколькими проводниками-болгарами бросился на гору, чтобы высмотрѣть расположеніе непріятельскихъ силъ. Возвышенность Бедекъ почти вся покрыта крупнымъ лѣсомъ, за исключеніемъ самой вершины. Поэтому отрядъ довольно медленно пробирался впередъ такъ

какъ идти приходилось по-одиночкѣ, да еще по тропинкамъ, заваленнымъ ствившими деревьями и заслоненнымъ густо сросшимися вѣтвями. Наконецъ отрядъ кое-какъ выбрался изъ лѣса, и казаки наши увидѣли передъ собою, на вершинѣ горы, цѣлый табунъ лошадей, оберегаемый вооруженными турками, а за ними, на разстояніи не болѣе одной $\frac{1}{4}$ версты, огромный турецкій лагерь, вмѣстимостью не менѣе какъ на два батальона пѣхоты. Казаки однако двинулись впередъ. Подъемъ изъ лѣса къ вершинѣ былъ необыкновенно крутъ и поросъ скользкой травой, такъ что казакамъ пришлось взбираться по нему на четверенькахъ. Непрiятельскіе пастухи, стоявшіе на самой вершинѣ, были не мало озадачены внезапнымъ появленіемъ казаковъ и, давъ по нимъ нѣсколько выстрѣловъ, дали тягу. Казаки наши, мигомъ выстроившись развернутымъ фронтомъ, отвѣтили имъ залпомъ, причѣмъ ранили у нихъ двухъ человекъ, которые и скрылись въ лѣсу; остальные же отступили къ лагерю. Не прошло послѣ этого и 10 минутъ, какъ изъ лагеря показались непрiятельскія колонны, которыя шли по-ротно, въ числѣ не менѣе двухъ батальоновъ, не считая толпы черкесовъ и башибузуковъ. Турки, полагая, вѣроятно, что у подошвы горы скрываются болѣе значительныя русскія силы, не смѣли особенно наступленіемъ, чѣмъ и воспользовался Галдинъ. Замѣтивъ на возвышенности между нашимъ и непрiятельскимъ отрядомъ табунъ лошадей, онъ бросился съ двумя казаками къ лошадямъ, которыя, повернувъ назадъ, бросились-было къ туркамъ, но лихой сотникъ, за-скакавъ впередъ ихъ, завернулъ штукъ 60 на свою сторону и погналъ ихъ подъ гору. Турки сдѣлали по смѣльчакамъ нѣсколько выстрѣловъ, которые, однако, не причинили имъ вреда. При этомъ Галдинъ еще повернулся къ непрiятелю и погрозилъ кулакомъ. Подскакавъ къ казакамъ, онъ приказалъ имъ перестать стрѣлять и идти-назадъ. Едва успѣли во-гнать лошадей въ лѣсъ, какъ непрiятель вновь открылъ огонь. Пули противника, стрѣлявшаго съ горы, летѣли черезъ головы казаковъ. Вскорѣ у непрiятеля раздался сигналъ наступленія, и турки пошли впередъ. Сотникъ Галдинъ приказалъ своему трубачу тоже сыграть наступленіе и, не трогаясь съ мѣста, открылъ стрѣльбу залпами. При каждомъ залпѣ у турокъ происходили шумъ и суматоха, и

они остановились. Такимъ образомъ, сдерживая довольно долгое время напоръ такой большой массы войскъ и видя, что уже становится довольно поздно, сотникъ приказалъ снова играть наступленіе, а самъ началъ отступать, оставивъ для обезпеченія отступленія трехъ казаковъ на опушкѣ лѣса и положивъ для увеличенія численности этой цѣпи рядомъ съ ними болгаръ съ палками. Эти-то три казака, открывъ пальбу залпами, и дали возможность отряду благополучно отступить къ подошвѣ горы. Непрiятель догадался-было открыть по казакамъ пальбу залпами, но уже тогда, когда нашихъ и слѣдъ простылъ. У противника было убито 24 человека; лихой же отрядъ отступилъ не понеся никакой потери. Оставивъ пикеты на прежнемъ мѣстѣ (у подошвы горы), сотникъ Галдинъ съ остальными казаками расположился на ночлегъ у деревни Кольбы.

На другой день утромъ Галдинъ, въ виду непрiятеля, на ружейный выстрѣлъ отъ него, занимался обученіемъ вновь пріобрѣтенныхъ, еще невыѣзженныхъ лошадей.

Замѣтивъ, что турки начинаютъ строить на горѣ ложементы, и думая, что они хотятъ втащить туда орудія, сотникъ Галдинъ взялъ съ собою 32 казака, двинулся съ ними въ 2 часа пополудни, 3-го іюля, въ обходъ горы Бердекъ съ лѣвой стороны, чтобы зайти противнику въ тылъ и посмотрѣть, что у него тамъ дѣлается. Благополучно пробравшись по горамъ къ непрiятельскому тылу, онъ увидѣлъ, что въ лагеряхъ не было орудій; на горѣ же находились одни ложементы, занятые цѣпью стрѣлковъ. Для сокращенія пути, лихой сотникъ рѣшилъ идти прямо и пробиться черезъ непрiятельскую цѣпь. Противникъ дотого былъ озадаченъ, до того растерялся, что, не сдѣлавъ ни одного выстрѣла, пропустилъ смѣльчаковъ.

Вечеромъ того же 3-го іюля сотникъ Галдинъ получилъ предписаніе отъ командира полка, полковника Орлова, немедленно увѣдомить его обо всемъ, т. е. о силахъ, находящихся на Бердекѣ, о возможности обхода, о дорогахъ и проч. Галдинъ отвѣтилъ, что гору охраняютъ 1,500 человекъ низама, кромѣ черкесовъ и башибузуковъ, численность которыхъ не извѣстна; что обходъ возможенъ и дороги есть; въ то же время Галдинъ просилъ подкрѣпленій.

Между тѣмъ, генераль-майоръ Дерожинскій, съ

36-мъ пѣхотнымъ Орловскимъ полкомъ, одною батареею и тремя сотнями Донскаго 30-го полка прибылъ 3-го іюля въ Габрово, гдѣ присоединилъ къ себѣ еще 6-ю сотню того же 30-го полка, съ двумя орудіями 10-й донской батареи, и тотчасъ же послалъ эту сотню, подъ командою есаула Афанасьева, на подкрѣпленіе въ г. Сельви, гдѣ есаулъ Антоновъ съ 3-ей сотнею того же 30-го полка и съ полусотнею сотника Верещагина со 2-го іюля отбивался отъ полутора-тысячной толпы башибузуковъ.

Есаулъ Афанасьевъ прибылъ съ своею сотнею въ г. Сельви 4-го іюля, въ восемь часовъ утра. Около часа пополудни началась уже перестрѣлка съ башибузуками и длилась до 7 часовъ вечера. Въ 3 часа пополудни, есаулы Афанасьевъ и Антоновъ и сотникъ Верещагинъ, съ двумя взводами владикавказской сотни, тремя взводами 3-ей сотни Донцовъ и всею 6-ю донскою сотнею, перешли въ наступленіе и ударили на лѣвый флангъ непріятеля, состоявшаго изъ башибузуковъ, въ числѣ 1,500 человекъ. Въ это время сотникъ Верещагинъ получилъ уведомленіе отъ поручика Красовекаго, что около 100 черкесовъ зашли въ тылъ двумъ взводамъ Донцовъ, оставшимся въ цѣпи. Верещагинъ тотчасъ же бросился съ своею полусотнею въ атаку на черкесовъ и обратилъ ихъ въ бѣгство, причемъ непріятеля легло на мѣстѣ до 20-ти человекъ, выручивъ такимъ образомъ Донцевъ отъ неминуемой опасности. Къ 7 часамъ вечера непріятельскій отрядъ былъ весь прогнанъ въ лѣса по дорогѣ на Ловчу, и обладаніе городомъ Сельви окончательно упрочено за нами.

Для развитія дальнѣйшаго успѣха въ этомъ направленіи и для собранія болѣе точныхъ свѣдѣній о непріятельскихъ силахъ, находящихся въ сторонѣ г. Ловчи, былъ посланъ изъ Тырнова 4-го іюля небольшой отрядъ кавалеріи, составленный изъ одного эскадрона лейбъ-гвардейскаго казачьяго полка (изъ конвоя Его Высочества Главнокомандующаго), подъ командою флигель-адъютанта полковника Жеребкова. 5-го іюля, рано утромъ, отрядъ этотъ прибылъ въ Сельви и, соединившись съ обѣими сотнями есауловъ Антонова и Афанасьева*), при двухъ орудіяхъ 10-й

донской батареи, немедленно же двинулся по дорогѣ на Ловчу, чтобы взять баши-бузуковъ „на шики“

День былъ жаркій. Дорога отъ Сельви до Ловчи, длиною верстъ въ 40, проходитъ по лѣсистымъ горамъ, съ очень трудными подъемами и спусками. Не смотря на это, казаки скоро успѣли выбить черкесовъ и баши-бузуковъ изъ первыхъ попавшихся на дорогѣ лѣсовъ. Послѣ нѣсколькихъ новыхъ стычекъ съ непріятелемъ у деревни Акинджияръ казаки подошли, наконецъ, къ окрестностямъ города Ловчи, гдѣ черкесы и баши-бузуки заняли уже одну изъ крутыхъ высотъ, и засѣли на ней за окнами и земляными насыпями... До крайности истомленные казаки, прошедшіе уже верстъ 30 по необыкновенно трудной дорогѣ, при страшной жарѣ и почти съ непрерывнымъ боемъ, приготовились однако немедленно атаковать непріятеля... — „Напрягите, братцы, ваши усилія, говорилъ имъ полковникъ Жеребковъ: — еще три версты — и городъ вашъ“ Въ отвѣтъ ему загремѣло „ура“, и казаки двинулись на утомленныхъ коняхъ къ занятой непріятелемъ горѣ... Въ то же время, два наши орудія открыли съ дороги по непріятельскимъ окопамъ огонь картечными гранатами. Подъ защитою выстрѣловъ изъ этихъ орудій, казаки добрались до горы; но тутъ подъемъ на гору оказался въ нѣкоторыхъ мѣстахъ такъ крутъ, что казакамъ, шедшимъ на лѣвомъ флангѣ въ обходъ непріятельскихъ позицій, пришлось слѣзть съ коней. Взявшись на кручи, спѣшенные казаки буквально ползли впередъ, зацѣпивъ ногою за поводъ лошади и, въ то же время, мѣтко стрѣляя изъ своей дорогой „берданки“ Видя, что турки продолжаютъ съ обычной безпечностью стоять за окопами, не думая о дружномъ натискѣ противъ нашихъ смѣльчаковъ, карабкающихся на кручи горъ, и замѣтивъ неожиданно полускадронъ казаковъ, уже обошедшихъ непріятеля справа, штабъ-ротмистръ гвардейскаго эскадрона Муратовъ, бывшій въ лѣвой обходной колоннѣ, крикнулъ своимъ казакамъ: „Молодцы, илюнь на нихъ, дураковъ... пойдемъ всѣ за товарищами!“ И всѣ казаки, какъ одинъ человекъ, мигомъ вскочили на коней, и съ громкимъ крикомъ „ура“ бросились на турокъ, жестоко выбивая ихъ прикладами изъ-за окоповъ и насыпей... Казаки, дѣйствовавшіе въ цѣпи, съ фронта, дружно поддерживали своихъ, такъ что непріятель вскорѣ обращенъ былъ въ полнѣйшее бѣгство и

*) Изъ владикавказской полусотни взяты были только художникъ Верещагинъ съ 5-ю казаками; остальные же Владикавказцы оставлены въ Сельви для защиты города.

быстро очистилъ укрѣпленія и самый городъ. Наши орудія успѣли только выскочить на высоту и послать нѣсколько гранатъ въ догонку убѣгавшимъ туркамъ... Между тѣмъ, болгаре, съ духовенствомъ во главѣ, вышли уже изъ Ловчи на встрѣчу нашимъ казакамъ и вынесли имъ вина, воды, хлѣба и т. п. Радость болгаръ была такъ велика, что они бросились цаловать не только казаковъ, но и лошадей ихъ, которыми усердно принялись обливать головы водою, что было очень кстати для бѣдныхъ животныхъ, изнуренныхъ палящимъ зноемъ... Турецкое населеніе города, при приближеніи русскихъ, бѣжало вмѣстѣ съ войсками, при томъ съ такой поспѣшностью, что во многихъ домахъ найденъ былъ оставшійся на столѣ необруаннымъ начатый обѣдъ...

Такимъ образомъ, 5-го іюля г. Ловча былъ въ нашихъ рукахъ.

Необходимо замѣтить, что въ этотъ же день, 5-го іюля, выдвинутый изъ Тырнова влѣво отъ Шибкинскаго перевала 13-й драгунскій Военнаго Ордена полкъ занялъ города Златарицу и Елену, а на слѣдующій день, послѣ цѣлага ряда стычекъ съ башибузуками, взялъ и г. Беброво. Такимъ образомъ, только въ это время Ханкойскій проходъ былъ прикрытъ съ сѣвера, со стороны Шумлы и Османъ-Базара, а Траянскій перевалъ, ведущій на Карлово и далѣе на востокъ къ Казанлыку въ долину Тунджи, прикрытъ былъ со стороны Ловчи и Сельви.

Пока происходило все вышесказанное, Габровскій отрядъ, надъ которымъ принялъ теперь главное начальство начальникъ 9-й пѣхотной дивизіи, князь Святополкъ-Мирскій, уже приготовился къ атакѣ Шибкинскаго перевала съ фронта, съ сѣверной стороны... Ничего не зная о намѣреніяхъ генерала Гурко и не получая отъ него, за дальностью разстоянія, никакихъ извѣстій, князь Святополкъ-Мирскій рѣшилъ начать фронтальную атаку перевала 5-го іюля, съ однимъ Орловскимъ полкомъ, въ томъ расчетѣ, что отрядъ генерала Гурко атакуетъ въ то же время этотъ перевалъ съ тыла, какъ это было условлено заранее.

Между тѣмъ, отрядъ генерала Гурко, какъ мы уже знаемъ, подошелъ къ Шибкинскому перевалу со стороны Казанлыка только вечеромъ этого дня, т. е. 5-го іюля, и хотя генераль Гурко слышалъ выстрѣлы за горами, со стороны Габрова, и былъ извѣщенъ о

начатіи въ этотъ день атаки перевала Орловскимъ полкомъ, но отрядъ его не могъ тотчасъ же принять участія въ дѣлѣ, за утомленіемъ людей и позднимъ прибытіемъ *) къ перевалу. Понятно, что одни Орловцы, безъ поддержки со стороны отряда Гурко, легко могли потерпѣть неудачу, въ виду значительнаго численнаго превосходства непріятеля. Такъ оно и случилось...

Для атаки Шибкинскаго перевала съ фронта, т. е. со стороны Габрова, 36-й пѣхотный Орловскій полкъ былъ раздѣленъ на четыре штурмовыя колонны:

2-й сотнѣ 30-го Донскаго полка, остановившейся, какъ мы уже знаемъ, у подошвы горы Бердекъ (влѣво отъ Шибкинскаго перевала), въ виду сильно окопаннаго горѣ непріятеля, были посланы въ подкрѣпленіе двѣ роты пѣхотнаго Орловскаго полка, подъ начальствомъ маіора Войно-Родзевича при капитанѣ генеральнаго штаба Адриановѣ. Отрядъ этотъ къ семи часамъ вечера 4-го іюля соединился съ сотнею сотника Галдина, образовавъ изъ себя крайнюю лѣвую колонну. Получивъ нѣкоторымъ образомъ самостоятельное назначеніе — дѣйствовать противъ перевала Бердекъ, отрядъ Войно-Родзевича могъ тотчасъ же начать атаку; но, по причинѣ большаго утомленія людей, атака была отложена до трехъ часовъ утра 5-го іюля **).

Изъ остальныхъ ротъ Орловскаго полка были образованы три колонны, которыя должны были дѣйствовать въ связи между собою.

Правая колонна, составленная изъ четырехъ ротъ 3-го батальона Орловскаго полка и четырехъ орудій, подъ начальствомъ подполковника Хоменко, направлена была въ обходъ лѣваго фланга турокъ, вправо отъ перевала Шибки, черезъ деревню Зелено-Древо, на перевалъ Иметлія. Колонна эта должна была оставить одну роту и четыре орудія у д. Зелено-Древо, съ назначеніемъ содѣйствовать атакѣ средней

*) Самое извѣстіе о прибытіи передоваго отряда къ Шибкѣ было отправлено въ Габрово съ болгаринномъ, какъ мы это видѣли, также уже вечеромъ 5-го іюля, т. е. тогда, когда атака Орловцевъ была уже въ полномъ разгарѣ.

***) Для подкрѣпленія крайней лѣвой колонны маіора Войно-Родзевича были посланы въ семь часовъ утра 5-го іюля: 1-я стрѣлковая рота Орловскаго полка, два орудія и двѣ сотни Донскаго 30-го полка, подъ начальствомъ самого командира полка, полковника Орлова. Но отрядъ этотъ не успѣлъ уже принять участія въ атакѣ.

колонны и обстрѣливать турецкій лагерь на Шибкѣ съ тылу.

Средняя колонна, составленная также изъ четырехъ ротъ Орловскаго полка, была двинута по главной Шибкинской дорогѣ, безъ артиллеріи, для привлеченія на себя вниманія турокъ съ фронта.

Лѣвая колонна, составленная изъ двухъ ротъ Орловскаго полка, подъ начальствомъ капитана Кліентова, должна была подняться по боковой лѣсной тропинкѣ, лѣвѣе средней колонны, въ обходъ праваго фланга непріятеля, занимавшаго сосѣднія съ главной дорогою вершины.

Въ каждую изъ этихъ трехъ колоннъ назначены были проводники изъ болгаръ.

При обозѣ оставлены были роты Орловцевъ. Такимъ образомъ, полкъ занялъ весьма растянутую позицію, такъ что пришлось атаковать почти неприступныя позиціи частями въ двѣ-четыре роты...

Атаку началъ отрядъ маіора Бойно-Родзевича. Въ условленное время, именно въ три часа по полуночи, казаки и Орловцы пошли на приступъ, раздѣлившись на три части.

Движеніе черезъ лѣсъ, ночью, въ боевомъ порядкѣ было невозможно; люди должны были пробираться по одиночкѣ, и то съ большимъ трудомъ.. Вслѣдствіе этого лѣвый отрядъ, которому пришлось идти вдобавокъ по незнакомой тропинкѣ, немного запоздалъ. Первымъ вылетѣлъ на опушку лѣса сотникъ Галдинъ и тотчасъ же развернулъ фронтъ: впереди сталъ онъ самъ съ казаками, за нимъ 2-я рота, а за нею 1-я рота.

Въ это же самое время, на правомъ нашемъ флангѣ, казаки тоже успѣли уже стать въ боевой порядокъ. Но чрезъ какую нибудь минуту, у нихъ раздался выстрѣлъ, который сдѣлалъ проводникъ казаковъ (болгаринъ), нечаянно наткнувшійся на турецкій патруль... Такимъ образомъ, наступленіе наше было открыто прежде, чѣмъ лѣвый отрядъ успѣлъ выйдти на позицію, вслѣдствіе чего турки обратили всѣ свои силы противъ отряда, наступавшаго на нихъ съ фронта, и буквально осыпали его градомъ пуль, которыя, впрочемъ, пролетали большею частью черезъ головы казаковъ и Орловцевъ, такъ какъ отрядъ нашъ находился внизу. Сдѣлавъ нѣсколько залповъ въ отвѣтъ на перекрестный огонь турокъ, маіоръ Бойно-Родзевичъ повелъ людей на приступъ. Сотникъ Галдинъ

первымъ бросился впередъ... Но тутъ турки страшно участили пальбу, такъ что солдаты наши подались— было назадъ, но отважный Галдинъ подлетѣлъ къ нимъ и закричалъ: „Отступленія нѣтъ! Кто сдѣлаетъ хоть шагъ назадъ, тому разможу голову!“ Воодушевленные солдаты съ крикомъ „ура“ снова двинулись впередъ...

Тогда въ турецкихъ рядахъ послышался рожокъ, играющій отступленіе по-русски, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, крики: „Аллахъ, Аллахъ, Ала, ла, ла...“ и турки пошли тоже въ штыки.... Очевидно, они хотѣли смутить нашихъ солдатъ русскимъ сигналомъ, чтобы подготовить себѣ атаку.... Но въ эту минуту весь нашъ отрядъ, съ разстоянія 400 шаговъ отъ турецкихъ заваловъ, безъ выстрѣла, бросился на непріятеля. Въ одно мгновеніе солдаты вмѣстѣ съ казаками ворвались въ главное непріятельское укрѣпленіе.... Первыми вскочили въ ложементъ сотникъ Галдинъ и генеральнаго штаба капитанъ Адриановъ. Казаки и солдаты тотчасъ же принялись выбивать турокъ, это штыкомъ, это прикладомъ, это шашкою; даже офицеры прокладывали себѣ путь штыками, воодушевляя своимъ примѣромъ солдатъ. Почти каждый отдѣльный начальникъ закололъ нѣсколько турокъ... Впереди всѣхъ работалъ прикладомъ сотникъ Галдинъ и, будучи не разъ окруженъ со всѣхъ сторонъ, выбивался впередъ, работая то шашкою, то ружьемъ, то отбитымъ у противника же оружіемъ...

Исполнивъ свою задачу, сотникъ Галдинъ съ отрядомъ своимъ бросился на большой лѣвый ложементъ и далъ залпъ... „Стой! не стрѣлай, своихъ побьешь“ раздался оттуда голосъ. Тогда сотникъ Галдинъ повернулъ правымъ плечемъ впередъ и, слѣдуя по линіи ложементовъ и выбивая оставшихся въ нихъ турокъ, направился на правый ложементъ, откуда былъ встрѣченъ залпомъ.... Отвѣтивъ непріятелю тѣмъ же, Галдинъ бросился впередъ, взялъ правый ложементъ и погнался за непріятелемъ, преслѣдуя его къ турецкому лагерю... Оставалось уже нѣсколько шаговъ до лагеря, какъ отрядъ Галдина получилъ приказаніе прекратить преслѣдованіе и вернуться къ ложементамъ.

Въ это самое время вышелъ на позицію лѣвый нашъ отрядъ и, направившись къ ложементу, бросился въ штыки... Но оттуда снова послышался голосъ: „Стойте, братцы, тутъ свои!...“ Полагая,

что, действительно, въ ложементѣ уже засѣли русскіе, отрядъ нашъ сдѣлалъ пополуоборотъ направо, и пошелъ—было въ этомъ направленіи, мимо ложементовъ; но тутъ кто-то замѣтилъ обманъ и предупредилъ, что въ ложементахъ турки... Тогда наши солдаты, убѣдясь въ справедливости этого, дали залпъ по ложементу, откуда тотчасъ начали выскакивать турки и убѣгать за другія прикрытія... Оказалось, что въ числѣ ихъ были татары, говорившіе по-русски. Выбивъ ихъ изъ ложементовъ, лѣвый отрядъ бросился за ними въ преслѣдованіе и, наткнувшись на возвращавшіяся отрядъ Галдина и не узнавъ за дѣломъ своихъ, далъ два залпа, къ счастью, не причинившихъ вреда...

Такимъ образомъ, послѣ непродолжительнаго боя, около 5-ти часовъ утра, ложементы были взяты. Когда отступленіе турокъ обратилось въ поближайшее бѣгство, то наши, не желая обнаруживать своихъ силъ, не преслѣдовали ихъ долго, такъ какъ русскихъ было здѣсь всего 500 человекъ, а турокъ слишкомъ 1500 человекъ регулярнаго войска... Непрiятель, оставивъ на мѣстѣ болѣе 100 убитыхъ и забравъ съ собою только раненыхъ, отошелъ на слѣдующую высоту, а велѣдъ затѣмъ перебрался еще далѣе, къ горѣ Св. Николая... Наши потеряли двухъ казаковъ и восемь солдатъ убитыми и 13 казаковъ и 22 солдата ранеными. Побѣда была блистательная. Кромѣ перевала Вердекъ, турки оставили намъ свой лагерь, укрѣпленія, оружіе и боевые припасы...

Вслѣдъ за побѣдою, одержанной на нашемъ крайнемъ лѣвомъ флангѣ, около семи часовъ утра 5-го іюля, двинулись на Шибкинской перевалъ и остальные три колонны Орловскаго полка. Правая колонна, направленная на перевалъ Иметлія, не смотря на то, что движеніе ея въ самомъ началѣ было замѣчено турецкимъ часовымъ, карабкаясь по крутизнамъ, цѣпились за кусты и деревья, съ крикомъ „ура“ штыками выбила турокъ изъ окоповъ и утвердилась на ихъ позиціи въ деревнѣ Зелено-Древо. Оставивъ здѣсь четыре орудія и роту прикрытія, правая колонна прошла почти черезъ всѣ Балканы, достигнувъ къ 7-ми часамъ вечера деревни Иметлія, по ту сторону горъ, не встрѣтивъ на пути ни одного турецкаго солдата... Къ сожалѣнію, оставленные у д. Зелено-Древо четыре орудія для содѣйствія атакѣ средней колонны не могли исполнить этого, за даль-

ностью разстоянія (около трехъ верстъ отъ турецкаго лагеря на Шибкѣ).

Между тѣмъ, лѣвая наша колонна, направленная въ обходъ праваго фланга турокъ, потерпѣла значительную неудачу. По ошибкѣ проводника, колонна эта заблудилась и, вмѣсто лѣсной дороги, пошла на другую, по которой, въ 2 часа по-полудни, отрядъ нашъ неожиданно вышелъ изъ лѣсу къ горѣ Св. Николая, въ пространство между двухъ турецкихъ лагерей, на ружейный выстрѣлъ отъ непріятеля... Тотчасъ же двѣ наши роты (5-я и 8-я) окружены были двѣнадцатю непріятельскими ротами и, сверхъ того, на нихъ посыпался огонь изъ 6-ти турецкихъ орудій... Только быстрота, съ которою передовая часть 8-й роты равнялась въ цѣль и открыла огонь, дала возможность остальнымъ частямъ колонны вытянуться по одиночкѣ, по горной тропинкѣ, изъ лѣса и мало-по-малу пристроиться къ авангарду... Завязалась слишкомъ неровная борьба... Бой длился 4 часа, отъ 2-хъ пополудни до 6-ти вечера... Командиръ отряда, капитанъ Клиентовъ, вкорѣ былъ раненъ тремя пулями. Солдаты хотѣли вынести его изъ подъ выстрѣловъ, но онъ остановилъ ихъ: „Братцы, прошу васъ, оставьте меня, я хочу умереть съ вами“, — сказалъ онъ своимъ солдатамъ и остался на позиціи...

Прочіе офицеры также были или ранены, или перебиты. Невредимымъ оставался одинъ только командиръ 8-й роты поручикъ Орловъ, который и продолжалъ сдерживать натискъ непріятеля, отбиваясь съ двумя ротами отъ 12 ротъ и 6 орудій противника. Видя безысходность боя и понесъ уже значительный уронъ, изнемогавшій отъ ранъ Клиентовъ, въ 4 часа пополудни, велѣлъ начать отступленіе. Поручикъ Орловъ прикрывалъ это движеніе съ однимъ взводомъ Орловцевъ, отстрѣливаясь съ ними, въ теченіи двухъ часовъ, отъ многочисленнаго непріятеля, насѣдавшего на нихъ съ трехъ сторонъ, и отбиваясь по временамъ даже штыками... Въ это время раненый прапорщикъ Доценко находился на послкахъ. Его несли четверо солдатъ: двое несли, двое отбивались...

— Оставьте меня, ребята, все равно умирать-то... Со мною и васъ убьютъ.

— Не оставимъ, ваше благородіе.

Доценко опять повторилъ приказаніе—не слушаютъ.

— Ну, въ такомъ случаѣ, вамъ приказываю, какъ офицеръ! Кто не исполнитъ приказанія, будетъ отданъ подъ судъ...

Подѣйствовало. Солдаты оставили раненаго, который тотчасъ же былъ изрубленъ турками...

Часамъ къ 6-ти вечера нашему маленькому отряду, послѣ невѣроятныхъ усилій, удалось, наконецъ, выйти изъ-подъ выстрѣловъ непріятеля.

Средняя колонна Орловцевъ, шедшая по главной шибкинской дорогѣ, въ девять часовъ утра достигла перекрестка дорогъ: той, по которой шла правая колонна, и такъ называемаго шибкинскаго шоссе; у этого перекрестка средняя колонна остановилась на привалѣ. Здѣсь, въ десять часовъ утра, было получено донесеніе майора Гойно-Родзевича о взятіи непріятельскаго редута на перевалѣ Бердекъ, съ просьбою прислать подкрѣпленіе. Вслѣдствіе этого туда была послана еще одна рота (4-я) изъ числа тѣхъ, которыя были оставлены при обозѣ.

Къ 12-ти часамъ дни средняя колонна поднялась съ привала и двинулась: 2-я стрѣлковая рота въ авангардѣ, 6-я и 7-я роты за нею, а 12-я рота въ резервѣ.

Подъемъ на гору былъ чрезвычайно утомителенъ. 2-я стрѣлковая рота, при которой находился начальникъ штаба 9-ой пѣхотной дивизіи, полковникъ Эллерсъ, дошла въ два часа по полудни до первой караулки на перевалѣ. Въ два часа двадцать минутъ развѣздъ далъ знать полковнику Эллерсу, что непріятель идетъ ему на встрѣчу. Полковникъ Эллерсъ тотчасъ выбралъ на высотѣ позицію для 2-ой стрѣлковой роты и придвинулъ 6-ю и 7-ю, расположивъ ихъ за покатостью высоты, занятой 2-ою стрѣлковою ротою.

Около трехъ часовъ по полудни генералъ-адъютантъ князь Святополкъ-Мирскій, вмѣстѣ съ генералъ-майоромъ Дерожинскимъ и великимъ княземъ Николаемъ Николаевичемъ Младшимъ, прибылъ на позицію, чтобы осмотрѣть непріятельское расположеніе. Но въ это самое время раздался залпъ... Турки открыли огонь съ трехъ своихъ укрѣпленій. За первымъ залпомъ, слѣданнымъ одновременно четырьмя ротами, послѣдовалъ второй залпъ, уже невыдержанный... Затѣмъ началась частая перекрестная пальба изъ укрѣпленій всей первой линіи...

Въ теченіи четырехъ часовъ средняя колонна

крѣпко держалась здѣсь подлѣ сильнѣйшимъ перекрестнымъ огнемъ съ двухъярусной траншеи, блокгауза и редута... „Пули летали, какъ рой пчелъ“, — разсказывали послѣ наши солдаты... Великій князь Николай Николаевичъ Младшій находился въ первой линіи подлѣ градомъ пуль и подавалъ вѣсь примѣръ хладнокровія и спокойнаго мужества. Командиръ 2-ой стрѣлковой роты, капитанъ Никифоровъ, не смотря на губительный непріятельскій огонь, распорядился все время въ цѣли съ геройскими самоотверженіемъ... Перестрѣлка эта продолжалась до семи часовъ вечера, и къ ночи обѣ стороны остались на своихъ позиціяхъ.

Однако же, вслѣдствіе неудачи лѣвой колонны капитана Клиентова *) и изъ опасенія обходнаго движенія турокъ, по слѣдамъ ея, въ тылъ всему габровскому отряду, средняя колонна, такъ же, какъ и правая, должны были, въ ночь съ 5-го на 6-е іюля, отступить съ перевала, къ великому горю храбрыхъ Орловцевъ.

Въ дѣлѣ 5-го іюля Орловскій полкъ вообще велъ себя геройски, но, къ сожалѣнію, сильно пострадалъ: въ полку было убито два офицера и 77 нижнихъ чиновъ, ранено четыре офицера и 128 нижнихъ чиновъ; въ томъ числѣ въ одной лѣвой колоннѣ, состоявшей всего изъ двухъ ротъ, выбыло изъ строя пять офицеровъ и 115 нижнихъ чиновъ.

Между тѣмъ, подлѣ Шибкою, въ передовомъ отрядѣ генерала Гурко, происходило слѣдующее:

Какъ мы уже знаемъ, генералъ Гурко вечеромъ 5-го іюля отправилъ записку съ болгаринцомъ къ начальнику габровскаго отряда, князю Святополкъ-Мирскому, съ увѣдомленіемъ объ одновременной атакѣ перевала (6-го іюля) обоими отрядами, съ юга и съ сѣвера. Къ величайшему сожалѣнію, болгаринъ этотъ запоздалъ доставкою записки по назначенію, такъ что габровскій отрядъ, за отсутствіемъ всякихъ извѣстій о передовомъ отрядѣ и понеся уже наканунѣ чувствительную неудачу, весь день 6-го іюля простоялъ на мѣстѣ.

Генералъ Гурко, съ своей стороны, не дождав-

*) Около трехъ часовъ по полудни, въ средней колоннѣ слышенъ былъ артиллерійскій огонь въ тылу турецкихъ позицій. Наши сначала полагали, что это атака отряда генералъ-адъютанта Гурко, но потомъ оказалось, что это были турецкіе пушечные выстрѣлы по лѣвой колоннѣ капитана Клиентова.

шись утромъ 6-го іюля отвѣта изъ Габрова, но предполагая, что о прибытіи его къ Шибкѣ должно уже быть извѣстно по ту сторону и что вчерашняя неудавшаяся атака Орловцевъ, по всѣмъ соображеніямъ, должна повториться сегодня для облегченія атаки передоваго отряда съ тыла, — распорядился немедленно же атаковать шибкинскія высоты...

Успѣхъ или неуспѣхъ этой атаки составлялъ для передоваго отряда вопросъ о возможности его существованія за Балканами... Было положительно необходимо какъ можно скорѣе, до прибытія какихъ бы то ни было турецкихъ силъ, взять Шибкинскій переваль. Со взятіемъ этого перевала передовой отрядъ открывалъ себѣ сообщеніе съ остальною нашею арміею, могъ получить снаряженіе и продовольствіе и, проложивъ всей русской арміи свободный путь черезъ Балканы, заканчивалъ свою задачу...

Къ сожалѣнію, атака Шибкинскаго перевала съ тыла передовымъ отрядомъ, по вышеизложеннымъ причинамъ, оказалась такой же изолированной, какъ и атака Орловцевъ...

Переваль Шибка со стороны Казанлыка имѣетъ грандіозный видъ. Сразу, съ совершенно ровнаго мѣста, круто поднимаются высоты съ конусообразными вершинами; за ними снова возвышаются вершины другого ряда горъ, значительно превышающія первый. На гребнѣ второго ряда высотъ рельефно обрисовывается высшая точка ихъ — гора Св. Николая... Турецкій лагерь на послѣдней изъ деревни Шибки былъ хорошо видѣнъ въ бинокль... Эта позиція турокъ была настоящимъ орлинымъ гнѣздомъ, свитымъ на скалистой вершинѣ перевала. Передъ нимъ были выдвинуты впередъ еще два укрѣпленія, изъ которыхъ лѣвое стояло тоже на обрывѣ... Впереди этихъ двухъ были еще двѣ укрѣпленныхъ позиціи... И на все это съ нашей стороны пошли только 2¹/₂ батальона!..

6-го іюля, въ 8¹/₂ часовъ утра, генераль Гурко направилъ прямо по шоссе, ведущему на Шибкинскій переваль, двѣ сотни пластуновъ, а 13-й и 15-й стрѣлковыя батальоны, подъ общимъ начальствомъ командира 13-го батальона, полковника Климантовича, были двинуты вправо, обходомъ, по лѣсной тропинкѣ, указанной мѣстными болгарами *).

*) По свойствамъ мѣстности, стрѣлкамъ и пластунамъ невозможно было придать артиллерию.

Угрюмая и дикая природа Балкановъ у Шибки, въ соединеніи съ воздвигнутыми на вершинахъ обрывистыхъ горъ непріятельскими батареями, представляла по-истинѣ страшную крѣпость для нашей горети смѣльчаковъ... Стрѣлкамъ пришлось подниматься на высоты почти въ пять тысячъ футовъ... Дорога была убійственная; на каждомъ шагу встрѣчались крутые подъемы и спуски по гудамъ камней; солдаты съ трудомъ карабкались по козымъ тропинкамъ и должны были гуськомъ пробираться по сплошному непролазному терновнику... Прибавьте къ этому страшную жару, которая на горахъ еще невыносимѣе, — и тогда можно будетъ понять, сколько труда пришлось положить молодцамъ-стрѣлкамъ прежде, чѣмъ они добрались до непріятели...

Въ 11 часовъ утра оба батальона, не замѣченные турками, вышли, наконецъ, на высоты и тотчасъ же начали выстраиваться въ боевой порядокъ. Но не успѣли еще они окончить нужныхъ построений, какъ съ непріятельской стороны данъ былъ выстрѣлъ... Медлить было нельзя: весь успѣхъ дѣла зависѣлъ отъ неожиданности нападенія; а потому полковникъ Климантовичъ тотчасъ же развернулъ въ цѣпь по двѣ роты изъ cadaго батальона и, оставивъ остальные въ резервѣ, быстро поднялся на вершину горы. Тутъ только стрѣлки увидѣли турокъ: они поспѣшно строились на слѣдующей горѣ, отстоявшей отъ занятой стрѣлками высоты версты на полторы. Полковникъ Климантовичъ тотчасъ же спустился съ горы свою цѣпь, и стрѣлки, вѣрные своему всегдашнему обычаю — не открывать огня до разстоянія вѣрнаго прицѣла, не смотря на частый огонь турокъ, начали, безъ выстрѣла, быстро спускаться въ оврагъ и подниматься на турецкую позицію... Съ разстоянія 1,000 шаговъ турки уже начали стрѣлять въ нихъ залпами, но храбрыхъ стрѣлковъ 4-ой бригады этимъ не останоишь: роты продолжали идти быстро впередъ, не производя ни одного выстрѣла... Если гдѣ цѣпь и заминалась, останавливаясь передъ адскими залпами, то офицеры умѣли поощрить своихъ солдатъ.

— Иди впередъ! я даю честное слово, что не убьютъ! — крикнулъ капитанъ Непельстремъ замывшимся стрѣлкамъ, и они снова полѣзли впередъ, точно слово командира въ самомъ дѣлѣ гарантировало ихъ отъ пули...

Отрядъ генерала Гурко въ Шибинскомъ проходѣ.

Подойдя на 600 шаговъ въ первому турецкому укрѣпленію, наши молодцы хотѣли-было уже лечь, чтобы помѣриться съ турками въ искусствѣ мѣткой стрѣльбы, какъ вдругъ непріятель, точно по сигналу, по всей линіи прекратилъ огонь...

На брустверѣ турецкаго укрѣпленія показалась кучка солдатъ; они кричали что-то и махали бѣлыми платками и фесками...

Немного спустя, турки выкинули, въ виду нашихъ войскъ, огромный бѣлый флагъ на горѣ Св. Николая... Въ то же время отъ войска непріятельскаго отдѣлились два офицера, и также съ бѣлыми флагами въ рукахъ, стали сходить съ горы по направлению къ нашимъ...

Выставленіе бѣлаго флага во время сраженія означаетъ просьбу о пріостановленіи дѣйствія, и въ войскахъ всѣхъ образованныхъ народовъ знакомъ этимъ пользуются всегда честно, свято соблюдая установленныя на этотъ случай обычаи. Поэтому полковникъ Климантовичъ, какъ только завидѣлъ на горѣ бѣлый турецкій флагъ, сейчасъ же прекратилъ бой, и изъ нашихъ рядовъ немедленно вышли навстрѣчу предполагаемому турецкимъ парламентарамъ маіоръ Солянка, прусскій военный агентъ маіоръ фонъ-Лигницъ и вольноопредѣляющійся Тихоновъ, въ сопровожденіи одного стрѣлка, родомъ татарина, хорошо владѣвшаго турецкимъ языкомъ. Стрѣлокъ этотъ, привязавъ къ ружью бѣлый платокъ взамѣнъ флага, направился впередъ, съ порученіемъ привести турецкихъ офицеровъ для переговоровъ. Завидѣвъ его, одинъ турокъ, лежавшій неподалеку, выказалъ радость, что встрѣтился съ своимъ единовѣрцемъ, и тотчасъ-же пошелъ со стрѣлкомъ-татариномъ къ тому мѣсту, гдѣ стояли турецкій бѣлый флагъ и два турецкихъ офицера. Оттуда всѣ они поднялись на гору, и вскорѣ турки исчезли съ бруствера...

Наши офицеры-парламентеры остались на тропинкѣ, ведущей въ передовое непріятельское укрѣпленіе, поджидалъ турецкаго офицера. Стрѣлки же и пластуны, бравшіе непріятельскую позицію, полагая также, что дѣло уже окончилось и непріятель на самомъ дѣлѣ проситъ о пріостановкѣ дѣйствія, вышли изъ-за своихъ прикрытій и простодушно столпились кучками передъ непріятельскими укрѣпленіями...

Въ этотъ моментъ, съ турецкой стороны послы-

шался звукъ сигнальнаго рожеа, за нимъ послѣдовали такіе же сигналы въ разныхъ мѣстахъ на перевалѣ, и велѣдъ затѣмъ со всѣхъ турецкихъ укрѣпленій раздался по нашимъ беззащитнымъ стрѣлкамъ и пластунамъ страшный ружейный залпъ, мгновенно вырвавшій изъ нашихъ рядовъ нѣсколько десятковъ солдатъ. Этотъ постыдный обманъ и злоупотребленіе бѣлымъ флагомъ привели нашихъ стрѣлковъ въ неопisanную ярость. Подъ вліяніемъ общаго негодованія, мгновенно бросились они на турокъ, которымъ пришлось пережить дурную четверть часа. Менѣе чѣмъ въ какія-нибудь двѣ-три минуты, стрѣлки овладѣли передовымъ турецкимъ каменнымъ укрѣпленіемъ, переколовъ за нимъ все, что тамъ дышало. Держась своей обычной тактики — ломить впередъ и не давать опомниться врагу, стрѣлки, съ крикомъ „ура“, бросились въ штыки къ слѣдующему непріятельскому укрѣпленію и къ находившемуся подлѣ него турецкому лагерю, гдѣ собрались успѣвшіе бѣжать изъ передоваго укрѣпленія турки и куда подошли къ нимъ свѣжія силы. Молодецкое „ура“ стрѣлковъ какъ эхо пронеслось по склону горы, отдѣлявшему ихъ отъ лагеря; солдаты наши, взбѣшенные наглымъ обманомъ турокъ, вновь неистово рванулись впередъ, и черезъ какія-нибудь пять-десять минутъ на мѣстѣ втораго непріятельскаго укрѣпленія и турецкаго лагеря валялось только нѣсколько труновъ убитыхъ турокъ: — остальные бѣжали безъ оглядки къ слѣдующему укрѣпленію.

Теперь турки засѣли въ своемъ второмъ лагерѣ, отстоявшемъ отъ перваго на полверсты. Сзади ихъ высилась уже вершина Шибкинскаго перевала, вся изрѣзанная ложементами и увѣнчанная батареею, гдѣ собрался весь турецкій гарнизонъ.

Стрѣлки наши стояли теперь передъ главнымъ непріятельскимъ укрѣпленіемъ на горѣ Св. Николая. Въ это время къ лѣвому флангу стрѣлковъ подошли двѣ свѣжія сотни пластуновъ. Оставалось нашимъ сдѣлать послѣднее усиліе, чтобы окончательно сломить врага. Казалось, что вотъ-вотъ еще одинъ моментъ — и перевалъ нами занятъ.

Наступалъ рѣшительный моментъ боя. Пластуны на лѣвомъ флангѣ и стрѣлки — на правомъ — уже двинулись къ непріятелю. Но увы! и для храбрѣйшихъ есть предѣлъ.

Весь гребень скалистой вершины Шибкинского перевала вдругъ покрылся турками, какъ щетиною. Ихъ сомнутыя части, ставъ по гребню, начали угощать стрѣлковъ страшными залпами. Около 5,000 человекъ турокъ и 10 орудій открыли убійственный огонь противъ горсти храбрецовъ, взбравшихся по склону горы. Тройной ярусъ ложементовъ осыпалъ ихъ градомъ пуль; 5,000 ружей и 10 орудій изрыгали пламя и смерть. Вся вершина горы скрылась подъ облакомъ порохового дыма.

Первыми же выстрѣлами непріятеля у насъ были убиты командиръ 13-го стрѣлковаго батальона — полковникъ Климантовичъ и командиръ пластунскихъ сотенъ — есаулъ Баштанинъ. Потери стрѣлковъ и пластунскихъ сотенъ съ каждымъ шагомъ все росли. Добраться до турокъ, очевидно, не было никакой возможности. Солдаты, утомленные безостановочнымъ боемъ и лазаньемъ съ утра по кручамъ горъ, не въ состояніи уже были векарбакаться еще на голые утесы, защищаемые 5,000 турокъ и 10-тью орудіями.

Пластуны, обойденные съ фланга, стали уже отступать. Стрѣлки еще держались, но недолго. Еще нѣсколько смертельныхъ залповъ — и наша цѣпь подалась назадъ. Не видя въ то же время поддержки, ни со стороны Казанлыка, ни со стороны габровскаго отряда, и понеся уже чувствительныя потери, оба стрѣлковые батальона и пластуны перешли въ общее отступление.

Въ это время прусскій военный агентъ, маіоръ фонъ-Лигницъ, находившійся во все время атаки на перевалѣ въ цѣпи стрѣлковъ, замѣтилъ, что лѣвая фланговая рота отступаетъ наравнѣ съ остальными, а ей слѣдовало бы стоять и отстрѣливаться, прикрывая отступление середины; онъ обратился къ солдатамъ со словами: „стрѣляйте, братцы, стрѣляйте“ (Лигницъ свободно объясняется по-русски). Но солдаты, какъ ни было имъ жутко, не повѣрили пруссаку и спросили своего ротнаго командира: „Что, этотъ нѣмецкій генералъ хочетъ нашей гибели, что говорить, чтобы мы тутъ оставались и стрѣляли?“ — „Нѣтъ, онъ добра желаетъ, — отвѣчалъ ротный командиръ: — стойте и стрѣляйте!“ Солдаты тотчасъ остановились и повѣрили: „своей, дескать, говорить“. И дѣйствительно, тур-

ки не подумали выходить изъ-за своихъ укрѣпленій и преслѣдовали нашихъ только артиллерійскимъ огнемъ. Пропустивъ середину, стрѣлки спокойно сошли со склона горы, вмѣстѣ съ маіоромъ Лигницемъ, оставивъ, за темнотою, на мѣстѣ боя нѣсколько человекъ раненыхъ, въ надеждѣ убрать ихъ на слѣдующій же день съ разсвѣтомъ.

Около 5-ти часовъ вечера стрѣлки, разрозненными кучками и въ-одиночку, спустились съ горъ въ деревню Шибку, гдѣ собрались, отдохнули и оттуда направились къ себѣ на бивуакъ. Вслѣдъ за ними стали подходить и пластуны. Стрѣлки шли молча, и на лицахъ ихъ была написана боязнь, что ими остались недовольны товарищи.

— Просто ничего нельзя было подѣлать — какъ есть голая стѣна! — говорили они встрѣчавшимъ ихъ товарищамъ.

— А и стрѣляли же — страсть просто!..

— Эхъ, кабы хушь сколько нибудь резерву, и мы бы выбили его изъ послѣдней позиціи.

Въ это время подѣхалъ къ стрѣлкамъ генералъ Гурко и поздоровался съ изморившимися солдатами:

— Здорово, молодцы, стрѣлки! Спасибо за службу! Что-жь, не всегда бываетъ удача. Нечего унывать, крикнулъ онъ громкимъ голосомъ, — и стрѣлки ожили.

Стрѣлки, дѣйствительно, сдѣлали все, что только было въ ихъ силахъ. Что дѣлали стрѣлки, такъ это невѣроятно, — рассказывали послѣ очевидцы геройской атаки Шибкинского перевала, — это какіе-то орлы!.. Адскій огонь, настоящій градъ пуль, выстрѣлы сверху почти въ упоръ — ничто ихъ не останавливало: лѣзутъ впередъ, точно заколдованные!.. Никто никогда не видѣлъ ничего подобнаго. И можно было по совѣсти сказать, что если эти орлы, эти безстрашные, созданные для наступленія стрѣлки 4-й бригады — отступили, значитъ невозможно было одолѣть непріятеля.

Общая потеря отряда за весь день простиралась свыше 150-ти человекъ убитыми и ранеными; къ несчастію, нѣкоторыхъ раненыхъ не успѣли вынести съ поля сраженія, хотя весь вечеръ подбирали наши санитары и цѣлая болгарская дружина.

Въ тотъ же день, вслѣдствіе полученнаго донесенія о сборѣ нѣсколькихъ таборовъ пѣхоты на Трав-

ненскомъ перевалѣ, былъ посланъ въ деревню Янину, расположенную при входѣ на этотъ перевалъ, полковникъ Корево съ Казанскимъ драгунскимъ полкомъ и 16-ю конною батареею, для перехвата неприятеля при спускѣ съ горъ; но оказалось, что турки спускались у этой деревни только поодиночкѣ или небольшими кучками. Въ теченіи всего дня наши разъѣзды отовсюду приводили плѣнныхъ, и къ вечеру до 200 человекъ турокъ были препровождены для содержанія въ Кіевскій гусарскій полкъ. Тутъ были и арабы, и египтяне, и арабистанцы, и люди съ чисто-европейскимъ типомъ лица — красивые брюнеты и блондины, понимавшіе русскій языкъ.

Къ ночи 6-го іюля весь отрядъ генерала Гурко расположился слѣдующимъ образомъ:

У дер. Шибки, съ южной стороны перевала, стала 4-я стрѣлковая бригада, одна болгарская дружина, Кіевскій гусарскій полкъ, вся драгунская бригада и всѣ три конныя батареи (пять батальоновъ, 12 эскадроновъ и 18 орудій).

У гор. Казанлыка расположились остальные части, т. е. пять болгарскихъ дружинъ *), двѣ роты пластуновъ, донская бригада, гвардейскій полускадронъ, уральская сотня и обѣ горныя батареи (5½ батальоновъ, 13½ сотенъ и 14 орудій).

На другой день, 7-го іюля, не смотря на вчерашнюю неудачу, рѣшено было повторить атаку перевала, придавъ отряду и горную артиллерию, которая прибыла изъ Ханкіоя, тѣмъ болѣе что посланный къ князю Святополкъ-Мирскому болгаринъ вернулся, наконецъ, съ отвѣтомъ, что габровскій отрядъ также предприметъ сегодня наступленіе.

Но прежде, чѣмъ успѣли приступить къ выполненію этого плана, утромъ 7-го іюля къ генералу Гурко пріѣхалъ турецкій офицеръ съ Шибкинскаго перевала, съ письмомъ отъ главнаго своего командира, въ отвѣтъ на сдѣланное ему генераломъ Гурко еще за день передъ тѣмъ предложеніе о сдачѣ. Турецкій офицеръ сообщилъ, что паша согласенъ сдаться на предложенныхъ ему условіяхъ, которыя заключались въ томъ, что турки, по сложеніи оружія, будутъ отпущены за Тунджу, подъ честнымъ сло-

вомъ не драться съ русскими въ продолженіи всей этой войны. Въ оправданіе же вчерашняго злоупотребленія парламентарскимъ флагомъ, турецкій офицеръ объяснилъ, что паша не хотѣлъ драться, но не могъ удержать своихъ солдатъ по приближеніи русскихъ войскъ... На это генералъ Гурко объявилъ парламентарю, что въ наказаніе за подобное вѣроломство онъ потребуетъ, сверхъ предложенныхъ условій, еще выдачи двухъ турецкихъ офицеровъ, стоявшихъ вчера при парламентарскомъ флагѣ, вмѣсто того, чтобы отпустить ихъ на честное слово, какъ остальныхъ. Срокомъ же для сдачи оружія всему шибкинскому гарнизону онъ назначилъ полдень того же дня. Турецкій офицеръ согласился съ этимъ, обязался передать обо всемъ пашѣ и, добродушно позавтракавъ въ нашемъ лагерѣ, уѣхалъ, повидимому, весьма довольный, обратно на Шибку... Наши съ нетерпѣніемъ стали ждать полудня, когда долженъ былъ получиться отъ турокъ окончательный отвѣтъ на наше предложеніе сдаться... Вскорѣ послѣ того Гурко выслалъ на Шибку нашихъ санитаровъ подбирать оставшихся тамъ отъ вчерашняго сраженія русскихъ раненыхъ.

Въ это самое время по другую сторону перевала, со стороны Габрова, происходило слѣдующее: князь Святополкъ-Мирскій, получивъ, наконецъ, извѣстіе, что генералъ Гурко произвелъ уже атаку на Шибку, рѣшился и самъ возобновить нападеніе на нее. Съ этою цѣлью, утромъ 7-го іюля, въ то самое время, когда генералъ Гурко велъ переговоры съ турецкимъ офицеромъ о сдачѣ шибкинскаго гарнизона, снова были высланы изъ Габрова въ атаку на перевалъ девять ротъ Орловскаго полка съ четырьмя орудіями, подъ главнымъ начальствомъ Свиты Его Величества генералъ-маіора Скобелева 2-го, прибывшаго наканунѣ изъ Тырнова.

Впереди отряда на этотъ разъ должна была идти опять 2-я стрѣлковая рота Орловскаго полка, подъ командою полковника Струкова. Передъ горстью храбрецовъ, уже разъ потерпѣвшихъ неудачу на перевалѣ, снова теперь выселись неприступные утесы и страшныя кручи горъ, съ вершинъ которыхъ турки могли убивать людей по выбору, какъ птицъ...

— Смирно! — послышалась команда: — шагомъ маршъ!..

Рота двинулась. Солдаты перекрестились... Сердце

*) Когда собственно пришли въ долину Тунджи оставленные въ Трновѣ двѣ болгарскія дружины — опредѣлить довольно трудно, за отсутствіемъ указаній на это въ официальныхъ донесеніяхъ и частныхъ корреспонденціяхъ.

силнѣе забилось у каждого. Никто не говорил ни слова. Угрюмо уткнулись солдаты глазами въ землю и только изрѣдка поглядывали впередъ... Достигнувъ той высоты, съ вершины которой средняя колонна Орловцевъ еще 5-го іюля вела жаркую перестрѣлку съ турецкимъ редутомъ, — рота остановилась, а самъ Струковъ, съ десятью стрѣлками и ротнымъ командиромъ, капитаномъ Никифоровымъ, поднялся наверхъ, чтобы высмотрѣть оттуда расположеніе непріятеля. Но изъ-за турецкихъ укрѣпленій никого не видно было... Поднялись еще выше — стрѣлбы нѣтъ... Тогда Струковъ рѣшилъ подвигнуться еще дальше впередъ, приказавъ ротѣ идти за собою. Идутъ стрѣлки, ежеминутно ожидая на встрѣчу губительнаго залпа, но кругомъ попрежнему все было тихо. Вотъ, изъ-за каменнаго бугра, показались, наконецъ, грозныя очертанія турецкаго редута... Орловцы столпились на узкой дорожкѣ, представляя изъ себя видную цѣль для турецкой артиллеріи... „Ну, сейчасъ... сію минуту раздастся залпъ“, — думали Орловцы, приближаясь къ непріятельскому укрѣпленію... Но каково же было ихъ удивленіе, когда тотъ самый турецкій редутъ, съ которымъ они еще третьяго дня вели жаркую перестрѣлку, оказался совершенно пустымъ!..

Орловцы подвинулись еще впередъ, — опять никого... Въ это время подошелъ генералъ Скобелевъ 2-й съ двумя ротами, и всѣ три роты продолжали двигаться все дальше и дальше по перевалу, проходили одно укрѣпленіе за другимъ, лагерь за лагеремъ, но нигдѣ, на всемъ Шибкинскомъ перевалѣ, не встрѣчали ни сопротивленія, ни самихъ турокъ... Турки какъ будто исчезли съ горъ. Повсюду виднѣлись только покинутыя палатки, еще непотухшіе костры, брошенныя орудія, патронные ящики и снаряды; валялись зарѣзанные быки, мертвыя тѣла, наполовину сваренная пища, недописанныя телеграммы и письма и разбросанныя въ величайшемъ безпорядкѣ — котелки, оружіе, знамена, аммуниція и т. п.... Три орудія, на южной сторонѣ перевала, такъ и найдены были повероченными въ сторону Казанлыка, какъ они были еще во время дѣла 6-го іюля; даже клинья изъ нихъ турки не вынули... Орловцы достигли, наконецъ, самой высокой горы на перевалѣ — вершины Св. Николая, и увидѣли оттуда въ ущельѣ подъ собою, въ сторонѣ Казанлыка, большой лагерь... Были ли это

турки или русскіе? Палатки казались какъ будто турецкіе, но солдаты смотрѣли русскими... Скобелевъ попробовалъ закричать русское „ура“, въ надеждѣ получить отвѣтъ, но отвѣта не послѣдовало... Затѣмъ Орловцы увидѣли надъ одной изъ палатокъ бѣлый флагъ съ Краснымъ Крестомъ, и это окончательно убѣдило ихъ, что лагерь — русскій, принадлежащій, вѣроятно, отряду генерала Гурко. Куда же дѣвались турки? — недоумѣвалъ Скобелевъ. Съ одной стороны перевала стояли Орловцы, съ другой стороны — отрядъ Гурко, а въ серединѣ турокъ не оказывалось... Наконецъ въ одномъ изъ покинутыхъ непріятельскихъ укрѣпленій удалось захватить плѣннаго солдата, который и сообщилъ, что турки еще утромъ ушли съ перевала; первымъ бѣжалъ паша, а за нимъ послѣдовали 10 тысячъ отборнаго турецкаго войска... Оказалось, что турки бѣжали съ перевала нѣсколькими часами раньше того времени, какъ они выслали къ намъ своего парламентаря для переговоровъ о сдачѣ. Выходитъ, что и въ этомъ случаѣ они сыиграли просто комедію, чтобы только выиграть время и убраться съ Шибки по-добру-по-здорову... Генералъ Скобелевъ немедленно послалъ къ генералу Гурко гонца съ извѣстіемъ, что переваль оставленъ турками, всѣ шибкинскія укрѣпленія уже заняты имъ съ тремя ротами Орловцевъ и что къ вечеру туда подойдутъ еще шесть ротъ съ четырьмя орудіями.

Между тѣмъ, въ отрядѣ генерала Гурко происходило слѣдующее. Какъ мы уже знаемъ, тамъ съ нетерпѣніемъ ждали полудня, когда турки общались положить оружіе. Наконецъ, пробило 12 часовъ дня; никакихъ извѣстій отъ турокъ не получалось. Тогда генералъ Гурко, подозрѣвая, что турки обманули его, послалъ на Шибку, для разъясненія того, что дѣлается въ турецкомъ лагерѣ, партію охотниковъ, а для поддержанія ихъ, въ случаѣ повторенія вчерашняго вѣроломства, приказалъ приготовиться одному стрѣлковому батальону и одной болгарской дружинѣ съ четырьмя горными орудіями. Но, прежде чѣмъ успѣли охотники высмотрѣть что нибудь, вернулись, около 2-хъ часовъ пополудни, посланные раньше на переваль санитары съ извѣстіемъ, что турки бѣжали съ перевала, а что русскіе раненые найдены всѣ перебитыми и страшно изуродованными... Вслѣдъ за тѣмъ прискакалъ и гонецъ отъ генерала Скобелева 2-го съ тѣмъ же извѣстіемъ. Генералъ Гурко, приказавъ

своему отряду, сильно утомленному, оставаться у д. Шибки и у г. Казанлыка, немедленно отправился самъ, въ сопровожденіи своего штаба и конвоя казаковъ, на гору Св. Николая, гдѣ встрѣтилъ ужасную картину: здѣсь, на горѣ, стоялъ уже молчаливый кружокъ русскихъ офицеровъ и солдатъ, пораженныхъ и испуганныхъ зрѣлищемъ, представившимся ихъ глазамъ: передъ ними лежали отрѣзанныя головы русскихъ стрѣлковъ и пластуновъ, сложенные въ кучу, какъ кирпичи... Кругомъ валялись обезглавленные тѣла солдатъ съ отрѣзанными руками и ногами, съ выколотыми глазами, съ разорваннымъ ртомъ, съ распоротымъ животомъ... И среди этихъ мертвецовъ разбросаны были, какъ щепки, носы, уши, ноги, руки... „Негодяя!!.. подлецы!!.. трусы!!..“ изрѣдка слышалось въ рядахъ присутствовавшихъ при этомъ зрѣлищѣ офицеровъ... И дѣйствительно, зрѣлище, которое представляли убитые, невозможно было передать словами!.. Тутъ было болѣе ста жертвъ самаго безпощаднаго изувѣрства... Скорченные пальцы и руки труповъ свидѣтельствовали, что несчастные умерли въ страшныхъ мученіяхъ, замученные, можетъ быть живыми... Многіе изъ офицеровъ и солдатъ находили между этими изувѣченными трупами своихъ товарищей и знакомыхъ... Тутъ же были найдены и головы двухъ офицеровъ Орловскаго полка—Доценко и Дмитріева, убитыхъ во время атаки на переваль со стороны Габрова. Только два трупа были найдены не обезображенными: полковника Климантовича и одного фельдфебеля 13-го стрѣлковаго батальона, и то, вѣроятно, лишь потому, что тѣла эти лежали довольно далеко отъ турецкаго лагеря и турки не успѣли ихъ розыскать...

Злодѣйства эти совершены были турецкими войсками въ ночь передъ бѣгствомъ съ перевала. На вышеописанное зрѣлище обращено было вниманіе вѣхъ знатныхъ иностранцевъ, бывшихъ при нашемъ отрядѣ, и они не замедлили засвидѣтельствовать передъ цѣлымъ свѣтомъ о неслыханномъ варварствѣ турецкихъ солдатъ...

Неподалеку отъ кучи отрубленныхъ головъ лежали турецкіе раненные, покинутые здѣсь бѣжавшими войсками. Эти раненные дико выглядывали изъ подлѣбья и имѣли испуганный и растерянный видъ, ожидал, вѣроятно, что и русскіе поступятъ съ ними такъ же, какъ поступили они съ нашими ранеными...

Но добродушные русскіе солдатики были далеки отъ совершенія подобныхъ жестокостей. Солдаты наши, съ ужасомъ глядя на совершенныя турками звѣрства, только крестились и твердили: „Господи помилуй!..“ И ни у одного русскаго не поднялась рука на беззащитныхъ и уже достаточно наказанныхъ несчастіемъ злодѣевъ—турецкихъ раненныхъ. Всѣ они были перевязаны и подобраны.

Въ тотъ же день, для перехвата таборовъ, бѣжавшихъ съ Шибки по горнымъ тропинкамъ въ направленіи на Калоферъ, былъ посланъ летучій отрядъ изъ Астраханскаго драгунскаго полка, эскадрона Кіевскихъ гусаръ и сотни казаковъ, подъ начальствомъ полковника Чернозубова, къ выходамъ изъ горъ у деревень Иметліи и Суфуляра. Но здѣсь удалось перехватить только нѣсколько сотенъ бѣглецовъ, спускавшихся съ горъ поодиночѣ; остальные же турки пробрались по горамъ еще далѣе къ западу... Найденные между понавшимися въ плѣнъ здоровыми турками виновные въ вышеописанныхъ злодѣйствахъ получили въ Тырновѣ достойное ихъ возмеждіе...

Наши солдаты, впрочемъ, продолжали относиться и къ здоровымъ плѣннымъ туркамъ съ чисто-русскимъ добродушіемъ. Правда, въ рѣчахъ ихъ слышалась иногда энергическая нота, съвозъ которую протрагивала все-таки несравненная черта русскаго простодушія: — „Эхъ ты, нехристь проклятый,—говорилъ солдатъ дюжему туркѣ:—развѣ же можно такъ? Ты меня убей, я тебя убью, это ничего... А то носъ отрѣжетъ, руки отрѣжетъ... Чортъ, ей-Богу чортъ!..“ Черезъ пять минутъ тотъ же самый солдатъ приходитъ съ хлѣбомъ въ рукѣ и подаетъ его туркѣ, отворотивъ глаза въ сторону, какъ будто стыдится: „На, бери!“ Турокъ не понимаетъ. „Да бери, чума ты эдакая!..“ Турокъ наконецъ понялъ и протягиваетъ руку за хлѣбомъ... „Зачѣмъ же вы носы и уши-то отрѣзываете? — продолжаетъ допытываться солдатъ:—развѣ вы ихъ жрете?“ Турокъ отрицательно качаетъ головою. „А... ты не дѣлалъ этого? Ну, молодецъ!“ Солдатъ даетъ туркѣ вареной кукурузы. „На ѣшь! А такъ не годится дѣлать“, урезониваетъ онъ турку: — „Если вы будете у насъ носъ рѣзать—и мы будемъ рѣзать, вотъ-те крестъ, будемъ!“ Солдатъ крестится. — „Но что изъ того: безъ носовъ и останемся, — а вѣдь носъ все равно отъ

Бога!..“ Таково было отношеніе нашихъ солдатъ къ плѣннымъ туркамъ даже послѣ того, какъ звѣрства ихъ надъ нашими ранеными сдѣлались уже всѣмъ извѣстны.

Съ того момента, какъ сѣверный габровскій отрядъ вошелъ въ связь черезъ Шибкинскій переваль съ передовымъ отрядомъ генерала Гурко, проходъ этотъ окончательно перешелъ въ руки русскихъ, со всѣми его неприступными позиціями и укрѣпленіями, оказавшимися весьма многочисленными и сильно вооруженными. Если бы турки были снабжены въ достаточномъ количествѣ продовольствіемъ и не упали духомъ, взятіе перевала было бы сопряжено съ величайшими жертвами. Между тѣмъ переваль этотъ былъ занятъ нами почти безъ боя. Рассказываютъ, что непріятель, запертый на Шибкѣ съ сѣвера и юга, рѣшился бѣжать съ перевала отъ недостатка воды, а также вслѣдствіе преувеличеннаго представленія о русскихъ силахъ, съ которыми ему пришлось имѣть дѣло. Говорятъ, напримѣръ, что по случаю атаки перевала 5-го іюля Орловскимъ полкомъ болгары пустили слухъ между турками, находившимися на Шибкѣ, что будто бы „масса русскихъ напала съ сѣвера!..“ Это привело турокъ въ несказанное смущеніе, и они, не смотря на свои неприступныя позиціи и сильное вооруженіе, тогда же рѣшились бѣжать съ перевала.

На перевалѣ было захвачено нами 3 турецкихъ знамени, 8 орудій, изъ которыхъ три были дальнобойныя крупновскія, и 3 лагеря съ запасомъ продовольствія, аммуниціи и боевыхъ снарядовъ. Вообще турки устроились-было на Шибкѣ такъ, чтобы можно было имъ прозимовать на ней, хотя они и надѣялись продержаться здѣсь не болѣе двухъ мѣсяцевъ. Но на дѣлѣ они не продержались и двухъ дней.

Такимъ образомъ, результаты, достигнутые восьмидневнымъ движеніемъ передоваго отряда за Балканы, съ 30-го іюня по 7-ое іюля, были громадны: Балканы, на протяженіи двухъ слишкомъ переходовъ въ ширину, были въ нашихъ рукахъ. На этомъ протяженіи мы овладѣли тремя горными ходами: Шибкинскимъ, Ханкіойскимъ и, между ними, Травненскимъ, которые на сѣверномъ склонѣ горъ сходятся всѣ къ одному важному стратегическому пункту—г. Тырнову. Всѣ выходы изъ переходовъ въ долину Тунджи также были заняты нами,

и самая „долина розъ“ совершенно очищена отъ турецкихъ войскъ.

И всѣ эти блестящіе результаты достигнуты были, собственно говоря, съ ничтожными средствами и, сравнительно, съ небольшими потерями: за все время движенія отъ Ханкіоя до Шибки передовой отрядъ потерялъ не болѣе 400 человекъ, выбывшими изъ строя. При этомъ весь отрядъ генерала Гурко, съ 25-го іюня и по 6-е іюля, т. е. отъ самаго Тырнова и до Шибки, жилъ отчасти средствами страны, отчасти запасами, которые забиралъ въ турецкихъ лагеряхъ по пути, послѣ каждой побѣды. Изъ взятаго съ собою въ походъ за Балканы „наинеприкосновѣйшаго“ пятидневнаго запаса сухарей къ 7-му іюля, т. е. по день занятія Шибки, передовой отрядъ израсходовалъ только трехдневную пропорцію.

8-го іюля весь передовой отрядъ отошелъ отъ Шибки и вошелъ съ пѣснями въ г. Казанлыкъ, гдѣ и расположился на отдыхъ.

Гора Св. Николая была занята двумя батальонами Орловскаго пѣхотнаго полка, третій батальонъ котораго оставленъ былъ въ резервъ, въ Габровѣ. Остальныя части 8-го корпуса расположились на сѣверъ отъ Балкановъ слѣдующимъ образомъ: генераль Радецкій со штабомъ и 14-ю пѣхотною дивизіею находился въ Тырновѣ; Брянскій пѣхотный полкъ расположился въ г. Сельви, а 1-я бригада 9-й пѣхотной дивизіи (полки Елецкій и Сѣвскій) была на пути въ Ханкіой, гдѣ должна была поступить въ составъ передоваго отряда генерала Гурко.

Еще 7-го іюля къ генералу Гурко прибыла въ Казанлыкъ депутація изъ города Карлова, состоявшая изъ болгаръ и именитаго турка, на отличныхъ лошадяхъ, съ богато разукрашенною сбруею, съ изъявленіемъ покорности жителей этого города. Но передовому отряду не было расчета забираться въ Карлово. Говорили, что отрядъ простоить въ Казанлыкѣ, пока весь 8-й корпусъ не выйдетъ за Балканы; но еще не было рѣшено, ограничиться ли генераль Гурко пока стоянкою въ Казанлыкѣ и будетъ ждать появленія турецкихъ массъ, противъ которыхъ онъ не устоитъ, или пойдетъ самъ искать непріятеля. Были нѣкоторые, даже весьма серьезныя, лица, которые полагали, что терять время нечего, что достаточно имѣется силъ въ передовомъ отрядѣ, чтобы идти на Адрианополь, гдѣ, по слухамъ, было самое

незначительное число войск... По взятіи же Адрианополя, война, какъ считали тогда, должна была кончиться.

Во всякомъ случаѣ, спустя какихъ нибудь три недѣли послѣ переправы черезъ Дунай, русскія войска, въ числѣ 12-ти тысячъ человекъ, стояли уже за Балканами, въ Румелии, на пути къ Адрианополю.

Впечатлѣніе, произведенное появленіемъ отряда генераль-адъютанта Гурко за Балканами, которые считались столь надежною преградой, а равно впечатлѣніе, которое произвелъ рядъ одержанныхъ имъ въ долинѣ Тунджи побѣдъ, было чрезвычайно сильно. Внезапность появленія его за Балканами и достигнутые имъ результаты были такъ необыкновенны и съ такой быстротою и легкостью добыты, что многіе невольно стали объяснять себѣ все это, равно какъ и занятіе сѣверной Болгаріи, тѣмъ только, что турки и тутъ нарочно и сознательно заманивали насъ въ глубь страны. Но на самомъ-то дѣлѣ туркамъ было совсѣмъ не до этого. Дѣло объясняется гораздо проще, точно также какъ и занятіе Тырнова и другихъ пунктовъ въ сѣверной Болгаріи, именно — разбросанностью турецкихъ войскъ. Главныя силы непріятеля, т. е. турецкая армія, была все-еще заперта въ крѣпостяхъ, мы же находили въ полѣ болѣе или менѣе мелкіе отдѣльные отряды турецкаго войска, которые и бѣжали отъ насъ при первомъ же нашемъ появленіи. „Поздравляю съ успѣхомъ, — телеграфировалъ Государю Императору германскій императоръ Вильгельмъ:—но гдѣ же турки?“

Нельзя, впрочемъ, сказать, чтобы турки вовсе не прилагали стараній къ оборонѣ Балканскихъ проходовъ. Изъ турецкихъ документовъ, опубликованныхъ въ процессѣ Сулеймана-паши и въ „Сборникѣ избранныхъ документовъ“ Ахмеда-эфенди, можно видѣть, что непріятель прилагалъ даже особенныя заботы къ сохраненію за собою оборонительной линіи Балкановъ. Такъ, еще въ апрѣлѣ мѣсяцѣ, когда турецкія войска только еще готовились встрѣтить русскихъ при переходѣ ихъ черезъ Дунай, султанъ уже озаботился укрѣпленіемъ Балканскихъ проходовъ, причѣмъ высокая Порта сдѣлала распоряженіе о высылкѣ на работы всего мужскаго населенія, за исключеніемъ стариковъ, дѣтей и больныхъ. Вниманіе свое турки сосредоточили преимущественно на

проходѣ Казань-Сливно, какъ ведущемъ къ Ямболи-ени-загрской вѣтви желѣзной дороги и перерывающемъ сообщеніе Адрианополя съ Шумлою. Уже въ маѣ мѣсяцѣ въ этомъ округѣ стоялъ приблизительно одинъ алай (полкъ) кавалеріи, низама и зашгивъ, что, однако, далеко не удовлетворяло бдительности султана, и онъ предписалъ немедленно приступить къ распоряженіямъ о назначеніи, для удержанія этого округа, достаточнаго числа войскъ. Но, по неизвѣстнымъ причинамъ, приказаніе это не было исполнено своевременно. По переходѣ же русскихъ войскъ черезъ Дунай, для обороны Казанскаго перевала и другихъ проходовъ въ Балканахъ, былъ посланъ въ Сливно, или Сливенъ, въ качествѣ временнаго начальника обороны Балкановъ, Реуфъ-паша, которому къ первымъ числамъ іюля мѣсяца удалось собрать вокругъ себя около 8 таборовъ пѣхоты изъ сливенскаго, адрианопольскаго и филиппопольскаго мустахфиза и редифа и до 3,000 черкесовъ и башибузуковъ изъ Константинополя. Кромѣ того, 29-го іюня, Реуфъ-паша потребовалъ къ себѣ два табора пѣхоты изъ Османъ-Базара, а вслѣдъ затѣмъ предположено было отправить къ нему же изъ Османъ-Базара всю бригаду Савфета-паши и отрядъ пѣхоты, отступившій изъ Тырнова, всего около 9 таборовъ. Въ то же время, изъ Константинополя были посланы на Шибкинскій перевалъ, черезъ Лени-Загру, семь таборовъ пѣхоты, а вслѣдъ затѣмъ были отправлены туда же еще четыре табора пѣхоты, подъ начальствомъ Мегемеда-Хулусси-бея и Рассима-пашей, которые 26-го іюня прибыли въ Лени-Загру, а на слѣдующій день заняли уже Казанлыкъ и Шибку, всего съ одиннадцатью таборами.

Кромѣ того, въ Адрианополѣ къ 30-му іюня находились уже около шести тысячъ мустахфиза, для усиленія которыхъ, вслѣдствіе рѣшенія военнаго совѣта, было приказано призвать къ оружію все населеніе окрестностей Адрианополя.

Независимо отъ принятыхъ мѣръ и распоряженій по ту сторону Балкановъ, около 25-го іюня были командированы въ Шумлу военный министръ Редифъ-паша и муширъ Намыкъ-паша, также съ порученіемъ воспрепятствовать переходу русскихъ черезъ Балканы, или же отгнать ихъ, причѣмъ наиболѣе вѣриѣе средство къ тому было найдено въ понужденіи Османа и Мегемеда-Али-пашей пред-

принять немедленное наступление против правого и лѣваго фланговъ русской арміи, авангардъ которой направлялся прямо на Адрианополь. По этому случаю отъ 2-го іюля была послана Осману и Мегемету-Али-пашамъ депеша изъ канцеляріи султана слѣдующаго содержания: „Его величество приказалъ возможно поспѣшнѣе прибыть къ цѣли дѣйствию. Непрiятель произвелъ нападеніе съ двухъ сторонъ: на Тени-Загру и на Казанлыкъ“ Отъ того же числа выщепомянутымъ пашамъ послана была вторая депеша слѣдующаго содержания: „Вслѣдствіе распространенія непрiятеля, о чемъ мы уже сообщили; государство поставлено между жизнью и смертью. Нынѣ надлежитъ обнаружить высокое военное мужество и любовь къ отечеству. Его величество приказалъ прибыть къ цѣли дѣйствию настолько поспѣшно, насколько лишь возможно силамъ человѣка“

Наконецъ, еще во время стоянки нашихъ войскъ въ Румыніи, было не разъ предписываемо Сулейману-пашѣ какъ можно скорѣе покончить съ черногорскимъ вопросомъ, отвлекаяшимъ значительныя силы турокъ отъ дунайскаго театра войны. По переходѣ же русскихъ войскъ черезъ Дунай, 19-го іюня, въ совѣтѣ турецкихъ министровъ, по предложенію султана, было немедленно рѣшено оставить въ Черногоріи, для обезпеченія турецкихъ границъ, одного изъ двухъ: Али-Самба или Сулеймана-пашу, а другаго, если не встрѣтятся большихъ препятствій, присоединить къ главнокомандующему съ сорока или съ сорока пятью таборами. 22-го іюня были уже отправлены пароходы изъ Варны и Эрекли въ Антивари, для посадки войскъ Сулеймана; а 27-го іюня была отправлена Сулейману-пашѣ слѣдующая депеша изъ канцеляріи султана: „По свѣдѣніямъ, сообщеннымъ намъ изъ морскаго министерства, можно надѣяться, что пароходы будутъ тамъ (въ Антивари) сегодня. Непрiятель захватилъ Тырновъ и выходитъ прямо къ Сливно. Если онъ захватитъ укрѣпленія Казана, или, направившись съ другой стороны, захватитъ желѣзную дорогу, то оборонительная линія Балкановъ падетъ и ничто не будетъ препятствовать его наступленію по любому направленію. Вотъ каково положеніе. Необходимо немедленное прибытіе вашей свѣтлости. Посадка вашихъ войскъ въ Антиваръ должна послѣдовать тотчасъ по прибытіи упомянутыхъ императорскихъ пароходовъ. По приказанію его величества, на

васъ возлагается обязанность, тотчасъ по прибытіи, нагнаться и отправиться, не теряя ни одной лишней минуты противъ самаго необходимаго времени для посадки войскъ и нарузки припасовъ и тяжестей“

Но, какъ извѣстно, Сулейманъ-паша съ своей арміею не успѣлъ принять участія въ оборонѣ балканскихъ проходовъ. Обязанность эта выпала временно на долю сливненскаго отряда Реуфа-паши, который располагалъ вначалѣ горестю мустахфиза и башибузукровъ. Числа 26-го или 27-го іюня, вслѣдствіе полученнаго имъ извѣстія о направленіи русскихъ изъ Тырнова на Сливно, Реуфъ-паша приказалъ казанлыкскому каймакаму Незефъ-бею *) отправить изъ Казанлыка въ Сливно два табора, съ цѣлью обезпеченія укрѣпленій Казана. Вѣроятно, эти самые два табора и прошли мимо Ханкойскаго прохода въ то время, когда въ немъ бивуакировалъ конно-піонерный отрядъ Рауха... О дальнѣйшихъ дѣйствіяхъ Реуфа-паши сообщается въ слѣдующей телеграммѣ Махмуда-паши Сулейману-пашѣ отъ 9-го іюля:

„Въ послѣднюю субботу непрiятель атаковалъ два батальона, занимавшіе Ханкойскій проходъ, и послѣ двухчасоваго боя перешелъ Балканы.

„Реуфъ-паша тотчасъ же выступилъ на встрѣчу противнику изъ Сливно и приказалъ Хулусси-пашѣ съ тремя батальонами идти туда же съ Шибки **). Но генералы эти не могли уже соединиться.

„Русскіе присоединили къ себѣ множество болгаръ, такъ что число ихъ значительно возросло; наши отряды въ Сливно и Шибкѣ были такъ не велики, что не могли оказать противнику серьезнаго сопротивленія; отрядъ же, сформированный въ Османъ-Базарѣ, не подоспѣлъ своевременно; вслѣдствіе этого противникъ сжегъ множество мусульманскихъ селеній, занялъ Казанлыкъ и Шибку и окружилъ нашъ отрядъ на Шибкинскомъ перевалѣ; затѣмъ онъ подвинулся къ самому Калоферу и Карлово, а одна изъ его дивизій укрѣпилась въ Кассабъ-кюѣ, по дорогѣ изъ Казанлыка въ Эски-Загру, въ разстояніи 2½ часовъ отъ послѣдней.

„Шибкинскій перевалъ занятъ былъ войсками Хулусси-паши и Рассима-паши; первый изъ нихъ ата-

*) Вѣроятно это тотъ самый каймакамъ, который былъ взятъ въ плѣнъ въ дѣлѣ при Уфлани.

**) Этими движеніемъ турокъ и объясняются бои при Кунаро и Уфлани.

коваль противника тремя батальонами еще въ то время, когда тотъ обладалъ лишь слабыми силами, но съ тѣхъ поръ мы не получали отъ него никакихъ извѣстій. Бѣглые рассказываютъ, что наши батальоны разбиты послѣ продолжительнаго сопротивленія и разсѣяны, и что Хулусси-паша взятъ въ плѣнъ; другіе говорятъ, что онъ еще защищается въ укрѣпленіяхъ Шибкинскаго перевала; наконецъ, третьи сообщаютъ, что русскіе атаквали нашъ отрядъ со стороны с. Шибки и Габрова и принудили его къ сдачѣ...

„Въ силу императорскаго приказа, ваше превосходительство назначается главнымъ начальникомъ балканской арміи...

„Главная наша цѣль въ данную минуту заключается въ томъ, чтобы не позволить русскимъ сосредоточить значительныя силы на Балканахъ и не допустить ихъ угрожать отрядамъ Османа и Ахмеда-Эюба-пашей; для достиженія этой цѣли нужно какъ можно скорѣе очистить отъ противника страну по сю сторону Балкановъ и отбѣнить ихъ за Балканы. Исполненіе этой-то операціи и возлагается на ваше превосходительство. Считаю излишнимъ давать вамъ болѣе подробныя инструкціи, прибавлю только, что необходимо дѣйствовать какъ можно быстрѣе“

Таково было положеніе дѣлъ у турокъ за Балканами, когда нашъ передовой отрядъ отдыхалъ въ Казанлыкѣ, не принявъ еще никакого опредѣленнаго рѣшенія. О непріятельскихъ войскахъ точныхъ свѣдѣній въ передовомъ отрядѣ не имѣлось; доходили только неопредѣленные слухи о движеніи арміи Сулеймана-паши изъ Черногоріи къ Адрианополю. Рассказываютъ, что будто въ это время генераль Гурко получилъ инструкцію такого рода: если онъ найдетъ возможнымъ или нужнымъ двинуться далѣе, онъ можетъ это взять на себя; но если ему придется отступить въ Балканы, онъ уже теряетъ самостоятельность и поступаетъ подъ начальство генерала Радецкаго, котораго главная квартира находилась въ Тырновѣ.

До сихъ поръ генераль Гурко дѣйствовалъ вообще по инициативѣ главнаго штаба и указаніямъ изъ Тырнова главной квартиры; теперь же, какъ видно изъ послѣдующихъ его распоряженій, онъ склонился, вѣроятно, въ пользу самостоятельнаго образа дѣйствій, потому что рѣшился продолжать свои операціи за Балканами...

Но въ это время что-то роковое пронеслось надъ

рядами всей русской арміи. До сихъ поръ побѣдоносныя и счастливыя, незнавшія ни неудачъ, ни значительныхъ потерь, войска наши, на другой же день по взятіи Шибки, 8-го іюля, вдругъ разбиваются подъ Плевною съ страшнымъ урономъ, въ ожесточенномъ сраженіи, послѣ отчаянныхъ и безплодныхъ усилій. Объ этой неудачѣ, также какъ и второй неудачѣ чрезъ десять дней, мы будемъ говорить въ слѣдующемъ очеркѣ, здѣсь же не будемъ прерывать разсказа о дѣйствіяхъ передоваго отряда, и доведемъ его до полнаго отступленія за Балканы. За первую неудачей слѣдуютъ одна за другой новыя и новыя. Точно переродились и сами турки: прежде разрозненные и трусливые, таборы ихъ вдругъ теперь сосредоточиваются въ трехъ пунктахъ—на р. Осмѣ, на р. Янтрѣ и за Малыми Балканами, и повсюду обнаруживаютъ необыкновенную стойкость.

Въ то время, впрочемъ, на это никто не обратилъ особеннаго вниманія; даже неудачу подъ Плевною приписывали всѣ простой, легко исправимой случайности.

Между тѣмъ, одно уже сраженіе подъ Плевною не могло не измѣнить сразу положенія нашего передоваго отряда. Довольно слабый по численности и далеко выдвинувшійся впередъ отъ нашихъ главныхъ силъ, онъ долженъ былъ теперь остановить наступленіе и позаботиться о своей собственной безопасности, въ особенности въ виду появленія слуховъ о сосредоточеніи впереди отряда, у Адрианополя, всей 40-тысячной арміи Сулеймана-паши, спѣшившей съ границъ Черногоріи.

Изъ приведеннаго выше очерка долины рѣки Тунджи можно было видѣть, что овладѣніе Эскизагрекимъ и Ленизагрекимъ ущельями въ Малыхъ Балканахъ было дѣломъ весьма важнымъ для нашего передоваго отряда, расположившагося, послѣ занятія Шибки, въ Тунджинской долинѣ, въ городѣ Казанлыкѣ. Овладѣніе ущельями Малыхъ Балкановъ закрывало доступъ туркамъ, со стороны Адрианополя, въ долину Тунджи и къ проходамъ Шибкинскому и Ханкойскому, которые сдѣлались бы чрезъ это совершенно обезпеченными за нашимъ смѣлымъ авангардомъ.

Съ другой стороны, необходимо замѣтить, что, въ случаѣ оставленія ущелій Малыхъ Балкановъ открытыми, туркамъ легко было сдѣлать попытку вновь

завладѣть долиною рѣки Тунджи, а слѣдовательно и подступами къ проходамъ Ханкюйскому и Шибкинскому, такъ какъ непріятель имѣлъ полнѣйшую возможность, какъ уже было замѣчено выше, быстро придвинуть къ Малымъ Балканамъ, по іенизагрской желѣзной дорогѣ, войска свои изъ Шумлы и Адрианополя. Поэтому оставлять открытыми ущелья Малыхъ Балкановъ и медлить съ занятіемъ ихъ было крайне опасно для нашего немногочисленного и далеко выдвинувшагося впередъ передоваго отряда.

Въ виду этого генералъ Гурко, тотчасъ по овладѣніи Шибкинскимъ переваломъ, выдвинулъ казачьи развѣзды въ Эскизагрское и Іенизагрское ущелья. Развѣзды эти вскорѣ обнаружили присутствіе на іенизагрской желѣзной дорогѣ новыхъ турецкихъ батальоновъ, кромѣ отступившихъ туда изъ долины Тунджи. Это были первые предвѣстники грозы для передоваго отряда, которая разразилась уже надъ русскими войсками подъ Плевною. Однако на появленіе этихъ батальоновъ, въ виду малочисленности ихъ, въ то время также никто не обратилъ большаго вниманія, какъ и на плевненскую битву. 10-го іюля въ Казанлыкѣ явилась даже депутація изъ Эски-Загры отъ болгаръ, съ просьбою занять городъ нашими войсками. По приказанію генерала Гурко, съ бивуака у Казанлыка былъ немедленно высланъ Казанскій драгунскій полкъ, со взводомъ 16-й конной батареи и сотнею казаковъ, въ Эски-Загру, для занятія этого города. Казанцы въ тотъ же день, 10-го іюля, вступили въ Эски-Загру, причемъ были встрѣчены восторженною толпою горожанъ-болгаръ и, захвативъ телеграфную станцію, разрушивъ телеграфную линію и принявъ сданное жителями-мусульманами оружіе, расположились на бивакѣ у города.

Но уже на другой день, 11-го іюля, прошелъ слухъ о появленіи новыхъ турецкихъ таборовъ на іенизагрской желѣзной дорогѣ и о сосредоточеніи у самаго г. Іени-Загры многочисленнаго отряда, подъ начальствомъ Реуфа-паши...

Тогда рѣшено было немедленно сдѣлать кавалерійскіе набѣги на іенизагрскую и филиппопольскую вѣтви желѣзной дороги, съ цѣлью разрушить ихъ и помѣшать подвозу турецкихъ войскъ къ Малымъ Балканамъ, для чего и были посланы, 11-го іюля, два отряда: первый, составленный изъ Казанскаго

драгунскаго полка, двухъ орудій 16-й конной батареи и сотни казаковъ 26-го Донскаго полка, подъ начальствомъ полковника Корево, при генеральнаго штаба подполковникѣ Фрезе, — былъ направленъ изъ Эски-Загры на филиппопольскую вѣтвь желѣзной дороги, къ станціи Каяджикъ. Второй отрядъ, составленный изъ Астраханскаго драгунскаго полка, двухъ орудій 16-й конной батареи и сотни казаковъ 21-го Донскаго полка, подъ начальствомъ полковника Мациулевича, при генеральнаго штаба подполковникѣ Сухотинѣ, — былъ двинутъ изъ Казанлыка, чрезъ Эски-Загру, на іенизагрскую вѣтвь желѣзной дороги, къ станціи Карабунаръ.

Въ тотъ же день, 11-го іюля, самъ генералъ Гурко, со штабомъ, и князя Лейхтенбергскіе, съ Кіевскимъ гусарскимъ полкомъ, двумя донскими орудіями, четырьмя болгарскими дружинами (1-ю, 2-ю, 3-ю и 5-ю) и горною батареею, также выступили изъ Казанлыка въ Эски-Загру, для поддержки драгунскихъ отрядовъ, отправившихся въ набѣги... Остальныя войска остались въ Казанлыкѣ подъ начальствомъ генерала Рауха. Комендантомъ въ этомъ городѣ былъ назначенъ майоръ Поповъ, на долю котораго выпала обязанность чинить расправу надъ башки-бузками, приговоренными за убійство и грабежи къ смертной казни...

Дорога изъ Казанлыка въ Эски-Загру идетъ сначала роскошною долиною р. Тунджи, чрезъ частыя орѣховыя и дубовыя рощи и чрезъ селенія съ богатыми фруктовыми садами, деревья которыхъ въ іюля мѣсяцѣ гнулись подъ тяжестью плодовъ... Солдаты по дорогѣ то и дѣло ломали цѣлыя вѣтви съ фруктами; имъ особенно нравились желтыя съ румянцемъ, похожія на китайскія яблочки, сливы...

— Экая сласть какая, — говорилъ гусаръ, чмокая и одну за другою убирая въ ротъ сливы: — у насъ на Россіи этого не водится...

Мало-по-малу дорога взбирается на Малые Балканы, рѣзко отличающіеся отъ Великихъ своею пустынностью и скучнымъ, однообразнымъ видомъ. Подходя къ Эски-Загрѣ, горы начинаютъ рельефнѣе выдаваться; дорога идетъ ущельемъ и вьется въ скалѣ, а справа, внизу, въ пропасти, шумитъ ручей...

Наконецъ нашъ отрядъ вышелъ изъ горъ и началъ втягиваться въ Эски-Загру. Въ болгарской части города жители привѣтствовали русскихъ и бол-

гарь-ополченцевъ радостными криками и колокольнымъ звономъ. Дома были украшены флагами и гирляндами изъ живыхъ цвѣтовъ. Во главѣ жителей вышло духовенство съ хлѣбомъ и солью. Хоръ дѣвухъ, одѣтыхъ въ бѣломъ, пропѣлъ болгарскую патриотическую пѣснь... Радости и восторгу жителей не было предѣла! Всю дорогу они провожали солдатъ, бросая имъ подъ ноги цвѣты и вѣнки... Шапки, ружья и ятаганы дружинниковъ украсились цвѣтами... Вино, табакъ, хлѣбъ и фрукты жители предлагали ополченцамъ и солдатамъ безвозмездно. Бѣдныя „братушки“ не чуяли тогда, что черезъ восемь дней единовѣрные защитники ихъ принуждены будутъ отойти вновь за Малые Балканы и оставить ихъ на поруганіе и произволь полчищъ баши-бузуковъ.

Пройдя городъ, отрядъ расположился бивуакомъ на большой полянѣ, верстахъ въ двухъ отъ Эски-Загры. По словамъ жителей, ближе Иени-Загры нигдѣ непріятельскихъ войскъ не было. Въ Иени-Загрѣ же находилось около десяти таборовъ пѣхоты съ кавалерією и артиллерією.

На слѣдующій день, 12-го іюля, оба летучіе отряда, посланные наканунѣ для перерыва сообщеній турокъ, дошли, наконецъ, до вышеупомянутыхъ желѣзнодорожныхъ линій.

Отрядъ полковника Корево, направленный къ филиппопольской линіи желѣзной дороги, на Каяджикъ, подойдя къ рѣкѣ Марицѣ, увидѣлъ на противоположной сторонѣ, близъ полотна желѣзной дороги, партію башибузуковъ. Чтобы отогнать ихъ, былъ высланъ 4-й эскадронъ маіора Теплова, который лихо переплылъ рѣку и тотчасъ же разогналъ непріятеля. Тогда весь отрядъ расположился на лѣвомъ берегу Марицы и выслалъ отъ себя впередъ партію динамитчиковъ, для разрушенія дороги, подъ командою 9-го Кіевского гусарскаго полка корнета Фрезе, обучавшагося въ мирное время дѣйствіямъ динамитными патронами. Въ авангардъ былъ назначенъ хорунжій Дукмасовъ съ 20-тью казаками, который и исполнилъ одинъ всю задачу. Съ своимъ отрядикомъ онъ распорядился такъ: 10 человекъ, подъ командою урядника, онъ отправилъ слѣва, по направленію къ станціи Каяджикъ, а самъ, съ остальными 10-тью казаками, направился вправо. Вскорѣ Дукмасовъ первый собственноручно испортилъ телеграфъ, повалилъ будку

и, показавъ казакамъ, какъ портить шпалы, одинъ направился по полотну желѣзной дороги влѣво и, какъ бомба, влетѣлъ на станцію... Перепуганный начальникъ станціи, какой-то нѣмецъ изъ Дармштадта, тотчасъ передалъ въ его руки казну, къ которой Дукмасовъ немедленно приставилъ часоваго. Затѣмъ онъ отправился къ казакамъ, посланнымъ слѣва, и показалъ также, какъ портить шпалы, рельсы, колодезь. Минуту спустя, станція со всеми службами были уже объаты пламенемъ. Полотно на нѣсколько верстъ вправо и влѣво отъ станціи было разрушено до основанія, телеграфный аппаратъ съ лентами, книги и начальникъ станціи были арестованы. Послѣ этого отрядъ вернулся въ Эски-Загру.

Другой отрядъ, направленный къ іенизагрской желѣзнодорожной линіи, подъ командою полковника Мацюлевича, подходя къ станціи Карабунаръ, встрѣтился неожиданно съ значительными турецкими силами, состоявшими изъ трехъ или четырехъ батальоновъ пѣхоты, нѣсколькихъ эскадроновъ кавалеріи и цѣлой толпы черкесовъ и баши-бузуковъ, частью расположившихся на самой позиціи у станціи Карабунаръ, а частью занимавшихъ окрестности Сайменли и Гиджоія. Раздѣлившись на три колонны, наши рѣшились все-таки тотчасъ же приступить къ выполненію своей задачи.

Разрушеніе дороги съ помощью динамита удалось исполнѣ только одной лѣвой колоннѣ, между Кайзарли и Карабунаромъ. Самую же станцію разрушить не удалось, такъ какъ средняя и правая колонны должны были до двухъ часовъ дня сдерживать превосходнаго по числу непріятеля. Въ концѣ концовъ обнаружилось, что пять мостовъ, три желѣзнодорожныя будки, три водосточныя трубы, желѣзнодорожная полустанція, телеграфная линія и полотно желѣзной дороги на протяженіи слишкѣмъ 20-ти верстъ были разрушены до основанія, причѣмъ мѣстные жители-болгары помогли срубить всѣ телеграфные столбы. Въ два часа по полудни отрядъ благополучно возвратился въ Эски-Загру.

Свѣдѣнія, собранныя обоими драгунскими отрядами, были далеко неутѣшительныя. Частью путемъ разспросовъ, частью собственными развѣдками драгуны узнали, что, кромѣ сильнаго непріятельскаго отряда у Карабунара, турецкія войска сосредото-

ваются еще у Сайменли и Тырнова *), и что къ послѣднему пункту постоянно подвозятся новыя войска изъ Адрианополя.

Въ тотъ же день, 12-го іюля, съ цѣлью развѣдать о непріятель къ сторонѣ у Іени-Загры, былъ посланъ по шоссе, ведущему въ этотъ городъ, развѣздъ Кіевскихъ гусаръ, который на пути внезапно былъ атакованъ черкесами... Два гусара были отхвачены и попались въ плѣнъ, такъ какъ не въ состояніи были на измученныхъ лошадяхъ уйти отъ непріятеля; остальные вернулись въ Эски-Загру съ донесеніемъ, что непріятель наступаетъ изъ Іени-Загры...

Извѣстіе это въ первый разъ встревожило нашъ маленькій эскизагрскій отрядъ и жителей Эски-Загры. Въ городѣ въ это время оставались всего: Кіевскій гусарскій полкъ, четыре болгарскихъ дружины, 4 горныхъ орудія и 2 орудія донской батареи. Оба драгунскихъ полка не возвращались еще съ набѣговъ и отъ нихъ свѣдѣній пока еще никакихъ не получалось, и они легко могли быть отрѣзаны... Къ тому же, кавалерійскія лошади въ нашемъ отрядѣ, отъ длинныхъ переходовъ по горамъ, постоянныхъ развѣздовъ и страшной жары, стали быстро таять, заболѣвая часто запаломъ и спадая съ тѣла... „Кони совѣмъ изъ силъ повыбились, — говорили солдаты-кавалеристы: — вонъ намедни гусарскій развѣздъ наткнулся на черкесовъ, такъ насилу ушелъ отъ нихъ, а два солдатика такъ-таки и остались: лошади больно заморены были! Да коли отдыху не дадутъ, такъ и совѣмъ безъ лошадей будемъ, ужъ и теперь корму почитай-что не ѣдятъ!..“ Къ довершенію всѣхъ бѣдъ, черкесы и башибузуки, точно почуя за собой какую-то новую силу, подняли голову и нахальство ихъ стало увеличиваться съ каждымъ часомъ... Почти ежедневно происходили у нихъ стычки съ нашими развѣздами, причѣмъ дерзость ихъ нисколько не уменьшалась. Жители-болгары съ семействами со всѣхъ сторонъ стеклись въ Эски-Загру, спасаясь отъ грабежа и звѣрствъ башибузуковъ и черкесовъ, и прося защиты отъ грабежа и рѣзни, которые совершались по окрестнымъ деревнямъ. Наконецъ въ городѣ все упорѣе и упорѣе распространялся слухъ, что турки „самого Сулеймана-пашу ждутъ...“

*) Узелъ желѣзныхъ дорогъ изъ Филиппополя и Іени-Загры.

Въ виду всего этого, извѣстіе о наступленіи турокъ изъ Іени-Загры произвело въ городѣ страшный переполохъ. Почти-что по тревогѣ отрядъ изготовился для обороны Эски-Загры. Генераль Гурко выбралъ позицію; цѣлыя эскадроны были посланы для развѣдокъ. Но, къ счастью нашему, оказалось, что кромѣ партій черкесовъ со стороны Іени-Загры ничего не было видно, и наступленія никакого не замѣчалось. Все успокоилось и разошлось по бивуакамъ. Къ вечеру возвратились, наконецъ, съ набѣговъ и драгунскіе полки.

Тревожныя извѣстія, доходившія со всѣхъ сторонъ, заставили нашу кавалерію, вмѣсто предполагаемаго отдыха, назначать отъ себя ежедневно, начиная съ 12-го іюля, наряды для охраненія города, а именно: на дорогахъ въ Іени-Загру, въ Каяджикъ, въ Тырновъ и въ Чирпанъ были выставляемы всякій день пикеты, каждый изъ взвода кавалеріи, которые освѣщали впереди лежащую мѣстность.

Независимо отъ этого, 13-го іюля, была вновь выслана сотня казаковъ, подъ начальствомъ штабс-ротмистра болгарскаго ополченія Чилиева *), въ д. Хаской, для разрушенія телеграфной линіи на шоссе изъ Филиппополя въ Адрианополь (къ югу отъ филиппопольской желѣзной дороги). Задуманный набѣгъ, однако, не удался, такъ какъ при приближеніи къ рѣкѣ Марицѣ сотня встрѣтила многочисленныя партіи черкесовъ и башибузуковъ. Не будучи въ состояніи самъ испортить телеграфъ, шт.-ротмистръ Чилиевъ послалъ для этого болгарина, который, въ доказательство исполненнаго имъ порученія, принесъ Чилиеву телеграфную чашку. Возвратившись на другой день вечеромъ въ Эски-Загру, штабс-ротмистръ Чилиевъ привезъ весьма серьезныя извѣстія. Такъ онъ узналъ, что на желѣзной дорогѣ, въ мѣстахъ порчи ея нашими драгунами, производятся дѣятельныя исправленія; что между станціями Карабунаромъ, Тырновомъ, Каяджикомъ и Сайменли происходятъ значительныя передвиженія турецкихъ войскъ, и что въ Сайменли находится до 4,000 человекъ регулярныхъ войскъ, а въ Чарпанѣ—до 2,000 башибузуковъ.

*) При штабѣ болгарскаго ополченія состояло четыре ординарца-кавалериста, прибывшихъ первоначально для сформирования и командованія конными болгарскими сотнями, но формировавіе болгарской кавалеріи, вслѣдствіе того, что ополченіе оказалось въ авангардѣ, приостановилось на десяткѣ конныхъ волонтеровъ.

Съ появленіемъ значительныхъ турецкихъ силъ въ долину р. Марицы, набѣги черкесовъ и башибузуковъ стали смѣлѣе и жесточеннѣе. Ежедневно окрестные жители-болгаре цѣлыми сотнями прибѣгали въ г. Эски-Загру, подъ покровительство нашего отряда. Нѣкоторые не успѣвали во-время укрыться отъ звѣрства башибузуковъ, и уже искалѣченные и раненые добирались кое-какъ до нашихъ... Городъ переполнился бѣглецами-болгарами, съ ихъ семействами. 13-го іюля привезли въ Эски-Загру три телѣги однѣхъ израненныхъ и обоженныхъ болгарскихъ женщинъ и дѣтей... Въ самомъ городѣ, озлобленное турецкое население, вслѣдствіе дошедшихъ до него слуховъ о приближеніи турецкихъ войскъ, измѣнило свое положеніе, припрятало оружіе и выжидало только случая отомстить болгарамъ за временную необходимость покориться, надобно сказать, довольно суровому въ военное время суду и расправѣ...

Такъ, 13-го іюля, по проѣзжавшимъ мимо турецкаго квартала казакамъ было сдѣлано нѣсколько выстрѣловъ изъ одного дома. Всегда готовые къ мести, жители-болгаре въ одну минуту сбѣжались къ мѣсту происшествія, вооруженные разнокалиберными ружьями и, убивъ двухъ турокъ, понавшихся имъ первыми на глаза, тотчасъ же окружили турецкій кварталъ и поставили по два человѣка съ ружьями у каждыхъ воротъ и дверей. Вслѣдъ затѣмъ, бѣгомъ пришла на мѣсто происшествія дежурная рота болгарскаго ополченія, а за нею и начальникъ ополченія, генераль-маіоръ Столѣтовъ.

Когда казачій сотникъ пришелъ съ докладомъ объ этомъ происшествіи къ генералу Гурко, онъ сказалъ, обращаясь къ одному изъ своихъ ординарцевъ:

— Поручикъ Сухановъ, возьмите казаковъ, отправьтесь съ сотникомъ, оцѣните домъ, изъ котораго стрѣляли, и всѣхъ тамъ находящихся мужчинъ накажите!

Но исполнить это приказаніе было не такъ-то легко. Въ лабиринтѣ турецкихъ кварталовъ домовъ виновныхъ долго не могли розыскать. Между тѣмъ, стоявшая на улицѣ толпа болгаръ страшно волновалась.

— Да убіемъ всѣхъ турки!.. Да зашалимъ ихъ каста!— кричали они съ выраженіемъ страшной, безпощадной мести на лицахъ.

Вскорѣ изъ домовъ начали выбѣгать, одна за другою, испуганныя, блѣдныя, съ искаженными отъ ужа-

са и отчаянія лицами, турчанки, за платья которыхъ съ громкимъ плачемъ цѣплялись рученками дѣти... Ихъ пропустили свободно. Но вотъ, изъ какого-то подвала начали вытаскивать одного за другимъ турокъ-мужчинъ; они барахтались, упирались... Поочередно ихъ выводили на улицу, поочередно валили на землю, болгары надѣвали имъ на шею петлю и вздергивали тутъ же на воротахъ... Каждая жертва дѣлала нѣсколько конвульсивныхъ движеній и мгновенно умирала... Шестъ тѣлъ повѣсили на воротахъ рядомъ, одно около другого...

— Такъ всегда поступали съ нами турки!... говорили болгары задыхающимся отъ злорадства голосомъ...

Въ тотъ же день, 13-го іюля, какъ только полковникъ Корево съ Казанскимъ драгунскимъ полкомъ возвратился съ набѣга, генераль Гурко въ сопровожденіи своего штаба и полусотни казаковъ побѣдилъ г. Эски-Загру и вернулся въ Казанлыкъ, поручивъ командованіе отрядомъ герцогу Николаю Максимилиановичу Лейхтенбергскому, вмѣсто котораго начальникомъ кавалеріи былъ назначенъ князь Евгеній Максимилиановичъ.

Такимъ образомъ, сформировался отдѣльный эскизагринскій отрядъ, въ составъ котораго входили слѣдующія части: четыре дружины болгарскаго ополченія (1, 2, 3 и 5-я), драгунская бригада (Астраханскій и Казанскій полки), Кіевскій гусарскій полкъ, три сотни 21-го и 26-го Донскихъ полковъ (подъ начальствомъ полковника Краснова), 16-я конная батарея, четыре горныхъ орудія 2-й горной пѣшей батареи и два орудія донской 10-й батареи (взводъ хорунжаго Пономарева), всего: 4 батальона, 15 эскадроновъ и сотень и 12 орудій.

Этой горсти храбрецовъ, не превышавшихъ въ общей сложности 4,000 человѣкъ, было предписано, въ случаѣ наступленія непріятеля, защищать г. Эски-Загру и ущелье... Маленькій отрядъ нашъ былъ совершенно открытъ наступленію турокъ съ фронта (со стороны станціи Карабунара), съ праваго фланга (со стороны Чарчана) и съ лѣваго фланга (со стороны Лени-Загры)... Въ самомъ городѣ Эски-Загрѣ онъ имѣлъ противъ себя озлобленное турецкое население... Наконецъ, въ распоряженіи отряда находилась единственная дорога—узкое Эски-загрское ущелье, ведущее въ г. Казанлыкъ,—и это былъ путь отступ-

ленія; а объ отступленіи совѣстно было и думать, такъ какъ съ нашимъ отступленіемъ неразрывно связано было истребленіе жителей Эски-Загры, которые приняли насъ какъ братьевъ-освободителей, съ колокольнымъ звономъ, букетами цвѣтовъ и полнымъ славянскимъ радушіемъ...

Нужно еще замѣтить, что главныя силы маленькаго эскизагрскаго отряда состояли изъ четырехъ болгарскихъ дружинъ, до сихъ поръ еще ни разу не бывшихъ въ огнѣ, вообще плохо обученныхъ и дисциплинированныхъ, про существованіе которыхъ во все время забалканскаго набѣга передоваго отряда какъ-бы совершенно забыли... Ополченіе шло все время въ хвостъ передоваго отряда, не слыша свиста пуль, исполняя во время сраженій обязанности санитаровъ и неся въ завоеванныхъ городахъ аванпостную службу, занимая караулы въ чертѣ городовъ и разсылая патрули по окрестностямъ. Правда, ополченцы были не особенно довольны выпавшею на ихъ долю казарменною дѣятельностью, или лучше—полнымъ бездѣйствіемъ, но, во всякомъ случаѣ, помѣщеніе ихъ для первой пробы передъ самымъ фронтомъ сулеймановскихъ полчищъ, безъ всякой надежды на поддержку, съ обязанностью защищать радужное населеніе, не обѣщало также обильныхъ лавровъ...

Не мудрено, что въ г. Эски-Загрѣ, вслѣдствіе доставляемыхъ бѣглецами-болгарами весьма неблагоприятныхъ свѣдѣній для насъ, безпокойство съ каждымъ днемъ все росло и росло. Городъ былъ переполненъ сбѣгавшимися отовсюду болгарами съ ихъ семействами. Всѣ они единогласно утверждали: что турки грозятъ городу со всѣхъ сторонъ; что Лени-Загра получила подкрѣпленія; что въ Филиппополѣ собираются значительные отряды; что Сулейманъ-паша уже высадился съ своимъ корпусомъ въ Деде-Агачъ; что полчища баши-бузукъ грабятъ окрестности Чарпана... Набѣги черкесовъ стали смѣлѣе. Кругомъ запылали села: болгаре жгутъ турецкія деревни, черкесы жгутъ болгарскія... Предсѣдатель эскизагрскаго городского совѣта Славейковъ убѣдительно просилъ оружія на 350 человекъ охотниковъ, но, къ сожалѣнію, и этой просьбы нельзя было удовлетворить—нечѣмъ!...

15-го іюля изъ штаба передоваго отряда (въ Казанлыкѣ) получено было сообщеніе, что турки, по нѣ-

которымъ свѣдѣніямъ, направляются изъ Лени-Загры къ проходу въ Ханкойю...

Нечего говорить, хорошо было бы положеніе нашего отряда въ Эски-Загрѣ, если бы турки очутились въ долину Тунджи...

Для провѣрки этихъ извѣстій тотчасъ же былъ посланъ къ Лени-Загрѣ полковникъ Бѣлогрудовъ, съ двумя эскадронами Казанскихъ драгунъ, съ приказаніемъ—непремѣнно дойти до непріятеля и вступить въ бой съ нимъ, съ цѣлью разузнать о его силахъ и намѣреніяхъ. Подходя къ деревнѣ Инжикойю, лежащей всего въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Лени-Загры, полковникъ Бѣлогрудовъ встрѣтилъ неожиданно значительную партію черкесовъ, которые, по своему обыкновенію, тотчасъ же выслали цѣпь и стали отступать, отстрѣливаясь... Наши драгуны, имѣя наѣздниковъ впереди, продолжали смѣло идти рысью впередъ... Но вскорѣ черкеская цѣпь внезапно разступилась, открывъ скрытую непріятельскую батарею, которая осыпала драгунъ шрапнелью съ разстоянія 300 сажень... Одновременно съ этимъ изъ лѣса, лежавшаго на флангѣ драгунъ, значительная масса турецкой пѣхоты открыла бѣглый огонь... Полковникъ Бѣлогрудовъ, видя, что черкесы навели его на батарею и пѣхоту, сталъ спокойно, шагомъ, отходить назадъ. Ободренные тогда его отступленіемъ, черкесы снова появились, какъ изъ-подъ земли, и стали подлетать къ драгунамъ сзади, останавливаясь только для того, чтобы выпустить всѣ 16 патроновъ изъ магазиннаго ружья и снова зарядить его... Полковникъ Бѣлогрудовъ, не смотря на большой уронъ отъ этого огня, продолжалъ отходить шагъ за шагомъ... Черкесы становились все смѣлѣе и смѣлѣе и подкакивали уже на триста шаговъ... Офицеры наши начали терять терпѣніе и убѣдительно просили Бѣлогрудова повернуть назадъ и ударить въ шашки. Но полковникъ Бѣлогрудовъ спокойно отвѣчалъ:

— Не горячитесь, господа, еще рано. Развѣ вы не знаете черкесовъ? они не примутъ атаки. Нужно выждать, когда они настолько близко подкачутъ, что имъ нельзя уже будетъ уйти отъ насъ...

— Да помилуйте, полковникъ, твердили офицеры: развѣ вы не видите сколько мы даромъ теряемъ людей.

— Имѣйте терпѣніе, господа, погодите... Ну, вотъ, теперь пора!.. сказалъ онъ, когда черкесы подскочили совсѣмъ уже близко.

— Повзводно, налѣво кругомъ, рысью—маршъ! Маршъ—маршъ!.. скомандовалъ полковникъ, и драгуны пошли въ атаку...

Черкесы, видя, что уходитъ уже поздно и имъ не вывернуться изъ атаки, схватились въ шашки. Произошла первая кавалерійская схватка въ эту войну, такъ какъ черкесы до сихъ поръ уклонялись отъ рукопашнаго боя, ограничиваясь всегда одною перестрѣлкою. Драгуны мигомъ врубались въ черкесовъ, которые оказались не особенно искусными въ рукопашкѣ: они сидѣли на маленькихъ лошадкахъ и наши драгуны рубили ихъ сверху...

— Вотъ всегда бы въ шашки, говорили солдаты: —мы ихъ рубили какъ капусту...

— Гдѣ имъ отъ насъ утечь! говорилъ другой драгунъ:—съ виду они страшные: глаза на выкатъ, рожища смуглая, на затылкѣ надѣта мохнатая шапка, а какъ ударишь его шашкою съ плеча, такъ его и скорчить... лучше не требуется! Тутъ ужъ онъ совсѣмъ пропалъ... знай его только доколачивай...

Нѣсколько десятковъ черкесскихъ тѣлъ осталось на мѣстѣ, остальные скрылись. Тогда Бѣлогрудовъ собралъ драгунъ и сталъ уже совсѣмъ уходитъ, какъ черкесы снова появились. Однако, вторичной атаки они не приняли и окончательно удалились, не смѣя болѣе преслѣдовать насъ.

Драгуны потеряли въ этомъ дѣлѣ 11 человекъ убитыми и 11—ранеными.

Хотя полковнику Бѣлогрудову не удалось вполнѣ выполнить порученія, однако изъ его рекогносцировки выяснилось, что у Лени-Загры находится отрядъ до семи батальоновъ, до шести орудій и нѣсколькихъ сотенъ черкесовъ; что станція въ Лени-Загрѣ укрѣплена; но что находилось за деревнею Инжикіой и направляются ли турки на Ханкіой — этого развѣдать было нельзя.

Въ тотъ же день, 15-го іюля, одинъ поручикъ 3-й болгарской дружины отправился къ сторонѣ Чарпана, съ сотнею охотниковъ-милиціонеровъ изъ городскихъ жителей, вызвавшихся истреблять мелкія партіи башибузуковъ. Охотники эти, дѣйствительно, имѣли стычку, на дорогѣ къ Чарпану, съ значительной шайкою башибузуковъ, которые и были отброшены съ урономъ.

Между тѣмъ, извѣстія о движеніяхъ къ Эски-Загрѣ различныхъ непріятельскихъ отрядовъ под-

тверждались чуть-что не ежечасно... 16-го іюля у одного убитаго турка найдено было письмо, въ которомъ говорилось, что въ Адрианополь прибыло сорокъ четыре турецкихъ батальона и около восьмидесяти орудій по желѣзной дорогѣ изъ Салоникъ что арміею начальствуетъ Сулейманъ-паша... Въ томъ же письмѣ сообщалось, что русскіе разбиты подъ Плевною и Тырновъ будто бы взятъ обратно турками... Какъ-бы въ подтвержденіе этого, получено было извѣстіе изъ главной квартиры, что турки дѣйствительно наступаютъ изъ Ловчи на Сельви, т. е. къ сторонѣ Тырнова... Передъ вечеромъ того же дня, въ Эски-Загру прибѣжали двое молодыхъ болгаръ изъ Карабунара и увѣдомили, что туда прибыли регулярныя войска въ числѣ 20,000 человекъ и до трехъ тысячъ черкесовъ и башибузуковъ; болгаре эти увѣрили, что при прибывшемъ въ Карабунаръ корпусѣ находится самъ Сулейманъ-паша...

Очевидно было, что не сегодня-завтра нашъ эскизагрскій отрядъ будетъ атакованъ...

Какъ бы предчувствуя это, турки, жители Эски-Загры, также подняли голову и стали держать себя съ каждымъ днемъ смѣлѣе и дерзче, страдая болгаръ близко предстоявшимъ мщеніемъ... Утромъ 16-го іюля было арестовано нѣсколько турокъ, которыхъ подозрѣвали въ сношеніяхъ, установившихся между ними и начальниками непріятельскихъ отрядовъ внѣ города. За день набралось такимъ образомъ: 27 человекъ пизама, 35 человекъ жандармовъ и 6 башибузуковъ, казни которыхъ требовало населеніе, всего же 152 человекъ, кромѣ аманатовъ... Ежедневно увеличивавшееся число арестованныхъ турокъ, при малочисленности нашего отряда, ставило его еще въ большее затрудненіе...

Вмѣстѣ съ тѣмъ, толпами бѣглецовъ-болгаръ приносились слухи о новыхъ звѣрствахъ, совершаемыхъ иррегулярными турецкими войсками, уже въ близлежащихъ къ городу селеніяхъ. Такъ, въ селеніи Гюнелійска-Магала, на іенизагрской желѣзной дорогѣ, собрались жители семи окрестныхъ деревень, вооруженные чѣмъ попало, и рѣшили дать отпоръ скопищамъ башибузуковъ. Но вмѣсто башибузуковъ прибыли по желѣзной дорогѣ турецкія регулярныя войска въ превосходныхъ силахъ, атаковали селеніе и, взявъ его съ потерю 18—20-ти человекъ, вырѣзали до четырехъ тысячъ жителей... Въ г. Эски-

Загру привезли оттуда разомъ четырнадцать воевъ изуродованныхъ женщинъ, дѣтей и стариковъ... Болгарскія селенія за 10—12 верстъ кругомъ отъ города были преданы пламени...

Всѣ эти ужасы совершались въ виду нашего безпомощнаго по своей малочисленности эскизагрскаго отряда, который не только не въ состояніи былъ помочь „братушкамъ“, но еще своимъ присутствіемъ за Малыми Балканами способствовалъ къ возрастающему озлобленію турокъ.

Нечего и говорить, какой мстью пылали сами болгаре. Они то и дѣло спрашивали русскихъ: „Отчего вы не идете впередъ? Отчего еще не подходитъ русское войско?..“ Когда же вѣсть объ истребленіи жителей Гюнелійска-Магалы облетѣла городъ, болгаре вскипѣли отъ негодованія, и вся молодежь единодушно вызвалась немедленно же подать руку помощи страдальцамъ. Все, что только носило оружіе, явилось къ коняку требовать разрѣшенія выступить съ тѣмъ, чтобы разгонять башибузуковъ, хоронить умершихъ и спасать раненныхъ. Къ пяти часамъ по полудни 16-го іюля выстроился уже на площади города импровизированный отрядъ изъ ста человекъ кавалеріи и двухсотъ человекъ пѣхоты, которымъ, по просьбѣ самихъ охотниковъ, назначено было въ руководители десять человекъ Астраханскаго драгунскаго полка.

Въ тотъ же день послѣдовало приказаніе выступить 3-ей дружинѣ болгарскаго ополченія къ сторонѣ Адрианополя. Крайне обрадованные назначеніемъ участвовать, наконецъ, въ такомъ важномъ, серьезномъ дѣлѣ, дружинники, послѣ долгихъ дней бездѣйствія, тотчасъ же начали готовиться къ походу, а часъ спустя уже задвигались скорымъ шагомъ по дорогѣ въ Адрианополь, вдымая облака пыли... Поздно вечеромъ дружина пришла на позицію, лежащую въ верстахъ десяти южнѣ Эски-Загры, влѣво отъ большой шоссеиной адрианопольской дороги, гдѣ и расположилась бивуакомъ. Тотчасъ же были приняты мѣры къ огражденію дружины отъ нечаяннаго нападенія непріятеля, точно несмѣтнымъ полчищамъ Сулеймана-паша еще нужно было нападать на дружину нечаянно, чтобы уничтожить ее до послѣдняго человека...

Одновременно съ высылкою 3-ей дружины къ сторонѣ Адрианополя была предпринята новая усиленная рекогносцировка въ направленіи къ Карабунару-Сайменли. Два эскадрона Кіевскихъ гусаръ, подъ на-

чалствомъ майора Тулашова, прошли черезъ Арабаджикію, Азаблы, Карабунаръ и Гиджалы и, освѣтивъ развѣздами всю эту мѣстность, вернулись въ тотъ же день съ донесеніемъ о томъ, что у Карабунара находятся отъ шести до семи таборовъ пѣхоты съ артиллеріею, но что движеніе войскъ по желѣзнымъ дорогамъ какъ будто притихло.

Все указывало, что къ Эски-Загрѣ приближаются отборные, обстрѣленные въ горахъ Черногоріи, батальоны Сулеймана-паша... Черногорія чрезъ это, правда, окончательно избавлялась отъ грозившей ей опасности, но надъ нашимъ передовымъ отрядомъ надвигалась, въ свою очередь, грозная, роковая туча...

Въ это время, т. е. 16-го же іюля, генераль Гурко, главная квартира котораго находилась въ Казанлыкѣ, получилъ предписаніе начальника полевого штаба, увѣдомлявшее его, что Его Высочество Главнокомандующій подчиняетъ ему 1-ю бригаду 9-ой пѣхотной дивизіи (полки Елецкій и Сѣвскій), чрезъ что силы передоваго отряда увеличивались на 5,000 штыковъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ Главнокомандующій предоставлялъ генералу Гурко право дѣйствовать за Балканами по его усмотрѣнію.

Генераль Гурко, получивъ эти полномочія и подкрѣпленіе, рѣшился немедленно перейти въ наступленіе.

Нужно замѣтить, что свѣдѣнія, доставленные до сихъ поръ нашими развѣздами, далеко еще не указывали на сосредоточеніе за Малыми Балканами всей арміи Сулеймана-паша: у Лени-Загры обнаружено было всего лишь шесть-семь таборовъ съ артиллеріею и кавалеріею; у Карабунара также было открыто не болѣе семи таборовъ пѣхоты, а вдоль линіи Филиппольской желѣзной дороги наши развѣзды видѣли только болѣе или менѣе значительныя партіи башибузуковъ и черкесовъ. Всѣ слухи о прибытіи въ долину р. Марицы цѣлой арміи Сулеймана-паша доставлялись только толпами бѣглецовъ-болгаръ, которые, въ то же время, сообщали и противоположныя вещи. Такъ, по ихъ словамъ, въ рядахъ непріятельскихъ царить полнѣйшая паника, наведенная на нихъ появленіемъ нашего отряда за Малыми Балканами; турецкое населеніе бѣжало въ безпорядкѣ къ Адрианополю, гдѣ также произошелъ полный переолохъ; городское населеніе, увѣдомленное о побѣдахъ русскихъ, спѣшило взвалить свое добро на телеги и

аскало спасенія въ Константинополѣ... Но и турецкая столица не избавилась отъ общаго переполоха, когда наши драгуны испортили обѣ линіи желѣзныхъ дорогъ и телеграфы въ двухъ переходахъ отъ Адрианополя... Министры въ Константинополѣ были будто бы смѣненны, самъ султанъ приготавлился къ отъѣзду изъ столицы...

Все это доказывало, по видимому, что если армія Сулеймана-паши и успѣла прибыть въ долину р. Марицы, но далеко еще не успѣла сосредоточиться и успокоить населеніе. Генераль Гурко рассчитывалъ даже, что турки не успѣютъ собраться ранѣе 20-го іюля, а слѣдовательно не въ состояніи будутъ и перейти въ наступленіе раньше этого числа. Вслѣдствіе этого генераль Гурко рѣшился немедленно же напасть на іенизагрскій отрядъ Реуфа-паши, а вслѣдъ затѣмъ двинуться на встрѣчу турецкимъ батальонамъ, направлявшимся отъ Адрианополя къ Эски-Загрѣ, — словомъ, вознамѣрился разбить армію Реуфа и Сулеймана-пашей по частямъ, прежде чѣмъ они успѣютъ соединиться.

Для достиженія этой, нужно сознаться, весьма грудной и рискованной цѣли, изъ вновь сформированнаго отряда генерала Гурко, составленнаго изъ прежняго передоваго отряда и 1-ой пѣхотной бригады генерала Борейши, были образованы три колонны:

Пѣхотные полки Елецкій и Сѣвскій, съ 4-ю и 6-ю пѣшими батареями 9-ой артиллерійской бригады, и около 350 казаковъ (21-го и 26-го Донскихъ полковъ), стоявшіе въ Ханкіюѣ, подъ начальствомъ генераль-маіора Борейши, составили лѣвую колонну (всего 6 батальоновъ, 16 орудій и 3 сотни казаковъ).

Четыре дружины болгарскаго ополченія, драгунская бригада (Астраханскій и Казанскій полки), Кіевскій гусарскій полкъ, три сотни казаковъ (21-го и 26-го Донскихъ полковъ) полковника Краснова, 16-я конная батарея и два орудія 10-ой донской батареи (взводъ хорунжаго Пономарева), четыре горныхъ орудій, занимавшія г. Эски-Загру, подъ главнымъ начальствомъ князя Николая Максимиліановича Лейхтенбергскаго, образовали правую колонну (всего—4 батальона, 15 эскадроновъ и сотень и 12 орудій).

4-я же стрѣльцовая бригада, двѣ сотни пластуновъ, четыре сотни казаковъ (21-го и 26-го Донскихъ полковъ) полковника Чернозубова и 15-я донская ба-

тарея, занимавшія г. Казанлыкъ, подъ начальствомъ генераль-маіора Рауха, составили среднюю колонну (всего—4½ батальона, 4 сотни и 6 орудій), при которой находился и самъ генераль Гурко.

Планъ дѣйствій состоялъ въ слѣдующемъ: 17-го іюля эскизагрскій отрядъ долженъ былъ перейти, по дорогѣ изъ Эски-Загры въ Іени-Загру, къ деревнѣ Карабунаръ (почти на половинѣ пути между Іени и Эски-Загрою). Того же числа ханкіюскій отрядъ генерала Борейши долженъ былъ продвигнуться по дорогѣ изъ Ханкіюа къ мѣстечку Ложа, а казанлыкскому отряду въ тотъ же день предписывалось выступить въ мѣстечко Чайнакчи*). Въ 8 часовъ утра слѣдующаго 18-го іюля всѣ три отряда должны были подойти къ Іени-Загрѣ, атаковать и взять городъ. По диспозиціи, три колонны должны были атаковать непріятеля съ трехъ сторонъ. Кавалерія же правой колонны должна была, въ случаѣ удачи, вынестись изъ-за праваго фланга эскизагрскаго отряда и запереть непріятелю послѣдній путь отступленія — на югъ и юго-востокъ.

17-го іюля, рано утромъ, въ виду предстоявшаго наступленія на Іени-Загру, князь Николай Максимиліановичъ Лейхтенбергскій отправилъ ординарца къ 3-ей болгарской дружинѣ, высланной къ сторонѣ Адрианополя, съ приказаніемъ немедленно же вернуться въ Эски-Загру.

Однако же, въ виду необходимости знать за время нашего движенія къ Іени-Загрѣ о намѣреніяхъ непріятеля со стороны Адрианополя, былъ посланъ въ тотъ же день развѣздъ изъ эскадрона Кіевскаго гусарскаго полка, подъ начальствомъ маіора Карѣева, къ деревнѣ Азаблы, съ порученіемъ освѣщать развѣздами въ теченіи 17-го и 18-го іюля всю мѣстность къ сторонѣ іенизагрской желѣзной дороги, къ югу и сѣверу отъ станціи Карабунаръ и, если будетъ возможно, разрушить участки этой дороги къ югу отъ Іени-Загры, послѣ чего тотчасъ же присоединиться къ эскизагрскому отряду.

Затѣмъ въ самомъ городѣ оставлены были, въ видѣ гарнизона, подъ начальствомъ полковника Краснова, двѣ роты (1-я и 2-я) 5-ой болгарской дружины и одна сотня казаковъ, выставленная никемъ по дорогѣ на Чарпанъ.

*) Позади и между Карабунаръ и Ложа.

Наконецъ, съ цѣлю обезпечить за собою на всякій случай другіе пути отступленія, кромѣ эскизагрскаго ущелья, были высланы еще два офицерскіе развѣзды, для развѣдокъ о проходахъ въ Малыхъ Балканахъ, къ горнымъ деревушкамъ—Дальбоку и Чирково.

Въ виду же полученнаго отъ генерала Гурко приказанія—продвинуться всей правой колоннѣ, къ ночи 17-го іюля, по іенизагрскому шоссе до деревни Карабунаръ, весь эскизагрскій отрядъ, за исключеніемъ вышеупомянутыхъ частей, выступилъ изъ города, по направленію къ Іени-Загрѣ, въ слѣдующемъ порядкѣ:

Впередъ былъ посланъ полковникъ Бѣлогрудовъ съ двумя эскадронами Казанскихъ драгунъ, съ порученіемъ: развѣдать о силахъ и намѣреніяхъ непріятеля въ Іени-Загрѣ, не вдаваясь съ нимъ въ бой, и собранныя свѣдѣнія немедленно же доставить прямо генералу Гурко, въ д. Ельгово^{*)}, куда должна была перейти на 17-е іюля главная квартира передоваго отряда.

Затѣмъ, ровно въ 12 часовъ дня, выступила изъ Эски-Загры пѣхота (3¹/₂ дружины болгарскаго ополченія), имѣя сотню донскихъ казаковъ въ авангардѣ, а слѣдомъ за ними, въ 2¹/₂ часа по полудни, двинулась къ Іени-Загрѣ и вся остальная кавалерія эскизагрскаго отряда...

— Да будете здравы!—кричали жители вслѣдъ войскамъ:—да побѣте свѣ турци!..

И за войсками кучками потянулись вооруженные болгары, рассчитывая также принять участіе въ „биткѣ“.

Войска шли по пыльной дорогѣ, между высокими колосьями кукурузы и пшеницы. Тамъ и сямъ видѣлись рощи фруктовыхъ деревьевъ. Вдали дымились селенія, подожженные рукою черкесовъ и башибузуковъ... Почти на самой дорогѣ попадались трупы турокъ и болгаръ, уже предавшіеся разложенію и носившіе слѣды страшной мучительной смерти... Встрѣчавшіеся на пути трупы приказано было во время слѣдованія зарывать или сожигать...

Отрядъ медленно подвигался по страшной жарѣ, еле-еле переставляя ноги и съ жадностью бросааясь къ попадавшимся по дорогѣ колодцамъ.

— Кто э знаетъ? Можетъ, до самаго непріятеля воды не найдешь,—замѣчали солдаты.

*) На западъ отъ Чайнаканъ.

Но не успѣла еще кавалерія наша нагнать пѣхоту, какъ часовъ въ пять вечера, далеко еще не доходя деревни Карабунара, получено было донесеніе отъ полковника Бѣлогрудова, что турки сами наступаютъ на насъ изъ г. Іени-Загры, вслѣдствіе чего развѣздъ Казанскихъ драгунъ не могъ дойти до этого города и отступилъ съ боемъ къ селенію Уроквице^{*)}.

Извѣстіе это было крайней важности: оказывалось, что турки и русскіе задумали одновременное наступленіе: мы—на Іени-Загру, турки—на Эски-Загру... Но въ виду того, что завтра утромъ на Іени-Загру должны были напасть еще двѣ наши колонны, лѣвая и средняя, положеніе турокъ могло оказаться болѣе труднымъ, чѣмъ наше.

Князь Николай Максимиліановичъ, по непродолжительномъ совѣщаніи съ своимъ штабомъ и генераломъ Столѣтовымъ, приказалъ отряду развернуться въ боевой порядокъ и идти далѣе. Астраханскій драгунскій полкъ, съ двумя орудіями 16-ой конной батареи (взводъ капитана Усова), тотчасъ же опередилъ болгарскія дружины и въ боевомъ порядкѣ на рыскахъ вынесся на орудійный выстрѣлъ отъ непріятеля и, выславъ цѣпь наѣздниковъ, остановился. Впереди, къ сторонѣ деревни Джуранли^{***)}, на совершенно ровной мѣстности, видѣлась парная цѣпь черкесовъ, а правѣе дороги, на небольшомъ курганѣ, стояла группа всадниковъ, похожая на свиту... Князь Николай Максимиліановичъ тотчасъ же приказалъ взводу капитана Усова открыть по свитѣ огонь. Минуту спустя, одна за другой полетѣли гранаты и ударились въ самый курганъ: всадники быстро скрылись... Но едва успѣла разорваться первая граната, какъ правѣе кургана, изъ кукурузы, показались клубы пороховаго дыма, а вслѣдъ затѣмъ раздался залпъ, и цѣлый снарядъ гранатъ обдалъ князя и его штабъ землею и осколками... Не успѣло еще начальство сѣсть на коней, какъ второй снарядъ гранатъ обдалъ ихъ новыми осколками... Къ счастью, гранаты, не задѣвая никого, ложились между лошадыми. Оказывалось, что непріятель имѣлъ отлично замаскированную батарею въ 6 или 8 дальнобойныхъ орудій, а за ними густыя массы пѣхоты, батальоновъ въ 10 или 12...

*) Къ западу отъ Карабунара.

**) Къ востоку отъ Эски-Загры.

Наша передовая часть тотчасъ же отопила съ полверсты назадъ и расположилась на позиціи для прикрытія подходившихъ сзади и развертывавшихся по обѣ стороны шоссе болгарскихъ дружинъ. Выдвинутая на позицію вся 16-я конная батарея попробовала-было отвѣчать на непріятельскіе выстрѣлы, но для нашихъ четырехфунтовокъ дистанція была такъ велика, что, не смотря на крайнюю высоту прицѣла, гранаты наши не долетали и на половинное разстояніе отъ непріятельской батареи. Батарея нашей также приказано было отойти назадъ.

Въ то время, какъ наши наѣзники-драгуны и казаки, стоявшіе въ цѣпи, одни продолжали поддерживать живую перестрѣлку съ черкесами, густая масса непріятеля, приостановившіяся-было въ минуту выѣзда на позицію нашей артиллеріи, снова начали наступленіе... Болгарскія дружины въ это время еще не всѣ успѣли стать на позицію. Поэтому, для противодѣйствія наступленію турокъ, была немедленно образована колонна изъ трехъ эскадроновъ Кіевскаго гусарскаго полка, двухъ эскадроновъ Казанскаго драгунскаго полка, двухъ орудій 10-й донской батареи и сотни 26-го Донскаго полка; колонна эта, подъ начальствомъ полковника Корево, была направлена въ обходъ лѣваго непріятельскаго фланга, съ приказаніемъ атаковать наступавшаго непріятеля съ фланга и тыла.

Было уже около шести часовъ вечера, когда болгарскія дружины, шагая по вспаханному полю, по кукурузѣ, развернулись наконецъ на позиціи, по обѣ стороны шоссе, имѣя кавалерію во второй линіи. Цѣпь дружинниковъ залегла впереди кустарника, въ кукурузѣ и полевыхъ ровикахъ, но огня пока не открывала.

— Снимите шапки, братцы, да перекреститесь, — говорили дружинникамъ ихъ кадровые офицеры: — сегодня вамъ въ первый разъ доведется подраться съ туркой... Болгары, снявъ шапки, набожно крестились. Скоро послышался не то гикъ, не то визгъ. Черкесы неслись на нашъ лѣвый флангъ, преслѣдуя драгунъ и, быть можетъ, намѣреваясь также атаковать и пѣхоту. 2-я и 4-я роты 3-й дружины отерыли по нимъ густой огонь. Черкесы не выдержали и вразсыпную усаkali обратно.

Начало темнѣть. Непріятельская артиллерія продолжала отъ времени до времени осыпать грана-

тами наши дружины и артиллерію. Между тѣмъ, обходная колонна полковника Корево начала обходить непріятельскій флангъ. Непріятель, не выждавъ нападенія, отступилъ.

Было уже совершенно темно. Наши, за темнотою, не замѣтили даже отступленія турокъ и потому не могли воспользоваться лихо выполненнымъ кавалерійскимъ обходомъ. Но, во всякомъ случаѣ, у непріятеля обнаружены были такія массы войскъ, что атаковать его—значило для насъ тоже, что бить лбомъ объ стѣну. Подойти въ этотъ день къ деревнѣ Карабунару, какъ это предполагалось по диспозиціи на 17-е іюля, для эскизагрскаго отряда не представлялось никакой возможности. Волей-неволей приходилось ограничиться столніемъ передъ непріятелемъ и ждать у моря погоды.

Вдругъ, около семи часовъ вечера, получено было отъ полковника Краснова, остававшася въ Эски-Загрѣ, крайне тревожное сообщеніе о томъ, что казачій пикетъ южнѣе Эски-Загры открылъ до десяти батальоновъ турецкой пѣхоты съ артиллерією и конницею, остановившихся у деревни Арабаджи на бивуакѣ, всего въ десяти верстахъ отъ города, и имѣвшихъ по видимому намѣреніе продолжать наступленіе на Эски-Загру.

Извѣстіе это сразу измѣняло обстановку и ставило отрядъ почти въ критическое положеніе. Отрѣзанный отъ Лени-Загры, а слѣдовательно и отъ нашихъ лѣвой и средней колоннъ, превосходными непріятельскими силами, остановившимися у Джуранли, отрядъ, въ то же время, подвергался риску потерять, въ случаѣ быстраго наступленія турокъ на Эски-Загру, послѣдній и единственный путь отступленія, чрезъ эскизагрское ущелье, съ переходомъ котораго въ руки турокъ мы были бы окружены непріятелемъ съ трехъ сторонъ, а съ четвертой—прижаты къ Малому Балканскому хребту.

Итакъ, нужно было спасать Эски-Загру.

Отрядъ немедленно получилъ приказаніе отступать въ боевомъ порядкѣ къ ручью за селеніе Далбока, и тамъ ждать дальнѣйшихъ приказаній. Отступивъ къ означенному селенію, войска отряда кое-какъ расположились на отдыхъ, со всеми предосторожностями. Ночь настала темная, какъ мгла. Въ виду серьезности положенія, мало кто могъ спокойно отдыхать. Людямъ запрещено было разводять

огни; никто не снималъ аммуниціи, лошади также не разсѣдывались. Вскорѣ селеніе Далбока запылало. За нимъ запылали, одно за другимъ, сосѣднія съ турецкими позиціями селенія. Съ нашей стороны были выставлены сторожевыя посты: одна сотня казаковъ встала влѣво, въ кустахъ и виноградникахъ подъ горами, между селеніями Далбока и Чирково; эскадронъ Кіевскихъ гусаръ занялъ аванпосты къ сторонѣ Джуранли и Карабунара, а другая сотня казаковъ выставила цѣпь постовъ вправо, параллельно селеніямъ Чавликіой и Чаталы, первое изъ которыхъ было зажжено нашими казаками при преслѣдованіи одной черкесской партіи. Казаки же, зарвавшіеся при перестрѣлкѣ съ черкесами въ селеніе Далбока, увѣрили, что видѣли жителей болгаръ, привязанныхъ къ деревьямъ внизъ головою надъ пылающими кострами.

Ночью возвратился изъ развѣдки къ сторонѣ Азаблы эскадронъ Кіевскихъ гусаръ маіора Карѣева, съ извѣстіями, подтверждавшими донесеніе полковника Краснова. Маіоръ Карѣевъ безпрепятственно дошелъ съ своимъ эскадрономъ до Азаблы и тотчасъ же выслалъ оттуда нѣсколько развѣздовъ въ юго-восточномъ и южномъ направленіяхъ. Но вскорѣ одинъ изъ развѣздовъ, двигавшійся въ направленіи къ желѣзнодорожной станціи Карабунару, отойдя къ сѣверу, наткнулся на черкесовъ съ двумя орудіями и, донеся объ этомъ въ Азаблы, началъ отходить къ этой деревнѣ. Маіоръ Карѣевъ, получивъ донесеніе, немедленно пошелъ на помощь къ своему развѣзду. Отбросивъ черкесовъ, гусары бросились преслѣдовать ихъ, но были внезапно встрѣчены артиллерійскимъ огнемъ и пѣхотою, а двѣ сотни черкесовъ обсакали ихъ съ лѣваго фланга и отхватили отъ деревни Азаблы. Одновременно съ этимъ появилось еще нѣсколько таборовъ пѣхоты, и гусарскій эскадронъ былъ окруженъ непріателемъ. Однако, послѣ горячей схватки, гусарамъ удалось прорваться сквозь черкесовъ. Въ это самое время Карѣевъ услышалъ въ сторонѣ іенизагрскаго шоссе выстрѣлы. Догадавшись о происходившемъ столкновеніи главныхъ силъ, маіоръ Карѣевъ рѣшился маневрированіемъ и заманиваніемъ непріателя удерживать его отъ движенія въ сторону выстрѣловъ, что ему и удалось вполнѣ. По исполненіи этого, Карѣевъ вернулся ночью въ Эски-Загру съ доне-

сеніемъ; что значительныя массы турецкой пѣхоты съ артиллерією и конницею дошли уже до Арабаджи (къ югу отъ Эски-Загры).

Въ то же время возвратился изъ экспедиціи съ городскими охотниками-болгарами офицеръ, посланный въ сторону Чарпана. Онъ сообщилъ, между прочимъ, что отрядъ его потерпѣлъ полнѣйшую неудачу, что онъ былъ окруженъ не только башбузуками, но и массою регулярной кавалеріи; что перестрѣлка, завязанная съ нашей стороны, ни къ чему не повела и заставила лишь болгаръ немедленно отступить.

Но самая убійственная вѣсть заключалась въ томъ, что прибѣжавшіе болгарскіе поселяне единогласно сообщали о наступленіи Сулеймана-паши съ превосходными силами со стороны Адрианополя...

Грозная дѣйствительность предстала во всей своей наготѣ. Положеніе отряда становилось трагическимъ... Сравнительно слабый, по численности, и не обезпеченный съ тыла, прислоненный къ хребту Малыхъ Балкановъ, онъ былъ угрожаемъ превосходнымъ непріателемъ и съ фронта, и съ фланговъ... Къ тому же, возвратившимися изъ развѣдокъ двумя офицерскими развѣздами было удостовѣрено, что горный артиллеріи и обозовъ; развѣздъ же, посланный для изслѣдованія горнаго прохода у Чиркова, совсѣмъ не могъ исполнить своей задачи, такъ какъ еще днемъ, по отступленіи Казанскихъ драгунъ полковника Вѣлогрудова черкесы заняли село Чирково...

Поздно ночью у князя былъ собранъ военный совѣтъ, на которомъ мнѣнія раздѣлились: генераль Столѣтовъ настаивалъ на необходимости продолжать движеніе къ Іени-Загрѣ, того же мнѣнія держался и полковникъ генеральнаго штаба Фрезе; но большинство признало фланговое движеніе въ виду сильнѣйшаго непріателя черезъ-чуръ рискованнымъ, и князь уступилъ мнѣнію большинства: рѣшено было отступить къ Эски-Загрѣ и занять на близъ лежащихъ къ городу высотахъ сильную позицію, которую и защищать до послѣдней крайности, если непріатель перейдетъ въ наступленіе...

Не смотря на темноту ночи и усталость болгарскаго ополченія, князь Николай Максимилановичъ немедленно двинулся въ Эски-Загру, со всею пѣ-

хотою, горною артиллерією и двумя орудіями 10-й донской батареи и эскадрономъ Кіевскихъ гусаръ, предоставивъ брату своему, князю Евгенію Максимиліановичу, съ остальною кавалерією и 16-ю конною батареею, оставшимися на занятой позиціи демонстрировать 18 іюля противъ турецкихъ войскъ у Джуранли, отвлекать ихъ отъ нашихъ средней и лѣвой колоннъ, дебушировавшихъ въ это время изъ горъ противъ Іени-Загры, и возстановить при случаѣ связь съ ними...

Отрядъ же князя Николая Максимиліановича, не доходя версты три до города Эски-Загры, свернулъ на разсвѣтъ съ дороги влѣво и раскинулся бивуакомъ возлѣ городского турецкаго кладбища.

Перейдемъ теперь къ казанлыкскому и ханкюйскому отрядамъ, т. е. къ нашимъ средней и лѣвой колоннамъ.

Въ то время, какъ кавалерія эскизагрскаго отряда боролась въ теченіи 17-го іюля съ несравненно превосходнымъ въ силахъ противникомъ, преградившимъ ей путь къ Іени-Загрѣ, и наконецъ вынуждена была отойти обратно къ Эски-Загрѣ,—наши правая и лѣвая колонны шли въ этотъ день форсированнымъ маршемъ, не встрѣчая никакихъ препятствій, черезъ долину Тунджи въ направленіи къ той же Іени-Загрѣ...

Лѣвая колонна генерала Борейши, стоявшая лагеремъ у Ханкюя, въ ночь на 16 іюля, получила неожиданно приказаніе отъ Гурко—выступать въ походъ на Іени-Загру въ 12 часовъ слѣдующаго же дня, 17 іюля... Не смотря на позднее время, въ ханкюйскомъ лагерѣ тотчасъ же все поднялось на ноги. Началось движеніе, бѣготня, говоръ... Слѣшались приказанія: „братъ сухари на пять дней“, „ранцы бросить“, „палатки забирать“ „обоза не будетъ“...

Сѣвцы и Ельцы въ первый разъ шли въ дѣло: поэтому сборы у нихъ шли съ особеннымъ воодушевленіемъ. Въ отрядѣ было много офицеровъ молодыхъ; имъ всю ночь не спалось: они рады были, что наступила минута давно ожидаемая, наконецъ-то имъ придется встрѣтиться съ непріателемъ.

Солдаты собирались молча; ранцы, на основаніи приказа, побросали, но съ вещами не хотѣли расстаться; все, что было въ ранцѣ, они искусно уворачивали въ шинель...

Къ разсвѣту, въ отрядѣ все уже было готово. Ровно въ полдень, лѣвая колонна тронулась съ мѣста. Впереди шла пѣхота, потомъ орудія, за ними опять пѣхота.

Было не жарко, и съ небольшими привалами отрядъ легко дошелъ къ вечеру, согласно полученной диспозиціи, до деревни Ложи, гдѣ и расположился на ночлегъ, безъ шума и безъ криковъ, чтобы не привлечь вниманія непріятеля... Казаки пошныряли по деревнѣ: деревня оказалась оставленной турками-жителями; только кой-гдѣ бродили голодные собаки, да на рѣкѣ плавали гуси... Казаки возвратились въ лагерь нагруженные связками гусей; но изъ предосторожности запрещено было разводить огонь, и потому гуси остались нежареными...

Однакоже, не прошло и полчаса, какъ показался небольшой огонекъ въ деревнѣ, и одинъ домъ загорѣлся яркимъ пламенемъ... За первымъ пламенемъ показалось другое, третье, четвертое... Весь нашъ бивуакъ освѣтился такъ ярко, что со всякаго ближайшаго кургана можно было пересчитать нашъ отрядъ до послѣдняго человѣка: это болгары, изъ мести къ туркамъ, зажгли ихъ деревню...

Съ помощью-ли этого пожара, или другимъ какимъ нибудь путемъ, но только турки, какъ это оказалось въ послѣдствіи, узнали ночью о нашемъ приближеніи къ Іени-Загрѣ, и тотчасъ же приготовились къ встрѣчѣ съ русскими: укрѣпились на станціи завалами и окопами и выставили противъ насъ четыре орудія...

Между тѣмъ, въ тотъ же день, 17-го іюля, часа въ 4 утра, выступила изъ Казанлыка и средняя колонна, направляясь по долинѣ Тунджи къ іенизагрскому ущелью. До этого мѣста казанлыкскому отряду предстояло сдѣлать переходъ въ 45 верстъ. Особенно тяжело достался этотъ переходъ 13-му стрѣлковому батальону, который наканунѣ, 16 іюля, былъ посланъ изъ Казанлыка, за семнадцать верстъ по горной дорогѣ на Шибкинскій перевалъ и только что приготовился-было къ занятію тамъ аванпостовъ, какъ былъ вытребованъ обратно въ Казанлыкъ, съ приказаніемъ немедленно присоединиться къ выступившему изъ Казанлыка отряду; дѣлать нечего, батальонъ спустился съ горъ, поздно вечеромъ прибылъ въ Казанлыкъ, а въ 4 часа утра уже двигался къ іенизагрскому проходу,

сдѣлавъ, такимъ образомъ, почти безъ отдыха, около 75 верстъ. 14-й стрѣлковый батальонъ также наканунѣ былъ въ караулѣ и на аванпостахъ, и ему тоже не легко доставался этотъ переходъ, тѣмъ болѣе что сильно попорченные сухари плохо поддерживали солдатскія силы...

На пути, по всей долинѣ Тунджи, всѣ села были сожжены, одни черкесами, другія болгарами... Фруктовые сады, съ гнущимися отъ плодовъ деревьями, виноградныя поля, розовыя плантаціи, огороды съ табакомъ и богатыя поля съ созрѣвшей кукурузою—какъ-то плохо гармонировали съ полуразрушенными и закоптѣлыми отъ дыма стѣнами выжженныхъ деревень... Жители повсюду или бѣжали въ горы, или выбрались за деревни и расположились тамъ бивуаками, ежеминутно готовые уйдти подальше отъ этихъ ужасовъ войны...

Въ 12 часовъ дня средней колоннѣ былъ данъ привалъ, а въ пятомъ часу по-полудни отрядъ уже снялся съ привала и опять потянулся впередъ... Впереди, медленно и тяжело ступая, двигалась пѣхота, за нею ѣхалъ самъ генералъ Гурко со штабомъ и конвоемъ; шествию замыкали артиллерія, казаки и пластуны. Казачьи разъѣзды по сторонамъ и впереди отряда освѣщали мѣстность.

Солдаты, особенно стрѣлки, измученные жарою и вчерашнею прогулкою на Шибку, были до того утомлены, что начали вскорѣ приставать и ежеминутно задерживали артиллерію. Стоило только сѣсть стрѣлкамъ, и они моментально засыпали... Солдаты рядами ложились по бокамъ дороги, измученные непомѣрно тяжелымъ переходомъ.

— А что, братцы, скажите мнѣ, пожалуйста, мои это у меня ноги, аль чужія?.. острилъ какой-то балагуръ, растянувшись на дорогѣ; но товарищи даже и не смѣялись...

— Да еще кабы на эдакій переходъ пищу хорошую, ну такъ ничего, а то теперь глодай гнилой сухарь...

— Когда это привалъ будетъ?

— А намъ, видно, тогда, стрѣлкамъ, будетъ, когда турокъ пулей уложитъ, тогда ужъ отдохнешь...

Поднялись стрѣлки и, какъ тѣни, потянулись дальше... Становилось все темнѣе и темнѣе. Тишина была полная. Только изрѣдка раздавался стукъ

оборвавшегося орудійнаго колеса... Солдаты шли молча, едва передвигая ноги... Дорогѣ все еще и конца не было. Стрѣлки опять стали ложиться рядами. Верховые чуть не наступали на солдатъ, засыпавшихъ на дорогѣ крѣпкимъ сномъ...

Наконецъ, уже въ 1-мъ часу ночи, отрядъ сталъ подходить къ бивуаку, у входа въ иенизагрское ущелье, верстахъ въ 20-ти отъ Иени-Загры, гдѣ и расположился на ночлегъ подъ открытымъ небомъ... Черезъ четверть часа всѣ спали уже, какъ убитые.

Не смотря на всѣ трудности совершеннаго перехода, одного лазаретнаго фургона оказалось совершенно достаточно для помѣщенія солдатъ, выбившихся изъ силъ и неспособныхъ продолжать усиленный переходъ; отсталыхъ же почти совѣмъ не было.

Такимъ образомъ, въ ночь съ 17-го на 18-е іюля весь передовой отрядъ занималъ слѣдующее расположеніе: лѣвая колонна генерала Борейши бивуакировала въ сѣверо-восточномъ углу Тунджинской долины—у Ложки; средняя или казанлыкская колонна—на восточной окраинѣ долины Тунджи, у Чайнакчи; иекизагрскій же отрядъ, какъ мы видѣли, не могъ въ этотъ день приблизиться къ Иени-Загрѣ и, вынужденный отступить отъ деревни Карабунара, гдѣ онъ долженъ былъ бивуакировать по диспозиціи, расположился на ночлегъ—кавалеріи у селенія Далбока, а пѣхота—у Эски-Загры.

18-го іюля, въ 4 часа утра, лѣвая колонна генерала Борейши снялась съ бивуака и двинулась по направлешию къ Иени-Загрѣ... Какъ только взошло солнце, отрядъ снова остановился, посреди Малыхъ Балкановъ, въ одной изъ прелестныхъ долинъ, ведущихъ къ Иени-Загрѣ. Войска выстроились здѣсь въ боевой порядокъ и выслали впередъ разъѣзды...

Въ 6 часовъ утра выступила съ мѣста ночлега и средняя колонна. На бивуакѣ остался одинъ обозъ, въ прикрытіе которому назначенъ былъ 13-й стрѣлковый батальонъ, которому, какъ и горной батарее, необходимо было дать отдохнуть, послѣ ихъ путешествія на Шибкинскій перевалъ и затѣмъ къ Малымъ Балканамъ. Часамъ къ 9-ти черезъ, часа два пути по Малымъ Балканамъ, средняя колонна была уже по южную сторону покатости Малыхъ Балка-

новъ. Расположивъ свой отрядъ въ ущельѣ, генералъ Гурко выѣхалъ, въ сопровожденіи штаба, на вершину ближайшей горы, чтобы разсмотрѣть впереди лежащую мѣстность и расположеніе непріятеля.

Передъ нимъ открылась огромная равнина, на которой верстахъ въ восьми впереди, виднѣлся темнымъ пятномъ небольшой городокъ Іени-Загра, а за нимъ, въ разстояніи не болѣе полуверсты, проходила желѣзная дорога, на которой подлѣ вокзала стояло до тридцати вагоновъ, но паровоза не было замѣтно. Вся станція была укрѣплена, а позади нея былъ расположенъ лагерь, въ которомъ виднѣлось много войска... По желѣзной дорогѣ двигались разѣзды конныхъ черкесовъ... Орудій не было замѣтно, такъ какъ они были хорошо укрыты за насыпями...

Налѣво отъ города на склонѣ Малыхъ Балкановъ можно было ясно видѣть, какъ медленно спускалась съ горъ къ Іени-Загрѣ лѣвая колонна генерала Борейши... Но за то вправо отъ города, вдоль Малыхъ Балкановъ на всемъ пространствѣ, доступномъ для глаза, не было замѣтно никакого движенія русскаго войска... Только столбы дыма обозначали гористія по равнинѣ болгарскія села, да между этими столбами дыма, вдаль, верстахъ въ восьми вправо, еле-можно было различить въ бинокль поднимающуюся пыль и то исчезающіе, то появляющіеся отдѣльные клубы дыма, что заставляло предполагать, что тамъ, гдѣ-то вдали, должно происходить большое сраженіе... Но вскорѣ тамъ все затихло, и генералъ Гурко потерялъ надежду на прибытіе нашей правой колонны... Очевидно было, что отрядъ Николая Максимиліановича Лейхтенбергскаго опять встрѣтилъ на пути своемъ въ Іени-Загру турецкія войска и принужденъ былъ вступить съ ними въ бой... Нельзя было иначе объяснить непривытіе во-время къ Іени-Загрѣ эскизагрскаго отряда.

Въ концѣ концовъ оказывалось, что первую вышла изъ горъ, къ Іени-Загрѣ, лѣвая колонна; черезъ полчаса дошла до спуска съ горъ средняя колонна; но такъ какъ она наканунѣ прошла 40 верстъ, а 18 іюля еще 15 верстъ, по очень трудной горной дорогѣ, то генералъ Гурко велѣлъ ей остановиться на полчаса. Вслѣдствіе этого, лѣвая колонна вступила въ дѣло раньше средней; а такъ

какъ этой послѣдней, послѣ спуска съ горъ, пришлось сдѣлать до города еще около восьми верстъ, то разность во времени вступленія въ дѣло средней колонны дошла до 2¹/₂ часовъ.

Въ восемь часовъ утра лѣвая колонна генерала Борейши развернулась на позиціи, къ сѣверу отъ города, и двинулась впередъ. Въ первую линію были посланы три стрѣлковыя роты Елецкаго полка, 2-ой батальонъ того же полка и двѣ пѣшихъ батареи (4-я и 6-я батареи 9-ой артиллерійской бригады). Эта передовая колонна должна была вызвать на бой непріятеля, обнаружить его силы и, обойдя городъ съ сѣверо-восточной стороны, ударить на желѣзнодорожную станцію съ лѣваго фланга.

Въ то же время, 3-й батальонъ Елецкаго полка и 3-я стрѣлковая рота Сѣвскаго полка должны были обойти городъ съ сѣверо-западной стороны и ударить на желѣзнодорожную станцію съ праваго фланга.

Остальныя части отряда ген. Борейши оставлены были въ резервѣ*).

Медленно подвигаясь впередъ, лѣво-фланговый отрядъ, шедшій въ первой линіи, остановился, наконецъ, въ разстояніи не болѣе двухъ верстъ отъ города. Было уже 8¹/₂ часовъ утра. Орудія наши тотчасъ же снялись съ передковъ, раздался первый выстрѣлъ, и дѣло было начато... Многіе сняли шапки и перекрестились.

Не успѣли съ нашей стороны сдѣлать втораго выстрѣла, какъ на турецкой сторонѣ, за городомъ, изъ-за насыпи желѣзнодорожной станціи показался бѣлый клубъ дыма, а вслѣдъ затѣмъ надъ головами нашихъ просвистѣла первая непріятельская граната... За нею вторая, третья... Одна съ оглушительнымъ трескомъ разорвалась среди нашей колонны... Люди бросились на землю, лошади рванулись впередъ...

„Помогите встать, — нога, нога!“ — послышался крикъ маіора Буланова, раненаго въ ногу осколкомъ гранаты. Его сняли съ раненой лошади, стащили съ него залитый кровью сапогъ и четверо санитаровъ отправили маіора на перевязочный пунктъ.

*) Этотъ распорядокъ частей при началѣ боя приводится со словъ частныхъ корреспондентій. Въ реляціи же генерала Гурко говорится вообще, что въ первой линіи были два батальона Сѣвскаго полка при 16 орудіяхъ 4-й и 6-й батарей 9-й артиллерійской бригады, а во второй линіи — Елецкій, который былъ потомъ направленъ вправо.

Вслѣдъ затѣмъ просвистѣла новая граната, и солдаты опять-было бросились на землю, но раздалось приказаніе командира: „безъ команды не ложиться“,—и вся колонна смѣло пошла впередъ, съ командиромъ во главѣ. Гранату пронесло сажень на сто въ сторону. „Не наша, иди дальше!“—начинали уже пошучивать солдаты.

Колонна подвигалась все впередъ и впередъ, безъ выстрѣла, а турецкія гранаты то и дѣло свистѣли надъ головами... У турокъ были здѣсь орудія большаго калибра дальнѣйшія, поэтому на близкомъ разстояніи они не причиняли большаго вреда. Вскорѣ стрѣлки наши попали въ оврагъ, который шелъ по направленію къ станціи, и этимъ оврагомъ продолжали подвигаться впередъ, будучи еще менѣе безпокоены непріятельскими орудіями.

Между тѣмъ обѣ наши батареи, оставшіяся на прежней позиціи, къ сѣверу отъ города, начали посылать гранату за гранатою въ самый городъ, чтобы выгнать изъ него непріятеля, если онъ скрывается тамъ. Вскорѣ въ Іени-Загрѣ два дома загорѣлись... Въ это время можно было видѣть, какъ изъ города бѣжала въ горы нестройными массами конная и пѣшая толпа башибузукъ и жителей...

Непріятельскія войска также очистили городъ и, зажегши его въ нѣсколькихъ пунктахъ, отошли въ весьма сильно укрѣпленную позицію у станціи желѣзной дороги. Это была настоящая вѣршница, одинъ фасъ которой представляло полотно желѣзной дороги, а по сторонамъ были воздвигнуты сплошныя укрѣпленія полевой профили, въ которыхъ были прорѣзаны бойницы. Продолженіе полотна желѣзной дороги фланкировали съ обѣихъ сторонъ длинныя фасы сомкнутого укрѣпленія, внутри котораго были насыпаны траверсы, составлявшіе вторую линію обороны. Сверхъ того, вся станція была обнесена глубокимъ ровомъ. Мѣстность впереди этихъ укрѣпленій была совершенно ровная и не представляла никакихъ укрытій для нашихъ стрѣлковъ.

Гарнизонъ укрѣпленія состоялъ изъ трехъ таборовъ низама и двухъ таборовъ мустахфиза, при шести крупновскихъ орудіяхъ дальняго боя, и, сверхъ того, было до 2,000 конныхъ черкесовъ*).

Вскорѣ, передъ нашимъ лѣво-фланговымъ отрядомъ, подвигавшимся по неглубокому оврагу, показалась за желѣзной дорогою кучка всадниковъ, человекъ въ пятьдесятъ. Это были черкесы на небольшихъ лошадакахъ разной масти, лихіе наѣзники... Они быстро скакали въ разныя стороны, то собирались въ кучи, то снова разѣзжались: какъ видно было, они готовились атаковать нашихъ стрѣлковъ. Наконецъ черкесы собрались съ духомъ, и густой массою понеслись на нашу цѣпь... Стрѣлки быстро построились также въ кучки и дали залпъ. Черкесы не останавливались... Дали второй залпъ—черкесы дрогнули, закрутились... Двѣ лошади упали, всадники вскочили на другихъ лошадей, подняли раненыхъ товарищей и быстро скрылись.

Черкесы никогда не бросаютъ своихъ раненыхъ и убитыхъ: имъ нужно нѣсколько секундъ, чтобы соскочить съ лошади, взять убитаго или раненаго и ускакать.

Послѣ этого лѣво-фланговый отрядъ нашъ приблизился къ станціи желѣзной дороги на хорошей ружейной выстрѣль, и завязалъ съ засѣвшимъ въ ней непріятелемъ перестрѣлку.

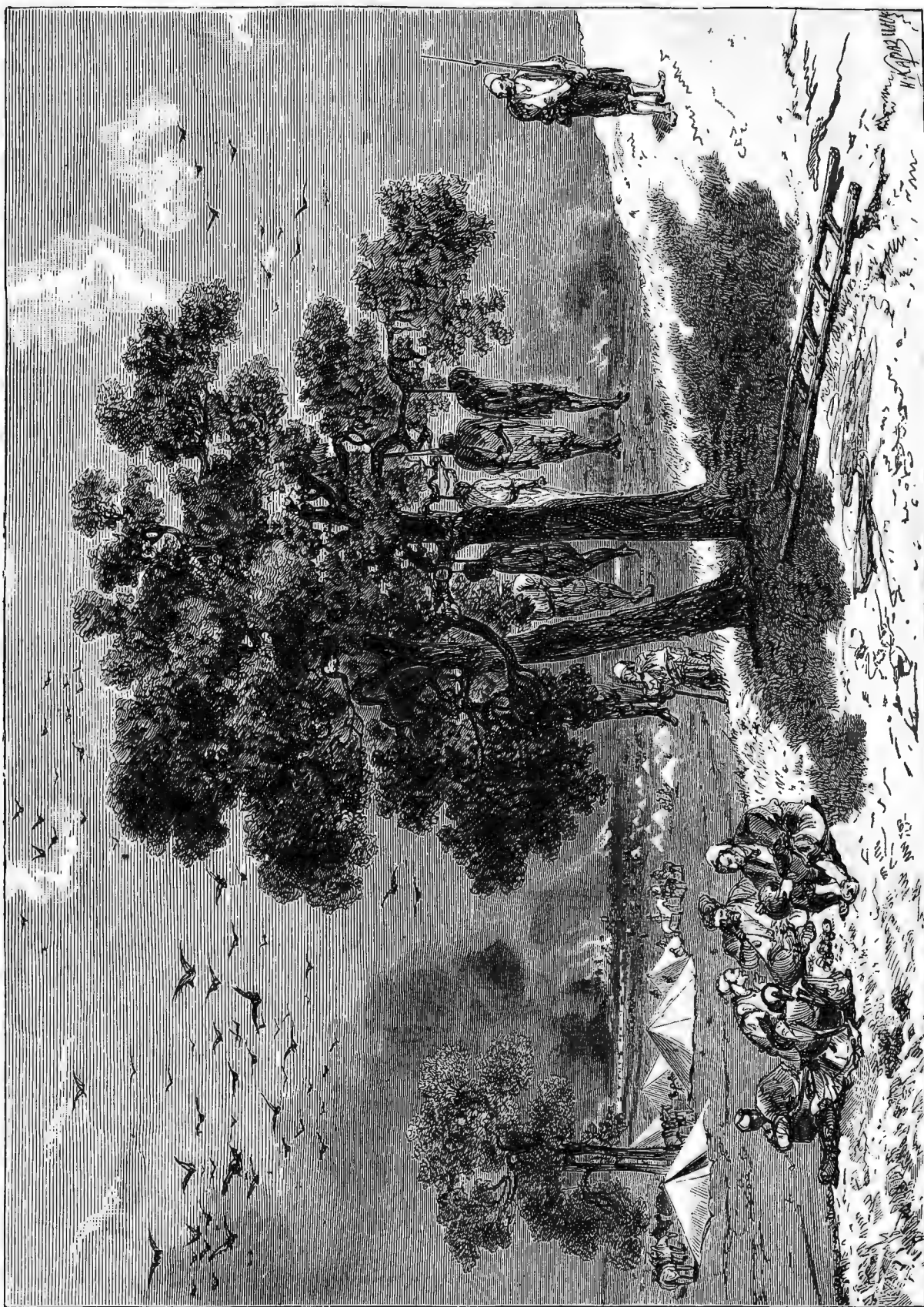
Между тѣмъ право-фланговый отрядъ, состоявшій изъ 3-го батальона Елецкаго полка и 3-ей стрѣлковой роты Сѣвскаго полка, уже обогнулъ городъ съ сѣверо-западной стороны и, подойдя къ желѣзнодорожной станціи на ружейной выстрѣль, открылъ по ней огонь залпами... Турки сейчасъ же передвинули свои орудія на рукахъ въ сторону правой колонны, которая нажимала на нихъ все сильнѣе и сильнѣе... Встрѣченная сильнымъ перекрестнымъ огнемъ изъ фасовъ укрѣпленія и изъ-за полотна желѣзной дороги, право-фланговая колонна могла только поддерживать ружейный огонь, предпринимать же атаки до прихода подкрѣпленій было невозможно.

Въ это время обѣ наши батареи также подѣхали ближе къ станціи, и всѣ 16 орудій направили огонь свой на вокзалъ, вагоны и лагерь... Не прошло и пяти минутъ, какъ вокзалъ загорѣлся...

Вскорѣ въ лѣво-фланговый отрядъ прискакалъ офицеръ изъ право-фланговой колонны и объявилъ:

* По показанію Реуфа и Сулеймава-пашей, въ Іени-Загрѣ было оставлено ими всего три табора мустахфиза;

о числѣ же кавалеріи они давали на судъ, въ процессѣ Сулеймана, противорѣчація другъ другу показанія.

Турецкий лагерь въ долинь Тунджи.

„Мы скоро пойдемъ на ура, — слушайте, тогда разомъ и вы...“ Тотчасъ же начали отдаваться приказанія, роты приготовились, всё повеселѣли: „что пули“?... на „ура!“

Но въ это время прискакалъ адъютантъ отъ генерала Борейши съ извѣстїемъ, что отъ эскизагрской колонны князя Лейхтенбергскаго до сихъ поръ еще не прибыла кавалерія, что было необходимо, въ случаѣ удачи, для преслѣдованія непріятеля, какъ это было предположено раньше; поэтому приказано было пока не предпринимать наступленія.

Остановили наступленіе. Солдаты лѣво-фланговаго отряда зашли на дно оврага и стали ждать. Они расположились на травѣ кучками: кто грызъ сухари, кто изъ манерки воду пилъ. Надъ головою изрѣдка проносились пули, но отвѣчать на нихъ не приказано было. Было уже 12 часовъ дня; солнце начинало палить; укрыться отъ зноя негдѣ было — тѣни почти не было. Всѣмъ хотѣлось скорѣе впередъ.

Пули надъ головами проносились все чаще и чаще, что только подзадоривало солдатъ. Чѣмъ болѣе свистѣли пули, тѣмъ съ большимъ нетерпѣніемъ они высовывались изъ оврага и глазѣли, откуда въ нихъ стрѣляютъ. „Кучами не вылѣзать,“ — послышалось приказаніе командира, и солдаты спрятались.

Но вдругъ раздался шумъ, трескъ. Наша граната попала на станціи въ вагонъ съ запасомъ пороха, и его взорвало.

Городъ горѣлъ, горѣла станція, задымились нѣкоторые вагоны; въ турецкомъ лагерѣ была замѣтна суета. Позади города уже потянулся длинный обозъ изъ фуръ по направленію къ Адрианополу:—это турки увозили своихъ раненыхъ и убитыхъ. Всѣ черкесы въ это время бѣжали съ поля сраженія. Но регулярная турецкія войска крѣпко засѣли за насыпями и за полотномъ дороги и не думали объ отступленіи; орудія ихъ отвѣчали безъ перерыва.

Но вотъ послышался страшный ружейный залпъ на правой сторонѣ отъ города, а вслѣдъ затѣмъ раздалось громовое русское „ура“, и пошла трескотня выстрѣловъ. Это прибыли стрѣлки 4-й бригады изъ отряда генерала Гурко, остановившагося, какъ мы уже знаемъ, въ ущельѣ Малыхъ Балкановъ, верстахъ въ восьми къ западу отъ города.

Часъ спустя послѣ того какъ началось сраженіе, генералъ Гурко двинулъ къ городу 14-й и 16-й стрѣлковые батальоны, три сотни казаковъ Курилкова и 15-ю донскую батарею. Около 12-ти часовъ дня стрѣлки, вмѣстѣ съ казаками и батареею, прибыли къ нашей право-фланговой колоннѣ. 16-й стрѣлковый батальонъ выстроился съ западной и юго-западной сторонъ города, угрожая пути отступленія турокъ; 14-й стрѣлковый батальонъ, при двухъ орудіяхъ, былъ направленъ вправо, вдоль линіи желѣзной дороги, чтобы поражать турокъ, въ случаѣ ихъ отступленія съ фланга. Три сотни же казаковъ Курилкова были высланы за желѣзную дорогу, къ дер. Буруджи, чрезъ которую пролегалъ путь отступленія турокъ, съ цѣлю охранять нашъ правый флангъ и отрѣзать окончательно путь отступленія туркамъ.

Въ это время всѣ три наши батареи, 4-я, 6-я и донская 15-я, снявшись въ разстояніи около 600 сажень отъ станціи, открыли весьма мѣткій огонь картечными гранатами, съ обѣихъ противоположныхъ сторонъ укрѣпленія. Этотъ сильный артиллерійскій огонь заставилъ наконецъ турокъ начать отступленіе.

Тогда 16-й стрѣлковый батальонъ, безъ выстрѣла, съ разстоянія 800 шаговъ, рванулся въ штыки. Храбрые стрѣлки бѣжали съ ненавистнымъ для турокъ крикомъ прямо на желѣзнодорожную станцію. Штыки ихъ зловѣще блестяли на солнцѣ. Этого было слишкомъ много для нервныхъ турокъ, и они дрогнули.

Въ то же время былъ выведенъ изъ лощины и нашъ лѣво-фланговый отрядъ. Увидавъ въ чемъ дѣло, Сѣвцы и Ельцы тоже гаркнули „ура“, — и, не смотря на все-еще сильный перекрестный огонь изъ фасовъ укрѣпленія и изъ-за полотна дороги, стрѣлки вмѣстѣ съ Сѣвцами и Елецкими солдатами съ необыкновеннымъ мужествомъ ворвались въ укрѣпленіе и завладѣли желѣзнодорожною насыпью.

Между тѣмъ 14-й стрѣлковый батальонъ обогнулъ уже непріятельскую позицію справа и ударилъ на отступавшихъ турокъ съ фланга. Казаки Курилкова также появились уже на полотнѣ желѣзной дороги и испортили на ней телеграфъ, снявъ телеграфную проволоку пиками. Затѣмъ двинулись на перерѣзъ туркамъ.

Все это заставило неприятеля обратиться въ самое беззаконное бѣгство. Впереди всѣхъ бѣглецовъ неслась турецкая конница; всадники длинной вереницею растянулись по полю, бѣжа на юго-востокъ отъ станціи, за гору. За ними убѣгали пѣхотины. Турки срывали съ себя на бѣгу куртки и мундиры, бросали ружья, сумки съ патронами, многіе даже сбрасывали на ходу мѣшкообразныя шаровары, сильно мѣшавшія бѣготѣ бѣга, — но ничто не могло спасти. Стрѣлки наши, наклонивъ штыки, быстро летѣли за ними черезъ открытое поле, мимо турецкаго кладбища; даже нашъ батальонный докторъ (Струмило) увлекся и бѣжалъ впередъ съ крикомъ: „впередъ, ребята, ура! выручай нашихъ!“ „Ура“ заразительно и сильно возбуждаетъ нервы; поэтому стрѣлковъ трудно было остановить, и они сѣяли смерть вокругъ.

За непробытіемъ кавалеріи изъ Эски-Загры, казаки Курильова одни поскакали за бѣжавшимъ неприятелемъ; конная батарея тоже заскакала впередъ и начала пускать гранаты въ догонку бѣглецамъ.

Напрасно турки притворялись мертвыми, напрасно залѣзали на деревья: — спасенія не было. Стрѣлки и казаки гнались за ними по пятамъ, преслѣдовали ихъ огнемъ и на коняхъ, и безпощадная смерть настигала ихъ повсюду. Вотъ одинъ турокъ залѣзъ въ ровъ и, какъ страусъ, спряталъ голову въ воду, рискуя задохнуться; но штыкъ заставилъ его на минуту вынырнуть, чтобы затѣмъ снова погрузиться... но уже въ вѣчность. Смерть и разрушеніе разливались все шире и шире.

Нѣкоторые турки залѣзли на деревья, въ надеждѣ спастись, и солдаты уже прицѣлились въ одного, какъ вдругъ кто-то крикнулъ:

— Ну, слѣзай—аманъ!

Турка кубаремъ спустился на землю и уже цѣлуетъ руки у солдатъ, умоляя о пощадѣ. Это плѣнный.

Преслѣдованіе неприятеля продолжалось на пространствѣ около четырехъ верстъ, и весь путь отступленія его былъ усыянъ трупами. Гораздо болѣе 800 труповъ валялось какъ внутри укрѣпленія, такъ и на пути бѣгства. Убитые въ ложементахъ турецкіе стрѣлки лежали кучами по 6 и 7 тѣлъ, одно на другомъ. Во время преслѣдованія

неприятеля 1-я рота 14-го стрѣлковаго батальона отхватила турецкое дальнобойное орудіе, заряженное еще картечью... Другое орудіе было взято донскою сотнею, причемъ лошади при орудіи были раньше перебиты 15-ю донскою батареею. Въ 2 часа по полудни бой прекратился. Привезли отбитыя орудія, привели одного раненаго плѣннаго офицера и много нижнихъ чиновъ... Говорили, что если бы эскизагская кавалерія наша прибыла къ назначенному ей мѣсту, то ни одинъ турецкій солдатъ не ушелъ бы изъ Іени-Загры.

Пѣхота наша расположилась на отдыхъ. Праздновали первую побѣду Сѣвцевъ и Ельцевъ, — побѣду, соединенную, сравнительно, съ незначительными потерями: у насъ было убито 14 человекъ; ранено: 6 офицеровъ и 84 нижнихъ чина; безъ вѣсти пропала 1; всего же вышло изъ строя 105 человекъ.

Результаты боя были блестящіе: уничтожено около четырехъ таборовъ турецкой пѣхоты и нѣсколько кавалеріи; взято два дальнобойныхъ крушовскихъ орудія и одинъ лагерь; овладѣли городомъ, взорвали желѣзнодорожную станцію, уничтожили около тридцати вагоновъ, истребили громадныя запасы турецкаго провіанта и боевыхъ снарядовъ; желѣзная дорога на всѣхъ пунктахъ была разрушена...

Вокзалъ уже догоралъ. Въ нѣкоторыхъ изъ дымившихся вагоновъ слышались еще по временамъ взрывы отъ загоравшихся снарядовъ... Солдаты сидѣли, отдыхая и передавая другъ другу только что пережитыя впечатлѣнія... Въ это время на ближайшей горѣ показалась свита генерала Гурко, окруженнаго гвардейскими офицерами въ бѣлыхъ фуражкахъ и конвоемъ казаковъ, спѣшившихъ въ аррьергардъ средней колонны на поле битвы, на соединеніе съ отрядомъ генерала Борейши. Но генералу Гурко пришлось лишь поздравить войска съ побѣдою.

Какъ только показался Гурко, говоръ въ отдыхающемъ отрядѣ смолкъ, и солдаты спокойно ждали приближенія начальника.

— Здорово Сѣвцы! Поздравляю съ побѣдою!

— Рады стараться, ваше превосходительство! — разносился по колоннамъ отвѣтъ...

— Поѣсть сухарей и черезъ полчаса въ походъ! — неожиданно объявилъ генералъ...

Быстро, какъ молнія, разнеслась эта новость по всему полю, занимаемому войсками. Въ обществѣ

офицеровъ поднялась суета; у кого были знакомые въ свитѣ генерала, подбѣгали и спрашивали, что значить этотъ новый неожиданный походъ?

Какъ мы уже знаемъ, генераль Гурко, еще передъ началомъ дѣла, съ высотъ Малыхъ Балкановъ видѣлъ происходившее въ сторонѣ дер. Карабунара сраженіе... Очевидно было, что кавалерія князя Лейхтенбергскаго была отрѣзана отъ Иени-Загры превосходнымъ непріятелемъ и никакъ не могла прорваться на соединеніе съ отрядомъ генерала Гурко, какъ это было предположено по диспозиіи. Теперь нашему иенизагрскому отряду самому нужно было спѣшить къ Карабунару, чтобы ударить въ тылъ войскамъ Сулеймана-паши, которыя, по предположенію генерала Гурко, окружили отрядъ князя Лейхтенбергскаго... Нужно замѣтить, что генераль Гурко весь этотъ день не получалъ ни одного донесенія изъ Эски-Загры. Всѣ донесенія шли оттуда кругомъ (черезъ долину Тунджи) и были получены имъ только 20-го іюля утромъ... Поэтому генераль Гурко, разбивъ турецкій отрядъ въ Иени-Загрѣ, предположилъ, что колонна князя Лейхтенбергскаго отхвачена была у Карабунара 30-ти-тысячной арміею самого Сулеймана-паши*), что, разумѣется, сильно беспокоило генерала...

Услыхавъ о новомъ выступленіи въ походъ, солдаты иенизагрскаго отряда сидѣли спокойно. Ихъ не смущало это извѣстіе: они не знали ни Сулеймана-паши, ни числа турецкихъ войскъ. Знали только одно, что турка они разбили и погнали, и были увѣрены въ томъ, что и всѣхъ турокъ разобьютъ и разгонятъ...

— Что-же, бить—такъ бить турку! А то, что сидѣли два мѣсяца, да только ждали,—слышались разговоры солдатъ...

— А жирень бестія—этотъ турокъ, трескается рису съ масломъ да барановъ... Ты видалъ, въ лагерѣ находили?

Собрать войска, которыя разсыпались по полю, преслѣдуя разбитаго непріятеля, оправиться солдатамъ, немного отдохнуть и идти далѣе,—все это заняло довольно времени. Генераль Гурко торопился. Самъ онъ не слѣзалъ съ лошади. Казалось,

*) На самомъ дѣлѣ, войска, стоявшія у деревни Карабунара, принадлежали также къ иенизагрскому отряду Реуфа-паши...

дѣло было спѣшное; думали даже, что сегодня же будетъ второй бой...

Артиллерія всѣхъ прежде собралась; затѣмъ, построились части полковъ. Вотъ уже Сѣвскій полкъ готовъ выступить, переднія колонны уже тронулись... 4-я стрѣлковая бригада была одна оставлена въ Иени-Загрѣ, въ виду чрезмѣрнаго утомленія стрѣлковъ, а также для окончательнаго разрушенія желѣзной дороги...

Въ пятомъ часу вечера уже всѣ войска генерала Гурко, исключая стрѣлковой бригады, двинулись по дорогѣ въ Эски-Загру. Впереди шли развѣзды, и каждую минуту ждали, что вблизи откроютъ непріятеля, такъ какъ никто не зналъ, далеко-ли находилась армія Сулеймана-паши...

Мѣстность по пути шла чудная: кругомъ—яркая зелень, роскошная растительность, горы и лѣса, и надъ всѣмъ этимъ голубое небо и невозмутимая тишина въ воздухѣ... По дорогѣ то и дѣло попадались фонтаны, въ устройствѣ которыхъ турки большіе мастера. Въ фонтанахъ вода свѣжая, чистая... Солдаты быстро подбѣгали сюда налить воды въ манерки; большой кучкою стоятъ они и ждутъ очереди; каждый нальетъ манерку, напьется и идетъ догонять свои ряды; не успѣетъ подойти, какъ у него разбираютъ воду и онъ добродушно отдаетъ ее... Иногда попадались фонтаны съ горячей водою, кипящимъ ключемъ бившей изъ земли...

Далеко зашли наши передовые солдатки въ незнамой турецкой землѣ, за высокія Балканскія горы, въ благодатный край долины рѣки Марицы, гдѣ подъ открытымъ небомъ цвѣтутъ розы, растутъ виноградъ, персики и абрикосы, и гдѣ все такимъ дивнымъ казалось простому русскому человѣку, привыкшему къ овчинѣ и сѣрому ржаному колосу...

Да, далеко зашелъ передовой отрядъ генерала Гурко, разметая по пути разрозненные силы турокъ... Но теперь, забравшись за Малые Балканы, храбрецы наши не могли не почувствовать своего одиночества. Главныя русскія силы оставались далеко позади, по сѣверную сторону Балкановъ, и уже безысходно бились тамъ подъ окопами Плевны... А здѣсь, впереди одинокаго и немногочисленнаго передоваго отряда, въ какихъ-нибудь верстахъ 5 или 10 отъ него, кишѣли уже несметныя полчища кровожаднаго Сулеймана...

Только смѣлостью и беззавѣтной удачею русскаго человѣка можно объяснить себѣ то спокойствіе и добродушіе, съ какими подвигались здѣсь русскіе солдаты, въ виду грозной, быстро надвигавшейся тучи...

Дорога въ Эски-Загру шла все время по шоссе. Почти у самой дороги попадались, отъ времени до времени, валявшіеся трупы убитыхъ турокъ и болгаръ, сильно обезображенные, съ отрѣзанными головами... Попались также два трупа русскихъ драгунъ *); лица ихъ носили явные слѣды сабельныхъ ударовъ—продольныхъ и поперечныхъ... Наконецъ, послѣ трехъ часовъ хорошей ходьбы, отрядъ добрался до ночлега: налѣво отъ шоссе стояла небольшая деревушка Карабунаръ, всего нѣсколько домиковъ, уже обгорѣлыхъ и покинутыхъ жителями... Никакихъ войскъ здѣсь также уже не было, и генералъ Гурко получилъ свѣдѣніе, что непріятель отошелъ къ слѣдующей деревнѣ—Джуранли, а наши войска—въ Эски-Зару...

Осмотрѣвъ мѣсто у дер. Карабунара, отрядъ генерала Гурко остановился здѣсь и расположился на ночлегъ въ боевомъ порядкѣ... Штабъ размѣстился на солодѣ, гдѣ пришлось, подъ открытымъ небомъ; кавалерія не разсѣдывала лошадей...

— Ночью можетъ быть нападеніе на насъ, — сказалъ кто-то. Но ночь прошла спокойно. У конвойныхъ солдатъ нашлись гуси; скоро запылали костры, и суровые воины принялись за стращину, безъ различія чиновъ и званія...

— Ты, голубчикъ, когда сварить гуся—и меня покорми, — говоритъ офицеръ солдату. Пища готова; офицеръ и солдатъ садятся вмѣстѣ за котелокъ и хлебаютъ варенаго гуся...

— А не угодно ли вашему благородію сухарика? предлагаетъ услужливый солдатъ. Достаетъ онъ „сухарики“ изъ кармана, обдуваетъ и подаетъ одинъ кусочекъ...

— Спасибо тебѣ, дружокъ, цѣлый день кромѣ половины турецкой галеты ничего не видѣлъ...

— „Выступать съ разсвѣтомъ“, — отдано было приказаніе по войскамъ...

Нужно было спѣшить отдохнуть. Ночь была холодная, сырая; нѣсколько разъ приходилось сол-

*) Это были, вѣроятно, послѣдствія схватки полковника Бѣлогрудова съ черкесами.

датамъ просыпаться отъ холоду и заворачиваться теплѣе...

Посмотримъ теперь, что происходило въ это время въ эскизагрскомъ отрядѣ князя Лейхтенбергскаго.

Какъ мы уже знаемъ, въ ночь съ 17-го на 18-е іюля, послѣ цѣлаго ряда бесплодныхъ попытокъ прорваться сквозь непріятельскій отрядъ у Джуранли къ г. Лени-Загрѣ и вслѣдствіе вновь полученныхъ донесеній о появленіи значительныхъ непріятельскихъ массъ всѣхъ трехъ родовъ оружія къ югу отъ Эски-Загры, у д. Арабаджи, — князь Николай Максимиліановичъ Лейхтенбергскій отошелъ съ болгарскими дружинами къ Эски-Загрѣ, оставивъ брата своего князя Евгенія Максимиліановича съ кавалеріею у д. Далбока, съ приказаніемъ на 18-е іюля демонстрировать противъ Джуранли и постараться войти въ связь съ отрядомъ генерала Гурко...

Чуть только занялась заря 18-го іюля, какъ весь кавалерійскій отрядъ князя Евгенія Максимиліановича былъ уже на ногахъ и жадно всматривался въ сторону Джуранли... Передъ нимъ стояла все та же парная цѣпь черкесовъ, за которою на этотъ разъ ничего не было видно... Нужно было убѣдиться, не ушли ли турки отсюда ночью, прослѣшавъ о движеніи генерала Гурко къ Лени-Загрѣ. Для этого рѣшено было продвинуться общою колонною впередъ...

Отрядъ князя Евгенія Максимиліановича состоялъ изъ Астраханскаго драгунскаго полка, Казанскаго драгунскаго полка, двухъ эскадроновъ Кіевскаго гусарскаго полка, 16-й конной батареи и двухъ сотенъ казаковъ—всего 12 эскадроновъ и 6 орудій *).

Въ пять часовъ утра было отдано слѣдующее приказаніе: аванпостной цѣпи, состоявшей изъ двухъ сотенъ казаковъ и эскадрона Кіевскихъ гусаръ, не сниматься и не сбираться, а превратиться въ цѣпь наѣздниковъ; казачьимъ сотнямъ охранять фланги и, кромѣ того, сотнѣ, находившейся за селеніемъ Далбока, у подошвы Малыхъ Балкановъ, постараться войти въ связь съ казачьими развѣздами отъ средней колонны генерала Гурко, которая, по диспозиціи, должна была спуститься съ горъ у д. Чавликія.

*) Остальныя части кавалеріи и артиллеріи находились при болгарскихъ дружинахъ въ Эски-Загрѣ.

Въ 5¹/₂ часовъ утра кавалерія выступила съ бивуака у Далбока, имѣя въ авангардѣ эскадронъ Киевскихъ гусарь, эскадронъ Казанскихъ драгунъ и два орудія 16-й конной батареи (взводъ капитана Усова).

День насталь жаркій до изнуренія... Впереди, передъ нашими гусарами-наѣздниками находилось нѣсколько черкесскихъ пикетовъ и постовъ; казаки съ лѣваго фланга также доносили о присутствіи нѣсколькихъ сотъ черкесовъ у подошвы горъ, въ кустахъ и виноградникахъ. Шедшіе въ цѣпи Киевскіе гусары и черкесы то и дѣло гарцовали другъ передъ другомъ... Но лишь только авангардъ нашъ поравнялся со вчерашней позиціею, какъ турецкая артиллерія обдала его снопомъ гранатъ съ той же позиціи, какъ и наканунѣ... Велѣдъ затѣмъ, на возвышенности за дер. Карабунаромъ, показались массы непріятельской пѣхоты и кавалеріи...

Словомъ, повторилась вчерашняя исторія: турки остались на прежнихъ своихъ позиціяхъ, ничего, вѣроятно, не зная о движеніи генерала Гурко къ Лени-Загрѣ, или, можетъ быть, нисколько не безпокоясь этимъ движеніемъ...

Наши тотчасъ же отошли шагомъ нѣсколько назадъ, на мѣсто нашего бивуака у д. Далбока.

Въ то же время было послано донесеніе въ Эски-Загру, князю Лейхтенбергскому, о невозможности прорваться кавалеріи у Джуранли къ Лени-Загрѣ.

Положеніе эскизагрскаго отряда становилось незавиднымъ... О движеніи значительныхъ непріятельскихъ массъ у д. Арабаджи, всего въ 10-ти верстахъ къ югу отъ Эски-Загры, получались все болѣе и болѣе неутѣшительныя извѣстія... Турецкій отрядъ у д. Карабунара запиралъ намъ дорогу въ Лени-Загру... Опасность быть окруженными, прижатыми къ хребту Малыхъ Балкановъ и попасться цѣлкою въ руки многочисленнаго непріятеля—угрожала нашему эскизагрскому отряду съ минуты на минуту...

Единственная надежда на успѣхъ заключалась въ рѣшеніи слѣдующей задачи: пробиться отряду чрезъ непріятельскій отрядъ, укрѣпившійся у д. Карабунаръ, и идти на соединеніе съ генераломъ Гурко, или же держаться оборонительнаго образа дѣйствій, занявъ высоты передъ Эски-Загрою, и вы-

жидать прибытія въ Эски-Загру нашего іенизагрскаго отряда, которому по составу своему легче было пробиться у Карабунара и выручить эскизагрскій отрядъ.

Вновь собранъ былъ въ Эски-Загрѣ военный совѣтъ, на которомъ желаніе выполнить приказаніе генерала Гурко окончательно восторжествовало: князь Николай Максимиліановичъ рѣшился на новую попытку—прорваться у Карабунара, и съ этою цѣлю опять двинулъ весь отрядъ по дорогѣ въ Лени-Загру. Въ городъ и на этотъ разъ оставлены были только 1-я и 2-я роты 5-ой болгарской дружины и сотня казаковъ полковника Краснова.

Дружинники-болгары, только-что собиравшіеся было отдохнуть и пообѣдать на бивуакѣ у Эски-Загры, послѣ вчерашняго движенія къ Карабунару и обратно, теперь вновь получили приказаніе выступить туда же... Опять зашагали по пыльной дорогѣ усталые, неоправившіеся солдаты, глотая ѣдкую пыль; опять задвигались, съ трудомъ переставляя ноги, по кочкамъ, кукурузѣ и пшеничнымъ полямъ.

Между тѣмъ кавалерія князя Евгенія Максимиліановича, остановившаяся противъ д. Далбока, зорко слѣдила за всякимъ движеніемъ непріятеля, жадно прислушиваясь въ то же время, не раздастся ли въ тылу у турокъ канонада вступающаго въ бой генерала Гурко.

Для противодѣйствія же наступленію непріятеля, была занята позиція по фронту около трехъ верствъ, сообразно съ протяженіемъ непріятельской линіи.

Около семи часовъ утра турки перешли въ наступленіе. Предварительно обстрѣлявъ гранатами наши передніе эскадроны гусарь, большія массы непріятельской пѣхоты и кавалеріи, въ нѣсколькихъ колоннахъ по обѣ стороны шоссе, предшествуемая густою цѣпью черкесовъ, начали спускаться съ высотъ у Карабунара и подвигаться въ направленіи къ Эски-Загрѣ. Наши передовыя части, по подходѣ непріятеля, начали медленно отходить назадъ, обстрѣливаемыя черкесами. Однако же наступавшія массы непріятеля на всемъ фронтѣ пріостановились, что сдѣлали немедленно и наши боевыя линіи.

Около 7¹/₂ часовъ утра послышался дальній орудійный выстрѣлъ и притомъ какъ бы въ горахъ... Былъ ли этотъ выстрѣлъ послѣдствіемъ наступленія

отряда генерала Гурко на Лени-Загру—опредѣлить было невозможно. За первымъ выстрѣломъ послышался другой—и затѣмъ все затихло..

Непріятель, пріостановившій-было свое наступленіе, вновь началъ наступать... Наши линіи стали отходить назадъ, но не надолго. Непріятель вскорѣ опять пріостановился, причѣмъ было получено донесеніе съ нашего праваго фланга, что турки стягиваются вправо отъ шоссе. Вой продолжался непрѣшительно съ обѣихъ сторонъ.

Было уже за полдень. Кавалерія наша продолжала занимать позицію отъ горъ почти до Чавликіоя. Цѣпи наѣздниковъ вяло перестрѣливались съ черкесскими постами, стоявшими въ кустахъ и кукурузномъ полѣ. Въ центрѣ и на правомъ флангѣ мѣстность была совершенно открытая, и наступившій зной сильно припекалъ отрядъ, не имѣвшій возможности укрыться отъ него.

Отдѣльные выстрѣлы, слышавшіеся въ горахъ, давно уже прекратились. Объ отрядѣ генерала Гурко не было ни слуху, ни духу. Всѣ съ лихорадочнымъ нетерпѣніемъ ожидали услышать выстрѣлы со стороны Лени-Загры, но напрасно. Многіе нарочно ѣздили въ цѣпь, выѣзжали впередъ ея и прислушивались: не раздастся ли столь нетерпѣливо ожидаемый звукъ?.. Но ничего не было слышно. Мертвая тишина царствовала даже и въ природѣ,—тишина тѣмъ болѣе поразительная, что непріятель былъ всего въ нѣсколькихъ стахъ шагахъ отъ насъ...

Вдругъ, около часа по полудни, у непріятели вновь стали обнаруживаться признаки подготовленія къ движенію: цѣпь турецкихъ наѣздниковъ усилилась; артиллерія непріятельская открыла еще болѣе частый огонь по нашей правой колоннѣ; колонны праваго фланга турокъ начали передвиженія; на лѣвомъ флангѣ непріятели сосредоточились—было густыя массы пѣхоты и кавалеріи.

Сначала трудно было разгадать: начинается-ли собственно наступленіе, или же готовится отступленіе? Вслѣдствіе этого, съ нашего праваго фланга и съ фронта были высланы впередъ двѣ рекогносцировки, каждая изъ одного эскадрона. Этимъ частямъ было приказано энергически продвинуться впередъ, вѣстѣ съ цѣпью нашихъ наѣздниковъ, передовыми гусарами, казачьими эскадронами и сотнею.

Немного спустя послѣ этого, кто-то изъ штаба радостно воскликнулъ:

— Смотрите, гусаръ скачетъ къ намъ, —вѣроятно турки отходятъ, узнавъ, что генералъ Гурко вышелъ къ Лени-Загрѣ...

Гусаръ приближался; лошадь его при страшной жарѣ шла тяжелымъ, растянутымъ галопомъ... Онъ то и дѣло прищипоривалъ ее: очевидно, гусаръ везъ важное извѣстіе. Проскакавъ добрыхъ полторы версты, онъ подѣхалъ, наконецъ, къ князю Евгенію Максимиліановичу.

— Ваше Императорское Высочество, записка отъ командира полка, —быстро проговорилъ гусаръ.

Командиръ полка доносилъ, что турецкая пѣхота, въ значительныхъ силахъ, съ артиллерією, обходитъ нашъ правый флангъ...

Съ кургана, находившагося немного впереди праваго фланга нашей цѣпи, ясно было видно все движеніе турокъ: они шли въ резервномъ порядкѣ, въ батальонныхъ колоннахъ, имѣя артиллерію въ интервалахъ; впереди пѣхоты шла густая черкесская цѣпь... Лишь только наши эскадроны додвинулись до передовой цѣпи непріятельскихъ наѣздниковъ и нашъ правый флангъ открылъ огонь, какъ турки, участвуя артиллерійскій огонь, двинулись впередъ, обигая нашъ правый флангъ нѣсколькими колоннами пѣхоты и массами кавалеріи...

Опасность, угрожавшая нашему правому флангу, стала очевидною, и потому весь общій резервъ кавалеріи немедленно передвинулся на рысяхъ вправо. Передовые эскадроны гусаръ, частью собравшись въ колонны, начали медленно отходить назадъ по направленію къ Эски-Загрѣ... На правомъ флангѣ, полковникъ Вѣлогрудовъ, имѣя противъ себя всю обходящую насъ турецкую массу, на каждомъ шагѣ останавливался, заставлялъ развертываться турокъ подъ огнемъ нашихъ двухъ орудій и снова продолжалъ отходить. Остальныя четыре орудія 16-й конной батареи, подъ прикрытіемъ полуэскадрона драгунъ, было отведены также назадъ, для занятія позиціи на буграхъ близъ шоссе. Здѣсь имѣлось въ виду встрѣтить турокъ дружинами болгарскаго ополченія, которыя уже подходили на помощь изъ Эски-Загры...

Но что могли сдѣлать, въ сущности, три дружины съ двумя ротами (3¹/₂ батальона), почти безъ

артиллеріи и безъ резервовъ, противъ многочисленнаго непріятеля, сильно укрѣпившагося на своей позиціи?.. Противъ рожпа не пойдешь! Волей-неволею пришлось отказаться отъ попытки проблѣжить путь черезъ Карабунаръ, повернуть назадъ и держаться оборонительнаго положенія, обнаруживъ только этимъ вторымъ неудачнымъ покушеніемъ свою несомнѣнную слабость.

Съ двухъ часовъ по полудни и до пяти вечера кавалерія наша, въ числѣ 13 эскадроновъ и двухъ орудій, въ виду непріятеля, силою по меньшей мѣрѣ въ шесть-восемь батальоновъ пѣхоты, 8 или 10 орудій и 1500—2000 черкесовъ и кавалерія, маневрировала, имѣя цѣлю не допустить атаковать себя съ праваго фланга, все время обходимаго непріятелемъ. Маневрированіе заключалось въ передвиженіяхъ впередъ и назадъ и въ пріостановкахъ, какъ только непріятель подавался впередъ, или производилъ обходное передвиженіе. Въ пять часовъ по полудни пришлось, однако, окончательно отступить.

Затѣмъ наша утомленная кавалерія, въ теченіи 12-ти часовъ находившаяся въ работѣ, была отведена къ Эски-Загрѣ, и весь отрядъ занялъ сильную позицію, верстахъ въ 2¹/₂ къ востоку отъ города, на холмахъ у Айденли, фронтомъ къ Джурамли ожидала дальнѣйшаго наступленія турокъ; но турки, какъ оказалось послѣ, отошли къ Джурамли и впередъ не двигались.

Высланные развѣзды открыли, что эскизагрскій отрядъ нашъ имѣлъ противъ себя двѣ массы непріятеля: одну у д. Джурамли, и другую—у д. Арабаджи. Соответственно этому рѣшено было, въ случаѣ наступленія турокъ съ юга, измѣнить фронтъ позиціи, перейдя съ частью пѣхоты на высоты у Мура-Мурадлы.

Объ отрядѣ генерала Гурко все-еще не было ни слуху, ни духу. Всѣ попытки прорваться къ Іени-Загрѣ не удались: черкесы повсюду стояли густою цѣпью. Да еще былъ вопросъ, въ Іени-Загрѣ ли онъ? Многіе полагали, что генераль Гурко, встрѣтивъ, въ свою очередь, значительныя силы, былъ отброшенъ и его дебушированіе изъ горъ не удалось.

Надвинулась надъ Эски-Загрою темная южная, ночь. Всѣхъ мучили тяжелыя предчувствія. Съ высотъ нашихъ позицій на холмахъ у Айденли ясно стали видны бивуачные огни непріятеля: полукру-

гомъ, верстѣ на десять, заняли эти зловѣщіе огоньки. Не было сомнѣнія, что передъ нами находится цѣлый непріятельскій корпусъ, и что завтра, рано утромъ, вся эта масса кинется на насъ слабый трехтысячный отрядъ.

Вскорѣ вся долина рѣки Марицы освѣтилась заревомъ зажженныхъ турками болгарскихъ деревень. Горѣло до двадцати селъ, и въ области этого огненнаго зарева ясно было видно движеніе черныхъ массъ турецкой арміи. Передъ глазами жителей Эски-Загры открылось зрѣлище, облившее кровью ихъ патристическія сердца: горѣли ихъ родныя села, деревни и города, и неистовству турокъ не было предѣловъ, такъ какъ вопросъ о жизни или смерти двухъ враговъ былъ слишкомъ круто поставленъ послѣ нашего перехода черезъ Малые Балканы.

Въ городѣ началась полная паника. Жители уложили свои вещи на повозки и уже готовы были при малѣйшей опасности бросить дома и потянуться за Малые Балканы. Жаль имъ было бросать свое хозяйство; но пылающія деревни напоминали имъ грозную дѣйствительность и заставляли призадуматься самыхъ безстрашныхъ. Къ тому же буйныя выходки мирныхъ турокъ—жителей Эски-Загры—дошли до такой дерзости, что проходившій какъ-то турецкимъ кварталомъ драгунъ едва спасся отъ бросившейся на него толпы. Нашимъ офицерамъ теперь неловко было бывать и въ болгарскихъ кварталахъ, гдѣ неминуемо къ нимъ обращались съ вопросомъ: „что намъ дѣлать?“ на который они не знали что отвѣчать. Сказать жителямъ прямо: „бѣгите, спасайтесь!“—неудобно, когда мы еще не дрались за нихъ. Сказать же имъ: „обождите, еще есть время“—было опасно, это значило взять на себя слишкомъ большую отвѣтственность, потому что нашъ отрядъ въ какіе нибудь полчаса легко могъ быть раздавленъ. Однако же, многіе изъ горожанъ, въ томъ числѣ и хозяинъ дома, въ которомъ жилъ генераль Столѣтовъ, сами пріѣхали къ намъ просить совѣта, какъ имъ поступить... Дѣлать нечего, съ болью въ сердцѣ, пришлось имъ посовѣтовать бѣжать изъ Эски-Загры.

Болгары стали уходить тысячами изъ Эски-Загры къ Казанлыку. Эскизагрское ущелье не позволяло имъ быстро уходить, и вся эта масса народа столпилась у входа въ него.

Вдругъ на горкѣ у Айденли, гдѣ стоялъ весь штабъ отряда, пронеслось какъ-бы электричествомъ: „казаки отъ генерала Гурко“... и всѣ замерли отъ вниманія и любопытства. Вскорѣ одинъ кубанскій офицеръ и нѣсколько казаковъ выѣхали на горку и подали записку. Съ трепетомъ была распечатана эта записка, въ которой начальникъ передоваго отряда извѣщалъ, что онъ взялъ съ боя Іени-Загру, что турки разбиты до полного бѣгства, что два крупновескихъ орудія достались побѣдителямъ и проч. Вмѣстѣ съ тѣмъ генералъ писалъ, что онъ занялъ деревню Карабунаръ и завтра въ 6 часовъ утра двинется со своимъ отрядомъ къ Эски-Загрѣ, на выручку эскизагрекаго отряда.

Лица у всѣхъ просіяли. Всѣ озарились надеждою, что генералъ Гурко, выйдя съ разсвѣтомъ изъ Карабунара, ударитъ въ тылъ стоявшаго предъ Эски-Загрою турецкаго корпуса и заставитъ непріятеля отложить свою атаку на городъ и отойти прочь. Радость была всеобщая. Теперь никто не сомнѣвался отстоять городъ и жителей до прибытія отряда генерала Гурко, а затѣмъ каждый былъ вполне увѣренъ, что туркамъ не одолѣтъ всего передоваго отряда, составъ котораго, съ бригадою генерала Борейши, доходилъ до 15,000 человекъ.

Тотчасъ же по полученіи извѣстія отъ генерала Гурко, князь Николай Максимиліановичъ призвалъ къ себѣ коменданта города и приказалъ успокоить жителей и возстановить порядокъ, поколебленный-было обуйвшею болгаръ паникою. Затѣмъ, почью же, собранъ былъ городской совѣтъ, съ тѣмъ чтобы оповѣстить какъ членовъ совѣта, такъ и жителей о томъ, что всякая опасность миновала, что Іени-Загра взята Гурко и что сильный отрядъ этого генерала идетъ къ намъ на выручку. Большинство жителей, разумѣется, положились на эти сообщенія и, къ несчастію своему, рѣшились остаться подъ родными своими кровлями.

Такимъ образомъ, въ ночь съ 18-го на 19-е іюля, весь передовой отрядъ генерала Гурко занималъ слѣдующее расположеніе: 4-я стрѣлковая бригада занимала г. Іени-Загру; бригада генерала Борейши ночевала между Іени и Эски-Загрою, у д. Карабунара; отрядъ же князя Лейхтенбергскаго бивакировалъ подъ Ески-Загрой.

За утро, пока нашъ іенизагрскій отрядъ, сняв-

шись съ мѣста ночлега у Карабунара, продолжалъ опять подвигаться на помощь правой колоннѣ, подъ Эски-Загрою уже грянулъ громъ жестокаго кровопролитнаго боя.

Это было утромъ роковаго 19-го іюля.

Уже въ четыре часа утра не было человека, который бы спалъ; весь отрядъ съ первымъ лучемъ восходящаго солнца поднялся на ноги; всякій понималъ, какой сегодня серьезный день наступаетъ для эскизагрекаго отряда: нужно было во что бы то ни стало отстоять городъ и ни въ чемъ неповинныхъ его жителей до прихода генерала Гурко; а еще былъ вопросъ: успеетъ ли до этого времени нашъ трехтысячный отрядъ отстоять городъ отъ натиска цѣлаго непріятельскаго корпуса?..

Понятно, съ какимъ лихорадочнымъ нетерпѣліемъ обратились десятки биноклей, съ холмовъ у Айденли, въ сторону Іени-Загры и къ югу отъ Эски-Загры, и съ какимъ тревожнымъ вниманіемъ пробѣгали они линію непріятельскаго расположенія, гдѣ пока еще не замѣчалось никакого движенія.

Городской совѣтъ также не расходился съ самаго разсвѣта. Рано утромъ комендантъ города приказалъ совершить расправу съ убійцами-башибузукками; при казни должны были присутствовать жители турецкихъ кварталовъ. Въ городскомъ соборѣ отслужено было торжественное молебствіе по случаю взятія генераломъ Гурко города Іени-Загры. Большинство жителей спокойно рѣшилось выжидать послѣдующихъ событій. Затѣмъ въ городскомъ конакѣ приступили даже къ обычнымъ занятіямъ.

Около шести или семи часовъ утра съ возвышенности у Айденли было замѣчено на шоссе въ сторону Іени-Загры какъ-бы движеніе кавалерійской колонны, а вскорѣ послѣдовало и открытіе огня отъ Джуранли по этой колоннѣ. Часовъ въ восемь утра съ восточной стороны, отъ Джуранли, слышались уже временами отдѣльные выстрѣлы, переходившіе часто въ густые учащенные залпы. Два дальнихъ незначительныхъ клуба дыма, появившихся изрѣдка противъ Джуранли, со стороны Іени-Загры, показывали, что и артиллерія приняла участіе въ боѣ.

Очевидно было, что генералъ Гурко, къ общей радости, съ своей стороны вступилъ уже въ дѣло.

Тогда, для содѣйствія отряду генерала Гурко, князь Николай Максимиліановичъ Лейхтенбергскій

послалъ изъ Эски-Загры Кіевскій гусарскій полкъ съ двумя орудіями 10-ой донской батареи (взводъ хорунжаго Пономарева), подъ начальствомъ командира полка, флигель-адъютанта полковника барона Корфа. Храбрый командиръ повелъ гусаръ рысью въ направленіи Джуранли, но вскорѣ былъ встрѣченъ залпами турецкой артиллеріи изъ ближайшаго лѣска, вправо отъ шоссе. Баронъ Корфъ принужденъ былъ остановиться. Хорунжій Пономаревъ со своимъ взводомъ тотчасъ же снялся съ передковъ противъ неприятельской батареи, стоявшей на опушкѣ лѣска, и открылъ по ней рѣдкій, но мѣткій огонь. До десяти часовъ утра два орудія Пономарева, осыпаясь картечными гранатами, боролись съ неприятельскою артиллеріею, второе ихъ сильнѣйшею. Сосредоточенный огонь турокъ былъ такъ дѣйствителенъ, что одною попавшею гранатою было выведено у насъ изъ строя 12 гусаровъ и 10 лошадей. Гусары, прикрывавшіе взводъ Пономарева, вслѣдствіе мѣткаго огня противника, принуждены были постоянно двигаться, перемѣнять мѣста и ограничиться однимъ маневрированіемъ на лѣвомъ флангѣ турецкой позиціи, подъ страшнымъ артиллерійскимъ огнемъ.

Между тѣмъ, уже въ 9 часу утра, изъ залы засѣданій городского совѣта замѣчено было движеніе войскъ къ югу отъ города. Нужно замѣтить, что конакъ представлялъ самое высокое зданіе въ окружающей его части города, такъ что изъ второго его этажа отлично были видны окрестныя мѣстности, прилегающія къ адрианопольской дорогѣ. Тутъ же, въ конакѣ, появилась довольно сносная подзорная труба, переходившая изъ рукъ въ руки взволнованныхъ членовъ совѣта. — „Эти турки!“ — говорилъ председатель совѣта Славейковъ. „Турки, турки!“ — повторяли остальные. Но находились еще люди, которымъ не хотѣлось вѣрить этому, которымъ страсть хотѣлось, чтобы это были не турки, а отрядъ генерала Гурко, потому что, при одной мысли о возможныхъ послѣдствіяхъ нашей неудачи, сердце обливалось кровью за массу болгаръ, собравшихся въ Эски-Загрѣ.

А роковая дѣйствительность съ каждой минутою становилась все яснѣе и яснѣе. Во-первыхъ, и Гурко съ этой стороны ждать не приходилось, да и отрядъ для Гурко былъ слишкомъ великъ.

Вотъ вся двигавшаяся параллельно городу неприятельская масса какъ будто приостановилась; фланговое движеніе ея смѣнилось новымъ движеніемъ по направленію къ городу. Близлежащіе курганы уже заняли группы людей, между которыми легко было различить отдѣльныхъ всадниковъ. Около десяти часовъ утра изумленнымъ глазамъ болгаръ представилось зрѣлище, превзошедшее всякое ихъ ожиданіе: неприятель наступалъ съ юга, отъ Арабаджи, въ видѣ сплошной густой стрѣлковой цѣпи, огибавшей городъ дугою, съ линіями ротныхъ колоннъ позади, съ резервными батальонными колоннами во второй линіи, съ сильною артиллеріею въ интервалахъ; — и когда насчитали до двадцати батальоновъ, видныхъ простымъ глазомъ, то всякій понималъ, что боя съ нимъ въ открытомъ полѣ мы не въ состояніи принять и что вся надежда на своевременное прибытіе отряда генерала Гурко рушилась.

То былъ корпусъ самого Сулеймана-паши, состоявшій изъ отборныхъ, обстрѣленныхъ въ горахъ Черногоріи, гвардейскихъ и арабистанскихъ батальоновъ.

Перевозка арміи Сулеймана-паши изъ Черногоріи въ долину р. Марицы заслуживаетъ особеннаго вниманія. 4-го іюля, въ день сраженія подъ Уфлани, 40 или 44 батальона Сулеймана-паши были посажены въ Антивари на 20 транспортныхъ пароходовъ. 7-го іюля, въ день занятія нами Шибки, первый транспортъ этихъ войскъ высадился въ Деде-Агачъ (бухта при впаденіи рѣки Марицы въ Архипелагъ). Черезъ два дня, 9-го іюля, въ Деде-Агачъ высадился послѣдній транспортъ войскъ Сулеймана-паши. Безъ малѣйшей остановки, всѣ эти войска были посажены въ вагоны желѣзной дороги, и 12-го іюля, т. е. въ тотъ моментъ, когда русская кавалерія разрушила желѣзную дорогу у Карабунара и Каяджыка, вся армія Сулеймана-паши прибыла въ Адрианополь.

Свѣдѣнія о положеніи русскихъ, перешедшихъ Балканы, собранныя наскоро Сулейманомъ-пашею въ Адрианополь, не отличались большой точностью и опредѣлительностью: адрианопольскія власти сообщали только о занятіи русскими всей долины Тунджи; губернаторъ Чарпана телеграфировалъ, что русскіе находятся въ разстояніи четырехъ часовъ отъ этого города. Реуфъ-паша сообщалъ изъ Іени-

Загры, что Филиппополю угрожает опасность; Савфетъ-паша изъ Филиппополя увѣдомлялъ, что русскіе заняли Эски-Загру; наконецъ, комендантъ желѣзно-дорожнаго участка Тырновъ-Сайменли увѣрялъ, что 15,000 отрядъ русскихъ готовится напасть на эти станціи. Въ виду всѣхъ этихъ слуховъ, Сулейманъ-паша приказалъ немедленно перевезти свой отрядъ по іени-загрской вѣтви желѣзной дороги на станцію Карабунаръ (на половинѣ пути между Тырновомъ и Іени-Загрою), куда и прибылъ со всею своею арміею 14-го іюля.

Имѣя ближайшею своею цѣлью—отбросить русскихъ за Балканы, Сулейманъ-паша, для достиженія этой цѣли, получилъ полномочіе располагать, кромѣ своей собственной арміи, отрядомъ Реуфа-паши, находившимся въ Іени-Загрѣ, и отрядомъ Хулусси-паши, успѣвшимъ пробраться съ Шибкинскаго перевала въ Филиппополь.

Реуфъ-паша, къ 9-му іюля, подтянулъ къ себѣ въ Іени-Загру изъ Османъ-Базара бригаду Савфета-паши и отрядъ, отступившій изъ Тырнова,— всего 9 таборовъ; въ то же время ему было прислано изъ Константинополя 8 таборовъ мустагфиза. Такимъ образомъ, ко времени прибытія въ долину р. Марицы Сулеймана-паши, Реуфъ-паша располагалъ отрядомъ силою отъ 17 до 20 батальоновъ, до 5 батарей и до 3,000 черкесовъ и анатолійской кавалеріи.

Отрядъ Хулусси-паши, пробравшійся съ Шибки въ Филиппополь, состоялъ изъ 7 батальоновъ, одной горной батареи и 150 кавалеристовъ.

Армія же самого Сулеймана-паши состояла изъ 45 батальоновъ, причѣмъ количество его артиллеріи и конницы нигдѣ не опредѣляется точно.

Такъ какъ Сулейманъ-паша не имѣлъ рѣшительно никакихъ свѣдѣній ни о силахъ русскихъ, ни о мѣстности, въ которой ему предстояло дѣйствовать, то ему приходилось положиться на свѣдѣнія, собранныя въ этомъ отношеніи Реуфомъ-пашей. Оба эти генерала и съѣхались 15-го іюля въ Радинъ (на линіи іенизагрской желѣзной дороги между станціею Карабунарѣмъ и Іени-Загрою), для совѣщанія о планѣ будущихъ ихъ дѣйствій. Замѣчательно, что Реуфъ-паша, отправляясь на совѣщаніе въ Радинъ, взялъ съ собою въ конвой цѣлую бригаду Савфета-паши, оставивъ въ Іени-Загрѣ бригаду Мехмеда-паши; а Сулейманъ-паша прибылъ въ

Радинъ съ конвоемъ изъ пяти батальоновъ, и все это вслѣдствіе того только, что русскіе разъѣзды появлялись изрѣдка близъ Радины.

На совѣщаніи въ Радинѣ, вслѣдствіе увѣренія Реуфа-паши о томъ, что главныя русскія силы въ тотъ моментъ сосредоточились въ Эски-Загрѣ, рѣшено было прежде всего овладѣть этимъ пунктомъ, хотя Сулейманъ-паша имѣлъ предписаніе обезпечить главнымъ образомъ Іени-Загру.

Наступленіе на Эски-Загру должно было начаться 17-го іюля, тремя колоннами: Реуфа-паши—отъ Іени-Загры, Сулеймана-паши—отъ станціи Карабунара и Хулусси-паши—изъ Чарпана. Пунктомъ соединенія этихъ трехъ колоннъ назначено было, по показанію Сулеймана-паши, селеніе Арабаджи а по показанію Реуфа-паши—окрестности Эски-Загры, т. е. пунктъ, занятый въ то время русскими войсками. Последнее, по словамъ Реуфа-паши, было предложено Сулейманомъ-пашею будтобы съ тою цѣлью, чтобы прибыть самому къ Эски-Загрѣ раньше другихъ колоннъ и, такъ сказать, одному получить славу побѣдителя. Это предположеніе имѣетъ за собой наиболѣе вѣроятія, что вполне оказывается и послѣдующимъ ходомъ событій.

Въ то же время, Сулейманъ-паша будто бы приказалъ Реуфу оставить для обезпеченія Іени-Загры только три батальона, два орудія и нѣсколько кавалеристовъ, остальнымъ силамъ іенизагрскаго отряда двигаться по іенизагрскому шоссе для атаки Эски-Загры; при этомъ Сулейманъ, за недостаткомъ у себя кавалеріи, взялъ изъ отряда Реуфа-паши два эскадрона регулярной кавалеріи, но за то далъ ему въ подкрѣпленіе два батальона изъ своихъ обстрѣленныхъ войскъ, такъ какъ Реуфъ-паша жаловался, что у него были только мустагафизы и редифъ.

Составъ всѣхъ колоннъ, предназначенныхъ для атаки Эски-Загры, былъ слѣдующій:

Колонна Сулеймана-паши 41 батальонъ (15,000, по словамъ Сулеймана), 5 орудій, 2 эскадрона регулярной кавалеріи и 200 черкесовъ (при этомъ Сулейманъ-паша, по примѣру прочихъ турецкихъ генераловъ, не упоминаетъ бывшую съ нимъ массу иррегулярной конницы—зейбековъ и башибузукѣвъ).

Колонна Реуфа-паши—12 батальоновъ, 4 батареи, одинъ эскадронъ регулярной кавалеріи и 300 черкесовъ.

Колонна Хулусси-паши—7 батальоновъ, одна горная батарея и 150 кавалеристовъ.

Такимъ образомъ, оказывается, что на совѣщаніи двухъ турецкихъ генераловъ въ Радинѣ былъ выработанъ планъ дѣйствій, совершенно сходный съ одновременно выработаннымъ планомъ дѣйствія противъ нихъ нашимъ генераломъ Гурко: русскіе намѣревались атаковать тремя колоннами Лени-Загры, а турки хотѣли въ то же время напасть, тремя же колоннами, на Эски-Загру, причемъ нашей эскизаградской и турецкой иенизаградской колоннамъ приходилось двигаться по одной и той же дорогѣ—по иенизаградскому шоссе. Вся разница заключалась только въ численности нашихъ и турецкихъ отрядовъ, а также и въ томъ, что русскіе назначили атаку Лени-Загры 18-го іюля, а турки намѣревались напасть на Эски-Загру 19-го іюля.

Посмотримъ теперь, что изъ всего этого вышло.

Въ назначенный день, 17-го іюля утромъ, всѣ три турецкія колонны выступили изъ указанныхъ пунктовъ по направленію къ Эски-Загрѣ.

Колонна Реуфа-паши двинулась отъ Лени-Загры по шоссе и, послѣ 6-ти—7-ми-часоваго движенія, остановилась на отдыхъ у деревни Карабунаръ. Начавъ снова движеніе, турки увидѣли вдалекѣ передъ собою русскихъ, съ которыми и начали артиллерійскій бой. Какъ мы уже знаемъ, это былъ отрядъ князя Николая Лейхтенбергскаго. По отступленіи русскихъ къ Эски-Загрѣ, Реуфъ-паша не возобновлялъ наступленія въ этотъ день.

18-го іюля, при самомъ началѣ движенія, турки были атакованы непріятелемъ, въ числѣ, по словамъ Реуфа, двухъ полковъ кавалеріи, нѣкотораго количества (?) пѣхоты и двухъ батарей. Мы знаемъ уже, что это была кавалерія князя Евгенія Максимилиановича, причемъ составъ его отряда опредѣленъ Реуфомъ далеко не безошибочно. Послѣ довольно продолжительной канонады, Реуфъ-паша, по его словамъ, приказалъ черкесамъ атаковать противника, который тотчасъ же будто бы отступилъ. Реуфъ продолжалъ наступленіе и подошелъ на 2¹/₂ часа разстоянія къ Эски-Загрѣ, какъ вдругъ услышалъ выстрѣлы въ тылу, со стороны Лени-Загры. То была атака Лени-Загры отрядомъ генерала Гурко. Реуфъ-паша тотчасъ же послалъ туда нѣсколькихъ всадниковъ: въ это время русскіе отъ

Эски-Загры стали опять насѣдять. Турки отошли уже къ этому времени на разстояніе семи часовъ отъ Лени-Загры и не могли подать помощи этому городу. Но въ то же время 8,000-й отрядъ Реуфа-паши, по непонятнымъ причинамъ, ничего не могъ сдѣлать и противъ слабаго отряда князя Евгенія Максимилиановича, бывшаго всего въ составѣ 900 коней.

По прибытіи въ тотъ же день въ Джуранли, Реуфъ послалъ нѣсколько рекогносцировочныхъ отрядовъ, которые нигдѣ будто бы не замѣтили противника, между тѣмъ какъ на самомъ-то дѣлѣ наши разъѣзды въ это время охватили все бивуачное расположеніе турецкаго отряда въ Джуранли.

Такъ какъ въ Джуранли было много жителей турокъ, то Реуфъ немедленно же вызвалъ изъ нихъ желающихъ отнести записку Сулейману, отрядъ котораго, по словамъ Реуфа, былъ такъ близко, что изъ Джуранли даже видѣнъ былъ дымъ и бивуачные огни. Затѣмъ Реуфъ-паша написалъ и отправилъ Сулейману записку такого содержанія: „Я прибылъ въ Джуранли и поджидаю васъ“ Съ посланнымъ было отправлено нѣсколько черкесовъ.

19-го іюля, утромъ, прежде чѣмъ Реуфъ-паша успѣлъ получить отвѣтъ отъ Сулеймана и двинуться къ Эски-Загрѣ, — отрядъ его былъ атакованъ со стороны Лени-Загры отрядомъ генерала Гурко.

О томъ, что послѣдовало дальше съ колонною Реуфа, будетъ сказано ниже.

О колоннѣ Хулусси-паши, долженствовавшей атаковать Эски-Загру по чарпанской дорогѣ, въ турецкихъ документахъ умалчивается, такъ какъ войска эти, кромѣ стычекъ съ нашими разъѣздами къ Чарпану, не имѣли дѣла съ нашимъ отрядомъ и не подоспѣли къ атакѣ несчастной Эски-Загры, на которую обрушился всеми своими силами одинъ Сулейманъ-паша.

Колонна Сулеймана-паши выступила 17-го іюля отъ станціи Карабунара въ слѣдующемъ порядкѣ: бригада Шукри-паши съ кавалеріею составляла авангардъ; главныя силы двигались по бригадно: на правомъ флангѣ бригада Реджеба-паши, въ центрѣ—бригада Аарифи-паши, на лѣвомъ флангѣ—бригада Весселя-паши; затѣмъ двигался обозъ, и наконецъ—весь походный порядокъ замыкался бригадою Сали-паши.

*

Не смотря на свое предположеніе, Сулейманъ-паша не дошелъ 17-го іюля до Арабаджи до наступленія темноты и, считая ночное движеніе вблизи противника опаснымъ, приказалъ своей колоннѣ започевать, не доходя названнаго пункта. Въ этотъ первый день движенія, по показанію Сулеймана, имъ были посланы въ Іени-Загру одинъ изъ мирныхъ жителей этого города и два черкеса, которые вернулись лишь на слѣдующій день вечеромъ и сообщили о взятіи русскими Іени-Загры.

18-го іюля движеніе продолжалось въ прежнемъ порядкѣ, но очень медленно, потому будто бы, что не получалось никакихъ извѣстій отъ Реуфа. Вообще, по мнѣнію Сулеймана, его средней колоннѣ не было никакой возможности держать связь съ боковыми колоннами, какъ по недостатку кавалеріи, такъ и потому, что колонны эти выступили изъ пунктовъ, весьма отдаленныхъ другъ отъ друга, и были очень далеко въ сторонѣ (на самомъ дѣлѣ, отъ станціи Карабунара до Іени-Загры всего около 40 верстъ; такое же разстояніе и отъ Карабунара до Чарпана).

Рано утромъ, 18-го іюля, Сулейманъ услышалъ нѣсколько пушечныхъ выстрѣловъ со стороны одного изъ отрядовъ Малыхъ Балкановъ, но, по его словамъ, онъ не зналъ, чѣмъ объяснить эти выстрѣлы. Въ отрядѣ его были по этому поводу различныя толки: одни предполагали, что это хитрость русскихъ; другіе—что это выстрѣлы въ колоннѣ Реуфа, что было, на самомъ дѣлѣ, справедливо. Сулейманъ же, по его словамъ, никакъ не могъ допустить той мысли, чтобы Реуфъ находился въ направленіи, откуда слышались выстрѣлы; на всякій случай онъ объявилъ Реджебу-пашѣ, что если бы это невѣроятное, по его мнѣнію, предположеніе оправдалось, то ему съ бригадою придется идти на помощь Реуфу; на это Реджебъ возразилъ, что онъ не знаетъ куда идти, а Сулейманъ, съ своей стороны, не рѣшился будто бы отправить его по неизвѣстному никому направленію (?).

На ночлегъ турки остановились въ этотъ день, 18-го іюля, немного впереди Арабаджи, причемъ передовыя ихъ части построились въ боевой порядокъ и простояли всю ночь подъ ружьемъ.

На третій день, 19-го іюля, Сулейманъ-паша снова услышалъ нѣсколько выстрѣловъ въ прежнемъ

направленіи и послалъ, по его показанію, своего адъютанта (Джебаръ-эффенди) съ 10-ю или 15-ю всадниками для отысканія Реуфа. Джебаръ-эффенди вернулся назадъ часа черезъ два съ небольшимъ и донесъ Сулейману, что онъ отъѣхалъ на два часа разстояніи вправо отъ Арабаджи, но Реуфа нигдѣ не видѣлъ, а наткнулся на русскихъ, почему и вернулся назадъ. Дѣйствительно, въ это время, какъ мы увидимъ сейчасъ, развѣзды отъ нашихъ драгунъ отъ кавалеріи князя Лейхтенбергскаго и гусаръ стали какъ разъ въ разрѣзъ обѣихъ турецкихъ колоннъ, между Джуранли, Эски-Загрою и Арабаджи. Тогда Сулейманъ-паша потерялъ, по его словамъ, всякую надежду соединиться съ Реуфомъ. Зная о паденіи Іени-Загры, онъ предполагалъ будто бы, что оставленные тамъ три батальона разбиты, а Реуфъ-паша, двигаясь параллельно линіи желѣзной дороги, находится гдѣ нибудь на высотѣ Радина, гдѣ и остановился на отдыхъ, но все же векоръ подойдетъ къ колоннѣ Сулеймана съ тыла.

Такъ какъ въ это же время получено было извѣстіе о приближеніи колонны Хулусси-паши, то Сулейманъ, считая себя достаточно сильнымъ, отдалъ приказаніе атаковать Эски-Загру.

Русская пѣхота (болгарскія дружины) стояли въ это время въ одномъ часѣ разстояніа отъ Эски-Загры, у деревни Ковиджакли, на окружающихъ ее холмахъ.

Турецкія войска построились на высотѣ, верстахъ въ 3-хъ отъ города, въ боевой порядокъ такимъ образомъ: правый флангъ составляла 2-я бригада, лѣвый—3-я бригада, центръ—4-я; 5-я же бригада была оставлена въ резервѣ, а 1-я бригада у Арабаджи, при обозѣ. Что же касается колонны Хулусси-паши, то она подошла къ городу уже послѣ боя.

3-й бригадѣ приказано было обойти городъ слѣва, а 4-й атаковать его съ фронта; при этомъ имѣлось въ виду занять холмы къ сѣверу отъ Эски-Загры и казанлыкскую дорогу.

По словамъ Сулеймана-паши, передъ началомъ дѣла онъ не зналъ въ точности, гдѣ сосредоточены главныя силы противника, такъ какъ мѣстность передъ Эски-Загрою будто бы не позволяла этого видѣть; потому будто бы онъ и назначилъ

для атаки только три бригады, оставивъ 5-ю въ резервъ. На самомъ же дѣлѣ мѣстность къ юго-востоку отъ Эски-Загры вполне удобна для оборѣны.

Вначалѣ съ нашей стороны встрѣтилъ 15 батальоновъ турокъ, только авангардъ эскизагрскаго отряда, состоявшій изъ одной болгарской дружины (2-й?) и спѣшенныхъ казаковъ полковника Краснова, занявшихъ лѣсистыя высоты на мурадлійской дорогѣ, у деревни Ковиджакли. Вскорѣ на помощь къ авангарду былъ посланъ отъ Айданли Астраханскій драгунскій полкъ съ двумя орудіями 16-й конной батареи. Прибывъ на позицію, Астраханцы и артиллерія, маневрируя на правомъ флангѣ турокъ и обстрѣливая ихъ продольнымъ огнемъ, успѣли задержать на нѣкоторое время наступленіе непріятеля, отодвинувъ его правый флангъ въ западномъ направленіи, въ противоположную сторону отъ іенизагрскаго шоссе, чѣмъ способствовали разединенію двухъ турецкихъ массъ—Реуфа и Сулеймана-паши. Но продолжительная борьба съ 15-ю батальонами турокъ была не по силамъ нашему крошечному авангардику, и, послѣ отбитія атаки массы черкесовъ, онъ принужденъ былъ отступить на окраинѣ города, а Астраханцы съ артиллерією—къ Айданли, вслѣдствіе усилившагося огня турецкой стрѣлковой цѣпи.

Это было около 11-ти часовъ утра.

Къ тому же времени вернулись къ Айданли и Кіевскіе гусары со взводомъ артиллеріи хорунжаго Пономарева, посланные—было къ Джуранли для содѣйствія отряду генерала Гурко, который, какъ мы видѣли, уже завязалъ дѣло съ колонною Реуфа-паши со стороны Іени-Загры. Гусарскій полкъ, маневрируя подъ страшнымъ огнемъ артиллеріи на лѣвомъ флангѣ непріятеля и не будучи въ состояніи ни пробиться къ отряду Гурко, ни атаковать турокъ, находившихся въ кустахъ и въ рощахъ у деревень, разстрѣлявъ подконецъ всѣ снаряды и понесъ значительныя потери, принужденъ былъ отойти назадъ, къ эскизагрскому отряду, достигнувъ, однако, того, что лѣвый флангъ отряда Реуфа-паши былъ разобщенъ съ правымъ флангомъ Сулеймана-паши.

Къ одиннадцати часамъ утра весь отрядъ герцога Лейхтенбергскаго, въ виду непріятеля, быстро приближавшагося къ городу по мурадлійской и чар-

панской дорогамъ, расположился на окраинахъ города, въ слѣдующемъ порядкѣ*):

На лѣвомъ флангѣ, къ востоку отъ города, позади іенизагрскаго шоссе, на холмахъ у Айданли, стали Кіевскій гусарскій и Астраханскій драгунскій полки, съ 16-ю конною батареею и двумя орудіями 10-й донской батареи, имѣя позади, на казанлыкской дорогѣ, Казанскій драгунскій полкъ. Такимъ образомъ, на холмахъ у Айданли стояли 12 эскадроновъ съ восемью конными орудіями, готовые кинуться на турокъ.

Вскорѣ, однако же, настойчивое наступленіе непріятеля на Эски-Загру принудило герцога Лейхтенбергскаго отдѣлить отъ кавалеріи Казанскій драгунскій полкъ и взводъ хорунжаго Пономарева, и послать ихъ въ помощь къ болгарскому ополченію, оборонявшему городъ.

Въ центрѣ, между іенизагрскимъ шоссе и мурадлійской дорогою, имѣя впереди кустарную, а сзади холмистую мѣстность, встала 1-я болгарская дружина и правѣе ея 3-я дружина, а на возвышенности, сейчасъ же позади дружинъ, заняли позицію два орудія хорунжаго Пономарева, подъ общимъ начальствомъ полковника графа Толстаго.

На лѣвомъ флангѣ, на южной окраинѣ города, между мурадлійскою и чарпанекской дорогами, расположились слѣдующія части: близъ мурадлійской дороги стала 5-я дружина, имѣя на лѣвомъ своемъ флангѣ два горныя орудія (взводъ капитана Константинова); правѣе ея помѣстились спѣшенные казаки полковника Краснова; еще правѣе казаковъ, близъ чарпанекской дороги, позади небольшого рва, отдѣлявшаго отъ города густыя виноградники, стала 2-я болгарская дружина, имѣя на правомъ своемъ флангѣ остальные два горныя орудія (взводъ поручика Гофмейстера); на крайнемъ же лѣвомъ флангѣ, на самой чарпанекской дорогѣ, расположилась еще съ вечера одна рота 2-ой дружины, при ротномъ командирѣ Волгинѣ. Образовавшійся вначалѣ между ротою Волгина и правымъ флангомъ 2-ой дружины промежутокъ былъ пополненъ спѣшенными драгунами Казанскаго полка.

*) Диспозиція болгарскаго ополченія 19-го іюля не опубликована въ печати; расположеніе дружинъ во время этого боя приводится здѣсь со словъ корреспондентовъ газетъ и рассказовъ очевидцевъ.

Вообще всю линію обороны города пришлось донельзя растянуть, и она далеко не соответствовала слабымъ силамъ нашего отряда.

Не смотря на то, болгарское ополченіе не падало духомъ. Во главѣ болгарскихъ дружинъ стояли большею частью наши отборные туркестанскіе боевые офицеры; большинство унтеръ-офицеровъ были также изъ русскихъ обстрѣленныхъ солдатъ. Между самими дружинниками было не мало лицъ изъ болгарской интеллигенціи, болгаръ-юнаковъ и добровольцевъ, только-что вернувшихся изъ сербской кампаніи. По этому можно уже судить о той встрѣчѣ, какую приготовили туркамъ эти храбрыя дружины. Ставъ на окраинахъ города, они рѣшились защищать его во чтобы то ни стало, до подхода къ городу отряда генерала Гурко.

Про Сулеймана-пашу, въ свою очередь, рассказываютъ, что онъ, обладая характеромъ честолюбивымъ, твердымъ, рѣшительнымъ, строгимъ и подчасъ даже жестокимъ, каковыя качества онъ успѣлъ передать и своимъ солдатамъ, отличавшимся строгою дисциплиною, — съ такою ревностью спѣшилъ воспользоваться возможностью одержать побѣду въ Эски-Загрѣ одному, что все время, начиная отъ станціи Карабунара и до Эски-Загры, велъ свои войска въ боевомъ порядкѣ, не позволявшемъ имъ двигаться по дорогѣ, а заставлявшемъ идти цѣликомъ по полямъ, не смотря на то, что солдатамъ подчасъ нечего было ѣсть. Передъ сраженіемъ усталымъ солдатамъ дано было только лишь нѣсколько часовъ отдыха, причемъ многіе изъ нихъ были босые. Передъ самой битвою Сулейманъ-паша обратился къ нимъ съ рѣчью, въ которой сказалъ, что „теперь дѣло идетъ о спасеніи падишаха“, что „ненавистные русскіе хотятъ разрушить Стамбуль и сжечь Айя-Софію“, и что „всѣ правовѣрные послѣдователи Мохамеда, павшіе въ битвѣ, пойдутъ прямо въ рай, гдѣ будутъ наслаждаться вѣчнымъ блаженствомъ“. Для „аскеровъ“ (турецкихъ солдатъ) этого было достаточно: усталость и изнуреніе исчезли, и солдаты злобно стянули свои ряды, чтобы броситься въ ожесточенномъ порывѣ на русскіе окопы. Какъ между солдатами, такъ и между ихъ офицерами существовало въ этомъ отношеніи какое-то соперничество.

Но русскіе и болгары встрѣтили ударъ точно

стѣны, о которыя долженъ былъ разбиться бѣшеный натискъ фанатизированныхъ солдатъ. Больше 5-ти часовъ небольшой отрядъ нашъ, едва дошедшій до трехъ тысячъ человекъ, выдерживалъ натискъ всего пятнадцати-тысячнаго корпуса Сулеймана-паши, оснававшего нашихъ тучею всевозможныхъ снарядовъ.

Не смотря ни на что, дружины болгарскія не смущались. Весь нашъ отрядъ дрался съ необыкновеннымъ мужествомъ. Болгарскія дружины не отставали отъ русскихъ, какъ будто въ этомъ народѣ, спавшемъ цѣлые вѣка, проснулся наконецъ духъ великихъ предковъ. Всѣ рассказы о болгарскихъ дружинахъ преисполнены восторга и удивленія. Но изъ храбрыхъ храброю выказала себя 3-я болгарская дружина, начальникомъ которой былъ туркестанскій герой, подполковникъ Калитинъ, красивый, молодой, лихой офицеръ, бывший любимецъ всего ташкентскаго общества; командирами ротъ въ той же дружинѣ состояли также ташкентскіе боевые офицеры — капитанъ Ѳедоровъ и поручикъ Поповъ. О подвигахъ этой дружины рассказываютъ просто чудеса. Недаромъ, по словамъ самого Сулеймана-паши, ему казалось тогда, что онъ имѣетъ дѣло не съ 4-мя, а съ 12-тью батальонами русскихъ.

Нужно замѣтить, что Сулейманъ-паша вначалѣ обратилъ свои силы, главнымъ образомъ, противъ нашего праваго фланга (2-я и 5-я дружины), приказавъ 4-й бригадѣ своей атаковать его съ фронта, а 3-ей бригадѣ — обойти его слѣва, причемъ имѣлось въ виду занять казанлыкскую дорогу. Но потомъ, замѣтивъ, будто бы, что наибольшая масса противника находится противъ 2-ой правофланговой бригады, онъ подкрѣпилъ ее нѣсколькими батальонами своей 5-й бригады, а затѣмъ - и 4-ой бригады, которые и обрушились на нашъ центръ, занятый 1-ою и 3-ею болгарскими дружинами.

Еще прежде, чѣмъ 3-я дружина успѣла подойти къ указанной ей позиціи, она была уже неожиданно встрѣчена ружейнымъ огнемъ непріятеля на весьма неблагоприятной для себя позиціи, имѣя сзади высоту и городъ, а впереди, большое пространство земли, покрытой густыми кустарниками и садами фруктовыхъ деревьевъ, виноградниками и кукурузой, гдѣ занялъ уже позицію непріятель, засѣвши за скучки вязанныхъ сноповъ соломы, всего въ 300 саженьяхъ отъ дружины. Такимъ образомъ, турки вы-

шли здѣсь кустами противъ 3-ей и 1-ой дружинъ сразу на дистанцію не болѣе 300 сажень. Выйдя на позицію, 3-я дружина тотчасъ же, по командѣ своего храбраго командира, построилась въ боевой порядокъ, причеиъ въ цѣпь разсыпались 1-я и 2-я роты, а резервами цѣпи служили 3-я и 4-я роты. Между тѣмъ турецкая цѣпь быстро усиливалась, а противъ праваго фланга 4-ой дружины выдвинулась непріятельская сомкнутая колонна. Въ виду удлиненія непріятельской цѣпи и возможности обхвата праваго фланга дружины, 1-я и 2-я роты ея подвинулись вправо, а 3-я и 4-я вышли изъ резервовъ и, разсыпавшись также въ цѣпь, заняли пространство лѣвѣе 2-ой роты, такъ что вся дружина вытянулась въ одну сплошную линію цѣпи, не имѣя за собой резервовъ.

Дружина и не замѣтила, какъ очутилась въ сферѣ страшнаго ружейнаго огня, и кругомъ явственно раздавались разнообразное завываніе и свистъ пуль. Но, не смотря на самый близкій огонь турокъ, болгары упорно лежали въ цѣпи и отстрѣливались, сулеймановскіе же, закаленные въ бояхъ таборы, пренебрегая убылью, которую они терпѣли отъ близкаго огня дружинъ, стояли во весь ростъ передъ отстрѣливавшимися и лежавшими въ канавахъ дружинниками. Взводъ артиллеріи хорунжаго Пономарева, занимавшій позицію на возвышенности сейчасъ же позади дружинъ, гдѣ находился и самъ начальникъ болгарскаго ополченія, генераль-маіоръ Столѣтовъ, со своимъ штабомъ и ординарцами, лично руководившій огнемъ орудій, — поразительно быстро и мѣтко поражалъ турокъ картечными гранатами, не смотря на то, что находился въ самой дѣйствительной сферѣ ружейнаго огня. У хорунжаго Пономарева, у этого еще совсѣмъ молодого, только-что выпущеннаго изъ училища офицера, ни одна граната не пропадала даромъ. Гранаты рвало передъ фронтомъ турецкихъ ротъ, и простымъ глазомъ были видны тѣ пробѣлы, которые онѣ дѣлали. Правда, дистанція была не велика, менѣе 300 сажень, но при этомъ взводъ Пономарева былъ буквально засыпаемъ турецкими пулями.

Такъ, въ центрѣ обороны города, непріятельская и наша цѣпи долго стояли другъ противъ друга въ равномъ положеніи, размѣниваясь обоюдно дождемъ свинца.

Съ 12-ти часовъ дня огонь сообщился и правому нашему флангу. Два горныя орудія капитана Константинова, помѣщавшіяся въ промежуткѣ между 3-ей и 5-й дружинами, работали шрапнелью подѣ градомъ непріятельскихъ пуль. Замѣчательный своимъ хладнокровіемъ и полнымъ презрѣніемъ къ опасности, капитанъ Константиновъ спокойно перебѣгалъ отъ орудія къ орудію, самъ направлялъ выстрѣлы и, покуривая трубку, хладнокровно и не торопясь записывалъ въ книжку выстрѣлы своихъ орудій, и тутъ же дѣлалъ необходимыя вычисления.

5-я дружина оказалась вскорѣ тоже въ сферѣ сильнаго огня; около полудня загорѣлся отъ гранатъ первый домъ въ городѣ, въ тылу ея расположенія.

2-я дружина, выславъ отъ себя впередъ, въ виноградники, сильную густую цѣпь изъ 1-ой роты капитана Медынскаго, также завязала перестрѣлку. Очевидно, атака становилась общею. Тогда начальникъ обороны праваго фланга приказалъ двумъ горнымъ орудіямъ поручика Гофмейстера, занимавшимъ позицію на правомъ флангѣ 2-ой дружины, также открыть огонь; но здѣсь разстояніе до турецкихъ батарей оказалось такъ велико, что единственный нашъ выстрѣлъ не дохватилъ и трети этого разстоянія, за то привлекъ на себя весьма энергическій и мѣткій огонь противника. Дѣлать нечего, — пришлось нашимъ двумъ миниатюрнымъ пушкамъ замолчать.

Почти одновременно съ этимъ группы турецкой кавалеріи стали охватывать нашъ правый флангъ, съ очевидною цѣлью отрѣзать ему путь къ отступленію по верхней казанлыкской дорогѣ. Положеніе правофланговыхъ дружинъ становилось критическимъ. Дабы предупредить обходъ непріятеля, начальникъ обороны праваго фланга приказалъ поручику Гофмейстеру, при взводѣ драгунъ, перейти къ казанлыкской дорогѣ и открыть огонь по непріятельской конницѣ, пославъ въ то же время донесеніе князю Лейхтенбергскому съ извѣщеніемъ, что „турки наступаютъ всѣмъ флангомъ; нельзя ли подкрѣпить?“ Но донесеніе это не дошло уже по назначенію. Взамѣвъ подкрѣпленій, прискакалъ вскорѣ ко 2-ой дружинѣ ординарецъ съ приказаніемъ держаться во-что бы то ни стало и съ извѣстіемъ, что „Гурко черезъ полчаса будетъ“....

Въ это время, т. е. около 12¹/₂ часовъ дня, прибылъ на позицію у Айданли, изъ отряда генерала Гурко, помощникъ начальника передоваго отряда, генералъ-майоръ Раухъ, съ нѣсколькими казаками, провожаемый всю дорогу отъ Джуранли огнемъ турецкой артиллеріи... Принявъ немедленно начальство надъ всеѣмъ отрядомъ въ Эски-Загрѣ, генералъ Раухъ тотчасъ же направилъ Астраханскій драгунскій и Кіевскій гусарскій полки съ 16-ою конною батареею по іенизагрскому шоссе на соединеніе съ отрядомъ генерала Гурко, который, борясь съ отрядомъ Реуфа-паша, сильно нуждался въ кавалеріи.

Такимъ образомъ, наши молодецкія 1-я и 3-я дружины, поддерживаемыя до этого времени съ лѣваго фланга Астраханскими драгунами и огнемъ 16-й конной батареи, липились теперь, къ 1-му часу полудни, и этой поддержки. Оставшимся въ Эски-Загрѣ четыремъ болгарскимъ дружинамъ, съ четырьмя горными орудіями и двумя конными орудіями хорунаго Пономарева, Казанскому драгунскому полку и казакамъ полковника Краснова (всего—4-мъ батальонамъ, 7-ми эскадронамъ и сотнямъ и 6-ти орудіямъ) пришлось выдерживать бой противъ въ десять разъ сильнѣйшаго непріятеля. Турки дрались десятеро противъ одного.

Бой сталъ ожесточеннымъ. Турки, не смотря на самый близкій и необычайной мѣткій огонь дружинъ, а также горныхъ и конныхъ орудій, вырывавшихъ цѣлые ряды у непріятеля, прорывались въ городъ. Въ центрѣ шла горячая схватка на близкой дистанціи. Но и здѣсь непріятель, теряя множество народа, двигался впередъ. На правомъ нашемъ флангѣ дружины изнемогали въ непосильной борьбѣ. Съ каждой минутою становилось очевиднѣе, что удержаться горсти людей противъ непріятельскихъ полчищъ рѣшительно не возможно. Наступилъ критическій моментъ, когда нужно было или броситься въ атаку, или начать отступленіе. Противъ праваго нашего фланга турки пошли первые въ атаку.

Нужно замѣтить, что, вслѣдствіе растянутости линіи нашей обороны, на правомъ нашемъ флангѣ только по непрерывно усиливавшейся къ центру и далѣе ружейной перестрѣлкѣ заключали, что турки ведутъ атаку преимущественно на нашъ центръ и лѣвый флангъ, къ которому слѣдовало применить и

правому флангу, въ случаѣ весьма вѣроятнаго отступленія (при томъ условіи, если отрядъ Гурко опоздаетъ). Къ сожалѣнію, во время дѣла, начальникъ обороны праваго фланга не получалъ ровно никакихъ извѣстій о томъ, что дѣлается лѣвѣе его линіи, гдѣ, между тѣмъ, рѣшалось грозное „быть или не быть“

Ничего не зная объ этомъ и слыша только, что живая ружейная трескотня въ центрѣ и на лѣвомъ флангѣ стала слабѣть, все рѣже и рѣше слышались и выстрѣлы орудій Константинова, спѣшенные казаки полковника Краснова, принявъ это за начало отступленія центра, тоже подались назадъ передъ надвигавшимися массами турокъ и бросились къ лошалямъ.

— Пора отступить и соединиться съ главнымъ отрядомъ! сказалъ подѣхавшій къ начальнику обороны полковникъ Красновъ.—Сила солому ломить: видите какія ихъ массы!

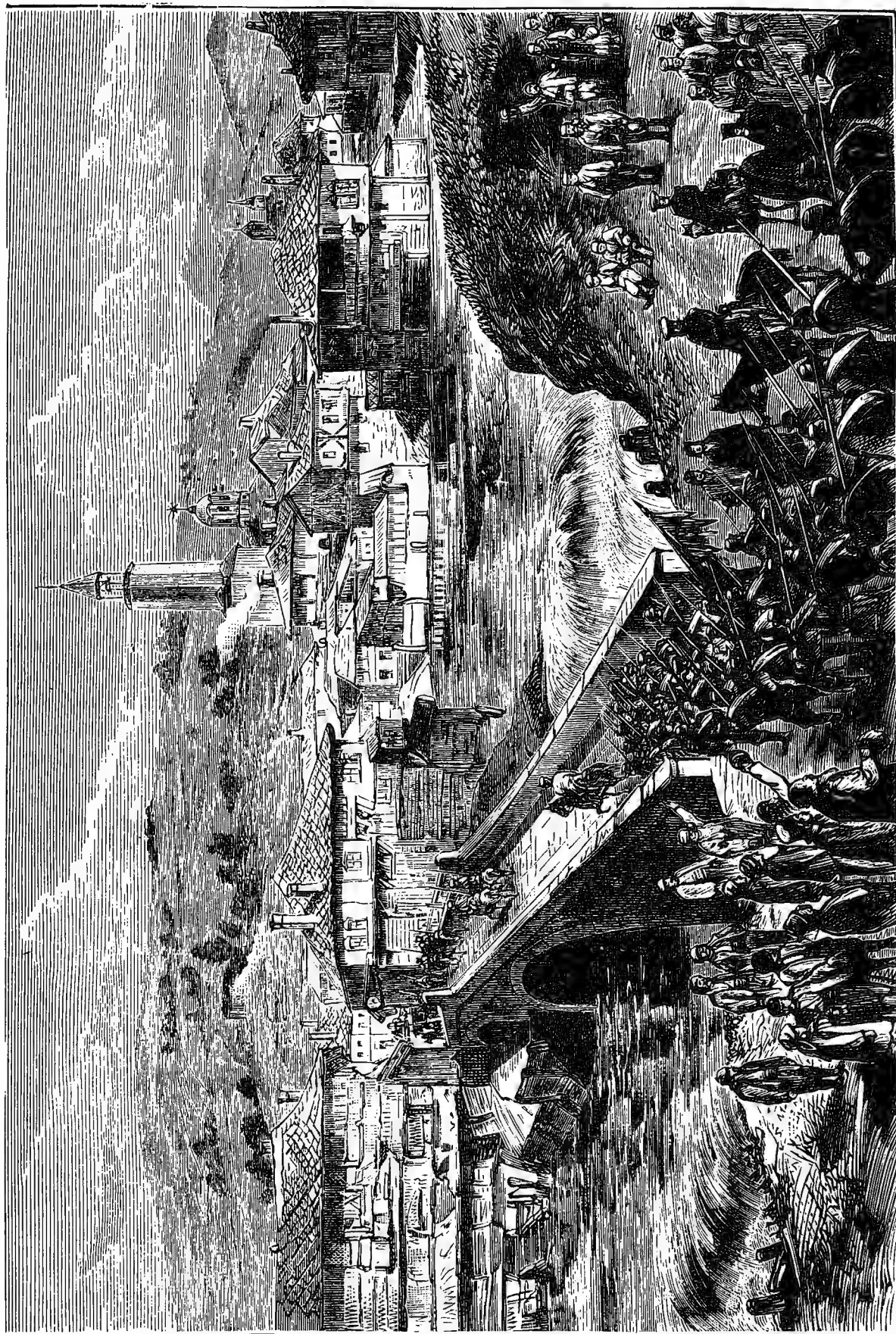
Самъ хорошо понимая, что дѣло уже потеряно, начальникъ обороны праваго фланга все-еще однако медлилъ, разсчитывая, что вотъ-вотъ Гурко ударитъ во флангъ наступающему непріятелю, и дѣло измѣнится въ нашу пользу.

А городъ уже горѣлъ въ нѣсколькихъ мѣстахъ. Слышались даже за спиною отдѣльные зловѣщіе выстрѣлы. Голосъ благоразумія заставлялъ послушаться совѣтовъ полковника Краснова.

2-й дружинѣ приказано было отступить окраинную города къ лѣвому флангу, Казанскимъ драгунамъ—прямо къ коноводамъ, находившимся за городомъ, у верхней дороги въ Казанлыкъ. Къ ротѣ Волгина, на чарпанскую дорогу, посланъ былъ съ таковымъ же приказаніемъ казакъ.

Турки, замѣтивъ отступленіе, стали насѣдать густою цѣпью и осыпали нашихъ такимъ градомъ пуль, что вторая дружина, не имѣвшая потерь во время самаго дѣла, потеряла при отступленіи 37 человекъ убитыми и ранеными: изъ послѣднихъ спаслись только тѣ, которые въ состояніи были сами уйти. 1-я рота 2-й дружины, бывшая въ цѣпи, не успѣла присоединиться къ своей дружинѣ и, съ трудомъ выбравшись изъ виноградниковъ, отошла прямо въ городъ.

Между тѣмъ, на лѣвомъ флангѣ и въ центрѣ битва все-еще свирѣпствовала. 3-я дружина составляла те-

Видъ города Габрово въ Балканахъ.

перь одна центръ боевой линіи, и потому противникъ всеми силами обрушился на нее, стараясь скорѣе прорвать центръ и затѣмъ уже порѣшить съ флангами.

Тогда командиръ дружины, полковникъ Кали-тинъ, приказываетъ баранщикамъ бить атаку. Единственный уцѣлѣвшій въ 3-ей ротѣ офицеръ—поручикъ Кисляковъ, родомъ болгаринъ, запѣлъ болгарскую боевую пѣсню свободы: „Ой ви, болгаре-юнаце, ви во Балканы родени“ И храбрая дружина, увлекаемая офицерами, какъ была въ разсыпномъ строю, подъ страшнымъ непріятельскимъ огнемъ, такъ стремительно и бросилась впередъ, въ атаку. Наступленіе озлобленныхъ болгаръ отличалось мужествомъ неукротимымъ. Шагахъ въ 300 отъ непріятеля раздалось грозное „ура“ Нападеніе было сдѣлано до того дружно и быстро, что турецкая цѣпь не выдержала геройскаго натиска дружины, непріятель дрогнулъ и бросился бѣжать. Опрокинувъ противника, засѣвшего за снопамъ, дружина остановилась, чтобы воспользоваться временно ихъ прикрытіемъ.

Проиденная мѣстность была вся усеяна тѣлами болгарскихъ дружинниковъ и турокъ. Все ретраншементы были также покрыты горами тѣлъ, потому что никто и не помышлялъ о пощадѣ. Дружинникамъ приходилось шагать черезъ убитыхъ и раненыхъ, и нѣкоторыхъ изъ послѣднихъ прикалывать или прихлопывать въ голову прикладомъ, такъ какъ многіе изъ раненыхъ продолжали стрѣлять намъ въ тылъ.

Выбивъ непріятеля изъ его первой позиціи, дружина бросилась опять впередъ.

Было уже около часу по полудни.

Въ это самое время вдругъ и одновременно въ тылу праваго фланга дружины и противъ нашего лѣваго фланга на іенизагрской дорогѣ появились густыя непріятельскія колонны. Вначалѣ, сгоряча, болгары приняли ихъ за подослѣвшую пѣхоту генерала Гурко, такъ какъ имъ было постоянно говорено объ этомъ, въ видахъ поддержки ихъ энергіи и духа; но, разобравъ, что это были турки, болгары кинулись—было назадъ. Турецкая колонна съ фланга дала три залпа, и болгары слышали, какъ турки кричали: „не бойтесь, это—не москочы, это гяуры-болгары дерутся!“ Проклятія послѣднихъ были имъ отвѣтомъ. Передъ фронтомъ 3-ей дружины, въ огородахъ изъ густой травы и въ кустарникахъ также

поднялись лежавшіе тамъ батальоны и открыли по дружинѣ убійственный огонь залпами. Пушечная пальба тоже усилилась до высшей степени. Очевидно было, что дружина нарвалась на турецкіе резервы.

Тогда собственно и началось побоище.

Правый флангъ 3-ей дружины въ виду появившагося тылу ея непріятеля переимѣнилъ фронтъ; а на появившагося непріятеля на лѣвомъ флангѣ пошла въ атаку 1-я дружина: полковникъ графъ Толстой приказалъ трубить наступленіе и, во главѣ 1-й дружины, съ командиромъ ея, полковникомъ Кисляковымъ, бросился на поддержку 3-ей дружины.

Завлеченные атакою и обойденные съ трехъ сторонъ, дружинники очутились передъ самымъ фронтомъ главныхъ непріятельскихъ силъ, подъ адскимъ перекрестнымъ огнемъ. Огонь усилился до такой степени, что не было никакой физической возможности держаться на одномъ мѣстѣ. Въ это время знаменщикъ 3-ей дружины Аксентій Цимбалюкъ получилъ сильную рану въ грудь, но тѣмъ не менѣе продолжалъ идти впередъ, не выпуская знамени, пока силы не оставили его совершенно. вмѣстѣ съ нимъ поверглось на землю и прекрасное знамя, подаренное болгарамъ городомъ Самарою. замѣтивъ это паденіе, подполковникъ Калитинъ митомъ соскочилъ съ лошади, хватился за древко и, снова вскочивъ въ сѣдло, вынесся съ высоко поднятымъ знаменемъ передъ фронтъ своей дружины. „Ребята, знамя наше съ нами! Впередъ—за нимъ, за мною!“ звучнымъ голосомъ прокричалъ онъ своимъ ополченцамъ, не замѣчая, что съ этого момента онъ самъ сдѣлался почти исключительно цѣлью турецкихъ стрѣлковъ, и, повернувъ свою лошадь, устремился на турокъ. Дружно гаркнули „ура“ въ отвѣтъ ему болгары; ихъ ятаганы уже засверкали вокругъ и впереди Калитина,—и когда онъ приказалъ Попову выдвинуть его роту и обхватить съ лѣваго фланга непріятеля, рота вышла; подъ градомъ пуль, съ барабаннымъ боемъ, въ наклоненными ружьями, и въ рядахъ ополченцевъ снова раздалась боевая болгарская пѣсня: „ой ви, болгаре юнаце“ Налѣвъ родимой пѣсни долетѣлъ до слуха 1-й дружины, и она подхватила: „напредъ, напредъ, на бой да варвимъ“. И, словно наэлектризованные, дружинники бросились на ненавистнаго непріятеля, и турки уже попятились. Но въ это самое мгновенье, запатавшись въ сѣдлѣ и

безсильно свѣсивъ на грудь голову, Калитинъ вдругъ падаетъ на землю. Онъ былъ пронизанъ тремя пулями. Ближайшіе люди подскочили на помощь своему командиру, но для него все уже было кончено: красивое, выразительное молодое лицо его, еще за мгновѣніе передъ тѣмъ столь вдохновенно дышавшее и мыслью, и отвагою, разомъ покрылось смертною блѣдностью. Онъ былъ мертвъ. Какъ истинный герой, Калитинъ умеръ на спасенномъ имъ знамени. Фельдфебель 1-й роты вынулъ изъ рукъ его знамя, у котораго почти на серединѣ было уже перебито древко, и только-что успѣлъ сдѣлать съ нимъ два-три шага, какъ и его положила турецкая пуля. На смѣну ему тотчасъ же явился другой унтеръ-офицеръ, но и этотъ былъ убитъ на мѣстѣ.

Въ эти минуты бой шелъ уже въ упоръ съ противникомъ, въ рукопашную. Кучка враговъ подобралась уже къ лежавшему знамени, и двое изъ турокъ уже поволокли-было его на свою сторону. Какъ разъяренные львы бросились на нихъ болгары—кто въ штыки, кто въ приклады, и, среди ожесточеннѣйшей свалки, съ торжествомъ вырвали изъ рукъ противника свою драгоценную святыню—первое болгарское знамя.

Много было примѣровъ удали и молодечества во время этой славной атаки храброй дружины. Капитанъ Усовъ, раненый въ ногу, продолжалъ вести дружину впередъ и ободрялъ солдатъ словами: „съ Богомъ, мѣнчета, напередъ!“ но вскорѣ, пораженный двумя пулями, палъ мертвымъ...

Поручикъ Живаревъ получилъ довольно тяжелую рану въ ногу; но, не смотря на это, онъ взялъ у другаго раненаго ружье и началъ работать, наравнѣ съ солдатами, штыкомъ... Числившійся при дружинѣ, въ качествѣ ординарца при подполковникѣ Калитинѣ, Николай Караевъ Дударь, былъ окруженъ въ это время со всѣхъ сторонъ турками, но, порубивъ пашкою шестерыхъ изъ нихъ, онъ проложилъ-таки себѣ дорогу къ своимъ... Горнисть 4-й роты Петръ Корчинскій, тоже отрѣзанный непріателемъ, проложилъ себѣ путь къ дружинѣ, отмахиваясь направо и налево турецкимъ же оружіемъ.

Здѣсь же былъ смертельно прострѣленъ въ грудь капитанъ Оедоровъ, пробить нѣсколькими пулями поручикъ Поповъ и ранено большинство офицеровъ дружины... Ряды бойцовъ отъ адскаго огня страшно

порѣдѣли... Ужаснѣ этого боя трудно и вообразить себѣ! Горсть нашихъ храбрецовъ, изъ двухъ-трехъ разстроенныхъ дружинъ, выдерживала натискъ всѣхъ 70 батальоновъ Сулеймана-пашы, осыпавшихъ дружинниковъ тучами всевозможныхъ снарядовъ...

„Какъ будто невидимая метла мела вокругъ насъ, — рассказывалъ послѣ одинъ изъ участниковъ боя: — такую пыль поднимали вокругъ насъ турецкія пули, падая на землю...“ „Намъ казалось, — говорилъ другой очевидецъ, — что мы попали въ гигантскій рой пчелъ: подобной тучи пуль мы не могли и представить себѣ!..“ Достаточно сказать, что въ 3-й дружинѣ, изъ числа 13-ти офицеровъ, остались нетронутыми только четверо, да и тѣ не вышли изъ боя безъ помѣтокъ: у кого перебита была пашка, у кого прострѣлена фуражка или одежда... Но какъ ни значительны были наши потери, однако и непріятельскими тѣлами успѣло было все поле...

Битва чрезвычайно свирѣпствовала. Не смотря на мѣткій огонь шрапнелью капитана Константинова, обстрѣливавшего съ праваго фланга густую непріятельскую цѣпь, турки овладѣвали мѣстностью... Артиллерія ихъ подвигалась впередъ шагъ за шагомъ, въ то время, какъ пѣхотинцы съ обѣихъ сторонъ схватывались грудь съ грудью и работали штыками... Всѣ ретраншементы были покрыты горами тѣлъ, потому что никто и не помышлялъ о пощадѣ... Здѣсь каждый человекъ былъ герой. Болгарскіе дружинники даже русскихъ изумили своею стойкостью... Ни одинъ изъ нихъ не дрогнулъ и не подался назадъ, пока не былъ обойденъ съ трехъ сторонъ... Вотъ дружинникъ Георгій Караскаки, будучи раненъ въ голову, нисколько не беспокоится о своемъ увѣчьи, а думаетъ лишь о томъ, какъ бы отомстить врагу... Выпустивъ серію проклятій, обращенныхъ къ противнику, онъ принимается ожесточенно стрѣлять по непріятелю, а кровь, между тѣмъ, такъ и струится по его лицу, залѣпляя глаза. Насладившись отместкой, онъ перевязываетъ свою рану платкомъ и снова продолжаетъ работать ружьемъ... И такихъ примѣровъ были сотни.

Наконецъ подавляющая численность непріятеля заставила уцѣлѣвшихъ, послѣ почти 5-ти-часоваго боя, отступить, тѣмъ болѣе что наши фланги, потерявшіе связь съ общей боевой линіею, были совер-

шенно открыты неприятелю, и нашему центру грозила опасность быть окончательно разбитымъ, если противникъ пуститъ въ дѣло свою кавалерію.

Каково было положеніе дружинъ, когда началось общее отступленіе, — можно уже судить по слѣдующимъ рассказамъ очевидцевъ, относящимся именно къ этому моменту боя:

Адъютантъ 3-й дружины, подпоручикъ Поликарповъ, поскакалъ къ генералу Столѣтову, находившемуся на возвышенности позади центра, просить помощи для своей дружины. Генералъ послалъ его съ приказаніемъ къ 1-й дружинѣ; но на дорогѣ Поликарповъ встрѣтилъ эту дружину уже въ полномъ отступленіи; тогда онъ поднялся снова въ гору, чтобы доложить генералу объ этомъ отступленіи, но генералъ уже снялся съ позиціи съ двумя бывшими около него донскими орудіями хорунжаго Пономарева и уходилъ къ востоку отъ города. Полагая, что начальство просто только пережѣняетъ позицію, боясь, чтобы орудія не попались неприятелю, Поликарповъ продолжалъ взбираться на упомянутую возвышенность, какъ вдругъ, совершенно неожиданно, очутился передъ начальствомъ, но уже передъ турецкимъ... Нѣсколько всадниковъ въ фескахъ наблюдали съ высоты за ходомъ дѣла. Замѣтивъ его, они пустили въ него нѣсколько выстрѣловъ. Поликарповъ повернулся и поскакалъ въ противоположную сторону къ ущелью, но и тутъ нарвался на турокъ, которые стали положительно охотиться за нимъ... Съ криками стрѣляли они по немъ изъ ружей, и одна пуля пробила ему плечо. Урвавшись съ трудомъ изъ подъ ихъ выстрѣловъ, Поликарповъ присоединился, наконецъ, къ разстроенной дружинѣ.

Между тѣмъ, генералъ Столѣтовъ, спустившись съ вышеупомянутой возвышенности, вслѣдствіе того, что турки начали уже обходить болгаръ по іенизагрскому шоссе, распорядился поставить орудія на новую позицію; когда же его начальникъ штаба (подполковникъ Рынкевичъ) донесъ, что шесть таборовъ турокъ дѣйствительно обошли уже болгарскую позицію, то генералъ, желая облегчить положеніе отступавшихъ и удержать натискъ неприятеля, самъ отправился съ двумя орудіями хорунжаго Пономарева, съ цѣлю выбрать для нихъ новую позицію, какъ вдругъ внезапно былъ отрѣзанъ отъ дружинъ черкесами... Генералъ, вслѣдствіе этого, бросился по іени-

загрекой дорогѣ, подъ градомъ неприятельскихъ пуль, вслѣдъ за отступившими еще раньше на соединеніе съ Гурко Астраханскими драгунами и Кіевскими гусарами. Хорунжій Пономаревъ, видя, что и ему нѣтъ другого пути отступленія съ орудіями, какъ на Іени-Загру, взявъ ихъ на передки, проскочилъ въ карьеръ передъ самымъ носомъ турокъ и вмѣстѣ съ генераломъ Столѣтовымъ присоединился къ отряду Гурко. При этомъ рассказываютъ, что генералъ, имѣя въ прикрытіе къ орудіямъ только своихъ ординарцевъ и конниковъ, едва спасся отъ преслѣдовавшихъ его черкесовъ и башибузуковъ.

Вообще отступленіе дружинниковъ изъ города Эски-Загры передъ несмѣтными полчищами Сулеймана-паши не могло отличаться, въ военномъ отношеніи, большою правильностью и порядкомъ: дружинники отступали поспѣшно, партіями и въ одиночку... При этомъ почти всѣ, кто только падалъ на бранномъ полѣ убитымъ или раненымъ, доставались въ руки турокъ, которые прикалывали ихъ на мѣстѣ...

Такъ, попытка вынести изъ огня тяжело раненаго капитана Ѳедорова не удалась... Раненый уже поручикъ Живаревъ бросился было къ нему на помощь и, взваливъ раненаго капитана на себя, несъ его нѣкоторое время одинъ, дѣлая отчаянныя усилія... Помогавшіе ему люди падали тутъ же... Кто-то подвел лошадь, и ей перебило ногу... Вскорѣ поручикъ Живаревъ былъ самъ раненъ въ ногу... Видя, наконецъ, что бремя ему не по силамъ, Живаревъ долженъ былъ оставить умирающаго Ѳедорова, — и герой, грудь котораго была украшена четырьмя солдатскими георгіевскими крестами и пятымъ офицерскимъ, много разъ встрѣчавшій въ туркестанскихъ бояхъ смерть лицомъ къ лицу, нашель ее здѣсь, на полѣ, усѣянномъ своими и врагами...

Самоотверженіе едва не погубило и самого Живарева: оставая Ѳедорова, онъ очутился за отступившей уже цѣпью въ нѣсколькихъ десяткахъ шаговъ отъ неприятельской и слышалъ уже грозные крики: „урусъ! урусъ!“... Только перспектива ужасной смерти придавала ему сверхъестественныя силы, и онъ, изнемогавшій отъ усталости и ранъ, успѣлъ наконецъ присоединиться къ своимъ...

Пробитаго пулями Попова, бывшаго на лошади, вывелъ съ поля сраженія только-что присоединившійся къ дружинникамъ подпоручикъ Поликарповъ, у ко-

того, какъ мы видѣли, у самого было уже прострѣлено плечо... Но Поликарпову и тутъ не посчастливилось: въ то время, какъ онъ выводилъ Попова, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ нихъ лопнула граната и осколкомъ ея Поликарпову разбило нижнюю челюсть... Изнемогая безъ перевязки, онъ долженъ былъ сдать Попова казакамъ, но самъ продолжалъ оставаться на полѣ битвы и вѣдиль подъ огнемъ съ приказаніями, пока не потерялъ силъ и чувствъ... Онъ былъ взятъ и также посаженъ на лошадь казакомъ. Вообще казаки отличались въ этотъ день по части спасенія раненыхъ; безъ нихъ, вѣроятно, многимъ пришлось бы остаться на мѣстѣ... Такъ, присоединившемуся къ Поликарпову фельдшеру не хватило мѣста на лошади, и онъ спасся, держась за хвостъ казачьей лошади... Такимъ же способомъ спаслись и многіе другіе...

Сданный же на руки казаковъ, поручикъ Поповъ, страдая отъ раны въ животъ, просилъ ихъ оставить его на дорогѣ, говоря, что имѣетъ достаточно силъ, чтобы застрѣлиться въ случаѣ прихода турокъ... Уступая просьбѣ раненаго, его положили къ сторонкѣ, въ глухомъ мѣстѣ Эскизагрскаго ущелья, покрыли его буркою и древесными листьями, поставили рядомъ воды и сыру, и ушли... Тѣло Попова, однако, было найдено въ томъ же положеніи, какъ онъ былъ оставленъ, высланными на другой день, по просьбѣ товарищей изъ 4-й дружины, казаками; тѣло его было привезено послѣдними на Шибку и здѣсь похоронено.

Не такъ спокойно пришлось умереть поручику 5-й дружины Павлову. Смертельно раненый въ грудь и не будучи въ силахъ идти за отступавшею частью, онъ прислонился къ дереву... Солдаты его роты хотѣли вынести своего офицера, но онъ приказалъ имъ не тревожить его, такъ какъ все равно неминуемо долженъ умереть... Наступавшій непріятель, дойдя до дерева, о которое прислонился Павловъ, окружилъ умирающаго... Турецкій офицеръ съ обнаженной саблею подошелъ къ Павлову, нанесъ ударъ саблею сначала по одной рукѣ, затѣмъ по другой—обѣ отвалились... Не довольствуясь этимъ звѣрствомъ, турокъ нанесъ еще ударъ и отдѣлилъ голову отъ туловища... Но и этого было мало окружавшимъ его туркамъ: они подняли трупъ безъ головы и безъ рукъ на штыки и подбрасывали его кверху... Подобныхъ звѣр-

скихъ поступковъ со стороны турокъ было совершенно не мало.

Болгарскія дружины отступали частью черезъ городъ, частью черезъ его окраины. Изъ оконъ почти каждаго зданія раздавались по нимъ выстрѣлы, на что дружинники отвѣчали тѣмъ же... Даже за предѣлами городской черты виноградники и сады близъ верхней казанлыкской дороги были уже заняты или ворвавшимися впередъ непріятельскими стрѣлками, или мирными турецкими жителями... Почти изъ-за каждаго дерева, изъ-за каждаго куста по отступавшимъ былъ открытъ отсюда частый ружейный огонь, для прекращенія котораго дружинникамъ приходилось останавливаться и браться снова за ружье... Даже у входа въ Эскизагрское ущелье, на хвостъ отступавшей колонны налетѣли черкесы и произвели—было новое замѣшательство; но дружный ружейный огонь въ послѣднихъ нашихъ рядахъ заставилъ удалцовъ-джигитовъ прекратить дальнѣйшее преслѣдованіе...

Вообще, какъ ни было поспѣшно и безпорядочно, съ военной точки зрѣнія, отступление эскизагрскаго отряда, но въ нравственномъ отношеніи отступленіе четырехъ болгарскихъ дружинъ передъ несмѣтными полчищами Сулеймана-паши было, собственно для дружинниковъ, верхомъ торжества... До этого времени болгарское ополченіе, по недовѣрію къ его качествамъ, въ дѣло не вводилось; подъ Эски-Загрою же болгары сразу доказали, что они обладаютъ мужествомъ и стойкостью, въ которыхъ не уступятъ и русскому солдату. Выдержавъ почти пяти-часовой бой съ цѣлымъ корпусомъ Сулеймана-паши, горсть храбрыхъ дружинниковъ отступила, не оставивъ непріятелю ни одного трофея... При этомъ сколько разъ останавливались дружины, повертывались лицомъ къ непріятелю и, взявъ ружья на руку, давали ему отпоръ! Цѣлые батальоны турокъ обращались въ бѣгство, когда одна какая нибудь рота дружинниковъ вдругъ приостанавливалась и съ крикомъ „ура“ бросалась на непріятеля въ штыки...

Не менѣе блистательно дѣйствовала при отступленіи и оставшаяся при ополченіи горная батарея. Снаряды ея не долетали, конечно, и на половинное разстояніе до турецкихъ дальнобойныхъ орудій, и потому батарея наша дѣйствовала исключительно по наступавшей турецкой пѣхотѣ. Оба офицера этой батареи стали отступать только тогда, когда бата-

рея осталась безъ прикрытія, а непріятель былъ уже въ какихъ нибудь ста шагахъ... Отступая, они нѣсколько разъ останавливались, подпускали турецкую пѣхоту на 50 шаговъ и осыпали ее на этомъ разстояніи картечью... Этотъ маневръ батарея повторяла даже въ улицахъ города, не смотря на то, что турки напирали на нее все сильнѣе и сильнѣе, а жители-мусульмане, припрятавшіе оружіе отъ выдачи русскимъ властямъ, стрѣляли въ артиллеристовъ съ боковъ и сзади, изъ оконъ домовъ, изъ-за заборовъ и садовъ... Однако же, вслѣдствіе ловкихъ маневровъ отважной батареи, въ улицахъ Эски-Загры легли такіа груды мертвыхъ турокъ, что нѣсколько чловѣкъ Кіевскихъ гусаръ, не успѣвшихъ присоединиться къ отряду Гурко и потомъ пробившихся черезъ турецкія войска обратно къ Эски-Загрѣ, не могли проѣхать черезъ улицы, а должны были сдѣлать большой объѣздъ кругомъ... По словамъ самого Сулеймана-паши, войска его теряли очень много людей въ узкихъ и кривыхъ улицахъ города...

Городъ Эски-Загра, съ первыхъ же выстрѣловъ зажженный турецкими гранатами, теперь объятъ былъ пламенемъ, и такъ какъ горѣла именно главная улица и, притомъ, жители-болгары, съ своей стороны, также собрались дать отпоръ туркамъ, то это нѣсколько задержало натискъ непріятеля и дало возможность нашему отряду выбраться, наконецъ, изъ несчастной Эски-Загры...

Между тѣмъ, оставленный нами на дорогѣ въ Эски-Загру, на ночлегѣ у деревни Карабунаръ, нашъ іенизагрскій отрядъ, подъ начальствомъ самого генерала Гурко, уже сѣдѣлъ на выстрѣлы къ Эски-Загрѣ и былъ близко. Къ сожалѣнію, ему самому пришлось, не доходя восьми верстъ до Эски-Загры, выдержать жестокую битву съ другимъ турецкимъ отрядомъ, принадлежавшимъ къ войскамъ Реуфа-паши, что нѣсколько задержало нашихъ храбрецовъ, и они подошли къ Эски-Загрѣ часомъ позже отступленія болгаръ, когда послѣдніе были уже по дорогѣ въ Казанлыкъ.

Вернемся нѣсколько назадъ, къ походу іенизагрской колонны и къ судьбѣ кавалеріи герцога Лейхтенбергскаго, которая, какъ мы видѣли, была выслана изъ Эски-Загры на соединеніе съ колонною генерала Гурко.

19-го іюля утромъ, съ разсвѣтомъ, въ день эски-

загрскаго побоища, войска генерала Гурко снялись съ мѣста почлега у деревни Карабунаръ и двинулись по шоссе на западъ, въ направленіи къ городу Эски-Загрѣ.

Отрядъ Гурко состоялъ въ этотъ разъ изъ двухъ пѣхотныхъ полковъ—Сѣвскаго и Елецкаго, двухъ пластунскихъ сотень, четырехъ сотень казаковъ (21-го и 26-го полка) полковника Курнакова, 4-й и 6-й батареи 9-й артиллерійской бригады и 15-й донской батареи. 4-я же стрѣлковая бригада была оставлена еще наканунѣ въ Іени-Загрѣ, для отдыха и съ цѣлю окончательнаго разрушенія іенизагрской желѣзной дороги.

Войска генерала Гурко выступили съ бивака у Карабунара въ шесть часовъ утра; стрѣлкамъ же было послано съ вечера приказаніе выступить изъ Іени-Загры въ 4 часа утра на соединеніе съ отрядомъ Гурко, двинувшимися къ Эски-Загрѣ.

Утро было прекрасное—теплое и ясное. Но люди, утомленные тревожно проведенной ночью и вчерашнимъ боемъ подъ Іени-Загрою, медленно и вяло подвигались теперь по пыльному шоссе; всадники распустили поводья коней и какъ-то лѣнливо и сонно покачивались на своихъ сѣдлахъ; пѣхота тяжело переставляла ноги. Два часа сряду продолжалось это лѣнливое, утомительное шествіе, во время котораго каждый, по видимому, забывалъ и думать о непріятелѣ.

Вдругъ, часовъ въ 8 утра, къ генералу Гурко прискакали казаки съ донесеніемъ отъ полковника Курнакова, посланнаго впередъ съ четырьмя сотнями казаковъ и двумя донскими орудіями, о томъ, что непріятель показался впереди отряда, у д. Джурапли, и что нашъ казачій развѣздъ и подоспѣвшія къ нему четыре сотни донцовъ уже заняли церестрѣлку къ турками.

Точно молнія пролетѣла эта вѣсть изъ конца въ конецъ по двигавшемуся отряду: все во мгновеніе встрепенулось и оживилось; всадники вдругъ озабоченно стали править поводьями коней; пѣхота приободрилась и стройно зашагала въ ногу; у всѣхъ лица приняли серьезное и строгое выраженіе.

Въ долину, по которой шелъ нашъ отрядъ, верстахъ въ трехъ впереди, влѣво отъ шоссе, былъ расположенъ густой лѣсъ, который тянулся на югъ, перпендикулярно къ дорогѣ, и сообщался съ сосѣдней де-

ревнею Джуранли. Въ этомъ-то лѣсу и засѣли турки. То былъ отрядъ Реуфа-паши, подкрѣпленный отборными батальонами Сулеймана-паши. Положеніе турокъ было очень выгодное: они были защищены лѣсомъ и, кромѣ того, устроили на опушкѣ его ровики и ямы для стрѣлковъ и ложементы для сомкнутыхъ частей. Турки ждали нашихъ и притовились встрѣтить ихъ именно съ этой стороны.

Мѣсто, на которомъ приходилось дѣйствовать русскимъ, напротивъ, было очень неудобное: передъ лѣсомъ почва была неровная, на которой росли кукуруза и мѣстами колючій кустарникъ, прорыто было нѣсколько канавъ и, вдобавокъ, протекала рѣчка. Все это могло сильно затруднить движеніе нашей артиллеріи. Всѣ выгоды предстоящей битвы, казалось, были на сторонѣ турокъ.

Проѣхавъ немного впередъ по долині, генераль Гурко свернулъ съ шоссе влѣво и вѣхалъ на высокій курганъ, съ котораго отлично была видна вся ближайшая окрестность. Кругомъ его тотчасъ же расположилась свита. Съ кургана ясно были видны, верстахъ въ двухъ впереди, колонны турецкой пѣхоты, стоявшей у опушки лѣса и развертывавшейся въ цѣпь. На лѣвомъ ихъ флангѣ, ближе къ шоссе, гдѣ лѣсъ былъ рѣже, видны уже были густыя массы пѣхоты и турецкая кавалерія, которая ужасно суетилась: то строилась въ колонны, то развѣзжалась. По видимому, она готовилась въ атаку, но ее не пускали въ дѣло. Впереди турецкаго фронта ѣздилъ на бѣлой лошади какой-то всадникъ: казалось, онъ воодушевлялъ войска и раздавалъ имъ приказанія. Наши думали уже, что турки сейчасъ же двинутся противъ насъ, но нѣтъ—они спокойно оставались за своими закрытіями.

Пока не видно было только мѣста, гдѣ помѣщалась непріятельская артиллерія; но она сама скоро дала о себѣ знать: на лѣвомъ ихъ флангѣ, въ рѣдкомъ лѣсу, сдѣлано было множество укрѣпленій, гдѣ вскорѣ загремѣли до 12-ти орудій большаго калибра.

Осмотрѣвъ съ кургана непріятельскую позицію, генераль Гурко разослалъ ординарцевъ съ приказаніями для наступленія.

Ничего не зная о положеніи эскизагрскаго отряда и рассчитывая взять непріятеля съ двухъ сторонъ, генераль велѣлъ свернуть своему отряду влѣво съ

шоссе и стараться обойти правый флангъ турокъ, съ тѣмъ чтобы отрѣзать имъ путь отступленія. Онъ полагалъ, что эскизагрскій отрядъ, услыхавъ выстрѣлы, поведетъ атаку съ другой стороны. Вслѣдствіе этого 1-я бригада 9-й дивизіи зашла правымъ плечомъ впередъ и развернулась передъ лѣсомъ, въ двухъ верстахъ къ югу отъ шоссе. Въ первой линіи шелъ Сѣвскій полкъ, во второй—Елецкій. Но когда оказалось, что позиція непріятеля по длинѣ занята на большее протяженіе, чѣмъ это вначалѣ казалось, то и Елецкій полкъ былъ выдвинутъ вправо, оставивъ въ резервѣ одинъ батальонъ.

Въ центрѣ нашихъ позицій тотчасъ же поставлены были обѣ пѣшія батареи — 4-я и 6-я, подъ прикрытіемъ стрѣлковыхъ ротъ Сѣвскаго и Елецкаго полковъ, которыми, такимъ образомъ, пришлось опять идти въ дѣло послѣ только-что выдержаннаго наканунѣ боя подъ Лени-Загрою. 6-я батарея остановилась на позиціи довольно далеко отъ лѣса, а 4-я, подъ прикрытіемъ стрѣлковыхъ ротъ Сѣвскаго полка, подошла почти на ружейный выстрѣлъ къ лѣсу.

Стрѣлкамъ Сѣвскаго полка и 4-ой батареи, какъ находившимся въ серединѣ, пришлось выносить всю тяжесть этого боя. Лишь только они развернулись на позиціи, какъ сразу были осыпаны градомъ пуль и огнемъ крупновескихъ орудій, и, сверхъ того, на Сѣвцевъ же, стоявшихъ впереди цѣпью, начали производиться почти непрерывныя атаки со стороны турецкой кавалеріи и пѣхоты. Но Сѣвцы, не обращая вниманія на жестокій огонь, залегли и открыли мѣткую стрѣлбу по турецкой цѣпи, мужественно отражая всѣ попытки ея сбить ихъ съ позиціи и удерживая ее на почтительномъ разстояніи. Артиллерія же наша поражала непріятеля картечными гранатами и перестрѣливалась съ непріятельскими орудіями.

На лѣвомъ нашемъ флангѣ одинъ батальонъ Ельцовъ и двѣ роты Сѣвскаго полка вошли въ лѣсъ и начали обходить правый флангъ непріятеля. Не смотря на страшно пересѣченную мѣстность и сильный огонь турецкихъ стрѣлковъ, стрѣлявшихъ съ очень близкихъ разстояній, отрядъ этотъ, предводительствуемый полковникомъ Вульффертомъ, подвигался постепенно впередъ.

Вскорѣ вдоль всей линіи завязалась оживленная перестрѣлка. Турки стрѣляли по всѣмъ направле-

ніямъ, всюду, гдѣ только замѣчали малѣйшее движеніе: по свитѣ генерала, помѣщавшейся на курганѣ, по цѣпимъ и коннымъ людямъ, стрѣляли даже по пыли на дорогѣ и по отдѣльнымъ казакамъ, проѣзжавшимъ по шоссе. Артиллерійскій огонь разгорался все сильнѣе и сильнѣе. Вскорѣ пороховой дымъ застлалъ всю опушку непріятельскаго лѣса, и сквозь этотъ дымъ мелькали только красные огоньки отдѣльныхъ выстрѣловъ. Съ громомъ пушекъ, шипѣніемъ и свистомъ гранатъ смѣшивался непрерывный звукъ ружейной стрѣлбы: казалось, будто въ лѣсу ломають въ щепки толстыя доски, и эти щепки съ трескомъ, визгомъ и воемъ взлетаютъ на воздухъ.

Не прошло и двухъ часовъ съ момента открытія огня, а полковые санитары уже заработали вблизи кургана: то и дѣло мимо штаба проносили раненыхъ, помѣщая ихъ въ небольшомъ лѣску позади кургана.

Битва продолжалась въ теченіи нѣсколькихъ часовъ сряду, причеиъ ни нашъ лѣвый обходный отрядъ, ни центръ долго не въ состояніи были выбить непріятеля изъ занимаемой имъ позиціи. Турки защищены были лѣсомъ и ложементами, и выпускали изъ-за кустовъ, деревьевъ и насыпей неизомѣрное количество снарядовъ. Даже впереди лѣса, въ кукурузѣ, засѣли непріятельскіе стрѣлки, которые подпускали нашихъ стрѣлковъ на близкое разстояніе и поражали ихъ почти въ упоръ. Сѣвцы и Ельцы были осыпаны градомъ пуль, не видя, въ кого стрѣлять.

Видя усиленіе непріятеля противъ нашего праваго фланга, генераль Гурко послалъ ординарца на встрѣчу стрѣлковой бригадѣ, шедшей изъ Лени-Загры, чтобы она ускорила прибытіе на поле битвы и выслала впередъ на рыхляхъ 15-ую доискую батарею.

Бой затягивался и, какъ обыкновенно бываетъ въ подобныхъ случаяхъ, при продолжительной борьбѣ безъ перевѣса съ той и другой стороны, когда оба противника начинаютъ уже свыкаться съ своимъ положеніемъ и отчасти даже утомляться монотоннымъ ходомъ битвы, въ рядахъ нашихъ солдатъ послышались шутки насчетъ непріятеля и стали даже повторяться отдѣльные случаи удалства ради развлечения. Такъ, унтеръ-офицеру Елецкаго полка Ключникову удалось убить всадника, который завѣдывалъ цѣпью турецкихъ стрѣлковъ: лошадь изподъ убитаго поскакала впередъ, въ пространствѣ

между нашею и непріятельскою цѣпью. Ключниковъ, не смотря на страшный непріятельскій огонь, бросился ловить ее; но поймать лошадь ему было трудно, — тогда онъ выстрѣлилъ по ней, ранилъ ее въ ногу, догналъ, сѣлъ верхомъ и проѣхался по нашей цѣпи. „Хоть разъ въ жизни удалось покататься“, — смѣясь, говоритъ онъ своимъ товарищамъ. Другой унтеръ-офицеръ, Новицкій, съ большимъ искусствомъ упражнялся въ это время въ мѣткой стрѣлбѣ: онъ убилъ непріятельскаго всадника на рыжемъ конѣ, который находился почти въ центрѣ турецкихъ линій, и свалилъ пулею во рву двухъ турокъ, головы которыхъ едва виднѣлись изъ-за насыпи. Пластуны, засѣвшіе на правомъ флангѣ за небольшимъ бугромъ, забавлялись тѣмъ, что выставляли въ сторонѣ отъ себя, на открытой полянкѣ, свои бурки и мохнатые шапки, надѣтыя на воткнутые колья, и привлекали тѣмъ сильный огонь турокъ по казацкой овчинной одеждѣ.

Непріятель, нѣсколько разъ безуспѣшно переходившій въ наступленіе, видя бесплодность своихъ попытокъ сбить нашъ центръ открытымъ нападеніемъ, прибѣгнулъ, наконецъ, тоже къ хитрости. Съ одной стороны начинаетъ маневрировать турецкая кавалерія: какъ будто все собирается въ атаку. А въ это время турецкіе стрѣлки, войдя въ ложину, подкрадываются по углубленной дорогѣ, идущей подъ острымъ угломъ къ нашей цѣпи, и, пройдя цѣпь Сѣвцевъ, перерѣзываютъ ее, и открываютъ огонь. Въ это время, среди турокъ раздается русскій сигналъ къ атакѣ, но наши ему не повѣрили. Тогда у нихъ слышались русскія слова: „Иди направо, они тутъ“. Но и на эту хитрость наши не поддались. Однако же, 3-ей стрѣлковой ротѣ Сѣвскаго полка приходилось плохо: рота была раздѣлена турецкими стрѣлками; командиръ ея, поручикъ Висковекій, былъ раненъ, и его понесли на перевязочный пунктъ. Командованіе принялъ поручикъ Янковскій, но и онъ съ нѣсколькими стрѣлками былъ окруженъ турками. Тогда унтеръ-офицеръ Багшъ бросился къ другому ротному командиру и, цѣлуя ему руки, просилъ выручить поручика. Помощь не замедлила явиться: грянуло „ура“ въ сосѣдней ротѣ, солдаты ударили въ штыки, и Сѣвцы снова соединились.

Между тѣмъ, генераль Гурко, не имѣя изъ Эски-Загры никакихъ извѣстій и не зная еще, что вся

армія Сулеймана-паши напала на этотъ городъ, ожидалъ съ минуты на минуту, что нашъ эскизагрскій отрядъ выйдетъ въ тылъ непріятельской позиціи у Джуранли. Но около 10-ти часовъ утра, не видя появленія этого отряда, генералъ началъ догадываться, что герцогъ Лейхтенбергскій самъ атакованъ. Дальнѣйшее непоявленіе его на полѣ битвы разсѣяло всякое сомнѣніе. Съ курганчика, съ котораго Гурко наблюдалъ за ходомъ сраженія, каждый могъ видѣть вдаль, у Эски-Загры, поминутно вспыхивающіе клубочки дыму, и заключить по этимъ дымкамъ, что тамъ происходитъ тоже сраженіе и что небольшою отрядъ герцога Лейхтенбергскаго атакованъ, въ свою очередь, непріателемъ, и притомъ весьма сильнымъ. Но подать этому отряду руку помощи Гурко не могъ, ибо самъ дрался въ эту минуту съ превосходными силами турокъ и ждалъ поэтому, съ тревогою въ душѣ, развязки разыгравшихся невдалекѣ другъ отъ друга сраженій. Сознавая необходимость разбить то, что было передъ нимъ, и идти тотчасъ же на помощь эскизагрскому отряду, генералъ Гурко послалъ въ то же время приказаніе въ Эски-Загру — держаться до послѣдней крайности и, вмѣстѣ съ тѣмъ, увѣдомлялъ, что какъ только разобьетъ непріятеля, то сейчасъ придетъ къ нимъ на помощь. Но упорство непріятеля, засѣваго у Джуранли, разстроило всѣ наши планы.

Въ то время, какъ битва у Джуранли все болѣе и болѣе затягивалась, вдали, на шоссе изъ Лени-Загры, показалась, наконецъ, 15-я донская батарея, мчавшаяся на полныхъ рысяхъ на поле сраженія... Какъ только она была замѣчена турецкою артиллеріею, сейчасъ же въ нее были направлены выстрѣлы, и хотя дистанція была гораздо болѣе трехъ верстъ, тѣмъ не менѣе турецкіе снаряды ложились въ весьма близкомъ разстояніи отъ батареи... Не обращая вниманія на эти выстрѣлы, донская батарея лихо вынеслась на нашъ правый флангъ и съ разстоянія около 600 сажень начала такой мѣткій огонь по непріятельской артиллеріи картечными гранатами, что, послѣ четвертой очереди, турецкая батарея должна была сняться и отбѣхать назадъ сажень на 300... Затѣмъ 15-я батарея начала поражать картечью то турецкую пѣхоту, то ихъ кавалерію, производя у нихъ поминутно безпорядокъ... Турки

принуждены были нѣсколько разъ передвигать свою цѣпь, спасаясь отъ дѣйствія донской батареи...

Около одиннадцати часовъ утра появилась на шоссе изъ Лени-Загры и 4-я стрѣлковая бригада, на которую теперь были возложены всѣ надежды командировъ, чтобы дать толчекъ бою...

Уже достаточно искусенные въ бояхъ и трудностяхъ похода, стрѣлки подвигались по шоссе къ мѣсту сраженія быстрымъ шагомъ... Въ теченіи послѣднихъ 16-ти дней они имѣли восемь дѣлъ, и теперь шли, не обращая вниманія на направленные на нихъ гранаты, какъ люди, вполне увѣренные въ успѣхъ и не придающіе большаго значенія стычкѣ съ турками..

Пристроившись къ правому флангу Елецкаго полка и оставивъ въ резервѣ 16-й батальонъ, стрѣлки удлиннили, такимъ образомъ, нашу боевую линію и тотчасъ же вступили въ дѣло...

Однако и непріятель не оставлялъ своего намѣренія сбить нашъ центръ, и мало по малу ввелъ въ бой почти всѣ свои войска. Пользуясь выгодами раньше занятой имъ мѣстности, располагая въ то же время не только пѣхотою, но и кавалеріею, которая у насъ отсутствовала, и опираясь на свои многочисленныя укрѣпленія, непріятель, около часу по-полудни, возобновилъ атаки на нашъ центръ съ страшной силою... Непрерывный огонь цѣпи, залпы сомкнутыхъ частей и массы наступающихъ ротныхъ колоннъ производили ужасающее впечатлѣніе... Съ 10-ти часовъ утра стрѣлковая цѣпь Сѣвцевъ, занимавшая нашъ центръ, выдерживала натискъ превосходнаго по числу непріятеля, — и вотъ теперь утомленные стрѣлки наши начали подаваться... Турки удвоили усердіе и открыли, въ то же время, адскій ружейный огонь. Турецкія пули начали долетать до 4-й батареи. При орудіяхъ ея было убито 20 лошадей. Изъ 8 унтер-офицеровъ пали тутъ же трое. У батарейнаго командира ранили лошадь; подъ капитаномъ Политковскимъ было убито 2 лошади... Турецкая пѣхота все приближается и приближается... Батарея уже начинаетъ отстрѣливаться картечью, но не отступаетъ, желая поддержать стрѣлковъ Сѣвскаго полка. Минута была критическая...

Правый и лѣвый фланги наши тоже пока не имѣли перевѣса, а центръ все слабѣлъ и слабѣлъ...

У стрѣлковъ патроны были уже на исходѣ. Стрѣлки начали отступать... Отъѣзжаетъ и батарея саженъ на сто; одно орудіе на трехъ лошадяхъ увозятъ съ поля совсѣмъ...

„Перебили лошадей много, — слышится въ рядахъ: — послано за резервами...

Между тѣмъ, массы турецкой пѣхоты начали уже выходить изъ-за своихъ прикрытій, съ намѣреніемъ обойти нашъ правый флангъ.

Въ то же время громадный столбъ дыма, поднявшійся надъ городомъ Эски-Загрю, увѣдомлялъ, что и тамъ дѣла идутъ плохо.

Чтобы остановить наступленіе турокъ, былъ тотчасъ же выдвинутъ изъ резерва 16-й стрѣлковый батальонъ въ то время, какъ 13-й, 14-й и 15-й батальоны были направлены въ атаку. Одновременно съ этимъ 6-я пѣшая и 15-я донская батареи направили на наступающія колонны непріятеля сильный огонь картечными гранатами.

Въ эту критическую для обѣихъ сторонъ минуту, на противоположномъ концѣ поля битвы, на дорогѣ изъ Эски-Загры, вдругъ блеснули орудія русской конной батареи. Она спѣшила по шоссе, подымая густыя облака пыли. Турецкія пушки немедленно направились на нее. Вотъ непріятельскія гранаты начали уже разрываться на линіи движенія батареи, но, какъ видно, счастливо для нашихъ: батарея продолжала скакать безостановочно къ мѣсту битвы.

На курганѣ, гдѣ расположилась свита генерала Гурко, всѣ встали и направили свои бинокли на батарею. У насъ чувствовался уже крайній недостатокъ въ орудіяхъ, и батарея подходила какъ разъ вовремя. То была 16-я конная батарея подполковника Ореуса, высланная изъ Эски-Загры на соединеніе съ отрядомъ генерала Гурко. Теперь всѣ съ живѣйшимъ любопытствомъ слѣдили за исходомъ ея опаснаго движенія.

Между тѣмъ, любопытство это привлекло вниманіе турокъ. Слѣдующій выстрѣлъ направился на курганъ; близко надъ головою свиты просвистѣла граната, за ней другая, третья; многіе сошли съ кургана... Кто-то подбѣжалъ къ генералу Гурко и сталъ уговаривать его сойти, но онъ остался на своемъ мѣстѣ, полулежа на спинѣ, и замѣтилъ только, что „отъ судьбы своей нигуда не уйдешь“.

Но вотъ даже скачущая батарея и турецкія гра-

наты перестали обращать на себя вниманіе русскихъ: вдали, за приближавшейся батареею, также на дорогѣ изъ Эски-Загры, поднялась вновь густая пыль, какая бываетъ отъ скачущей кавалеріи. Пыль все подвигалась и подвигалась къ нашему правому флангу; за нею не было видно даже турецкаго огня.

„Если это турецкая кавалерія, — сраженіе будетъ потеряно“, — мелькнуло въ головѣ у многихъ.

Столбы пыли, между тѣмъ, приближались; вотъ изъ-за нихъ выдѣлились фигуры всадниковъ, но узнать нельзя — наши ли?

Съ напряженнымъ вниманіемъ слѣдили всѣ за массой конницы... Какое-то странное движеніе замѣтно было въ заднихъ рядахъ ея: нѣкоторые всадники какъ-будто пріостанавливались, и нѣтъ-нѣтъ мелькнетъ бѣлый дымокъ...

Нѣсколько секундъ томительнаго ожиданія... Гранаты продолжаютъ пролетать надъ головами нашихъ, но на нихъ теперь уже никто не обращаетъ вниманія. Все вниманіе на правомъ флангѣ, на шоссе...

„Наши скачутъ!“ — крикнулъ кто-то.

У всѣхъ точно тяжелый камень отвалился отъ сердца. Всѣ вздохнули свободнѣе.

„Сзади перестрѣлка — вѣрно черкесы гонятся“, — спѣшилъ объяснить одинъ изъ офицеровъ.

Теперь всѣмъ стало ясно: это наша эскизагрская кавалерія — Астраханскіе драгуны и Кіевскіе гусары, пробивавшіеся изъ Эски-Загры сквозь массу черкесовъ Реуфа.

Этотъ маленькій кавалерійскій отрядъ, подъ начальствомъ полковника барона Корфа, въ 12 часовъ дня двинулся отъ Айданли на соединеніе съ отрядомъ Гурко, причемъ веденіе колонны поручено было начальнику штаба кавалеріи передоваго отряда, подполковнику Сухотину. Приходилось идти отъ Айданли по шоссе, находившемуся въ сферѣ артиллерійскихъ и ружейныхъ выстрѣловъ непріятеля, занимавшаго Джуранли и окрестные кусты кукурузнаго поля.

Виславъ сильные разѣзды вправо, къ сторонѣ непріятеля, кавалерія, съ 16-ю конною батареею, двинулась на рыскахъ общею колонною по шоссе къ Джуранли. По отходѣ съ полуверсты отъ Айданли, на колонну посыпались съ фланга гранаты и пули, и затѣмъ кавалерія шла все время провожаемая сильнѣйшимъ огнемъ непріятеля... По приближеніи же къ лѣвому флангу турецкой боевой линіи, обращенной

противъ отряда генерала Гурко, колонна наша была атакована черкесами во флангъ, но они во-время были встрѣчены головнымъ дивизиономъ драгунъ и орудіями, обдавшими ихъ картечью. Черкесы тотчасъ усклакали къ ближайшимъ кустамъ, изъ которыхъ вновь открыли огонь по колоннѣ, которая продолжала слѣдованіе въ указанномъ ей направленіи. Вотъ колонна поравнялась уже съ турецкой боевой линіею, обращенной противъ праваго крыла отряда Гурко; турки открыли по нашей колоннѣ страшный огонь, а непріятельская кавалерія вторично понеслась на нее въ атаку,—и наши храбрые кавалеристы съ быстротою молніи увидѣли себя вновь среди густой массы темнолицыхъ черкесовъ въ мохнатыхъ шапкахъ. Въ эту минуту у одного изъ орудій взвода поручика Ильина была убита лошадь, почему орудіе остановилось, и, пока возились подлѣ него, черкесы произвели атаку... Рослые Астраханцы и блестящіе гусары и тутъ не потерялись: стрѣляя направо и налево и, обдавъ черкесовъ картечью батареи, они мужественно пробивались черезъ ихъ ряды. Борьба продолжалась недолго: масса разступилась и волною хлынула по обѣмъ сторонамъ. Гусары и драгуны прорвались. Но сзади все еще несутся черкесы, стрѣляя на всемъ скаку. Наши по временамъ осаживаютъ лошадей и отстрѣливаются... Наконецъ проскакали и линію турецкаго огня и приблизились къ нашему правому флангу; но черкесы не останавливаются и продолжаютъ преслѣдовать кавалеристовъ выстрѣлами. Въ это время одинъ изъ нашихъ взводовъ быстро заворачиваетъ налево кругомъ и встрѣчаетъ черкесовъ залпами... Маневръ произведенъ былъ такъ удачно, что черкесы сейчасъ же повернули назадъ... Гусары и драгуны остановились, построившись въ колонны и бросились, въ свою очередь, преслѣдовать разбитаго непріятеля.

Изъ донесеній прибывшихъ кавалеристовъ генералъ Гурко узналъ нѣкоторыя подробности о положеніи болгарскаго ополченія въ Эски-Загрѣ; но чѣмъ тамъ кончилось дѣло—кавалеристы сказать не могли, такъ какъ оставили Эски-Загру за часъ до исхода эски-загрскаго побоища.

Былъ уже третій часъ дня. Около пяти часовъ кряду колонна Гурко подвергалась сильнѣйшему дѣйствию непріятельскаго огня и почти непрерывному ряду упорныхъ атакъ, и безъ свѣжихъ силъ ей, вѣроятно, пришлось бы отступить. Но подкрѣпленія по-

доспѣли какъ разъ во-время. Вмѣстѣ съ кавалеріею пришла 16-я конная батарея, которой удалось проскользнуть между массами черкесовъ впереди отряда, и, прибывъ на поле сраженія, она тотчасъ же заняла мѣсто орудій, бывшихъ до сихъ поръ въ дѣйстви, но теперь почти уже замольшихъ, вслѣдствіе истощенія запасовъ пороху и громадной убыли въ прислугѣ и лошадяхъ. Свѣжая батарея отвѣчала упорнымъ огнемъ на турецкіе выстрѣлы.

Во то же время грозные батальоны 4-й стрѣлковой бригады, направляемые ихъ храбрымъ командиромъ генераломъ Цвѣцинскимъ, были уже близко отъ непріятеля.

Ждалась минута общей атаки...

Не вступая въ перестрѣлку, не останавливаясь, какъ это они дѣлали уже не разъ, храбрые стрѣлки быстро шли къ лѣсу, противъ лѣваго фланга непріятеля, и, подойдя на половину разстоянія своего ружейнаго выстрѣла, начали стрѣлять сознательно и расчетливо, какъ на ученьи, подвигаясь въ то же время впередъ. Достигнувъ наконецъ опушки лѣса, усталые и голодные солдаты, точно преобразившись, прямо бросились на турокъ, дружно крича „ура“. Молодцы ударили въ штыки... Но не успѣли они подойти и на 60 шаговъ къ лѣсу, какъ въ рядахъ турокъ уже обнаружилось смятеніе. Ихъ папа или офицеръ ѣздилъ позади турецкаго фронта, горячился, кричалъ, бранился, колотилъ непослушныхъ нагайкой, однимъ словомъ—всеми мѣрами подбадривалъ турокъ, но ничто не помогло: турки не выдержали натиска стрѣлковъ и подались налево. Здѣсь особенно отличился 15-й стрѣлковый батальонъ, который, опередивъ остальные войска, врѣзался въ расположеніе непріятеля и тѣмъ сильно содѣйствовалъ отраженію атаки непріятеля, понеся при этомъ самъ весьма чувствительную потерю.

Въ это время войска генерала Гурко уже повсей линіи перешли въ наступленіе. Въ центрѣ подпоручикъ Высоцкій первый бросился на „ура“ но турки, опомнившись, принялись съ ожесточеніемъ отстрѣливаться. Тогда у насъ много офицеровъ было ранено.

Въ это же время раненъ былъ командиръ 7-й стрѣлковой роты Сѣвскаго полка, послѣ чего рота его нѣсколько замылась и готова уже была отступить предъ градомъ пуль, но находчивость унтеръ-офицера Новицкаго предупредила замѣшательство: онъ оста-

навливаетъ роту, становится самъ на видномъ мѣстѣ, кричить солдатамъ, чтобы шли все впередъ,—пока не подоспѣлъ полковникъ Жижринскій, который выхватилъ у солдата знамя и бросился съ нимъ впередъ, съ крикомъ: „кто осмѣлится отставать!“ Какъ наэлектризованная бросилась команда за начальникомъ и съ дикимъ крикомъ опрокинула турокъ... Вообще наступленіе солдатъ отличалось необыкновеннымъ ожесточеніемъ. Унтеръ-офицеръ 16-го стрѣлковаго батальона Данилъ Лукьянецъ *) ворвался одинъ въ кучку турокъ и началъ колотъ направо и налево, совершенно хладнокровно, какъ капусту.

Пока все это происходило въ центрѣ и на правомъ флангѣ, обходная колонна полковника Вульфферта подвигалась впередъ и совершенно обошла правый флангъ непріятеля.

Неудача атаки противъ нашего центра, обходъ праваго фланга, атака стрѣлковой бригады и, наконецъ, прибытіе кавалеріи съ конною батареею заставили непріятеля начать отступленіе по всей линіи.

Теперь никто уже не сомнѣвался, что непріятель былъ разбитъ. Пораженіе турокъ было полное. Всѣ наши войска немедленно перешли въ преслѣдованіе, которое ведено было чрезвычайно энергично. Но тѣмъ рѣзче могло броситься въ глаза каждому необыкновенное упорство, обнаруженное на этотъ разъ разбитымъ непріятелемъ, котораго, очевидно, начинала поддерживать надежда на что-то... Турки уже не бѣжали теперь, какъ вчера—въ Лени-Загрѣ, а скорѣе медленно отступали, подаваясь шагъ за шагомъ и упорно отстрѣливаясь, пользуясь при этомъ малѣйшими прикрытіями—изъ холмовъ, кустовъ и канавъ и взбираясь даже на деревья, чтобы продолжать отсюда стрѣлять въ нашихъ солдатъ.

Къ 3-мъ часамъ по-полудни лѣсъ былъ, однако, въ нашихъ рукахъ. Въ лѣсу во множествѣ валялись трупы убитыхъ турокъ, которыхъ непріятель нѣ успѣлъ захватить съ собою, что турки дѣлали прежде при всякомъ удобномъ случаѣ. Между турецкими убитыми нашли двухъ нашихъ офицеровъ, которые были ранены въ началѣ сраженія и которымъ турки, занявъ нашу позицію, отрубили головы и порубили тѣла.

Полагаютъ, что Реуфъ-паша потерялъ въ этомъ

дѣлѣ болѣе 2,000 человекъ. Съ нимъ было не менѣе 12-ти таборовъ пѣхоты, при четырехъ батареяхъ, и нѣсколько сотъ кавалеріи.

У насъ было убито: 4 офицера и 97 нижнихъ чиновъ; ранено: 16 офицеровъ и 401 нижнихъ чиновъ; всего же вышло изъ строя 518 человекъ.

Результатъ сраженія былъ самъ по себѣ блестящій: непріятель въ превосходящихъ силахъ былъ выбитъ изъ сильнѣйшей позиціи, и путь къ Эски-Загрѣ былъ теперь очищенъ. Но побѣда эта все-таки не привела къ желанной цѣли. Обстоятельства начинали слагаться роковымъ образомъ.

Окончился бой, послѣдній бой столь прославившагося въ короткое время передоваго отряда генерала Гурко. Свели итоги сраженія, разобрались послѣ суматохи боя; войска успѣли перевести духъ отъ истощенія. Часть солдатъ была послана подбирать русскихъ раненыхъ и хоронить убитыхъ.

Санитары нашли тяжело раненаго, хотѣли его взять,—онъ говоритъ: „не надо, я и тутъ умру... а скажите, братцы, что, наши побѣдили?“

— Побѣдили,—былъ отвѣтъ.—„Ну, слава Богу, теперь я умру спокойно!“

Послѣ отдыха отрядъ генерала Гурко прошелъ еще версты четыре впередъ, занялъ окружающія высоты и расположился въ боевомъ порядкѣ.

Вдали, на разстояніи не болѣе 10-ти верстъ, виднѣлся городъ Эски-Загра: онъ горѣлъ и густымъ дымомъ застилало долину. По полученнымъ свѣдѣніямъ, городъ былъ уже оставленъ нашими войсками.

Не долго рѣшали вопросъ: идти ли впередъ, или вернуться поскорѣе назадъ? Впередѣ стояла пятнадцатитысячная армія Сулеймана-паши, уже окончательно восторжествовавшая надъ нашимъ эскизагрскимъ отрядомъ и, можетъ быть, соединившаяся теперь съ войсками Реуфа-паши. О содѣйствіи эскизагрскому отряду теперь не могло быть и рѣчи. Не могъ также не дойти сюда слухъ и о страшномъ вторичномъ пораженіи русскихъ, 18-го іюля, тамъ, въ тылу передоваго отряда, за горами, подъ Шлевною.

Генералъ Гурко рѣшилъ немедленно вернуться въ Ханкойю.

Отступленіе отряда, въ виду полчищъ Сулеймана-паши, при крайней снѣжности дѣла, должно было произойти среди жестокихъ препятствій. Нужно было сдѣлать длинный переходъ, не по прежней доро-

*) Тотъ самый, который взялъ знамя съ бою подъ Уфлани.

гѣ—черезъ Лени-Загрекое ущелье, а черезъ ближайшій къ отряду, узкій и малодоступный Далбокскій проходъ въ Малыхъ Балканахъ, и идти не оставиваясь, почти безъ сна, на однихъ сухаряхъ.

На слѣдующій день, 20-го іюля, съ разсвѣтомъ, отрядъ уже выступилъ съ мѣста, прославленнаго геройскимъ сраженіемъ. Войска поспѣшно поднимались въ горы, по частямъ. Вверху ясно рисовалась фигура отряднаго начальника въ буркѣ. Длинный обозъ изъ арбъ и фуръ съ ранеными двигался впереди отряда, по направленію къ Далбокскому проходу; но тутъ были не всѣ раненные—многіе оставались еще на мѣстѣ. Ни въ одномъ сраженіи въ передовомъ отрядѣ не было столько раненныхъ; всѣ забранныя у окрестныхъ болгаръ арбы, т. е. простыя, до невѣроятности тряскія телѣги, были уже заняты, а все-еще требовались новыя и новыя подводы.

Въ то время не многимъ были извѣстны всѣ обстоятельства дѣла, и потому рѣдкій могъ понять, что происходило вокругъ. Вчера наши одержали побѣду, а нынче отступаютъ, и отступаютъ поспѣшно, „Что же все это значитъ?“—недоумѣвали многіе.

— А что, раненныхъ всѣхъ перевезли?—спрашиваютъ доктора.

— Нѣтъ, еще остались,—отвѣчаетъ отрядный врачъ:—я только-что съ перевязочнаго пункта—тамъ нѣтъ подводъ.

— Какъ же мы двигаемся, не захвативъ всѣхъ раненныхъ?

— Ужъ право не знаю.

— Но, вѣдь, ихъ могутъ отрѣзать?

— Тамъ есть наша кавалерія, — успокоиваетъ докторъ.

Но раненные, боясь остаться на мѣстѣ, не дожидались даже подводъ и пѣшкомъ плелись за отрядомъ. Офицеры, которымъ раны позволяли сѣсть на лошадь, ѣхали верхомъ; солдаты же плелись кто какъ могъ, а одинъ изъ нихъ, котораго не могъ не замѣтить весь отрядъ, будучи раненъ въ ногу, прыгалъ на другой ногѣ всю дорогу, подпиравъ дубиною, и такъ на одной ногѣ перешелъ черезъ всѣ Малые Балканы. Нельзя не упомянуть также о геройской твердости майора Селянки, командира 13-го стрѣльцоваго батальона, который, не смотря на четыре раны, шелъ также пѣшкомъ и на всѣ увѣ-

щанія сѣсть въ фуру постоянно отвѣчалъ: „не сяду до тѣхъ поръ, пока не буду увѣренъ, что всѣхъ моихъ солдатъ посадили“ Но и въ фурахъ было не легче: отъ тряскаго пути и всяческихъ лишеній раненные страшно страдали.

Здоровые люди также нерѣдко изнурялись въ дорогѣ отъ истощенія и солнечныхъ ударовъ.

Трудной горной дорожкой отрядъ достигъ, наконецъ, болгарской деревеньки Далбока, расположенной на скатѣ горы и покинутой жителями. Генераль Гурко приказалъ здѣсь немедленно сбросить съ подводъ всѣ лишнія солдатскія вещи, чтобы поскорѣе очистить мѣсто раненымъ. Ранцы, палатки, мундиры, разные ящики, все это свалили въ кучу, которую сожгли.

Наконецъ понемногу отправили черезъ деревню всѣхъ раненныхъ.

Изъ здоровыхъ многіе разбрелись по деревнѣ; кто глазѣлъ на опустѣлыя дома, кто искалъ пищи,—и вотъ нѣкоторые случайно наткнулись на развалины дома, внутренность котораго еще дымилась. Когда наши заглянули въ середину, то такъ и остолбенѣли: внутри, въ кучѣ золы, углей и всякаго сору, догорали до сорока человѣкъ! Кое-гдѣ виднѣлись обгорѣлыя кости, трупы съ обгорѣлымъ мясомъ. По скорченнѣмъ положеніямъ можно было судить, что всѣ они были сожжены живыми; а по остаткамъ платья не трудно было догадаться, что жертвы эти—болгары.

Въ другомъ мѣстѣ, саженьхъ во 100 отъ деревни, среди сжатаго хлѣба и кустовъ, нашли около 15 труповъ зарѣзанныхъ болгарокъ. Онѣ лежали на солнцѣ и не успѣли еще испортиться. Между женщинами лежалъ и зарѣзанный ребенокъ.

По наведеннымъ справкамъ, оказалось, что это черкесы, еще наканунѣ, 19-го іюля, послѣ неудачнаго преслѣдованія нашей кавалеріи, завернули въ Далбоку, застали здѣсь жителей, мужчинъ загнали въ одинъ домъ и сожгли, а женщинъ увели въ слободку и тамъ съ ними варварски расправились. И все это происходило въ то время, когда ихъ армія дралась во имя пророка съ русскими, отступала и бѣжала отъ насъ.

Что-то недоброе предвѣщали эти первыя забалканскія изувѣрства турокъ.

натизмомъ и взбѣшенные упорнымъ сопротивле-
ніемъ болгаръ, дошли до крайней степени остервене-
нія, результатомъ котораго были сцены, при видѣ
которыхъ у несчастныхъ жителей пылавшаго города
стыла въ жилахъ кровь... дотога неистовствовали
надъ ними турки... Это были не люди—это было
сонмище бѣшенныхъ дьяволовъ, набросившихся на
несчастную Эски-Загру. Мало того, что плѣнныхъ не
брали и что всякаго, кого только не прикалывали
штыкомъ, убивали ятаганами, но у большей части
раненыхъ отрѣзывали головы... Еще во время сра-
женія подъ Эски-Загрой всѣ видѣли, какъ одинъ
турецкій офицеръ заставилъ раненаго дружинника
стать на колѣна и собственноручно разрубилъ ему
голову саблею... Но тогда метительный выстрѣлъ по-
ложилъ на мѣстѣ этого негодая. Теперь же разнуз-
данные варвары предавались изувѣрству на свободѣ
и безнаказанно... Не пощажены были ни возрастъ,
ни полъ, и смерть не была худшимъ бѣдствіемъ,
такъ какъ турки очень хорошо знаютъ, какъ до-
вести мужчинъ, женщинъ и дѣтей до того, чтобы они
запросили смерти прежде, чѣмъ дадутъ ее... Боль-
ные, женщины, дѣти, старики—все, что только жи-
ло и дышало, было безжалостно умерщвлено, или же
брошено въ пламя пылающихъ домовъ... Госпиталь
съ 500 тяжело раненыхъ былъ окруженъ и по-
дожженъ... Дѣти загнаны въ школу и тамъ сожже-
ны вмѣстѣ съ зданіемъ. Особенно албанскіе башибу-
зуки, пришедшіе съ Сулейманомъ-пашей, были хуже
всякихъ дьяволовъ: они убивали безъ цѣли и безъ
разбора, изъ одной только любви къ убійству... Офи-
церы ихъ, потерявъ всякое вліяніе, не дѣлали ни
малѣйшей попытки удержать башибузуконъ отъ ихъ
проклятаго ремесла и предоставили солдатамъ из-
лить всю свою ярость... Судьба русскихъ городовъ
во время нашествія татаръ не могла быть ужаснѣе
той судьбы, которая постигла Эски-Загру, и самыя
кровавадыя орды того времени не могли убить, сжечь
и разграбить съ яростью болѣе дикою, нежели та,
которая проявлялась здѣсь въ продолженіи нѣсколь-
кихъ дней...

Буйство свирѣпыхъ солдатъ Сулеймана-паши рас-
пространилось вскорѣ на всю окрестность Эски-За-
гры и даже на „долину розъ,“ и въ какія нибудь
двѣ-три недѣли страна совершенно преобразилась...
Два года назадъ въ этомъ благодатномъ краю цвѣ-

ли цѣлыя плантаціи розъ, разливая благоуханіе, отъ
котораго въ воздухѣ стоялъ ароматъ; тысячи соловь-
евъ цѣли въ садахъ этой роскошной долины; рабо-
чія болгарскія дѣвушки, всегда опрятно одѣтыя, по-
гоняли въ Казанлыкѣ ословъ, нагруженныхъ боль-
шими корзинами, наполненными нѣжными лепестка-
ми розъ... Повсюду разливалось, повидимому, спо-
койствіе и радость. Казалось, находишься въ зем-
номъ раю, если только существуетъ на свѣтѣ рай
земной... А теперь? Какая разниа! Большая часть
розовыхъ кустовъ была срѣзана и пошла на биву-
ачные огни. Вмѣсто пунцовыхъ розъ, видны были
лужи красной человѣческой крови на стоптанной тра-
вѣ. Въ воздухѣ, вмѣсто запаха розъ, носились зло-
вонныя испаренія, поднимающіяся изъ тысячъ гнѣю-
щихъ человѣческихъ и животныхъ труповъ. Вмѣ-
сто соловьевъ, коршуны густыми стаями кружились
надъ своей, къ несчастію, слишкомъ обильной до-
бычею... Красивыя и трудолюбивыя болгарскія дѣ-
вушки, работавшія прежде распѣвая веселыя цѣсни,
были замѣнены теперь оборванными башибузуканами,
шатающимися то тамъ, то слѣзъ на своихъ тощихъ
клячахъ, болѣе похожими на чертей, нежели на лю-
дей, и убивающими и жгущими безжалостно и безъ
разбора... Болѣе ста болгарскихъ деревень было сож-
жено и разграблено; нѣсколько тысячъ жителей за-
мучено и умерщвлено. Трупы мужчинъ и женщинъ,
совершенно обнаженныхъ, гнили на поляхъ, при до-
рогахъ...

Такими подвигами ознаменовала свое прибытіе изъ
Черногоріи знаменитая забалканская армія Сулей-
мана-паши.

Фанатизмъ его солдатъ доходилъ до такихъ раз-
мѣровъ, что подеонецъ, какъ говорятъ, самъ Су-
лейманъ-паша былъ возмущенъ ихъ звѣрствомъ. Но
крайне своеобразны были мѣры, которыя онъ при-
нималъ въ этомъ случаѣ. Разсказываютъ, что од-
ному изъ провинившихся въ чрезмѣрномъ буйствѣ
батальоновъ было приказано построиться во фронтъ,
послѣ чего передъ нимъ явился самъ Сулейманъ-
паша и далъ собственноручно всѣмъ офицерамъ по
пощечинѣ. Окончивъ свое дѣло, генералъ удалился.
Затѣмъ офицеры, въ свою очередь, вызвали всѣхъ
унтеръ-офицеровъ и каждого изъ нихъ наградили
здоровымъ сабельнымъ ударомъ. Наконецъ пришла
очередь и рядовымъ: унтеръ-офицеры разложили

всѣхъ солдатъ поочередно на землю и отпустили каждаго по двадцати ударовъ.

Вскорѣ; подъ предлогомъ мести, и сами болгары начали, въ свою очередь, умерщвлять мирныхъ ту-роковъ въ деревняхъ... Эти жестокости повели къ еще большому взаимному ожесточенію, и началась взаимная рѣзня, выжиганіе домовъ и цѣлыхъ деревень... Пожары видѣлись кругомъ на десятки верстъ... Началась, однимъ словомъ, *народная война!*

Отъ грабежа и истребленія большинство болгаръ бѣжало изъ-за Балканъ, чрезъ Шибкинской проходъ, въ Габрово, подъ охрану русскихъ войскъ.

Первые бѣглецы показались на перевалѣ еще 19 іюля. Число ихъ увеличилось уже къ вечеру. За рѣдкими исключеніями, всѣ шли пѣшкомъ, женщины съ дѣтьми на рукахъ; пожитковъ ни съ кѣмъ не было... Если кто и несъ съ собой что нибудь, то это былъ большею частью ни къ чему негодный хламъ, очевидно схваченный безсознательно... Одна женщина вела въ поводу осла, на которомъ сидѣлъ ребенокъ, съ видимымъ удовольствіемъ державшей треногій стулъ... Другой оселъ везъ двѣ корзины: въ одной сидѣлъ грудной ребенокъ, въ другой помѣстились рядомъ крупный щенокъ и индюкъ... Одежды, запасовъ — рѣшительно ни у кого не было, и ясно было, что многіе изъ нихъ уже нѣсколько дней голодаютъ... Въ этотъ день прошло чрезъ перевалъ отъ 3 до 4,000 народа...

Движеніе на другой день, 20-го іюля, началось часовъ съ 3-хъ утра и едва ослабѣло къ вечеру. Народъ двигался почти сплошной массою, на подобіе того, какъ у насъ движется толпа на гуляньяхъ во время масляницы или на святой. Многіе были вер-хами на лошадяхъ и ослахъ; были и воловья под-воды. Въ этотъ день мимо шибкинскаго бивуака про-шло не менѣе 25,000 человекъ. Толпа двигалась такъ густо, что на цѣлые часы прекращала наши работы на перевалѣ по устройству шоссе и укрѣпленій.

Вся толпа двигалась молча. Не только криковъ, слезъ, даже не было слышно разговора. На всѣхъ лежалъ отпечатокъ тупаго, молчаливаго горя. Но самая эта тишина, вмѣстѣ съ дѣтскимъ плачемъ, про-изводила невыразимо тяжелое впечатлѣніе.

Это были по-истинѣ ужасные дни! Десятки ты-сячъ разомъ лишились крова, дома, имущества... Большинство бѣглецовъ лишились также близкихъ:

кто потерялъ дѣтей, кто — жену, мать, родныхъ... Всѣ потеряли все имущество и буквально не знали, куда и зачѣмъ идти.

Знали только, что позади, за Балканами, свирѣп-ствуютъ солдаты Сулеймана и нѣтъ тамъ никому ни пощады, ни спасенія, какъ и русскіе сознавали про себя, что и они теперъ безсильны помочь горю.

Много грустныхъ и трогательныхъ сценъ разыгра-лось въ тѣ дни на Шибкинскомъ перевалѣ. Одна женщина родила на строящемся участкѣ дороги... Тутъ же, почти рядомъ, умеръ отъ усталости свя-щенникъ изъ Эски-Загры... Голодные, усталыя толпы болгаръ протягивали десятки рукъ къ одному пред-ложенному хлѣбу, но молча, безъ просьбъ и недо-вѣдливости. Болгарскіе дружинники отдавали бѣгле-цамъ все съѣстное до послѣдняго сухаря. Наши сол-даты подавали хлѣбъ, деньги. Солдатъ-артиллеристъ, только-что получившій 3-хъ-фунтовый хлѣбъ для обѣда, усѣлся-было у дороги, съ очевидной цѣлью — хорошенько закусить. Къ нему подошла женщина и молча протянула руку. Солдатъ, въ простотѣ сердца, отломилъ изрядный кусокъ и далъ ей. Немедленно подходятъ еще четыре женщины; солдатъ надѣлилъ и ихъ; тотчасъ же подвернулся старикъ, а съ сере-дины дороги, съ лошади, уже протягиваетъ къ нему руку женщина съ тремя дѣтьми... Мгновеніе подумалъ солдатъ — и разломилъ оставшійся кусокъ на двѣ ча-сти: большую отдалъ женщинѣ, меньшую старику...

Мало того, что кормили бѣглецовъ, — солдаты на-ши, во время забалканскаго похода, подбирали и призрѣвали у себя брошенныхъ дѣтей, даже не раз-бирая — болгарскія они или турецкія. Одинъ уса-чъ-вахмистръ вынесъ съ собою изъ Эски-Загры трехъ ребятъ и отдалъ ихъ на попеченіе монахинь каза-льскаго монастыря. Во время того же отступленія другая партія солдатъ усыновила и вывезла съ собою 14 или 15 болгарскихъ сиротъ самаго нѣжнаго воз-раста. Солдаты взяли съ собою въ дорогу корову, что-бы грудныя дѣти не были лишены молока. Въ это же время 26-й Донской казачій полкъ, состоявшій при передовомъ отрядѣ, изъ одной деревни, брошенной турками, спасъ и вывезъ и роздалъ въ безопасныя мѣста около 50 малютокъ, оставленныхъ впопыхахъ ихъ мусульманскими родителями. Командиръ казачьяго полка встрѣчаетъ одного изъ этихъ каза-ковъ, бережно прячущаго что-то въ бурку.

„Должно быть стянуть что нибудь хоронится“, —
пришло въ голову полковнику. Остановилъ казака.

— Что у тебя?

Казакъ мгновенно смущается.

— Покажи сейчасъ.

Нехотя „Гаврилычъ“ (мѣстное прозвище донцовъ) отворачиваетъ полу бурки, и на свѣтъ Божій является чуть не грудное дитя. Казакъ не знаетъ, куда дѣваться отъ срама, — пожалуй, еще бабою прозовутъ.

— Куда же ты его дѣнешь?

— Молоденчика жаль, ваше высокородіе... Куда нибудь въ деревню приспособлю.

Подобныя сцены, отъ которыхъ не отказался бы всякій народъ въ лучшую эпоху своего существованія, повторялись на знаменитомъ Шибкинскомъ перевалѣ почти ежедневно. Наши суровые, закаленные въ кровавыхъ бояхъ и далекихъ походахъ войны добродушно нянчились на бивуакахъ чуть не съ грудными приѣмными дѣтьми и своими загрубѣлыми руками ласкали этихъ малютокъ съ нѣжностью, достойною болѣе развитаго чувства. Эта кротость и добродушіе въ солдатахъ отряда генерала Гурко, изумлявшихъ весь міръ своей храбростью и мужествомъ, способны составить новую, можетъ быть, лучшую славу знаменитаго передоваго отряда.

Но какъ ни много дѣтскихъ жизней было спасено нашими солдатами, какъ ни много женщинъ и стариковъ накормлено было солдатскими порціями супу и каши и напоено изъ солдатскихъ манерокъ, — все же эта помощь была, конечно, меньше, чѣмъ капля въ морѣ... Гдѣ было пріютить и чѣмъ накормить болѣе 30,000 лишнихъ людей, въ первые же два дня столпившихся въ улицахъ Габрова въ такомъ числѣ, что нельзя было ни проѣхать верхомъ, ни пройти пѣшкомъ за тѣснотою?.. Куда было пріютить сотни дѣтей и заболѣвшихъ въ такомъ маленькомъ городишкѣ, какъ Габрово?

Въ первые же два дня габровскіе болгары, кто только могъ, пріютилъ у себя дѣтей; во всѣхъ домахъ варили, пекли чуть не цѣлый день, устроили больницу, и кое-что — все же очень мало сравнительно съ дѣйствительною потребностью — было сдѣлано. Въ то же время начали хлопотать о размѣщеніи бѣглецовъ по окрестнымъ деревнямъ, о пересылкѣ ихъ въ другіе города, преимущественно въ Тырново, и на третій день, послѣ энергическихъ, дѣятельныхъ за-

ботъ, удалось почти очистить Габрово отъ избытка въ пришлому населенію.

Вмѣстѣ съ этимъ улеглась и паника. Жители, видя, что русскіе и не думаютъ отступить съ Шибкинскаго перевала, а турки не показываются изъ-за Балкановъ, успокоились, и многіе стали ворочаться на Шибку и даже въ Казанлыкъ. Но много еще оставалось этихъ бѣглецовъ, оборванныхъ и голодныхъ, и по сю сторону Великихъ Балкановъ, и долго стояли они таборомъ, какъ цыгане, въ глухихъ ущельяхъ Балканскихъ горъ, вѣдоль русскихъ бивуаковъ, пользуясь охраною нашихъ разъѣздовъ и карауловъ.

Что же касается отряда генерала Гурко, то онъ долженъ былъ скорѣе прекратить свое существованіе. Последнимъ изъ его блестящихъ подвиговъ была рекогносцировка въ Эски-Загру 30-ти гусаръ, подъ командою вольноопредѣляющагося корнетъ-юнкера Рябинина. Гусарамъ приказано было собрать свѣдѣнія объ арміи Сулеймана паши, о которомъ прошелъ слухъ, что онъ оставляетъ Эски-Загру. 30 человекъ гусаръ скрытно пробрались на своихъ лошадакахъ по глухимъ и малоизвѣстнымъ тропинкамъ Малыхъ Балкановъ и, неожиданно приблизившись къ Эски-Загрѣ, отважно проскакали черезъ весь городъ въ разныхъ направленіяхъ, между грудями догоравшихъ развалинъ. Они встрѣчены были только одиночными выстрѣлами жителей-гурокъ изъ оконъ домовъ; но арміи Сулеймана-паши въ городѣ и его окрестностяхъ дѣйствительно не оказалось.

Въ то же время другой казачій разъѣздъ, по направленію къ Сливно, обнаружилъ присутствіе всей этой арміи у г. Лени-Загры, гдѣ турки видимо къ чему-то готовились.

Послѣ этого русскіе еще дѣятельнѣе принялись укрѣпляться на Шибкѣ и въ Ханкюйскомъ проходѣ, ожидая все ближе и ближе надвигающейся грозы изъ-за Малыхъ Балкановъ.

Войска же передоваго отряда теперь, главнымъ образомъ, отдыхали на лаврахъ и поправлялись отъ перенесенныхъ трудовъ. Герои исправляли одежду, починивали обувь, перемѣняли лошадей и проч.

Положеніе геройскаго отряда, по выполненіи возложенной на него миссіи, было дѣйствительно не многимъ лучше положенія забалканскихъ бѣглецовъ. Миссія была тяжела и опасна, и могла кончиться истребленіемъ цѣлаго отряда. Только необъяснимая

несообразительность непріятеля и блестящая храбрость нашихъ войскъ, какъ солдатъ, такъ и офицеровъ, привели дѣло къ болѣе или менѣе благополучному окончанію. Немудрено, что послѣ этого труднаго 4-хъ-недѣльнаго скитанія по горамъ, почти съ непрерывнымъ боемъ, всѣ войска передоваго отряда, начиная отъ его командировъ и кончая солдатами, нѣсколько отоцали, обезсилѣли и оборвались.

Солдаты износились совсѣмъ, особенно стрѣлки: у этихъ молодыхъ львовъ вовсе не было сапогъ. Балканскіе проходы, съ ихъ каменными скалами и утесами, взяли у нихъ обувь въ видѣ контрибуціи, оставивъ имъ одни жалкія отрепья. Ноги у солдатъ вспухли, и у многихъ на подошвахъ подѣлались нарывы. Лошади также обезножили, такъ какъ кавалеристамъ нашимъ негдѣ было взять ни подковъ, ни гвоздей. У офицеровъ почти во все время похода не было ни бѣлья, ни запасовъ, такъ какъ отрядъ вышелъ безъ обоза, и самые обезпеченные изъ нихъ подконецъ поставлены были въ необходимость сидѣть безвыходно въ комнатѣ, ожидая, пока вымоютъ единственную сорочку.

Отдыхъ отряду былъ необходимъ, и его дали ему, благо турки пока насъ не беспокоили: въ концѣ іюля „передовой отрядъ генерала Гурко“ былъ расформированъ, и его мѣсто заступилъ корпусъ генерала Радецкого, въ составъ котораго вошли и нѣкоторыя части изъ расформированнаго передоваго отряда. Самъ генералъ Гурко отправился въ Петербургъ, чтобы принять тамъ главное начальство надъ гвардейскимъ корпусомъ.

Вздыхнувъ свободно, герои ждали новой дѣятельности и новыхъ битвъ. Первый актъ былъ сыгранъ и занавѣсъ опущенъ. Актеры великой всемірной трагедіи приготовлялись къ слѣдующему, но еще не послѣднему дѣйствию.

Вернемся теперь нѣсколько назадъ и бросимъ обшій взглядъ на кратковременную, но обильную послѣдствіями дѣятельность передоваго отряда генерала Гурко.

Съ 25-го іюня по 20-е іюля, между Тырновымъ и Малыми Балканами, передовымъ отрядомъ уничтожено, въ разныхъ дѣлахъ, турецкихъ таборовъ: 4 въ Тырновѣ, 1 въ Ханкіювѣ, 2 въ Конаро, 3 въ Орессари, 5 при Уфлани, 3 въ Казанлыкѣ, 6 на Шибкѣ, 3 въ Іени-Загрѣ и 8 при Джуранли.

Взято лагерей: въ Тырновѣ 2, въ Ханкіювѣ 2, на Шибкѣ 3 и въ Іени-Загрѣ 1.

Отбито орудій: 4 въ Казанлыкѣ, 9 на Шибкѣ и 2 въ Іени-Загрѣ.

Знаменъ взято: 3 на Шибкѣ и 1 при Орессари.

Всего передовой отрядъ, въ продолженіи одного мѣсяца, разогналъ 35 турецкихъ таборовъ, отбилъ 14 орудій, 4 знамени и много значковъ и захватилъ 9 лагерей, со всѣми запасами провіанта и складами пороха и снарядовъ.

Потери въ передовомъ отрядѣ Гурко, за весь забалканскій походъ его, т. е. со 2-го по 20-е іюля, заключались въ 43 офицерахъ и 947 нижнихъ чинахъ, выбывшихъ изъ строя; сверхъ того, въ сраженіи 19-го іюля при Эски-Загрѣ, болгарское ополченіе потеряло 18 офицеровъ и 520 нижн. чиновъ. Всего въ передовомъ отрядѣ потеряно 1,527 челов.

О значеніи и послѣдствіяхъ забалканскаго набѣга передоваго отряда въ настоящее время, при горячемъ еще отношеніи каждаго къ только-что совершившимся фактамъ и за неимѣніемъ подъ руками многихъ официальныхъ данныхъ, конечно, трудно судить вѣрно и безпристрастно. Всѣмъ, однако, извѣстно, что набѣгъ этотъ имѣлъ значительное вліяніе на ходъ прошлой турецкой кампаніи, по крайней мѣрѣ въ первую половину ея. Но мы напомнимъ теперь только о нѣкоторыхъ болѣе важныхъ, положительныхъ результатахъ перваго забалканскаго похода.

Походъ этотъ прежде всего доставилъ въ руки русскихъ самый удобный путь черезъ Балканы — перевалъ Шибкинскій, игравшій впоследствии такую важную роль при оборонѣ занятаго нами пространства въ сѣверной Болгаріи. Послѣ овладѣнія Шибкинскимъ переваломъ Балканскія горы представляли защиту уже не для турокъ, а для русскихъ войскъ. То, что незадолго казалось грозой и непреодолимой преградой для насъ, сдѣлалось теперь самой надежной и самой вѣрной нашей опорой. Поэтому укрѣпленія на Шибкинскомъ перевалѣ были немедленно усилены нами; оставленныя здѣсь турками грозныя редуты и траншеи были исправлены и, кромѣ того, возведены новыя; 9 турецкихъ орудій, найденныхъ на Шибкѣ послѣ бѣгства турокъ, были обращены противъ нихъ же, на случай нападенія съ ихъ стороны. Сверхъ того, Шибкинскій пе-

Всѣмъ хотѣлось поскорѣе выйти изъ этого мрачнаго Далбокского ущелья, гдѣ наши успѣли уже насмотрѣться столько ужаснаго.

Съ трудомъ двигались наши орудія и ящики по горной, узенькой далбокской дорожкѣ. Въ этотъ день отрядъ прошелъ верстѣ 5 и къ ночи добрался, наконецъ, до одной изъ возвышенностей Малыхъ Балкановъ, среди которой и расположился бивуакомъ на ночлегъ. Тутъ собрались и гусары, и драгуны изъ-подъ Эски-Загры, и наши войска изъ-подъ Джуранли. Вездѣ зажглись огни. Опасность уже миновала. Пошли рассказы. Не смотря на страшное утомленіе, солдаты и офицеры пробирались отъ одного костра къ другому поразспросить о дѣлахъ 19-го іюля, и долго, долго слышался здѣсь говоръ среди ночной тишины. Много подробностей узнали здѣсь о дѣлѣ при Эски-Загрѣ; но, кто бы ни рассказывалъ о немъ, всякій кончалъ похвалою нашей болгарской дружинѣ. Стрѣлками они, правда, оказались плохими, да и ружья у нихъ были не важныя (старыя Шаспо), но своей стойкостью и мужествомъ всѣхъ удивили.

21-го іюля отрядъ генерала Гурко по безводной и крутой тропинкѣ Далбокского ущелья добрался благополучно до Тунджинской долины. Тутъ войска остановились на отдыхъ и, оставивъ за собою Малые Балканы, вернулись къ Ханкіойскому проходу, чтобы приготовиться защищать его отъ возможнаго нападенія со стороны приближавшихся турокъ.

Не такъ спокойно и мирно совершенно было въ это время отступленіе на Казанлыкъ болгарскаго ополченія, которое мы оставили у Эски-Загры и за которымъ, какъ мы видѣли, слѣдовалъ по пятамъ самъ Сулейманъ-паша съ полками своихъ изступленныхъ солдатъ-изувѣровъ.

Еще 17-го числа, т. е. за два дня до сраженія въ Эски-Загрѣ, болѣе трусливые жители города, провѣдавъ объ огромномъ числѣ турецкихъ войскъ, начали выселяться изъ Эски-Загры въ г. Казанлыкъ. Было извѣстно, что турки не дадутъ пощады болгарамъ въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ не было русскихъ войскъ; въ окрестныхъ деревняхъ, какъ напримѣръ въ Далбокѣ, уже были примѣры изувѣрства турокъ, а зарево и дымъ пожаровъ видѣлись кругомъ постоянно. Поэтому опасенія жителей Эски-Загры имѣли нѣкоторыя основанія. Но присутствіе,

даже въ небольшомъ числѣ, русскихъ войскъ успокоивало ихъ настолько, что огромное большинство и не думало о выселеніи.

Тѣмъ сильнѣе сдѣлалась паника, когда отъ турецкихъ гранатъ загорѣлся городъ и жителей предупредили, что русскіе выйдутъ изъ горящей Эски-Загры.

Трудно передать весь ужасъ первыхъ часовъ послѣ этого извѣстія. Очевидцы рассказывали, что они никогда не забудутъ картины бѣгства населенія цѣлаго города, — картины, причинившей имъ тяжелыя нравственныя мученія.

Тѣсныя улицы города пылали разомъ въ нѣсколькихъ мѣстахъ. Обезумѣвшіе отъ страха жители, не зная что дѣлать, съ воплемъ бросались къ своему имуществу, бессознательно хватали что кому попадалось подъ руки и толпами устремлялись вонъ изъ города. Дорога изъ Эски-Загры сейчасъ же входила въ ущелье Малыхъ Балкановъ, — въ ущелье съ отвѣсными скалами и часто узкое до того, что въ немъ нѣтъ возможности разѣхаться даже двумъ повозкамъ. И вотъ, до 8,000 жителей, обоюго пола и всѣхъ возрастовъ, инстинктивно стараясь спасти свою жизнь и хоть часть своего имущества, запрудили улицы и это ущелье.

Въ то же время на пылающей городъ, осыпаемый сверхъ того всевозможными снарядами, неистово напиралъ тридцатитысячный корпусъ, удерживаемый нашимъ отрядомъ, не составлявшимъ и 3,000 челов.

Въ эти-то ужасныя минуты, или — точнѣе — часы, когда уже все было потеряно и когда опасность надвигалась со всѣхъ сторонъ, каждый нашъ офицеръ и каждый нашъ солдатъ сдумѣли показать себя истинными героями. Они заботились не только о своемъ собственномъ спасеніи, не только старались обезпечить за собою отступленіе и соблюсти извѣстный порядокъ и правильность при движеніи, но, въ то же время, употребляли всѣ усилія, чтобы спасти, по возможности, и массу бѣгущихъ жителей. Отрядъ медлил на мѣстѣ, всячески задерживалъ непріятеля, отступалъ шагъ за шагомъ, подбирая не только своихъ раненыхъ, но даже грудныхъ дѣтей, которыхъ матери въ отчаяніи бросали на улицахъ. Много дѣтей было здѣсь убито, частью случайными турецкими выстрѣлами, частью озлобленными жителями-мусульманами. Дня четыре спустя, въ габровскомъ госпиталѣ можно было видѣть до 20-ти дѣтей,

11 и 12 лѣтъ, съ отрубленными пальцами, перебитой рукою или ногою даже съ головными ранами.

Среди всѣхъ этихъ ужасовъ эскизагрскій отрядъ нашъ ни на минуту не терялся. Дружинники отступали въ полномъ порядкѣ и шли позади всѣхъ бѣглецовъ, стараясь пропустить впередъ ихъ черезъ ущелье и рискуя сами быть отрѣзанными отъ него столпившимся въ немъ народомъ. Каково было положеніе отступающихъ, можно видѣть изъ слѣдующаго разсказа раненаго въ этомъ дѣлѣ солдата:

„Какъ охватили это насъ съ фланговъ, ваше благородіе, — разсказывалъ солдатъ, — такъ пришлось намъ какъ сквозь строй идти — просто разстрѣливаютъ: и справа, и слѣва, и сзади — все стрѣляютъ... просто ничего, ваше благородіе, не подѣлаешь! А тутъ еще я велъ раненаго товарища — не могъ одинъ идти, — ну, и отстали отъ своихъ. Только ужъ больно допекалъ стали, а товарищъ усталъ. Я и прошусь у него: „ужъ позволъ мнѣ одному пойдти, авось я спасусь“, — ну, онъ и пустилъ. Пошелъ я одинъ — тутъ меня и ранили въ плечо. Поползъ я на горы, доползаю до ровика; значить, межа, а за рвомъ валъ, да такой высокій и весь терномъ покрытъ. Нѣтъ моихъ силъ перелѣзть; въ горлѣ захватило, грудь нудить — просто замлѣлъ! Вдругъ выскакиваютъ конные черкесы. Ну, думаю, конецъ мой пришелъ, только, должно быть, не замѣтили меня — не тронули. Собрался съ силами и поползъ по межѣ. Долго ползъ я такъ, наконецъ добрался до ущелья и отдохнулъ. Черезъ часъ или два нашелъ на меня какой-то болгаръ; сталъ я проситься, чтобы посадилъ меня на лошадь. Нѣтъ, поскудный, не далъ; въ поводу ведетъ, а всетаки не посадилъ, только ружье поднесъ немного. Скоро и онъ меня бросилъ — ужъ тутъ такъ мнѣ тяжело стало, хоть помереть; пить хочется страсть какъ, а воды ни капельки; жара печетъ, а ноги совсѣмъ не держатъ. Ужъ какъ я шелъ — и самъ не знаю, только вижу, наши казаки ѣдутъ какъ разъ наперерѣзъ; ну, собралъ послѣднія силы и пошелъ къ нимъ, дошелъ до дороги, а они прямо на меня поднимаются — ну, и взяли“

Между тѣмъ, въ тѣсномъ эскизагрскомъ ущельѣ, между объятими ужасомъ бѣглецами, происходилъ, въ это время, невообразимый хаосъ. Женщины, старики, дѣти, вьючныя лошади, скоть, повозки, ослы,

все перепуталось, тѣснилось, стараясь обогнать другъ друга, чтобы поскорѣе выбраться на равнину. Но одна упавшая лошадь, одна сломавшаяся телѣга — дѣлали дорогу непроходимую. Крики, плачь, ревъ животныхъ перемѣшивались съ гуломъ канонады и непрерывной трескотнею ружейныхъ выстрѣловъ. Дымъ отъ пожара и выстрѣловъ застилалъ воздухъ и ѣлъ глаза.

А тамъ, позади бѣглецовъ, въ центрѣ этого ада, маленькій отрядъ нашъ двигался молча и медленно, продолжая сдерживать бѣшеный натискъ тридцатитысячной арміи. Трудно пересчитать, сколько разъ каждая часть отважнаго отряда, отступая шагъ за шагомъ, останавливалась, бросалась въ штыки, обращала въ бѣгство непріятеля и снова выигрывала для себя и для бѣглецовъ лишнее время и лишнее пространство.

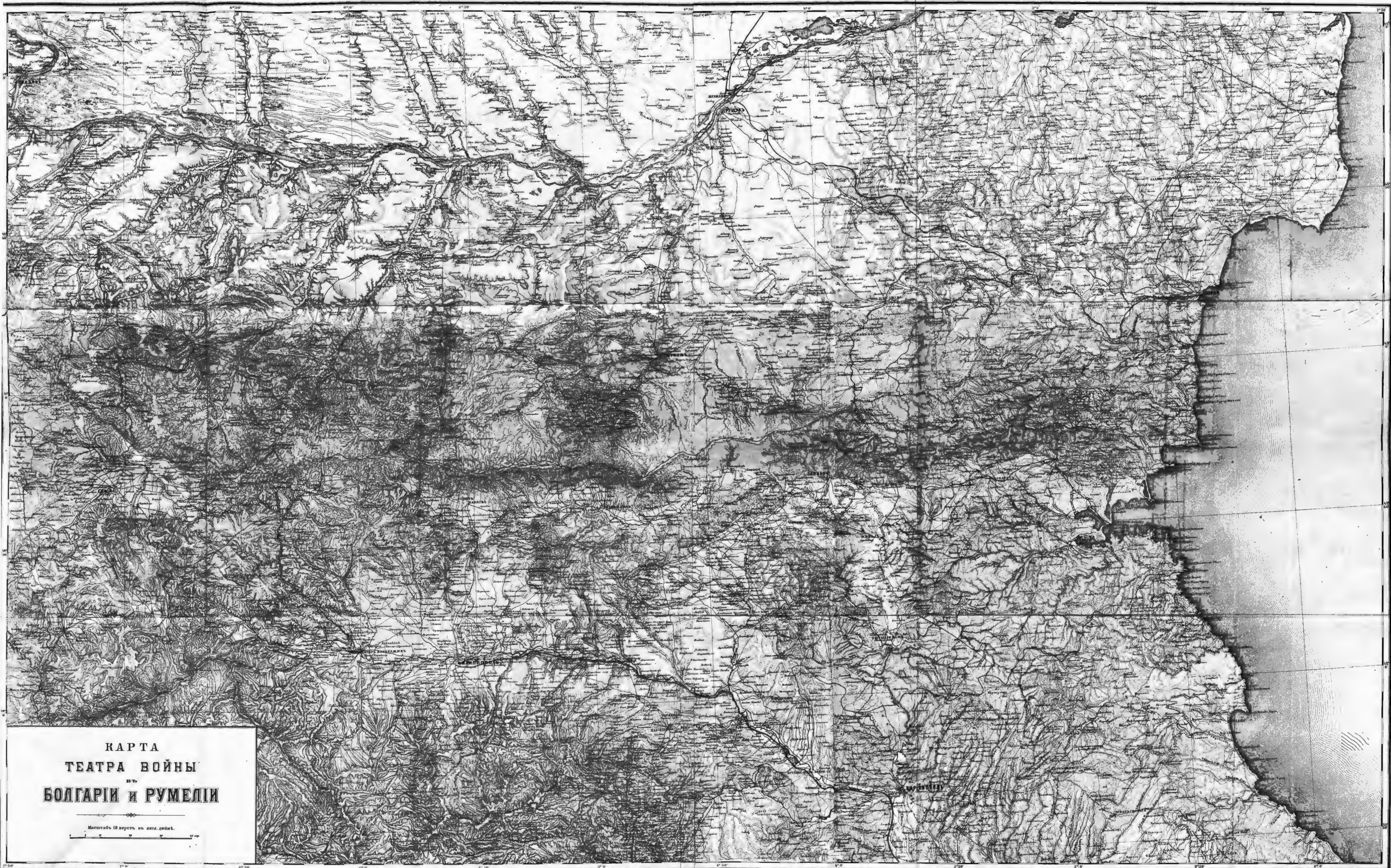
Благодаря геройскому самоотверженію и нечеловѣческимъ усиліямъ отряда, удерживавшаго турокъ въ продолженіи нѣсколькихъ часовъ, бѣглецы, наконецъ, вытянулись изъ ущелья на равнину и съ большими удобствами пошли къ Казанлыку. Отрядъ же, дождавшись удобнаго времени и оставивъ турокъ подъ Эски-Загрой, прошелъ, въ свою очередь, спокойно ущелье и расположился, наконецъ, на отдыхъ вдоль рѣки Тунджи, впереди Казанлыка.

Изъ 1,600 человѣкъ, составлявшихъ собственно болгарское ополченіе, не вернулось въ Казанлыкъ и половины; не менѣе 520 человѣкъ пали подъ Эски-Загрой, въ томъ числѣ около 20 русскихъ офицеровъ. Такъ дралась геройски болгарская дружина, — дралась такъ хорошо, какъ нельзя было и представить себѣ. Болѣе блистательнаго участія только-что сформированнаго болгарскаго ополченія въ настоящей войнѣ быть не могло и не можетъ.

Между тѣмъ то, что происходило въ Эски-Загрѣ по отступленіи геройскаго отряда, способно было омрачить самую законную радость русскихъ по поводу блистательнаго поведенія болгарскихъ дружинъ. Турки, по вступленіи своемъ въ Эски-Загру, были встрѣчены то тамъ, то сямъ ружейными выстрѣлами изъ оконъ домовъ, со стороны-ли дружинниковъ, оставшихся позади отряда и желавшихъ, по крайней мѣрѣ, дорого продать свою жизнь, или же со стороны неуспѣвшихъ еще бѣжать и доведенныхъ до отчаянія жителей... Турки, воспламененные фа-

Выездъ на позицію при Джуралы 16-ой конно-артиллерійской батареи.

КАРТА
ТЕАТРА ВОЙНЫ
в
БОЛГАРИИ И РУМЕЛИИ

Масштаб 10 верстъ къ авто. дѣлѣт.

ИЗДАТЕЛЬСТВО
САМОНОВА
1918

Составитель
Генералъ
В. В. Воеводъ

Издатель
Самонъ
1918

Составитель
Генералъ
В. В. Воеводъ

Издатель
Самонъ
1918

Примечаніе:
С...
В...
К...
Л...
М...
Н...
О...
П...
Р...
С...
Т...
У...
Ф...
Х...
Ц...
Ч...
Ш...
Щ...
Ъ...
Ы...
Э...
Ю...
Я...

Въ Венгеровскихъ слезахъ
издана: автографъ тиража...
В...
К...
Л...
М...
Н...
О...
П...
Р...
С...
Т...
У...
Ф...
Х...
Ц...
Ч...
Ш...
Щ...
Ъ...
Ы...
Э...
Ю...
Я...

Библиотека "Руниверс"

ревалъ былъ прочно соединенъ съ остальными нашими позиціями въ Болгаріи; изъ Габрова на Шибку немедленно проведена была, съ помощью болгаръ, новая торная дорога, прозванная болгарами „русскимъ царскимъ путемъ“.

Неожиданное и быстрое занятіе русскими Балканскихъ горъ и появленіе ихъ за Малыми Балканами привело турокъ въ страшное смущеніе. Не говоря уже о переполохѣ во дворцѣ султана и о смѣнахъ разныхъ министровъ въ Константинополѣ, въ рядахъ самой турецкой арміи появленіе русскихъ за Балканами, не смотря на успѣхи турокъ подъ Плевною, произвело если не деморализацію, то сильнѣйшее раздраженіе, также не совсѣмъ безвредное въ подобныхъ случаяхъ и бывшее, можетъ быть, одной изъ главныхъ причинъ такой безрасудной траты, со стороны того же Сулеймана-паши, „пушечнаго мяса“ подъ Шибкою, въ августѣ и сентябрѣ. Правда, послѣ турки гезерили; что ихъ главнокомандующій, Абдуль-Гезимъ-паша, нарочно заманивалъ русскихъ въ глубь страны, но за это заманиваніе они сами же тотчасъ удалили его въ отставку и предали суду. Сверхъ того, опасаясь быстрого движенія русскихъ за Балканы, турки должны были привлечь на балканскій театръ войны часть своихъ войскъ съ Кавказа—изъ Сухума и Батума и изъ Малой Азіи, чѣмъ значительно облегчили военныя операціи для нашей кавказской арміи, и, наконецъ, внезапно отозвали сюда же остатки своей полевой арміи съ границъ Черногоріи, что дало возможность самымъ вѣрнымъ нашимъ союзникамъ—храбрымъ черногорцамъ—достигнуть въ прошлую кампанію значительныхъ успѣховъ.

Занятія нами Балканскія горы доставили и болгарамъ вѣрную защиту отъ неистовства турецкихъ полчищъ. Съ переходомъ Шибки въ наши руки, мы овладѣвали, по прошествіи какихъ нибудь двухъ-трехъ недѣль со времени переправы черезъ Дунай, огромнымъ пространствомъ Болгаріи, заслоненнымъ отъ турецкихъ войскъ—съ юга Балканскими горами, съ востока—рѣкою Янтрой и съ запада—рѣкою Осмой. Внутри этого пространства все уже было наше, русское. Что происходило дальше, за предѣлами этого пространства, мы пока не знали; но внутри занятаго нами участка непріятельской страны скоро водворились полная безопасность и

спокойствіе. Во всѣхъ городахъ введено было русско-болгарское управленіе; повсюду разставлены были русскія войска, и каждый—русскій и болгаринъ,—могли проходить тутъ изъ города въ городъ, изъ деревни въ деревню, безъ всякой стражи или охраны, какъ у себя дома. Жители были окончательно освобождены отъ турецкаго произвола и отъ насилій баншбузуковъ. Вскорѣ сюда же начали стекаться отъ турецкаго изувѣрства и бѣглецы-болгары изъ незанятыхъ еще нами мѣстностей подъ несокрушимую защиту нашихъ доблестныхъ войскъ.

Достиженіе однихъ вышеупомянутыхъ результатовъ въ столь короткое время и при столь незначительныхъ средствахъ, какими располагалъ генералъ Гурко, наконецъ, съ такими ничтожными потерями сравнительно съ важностью дѣла, какія понесъ отрядъ за все время похода, требовало, во всякомъ случаѣ большой энергіи со стороны командира отряда и большой воинской доблести русскаго солдата. Сколько жаркихъ дѣлъ выдержано одно за другимъ, въ продолженіи какихъ нибудь 3-хъ недѣль и при какой гребной, опасной обстановкѣ происходило все это? Недаромъ забалканскій набѣгъ надѣдалъ въ свое время столько шуму.

Вообще, горячій освободительскій полкъ русскаго народа, составившій одно изъ самыхъ замѣчательныхъ и характеристическихъ явленій прошлой кампаніи, выразился, главнымъ образомъ, едва ли не въ дѣятельности передоваго отряда генерала Гурко. И потому воспоминанія о блестящихъ дѣлахъ и подвигахъ, совершенныхъ во время забалканскаго набѣга, безъ сомнѣнн, не умрутъ, какъ въ памяти участниковъ этого дѣла, такъ и въ исторіи.

Итакъ мы описали первыя дѣйствія русской арміи по переходѣ ея черезъ Дунай. Эти дѣйствія въ теченіи іюня и іюля мѣсяцевъ имѣли результатомъ взятіе крѣпости Никополя и забалканскій набѣгъ передоваго отряда. Неудача набѣга принудила насъ возвратиться за Балканы и напредъ всѣ усилія, чтобы удержать на собою Шибкинской проходъ, что было крайне необходимо въ виду двукратной неудачи нашей на правомъ флангѣ подъ Плевною. Поэтому оставимъ на время дѣйствія на Шибкѣ со времени прибытія арміи Сулеймана-паши, обратимся къ нашему правому флангу и опишемъ дѣйствія его со времени взятія Никополя.

